

Annotation

Продолжение истории «Один год жизни». Глория забывает смысл слова «целеустремленность», которое прежде определяло её судьбу. Именно благодаря этому слову она однажды вырвалась из провинциального городка, именно благодаря ему она вернулась обратно, именно благодаря ему она познакомилась с Мартином и именно благодаря ему с ней произошло то, что произошло... Целей больше нет. Ни одной... Восстановление Глории проходит тяжело и со временем выясняется, что никакого восстановления вовсе нет. Время, проведенное с Мартином, кажется туманной дымкой прошлой жизни, все связи с которой решительно оборваны... Но оборваны только со стороны Глории.

- - *

Anne Dar

Пролог

Глава 1. Долой

Глава 2. Франция

Глава 3. Германия. Штутгарт

Глава 4. Германия. Эрфурт. Первый день

Глава 5. Германия. Эрфурт. Простуда

Глава 6. Прощание с Германией

Глава 7. Голландия

Глава 8. Дания. Пляж

Глава 9. Дания. Сосед

Глава 10. Дания. Исповедь

Глава 11. Дания. Мир

Глава 12. Дания. Шторм

Глава 13. Переезд

Глава 14. Транзит

Глава 15. Австрия. Вена

Глава 16. Чехия. Прага

Глава 17. Польша. Вроцлав — Варшава

Глава 18. И что дальше?

Глава 19. Австралия. Встреча

Глава 20. Австралия. Откровенные разговоры

Глава 21. Австралия. Шок

Глава 22. Дорога домой

Глава 23. Дом, милый дом

Глава 24. Семейство Прайс. Знакомство с Джессикой

Глава 25. Мартовские дни

Глава 26. Ошибка

Глава 27. Привет из прошлого

Глава 28. Ничего не нужно

Глава 29. Новое старое знакомство

Глава 30. Всё тайное становится явным

Глава 31. Можно ли верить мужчинам?

Глава 32. Встреча

Глава 33. Разрывающие эмоции

Глава 34. Нечто большее, чем смысл

Глава 35. Жизнь, как дверь без ручки

Глава 36. Мартин — дядя

Глава 37. Отец и дочь

Глава 38. Давай не бросать друг друга

Глава 39. Жить после крушения

Глава 40. «Холосо»

Глава 41. Бессонная ночь

Глава 42. Кукла

Глава 43. Расфасовка боли по коробкам

Глава 44. Когда-нибудь нам станет легче

Глава 45. Роланд Олдридж. Соломинка

Глава 46. Роланд Олдридж. Даже притупившаяся боль остается болью

Глава 47. Всем счастья

Глава 48. Мэрилин Пасс

Глава 49. Новая подопечная

Глава 50. Винтажная обитель

Глава 51. Другая сторона медали

Глава 52. Подружки

Глава 53. Созревание плана

Глава 54. Добрый, заботливый, понимающий...

Глава 55. Активное утро

Глава 56. Вызов принят!

Глава 57. Гипервентиляционный синдром

Глава 58. Психотерапия

Глава 59. Начало

Глава 60. Что чувствуешь?

Глава 61. Три буквы

Глава 62. Секретная жизнь

Глава 63. Буду курить

Глава 64. С хорошими парнями не дружат

Глава 65. Паническая пробежка

Глава 66. Дочерняя компания

Глава 67. Отдать штурвал

Глава 68. Смотрины

Глава 69. Чат

Глава 70. Май

Глава 71. Сюрприз

Глава 72. Секретное возвращение

Глава 73. Тайный праздник

Глава 74. Воздержание

Глава 75. Новая жизнь новой семьи

Глава 76. Два месяца счастья

Глава 77. Первый раз

Глава 78. Впечатления

Глава 79. Брэндон

Глава 80. Свадьба. Дэвид-младший. Сохранение

Глава 81. Гласность

Глава 82. Последняя капля

Глава 83. Подполье

Глава 84. Забытый долг

Эпилог

notes1

2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23

•
○ *

Anne Dar

Пролог

— Значит, я должна пожелать Вам семь пунктов, которые обязательно должны сбыться. Как ловко я Вас провела? Теперь Ваша судьба в моих руках, — наигранно злорадно ухмыльнулась я. — Чувствую себя властительницей. Пожалуй, первые три пункта я пожелаю Вам с выгодой для себя... Гхм... Итак, мистер Роланд Олдридж, я желаю Вам: здоровья — чем дольше Вы проживете, тем больше я заработаю; понимания, чтобы Вы понимали окружающих и окружающие понимали Вас — зная себя, уверена, что этот дар Вам сильно пригодится; и еще желаю Вам терпения — на всякий случай, если я вдруг начну косячить, — с этими словами я ловко завязала три миниатюрных узелка на его запястье. — Теперь перейдем конкретно к Вам и Вашим желаниям. Желаю Вам любви — чтобы вы познакомили Мартина с его невесткой до его совершеннолетия; преданности — чтобы не ходили с разбитым сердцем и не разбивали сердца другим; успеха — чтобы не исчерпали своё богатство; и... Чего Вам еще пожелать?

— Пожелайте мне взаимности, — невозмутимо ответил Олдридж.

— Хорошо, последний узел будет узлом взаимности, — произнесла я и, завязав последний узел на его запястье, отстранилась. — Теперь у Вас либо всё будет хорошо, либо на Вас будет обыкновенная, красная нитка с моим именем, всякий раз глядя на которую Вы будете вспоминать о глупой няне, чьи заклинания не работают, — популярно объяснила сложившуюся ситуацию я, после чего, прикрывшись правой рукой, протяжно зевнула.

Глава 1. Долой

Меня контузило ударной волной боли, разлившейся по моему сознанию острыми осколками воспоминаний.

В день смерти Мартина домой из больницы меня кто-то привез, но кто именно и как я попала в машину, я до сих пор вспомнить не могу (скорее всего, это был Джордан). Мама думала, что я приехала за своим чемоданом, собранным накануне, поэтому вытащила его на порог, как вдруг мы встретились взглядами.

Первое время я просто не реагировала на внешний мир. Запершись в своей комнате и переодевшись в свою самую старую пижаму, я провела в кровати ровно пять дней. Я неподвижно лежала в позе эмбриона и рассматривала узоры на своей простыне, а когда моё тело начинало затекать — сползала на пол, чтобы сесть, облокотившись о раскладушку и, обняв колени, старалась как можно тише рыдать.

На похороны, состоявшиеся на следующий день, я не пошла, прокручивая в голове слова Мартина, которые он сказал мне незадолго перед своим уходом: «... Так что считай, что своим отсутствием на твоих похоронах я выражаю свою любовь...». Так в этот страшный день я выражала свою любовь к тому, кто разрешил мне её выразить подобным образом. Лежа в своей постели и представляя, как в данную секунду земля поглощает частичку моей

души, по моим щекам немо струились потоки воды. Ко дню похорон я вся изревелась, отчего теперь плакать было невероятно больно. Я засыпала и просыпалась в сырой постели, тщетно пытаюсь заткнуть источник сырости очередной тряпкой.

Первые двое суток я провела в абсолютном заточении, пока вода в графине, который мама передала мне в первый день, не закончилась. В последующие трое суток я выходила из своей темницы скорби всего четыре раза — чтобы сходить в туалет и параллельно взять яблоко, сэндвич или очередной графин с водой из рук караулящих меня родителей. Конечно, я должна была понять состояние отца и матери, денно и ночью обивающих порог моей спальни, но, почему-то, мне было на всё и на всех наплевать. Особенно на себя.

Я не отвечала на скромные стуки в дверь и на голоса, обращающиеся ко мне извне, предпочитая продолжать попытки вжаться в мелкий комок боли, для того чтобы закатиться под кровать, где больше никто бы и никогда не смог меня найти. На шестой день впервые в мою дверь раздался стук, не принадлежащий ни родителям, ни дедушке с бабушкой. Вслед за стуком послышался знакомый голос:

— Племяшка, открой... Слышишь?

Кажется, я слышала.

— Я здесь одна, кроме меня никого нет. Ты меня слышишь?

Кажется, я слышала.

— Если слышишь, подними мою любимую, свою пятую точку, подойди к двери ипусти меня.

Словно механически заведенная фигурка, я выполнила все действия, которые были мне продиктованы из-за двери. Я знала, что передо мной стоит Сэм. Знала это по голосу, по рыжим локонам, стекающим на знакомые округлые плечи... Но мне невыносимо тяжело было поднять свои заплаканные глаза хотя бы на дюйм выше того горизонта, который мои приоткрытые веки очертили себе, и посмотреть в лицо стоящему передо мной человеку. Саманта переступила через порог моей темницы, закрыла за собой дверь, наверняка затем, чтобы убедить меня в том, что не привела за собой хвост из наших многочисленных родственников, после чего крепко обняла моё онемевшее туловище. Она сделала это присущим ей резким движением, подтянув меня к себе за плечи, после чего отстранила моё качающееся тело, заставив сесть на край раскладушки.

— Что ты делаешь? — глухо поинтересовалась я, когда Сэм откатила от шкафа мой чемодан, с которым я собиралась поехать в Париж, и начала его разбирать.

— Двигаю тебя дальше.

— Дальше? Куда дальше? — бесцветным голосом спросила я, сама не понимая зачем, ведь мне было абсолютно безразлично.

— В жизнь.

Странно. Мне казалось, что дальше жизни нет. По крайней мере, я её не видела.

— У тебя есть сбережения? — заглянув мне в глаза, задала вопрос рыжеволосая, но я лишь спустя несколько секунд смогла уловить его смысловую нагрузку.

— С начала года я почти не потратила свои деньги...

— Замечательно. Я заключила на три месяца контракт с одним интернет-порталом. Суть сделки заключается в том, что я буду писать для них статьи об определенных городах с прилагающимися фотоотчетами, а они будут платить мне по сто пятьдесят долларов за одну мою статью. Одна неделя — одна статья. Главное в этом деле — это качество, а я его тебе гарантирую... Итого: шестьсот долларов в месяц. Не так уж и много для одного человека, которому предстоит колесить по миру, и тем более мало для двоих, поэтому хорошо, что у тебя есть сбережения...

Сэм заставила меня принять душ, после которого я, наконец, поняла, что она собирается увезти меня с собой. Я сидела на лестничной площадке наверху, в паре шагов от своей комнаты, и наблюдала за тем, как с моих мокрых волос срываются капли воды, летящие прямо на мою старую, бейсбольную футболку с номером тридцать семь. Затаив слабое дыхание, я прислушивалась к голосам, доносящимся снизу из столовой.

— Она не может просто так взять и уехать, — недовольно прошептала мама.

— Вы хотите, чтобы она продолжала торчать в своей комнатке? — спросил голос Сэм.

— Дорогая, боюсь, Саманта в чем-то права, — на выдохе произнес отец. — Но, Сэм, разве это не слишком радикальный метод?

— Не говори глупости, — отозвалась бабушка. — Чего в этом радикального? Сэм абсолютно права — Глория должна поехать с ней. Ничего ей торчать в этом городе. Я для того, собственно, Саманту и вызвала, чтобы она увезла девочку подальше отсюда. Я знаю, что это и ей, и нам поможет. Всё, тема закрыта. Если я сказала, что моя внучка уезжает, значит, она уезжает.

Я тихо встала со своего места и, подойдя к своей спальне, приоткрыла потертую дверь. Дорожная сумка была уже собрана. Я была согласна с бабушкой. Долой этот город... Долой меня из этого города.

Глава 2. Франция

С утра я впервые за прошедшие семь дней присоединилась к общему завтраку. Не смотря на то, что он был слишком ранним и двойняшки еще спали, родители и бабушка с дедом на нем присутствовали. В полном молчании проглотив мамин фирменный сэндвич, я переглянулась с Сэм, и мы молча встали из-за стола. Только на выходе из дома я остановилась, чтобы попрощаться с родными.

— Не забывай хорошо кушать, — обняв меня, умоляюще попросила мама, после чего взяла моё лицо в свои ладони. — И обязательно звони.

— А лучше отправляй нам фотографии. Хотя бы таким образом научишь маму пользоваться современными мессенджерами, — ухмыльнулся отец, после чего обнял меня и тихонько прошептал мне на ухо. — Только не теряйся...

— Сэм, заботься о ней, — слишком громко попросил дед, забывший с утра надеть свой слуховой аппарат.

— Да, пап, — также громко отозвалась Саманта, после чего я обняла дедушку.

— Дорогая, признаюсь тебе, что эта идея принадлежит мне, — прижав меня к себе, заговорчески проговорила бабушка. — Ты уж постарайся не возвращаться до тех пор, пока не захочешь вернуться. Пообещай бабушке.

— Обещаю.

Мы вышли из дома ровно в семь ноль пять и сели в уже ожидающее нас такси, после чего я натянула на глаза свою черную бейсболку, чтобы лишний раз не смотреть на улицы этого города.

•
○ *

Только в аэропорту я узнала, что пунктом нашего назначения является Орлеан. Естественно я была не в восторге от того, что мы летели именно во Францию, так как еще неделю назад я должна была отправиться в эту страну с другим составом, но у меня не было выбора — у Саманты была строгая карта с пунктами назначения, в которую я предпочла не вникать.

Я всё еще была оглушенной, поэтому совершенно не заметила получасового пребывания в очереди на регистрацию рейса. Еще раз перепроверив паспорта, билеты и деньги, мы напрямую направились на посадку — наш рейс должен был отправиться уже через двадцать минут. Мой первый в жизни эконом-класс и сразу же везение в виде места у окна. Пока Сэм углублялась в просмотр «Агентов А. Н. К. Л.», я замаскировалась наушниками и вдобавок притворилась спящей, натянув на глаза бейсболку, чтобы избежать возможных попыток напарницы наладить со мной диалог. В итоге я и вправду отключилась.

Орлеан оказался достаточно милостивым городком с мощеными улочками и достаточно дорогими номерами даже в двухзвездочных гостиницах. После того, как в трехзвездочном отеле цена за ночь составила тридцать долларов с человека, а в его побратиме не оказалось свободных мест, Сэм сделала шаг конем и спустя полчаса мы встретились с Амели — рослой, худощавой женщиной лет двадцати девяти — тридцати двух, волосы которой были выкрашены в черный цвет, немного режущий мои уставшие глаза. Саманта познакомилась с этой женщиной в прошлом году в Париже, когда помогла ей остановить карманного вора,

который едва не стащил у бедняги сумочку с документами. Амели была коренной местной жительницей, в то время как её муж был родом из Люксембурга. Он переехал сюда вместе с братом около десяти лет назад и уже три года как являлся владельцем одного из местных хостелов. Нам повезло сразу четыре раза: во-первых — Сэм вспомнила о том, что у нее есть знакомая из этого города, во-вторых — она всё-таки смогла найти в своей записной книжке её контактные данные, в-третьих — Амели оказалась женой владельца хостела и в-четвертых — у нее как раз был один свободный номер. Оказалось, что конец апреля и начало мая являются одними из самых туристических сезонов в Орлеане, так что найти дешевое место в этом городе в данное время года путешественникам всегда достаточно проблематично (с этого Сэм и начала свою первую статью).

Единственным свободным номером оказалась маленькая комнатка с двуспальной кроватью и небольшим шкафом. Амели предоставляла нам эти апартаменты в недельное пользование всего за пятьдесят долларов. Сначала я не поняла, чем именно мы обязаны подобной щедрости, но позже я узнала, что Сэм в своё время спасла не только паспорт женщины, но и её новые украшения на сумму в пять тысяч долларов.

- - *

Неделя для Орлеана — это слишком много. Мы осмотрели его с ног до головы за трое суток, оставшееся время тратя на повтор изученного. В последний день, когда Сэм принялась за написание обзорной статьи города, параллельно клекая фотоотчет из двух сотен фотографий, многие из которых были весьма искусно сделаны моей персоной, я, в который раз, отправилась в собор Сент-Круа, готический стиль которого завораживал своей мощью. Пробыв внутри этого величия до поздней ночи, с головой погрузившись в наблюдение за потоками туристов и изучение витражей, я вдруг вспомнила о том, что должна была вернуться к Саманте еще три часа назад, после чего поспешила в хостел, по пути купив дешевых булочек к ужину. Естественно Саманта попыталась выдавить из себя волнение по поводу моего длительного отсутствия, однако было кристально ясно, что она волновалась лишь за то, как именно читательская аудитория примет её статью.

- - *

Следующим пунктом назначения стал Дижон, в котором мы столкнулись со всеми прелестями дешевого туризма: трехсуточная ночевка в номере на десятерых, неоправданно завышенные цены в местных кафетериях (пришлось питаться фастфудом) и потоки китайцев с селфи-палками, одной из которых мне случайно зарядили по голове. Уже здесь я поняла, что мы не те туристы, которые могут позволить себе поход в музей за пятнадцать долларов и выше — мы те туристы, которые обожают бесплатно подслушивать экскурсии и любоваться архитектурными ценностями города.

Первая статья Сэм была воспринята публикой весьма положительно, поэтому вторую она написала на крыльях вдохновения, после чего никак не могла выбрать одну из полусотни фотографий собора Святого Венигна. Я же в это время лежала на втором этаже кровати и

смотрела в потолок, чтобы не смотреть на далеко не привлекательное тело турка, разгуливающего по комнате в одних трусах. Из-за неоправданно дорогих расценок, мы решили покинуть этот город прежде, чем успели бы обанкротиться, поэтому уже к концу четвертого дня мы оказались на улицах Страсбурга, по пути заехав в Монбельяр, Бельфор и Кольмар, чтобы написать общую статью о трех мелких городишках.

За следующие три дня Сэм состряпала две статьи под названиями «Провинциальные города — лучшее, что может случиться с бюджетным туристом» и «Крытые мосты & самое дешевое пиво Страсбурга». Конечно, самое дешевое пиво — это громко сказано, но сам факт того, что рыжебородый француз немецкого происхождения угостил нас далеко не самым вкусным пивом в моей практике, был приятен. Оказалось, что этот мужчина решил в течение недели угощать всех рыжих девушек, которые посетят его пивоварню, а так как в этом путешествии я была спутницей поцелованной солнцем Сэм, мне повезло попасть под бесплатную раздачу.

•
○ *

— То есть Вы — свободные путешественницы? — улыбнулся щербатыми зубами неприятный тип, без разрешения пересевший к нам с соседнего столика. К этому времени я уже успела убедиться в том, что знаменитый страсбургский пирог на самом деле является паштетом.

— Нет, — не скрывая своего далеко не дружелюбного настроения, отозвалась Саманта.

— Чего ты врешь? Я ведь недалеко сидел и всё слышал, — ухмыльнулся слегка подвыпивший мужчина, нагло перешедший на «ты».

— Мой муж не будет доволен, увидев за одним столиком со своей новоиспеченной супругой подвыпившего повесу, — убедительно сымпровизировала рыжеволосая.

— Почему ты всё время врешь? Нет у тебя никакого мужа. Вы здесь битый час уже сидите...

— Гарольд, дорогой! — неожиданно и очень громко прокричала Сэм в сторону шумной мужской компании, только что ввалившейся в кафе-бар, в котором мы уже «битый час» зависали. На зов Саманты сразу же обратил внимание высокий блондин, после чего непрошенный собеседник стушевался и начал ретироваться за свой столик.

— Вставай и иди за мной, — прошипела сквозь зубы Сэм, забирая со стола сдачу. — Гарольд!

Мы встали и направились в сторону шумной компании, под пристальным взглядом трех пьяных мужчин, один из которых еще несколько секунд назад навязчиво к нам приставал. Неожиданно Сэм подошла к обратившему на нас внимание парню, схватила его за галстук и, под восторженные возгласы его друзей, вытащила довольно улыбающегося блондина на улицу (это было не сложно, так как он стоял в шаге от выхода). Оказавшись снаружи, Сэм сделала быстрый реверанс в сторону «Гарольда», после чего поспешно бросила парню

громкое «спасибо», и, взяв меня за руку, быстрым шагом отправилась по узкой улочке, вымощенной старинной брусчаткой. Наконец опомнившись от произошедшего, парень весело прокричал нам в спины: «Tous mes rêves se réalisent!».

— Ва-а-ау, — выдала я в сторону Сэм.

— Есть еще порох в пороховницах, — сразу же засмеялась рыжеволосая.

— Что он сказал? — улыбнулась я.

— Не уверена, но вроде что-то типа: «Все мои мечты становятся реальностью».

Интересно, это круто, когда все твои мечты становятся реальностью? К концу вечера я пришла к выводу, что это далеко не круто. В своё время одно моё желание сбылось — я получила хорошо оплачиваемую работу и смогла обеспечить свою семью, временно оказавшуюся в затруднительном финансовом положении, но ничем хорошим это не закончилось.

•
○ *

Несмотря на неприятный инцидент в забегаловке, мы прогуляли по ночному Страсбургу до часа ночи, пока слипающиеся глаза и ноющие ноги не привели нас обратно в хостел. Хотя здесь и были предусмотрены отдельные номера для мужчин, и женщин, однако это совершенно не гарантировало приятный контингент соседей. На сей раз ими оказались англичанки лет двадцати пяти, напрочь лишённые чувства такта. Когда мы пришли, они уже вовсю плевались нецензурной бранью друг в друга и не собирались останавливаться лишь потому, что мы хотели спать. В итоге нам пришлось настаивать на спокойствии, прибегая к угрозам обратиться к администратору. Спустя пять минут они всё же выкатились в коридор, чтобы продолжить разборку, суть которой заключалась в пропавших ста долларах. В подобных ситуациях поневоле начинаешь беспокоиться о своих сбережениях, поэтому я решила, не раздеваясь лечь под пыльный плед, в обнимку со своим рюкзаком. В это сложно поверить, но склока продолжалась ещё три часа, пока Сэм не психанула и действительно не сходила на ресепшн. В итоге администратор выселил этих фурий, но скорее не за нарушение порядка, а за то, что они, приняв его за обыкновенного туриста, обложили беднягу трехслойным матом. Ещё минут десять Сэм на эмоциях рассказывала мне о том, как жалеет, что не прекратила это безобразие раньше. Я же, стаскивая с себя штаны, сдержанно с ней соглашалась, параллельно стараясь не заснуть на ходу. Под утро, когда в соседней комнате на максимальную громкость включился слащавый французский рэп, Сэм разъяренно вскочила с кровати и выбежала в коридор, после чего послышался резкий хлопок и всё стихло. Испугавшись, я резко села на кровати, как вдруг Сэм вернулась в комнату.

— Вставила диск в задницу, — многозначительно приподняла бровь Саманта и я поняла, что её слова недалеко от правды.

Около получаса я просто лежала на своём втором этаже, прислушиваясь к спутанному

выстукиванию пальцев Саманты по старой клавиатуре её нетбука. Так и не сумев снова заснуть, я спустилась вниз, приняла душ и посмотрела на часы.

— Только половина седьмого, — выдохнула я, осознав, что в сумме проспала не больше трех часов.

— Отличное время для того, чтобы свалить отсюда, — констатировала Сэм.

Уже через час мы стояли напротив зачуханного здания с отбитой бежевой штукатуркой. Я даже заранее успела разочароваться, но, к моему великому удивлению, внутри хостел оказался лучше предыдущего, хотя и пришлось переплатить за одного человека на пять долларов больше. Наскоро позавтракав синнабоном[1] с крепким черным чаем, мы легли по своим койко-местам и отключились на три часа. С самого начала мы определились, что Сэм спит на первом этаже, в то время как я занимаю второй, что мне очень даже нравилось, так как благодаря этому я могла себе позволить хоть какое-то подобие уединения.

На фоне специфических событий прошедших суток, я вдруг поняла, что не испытываю сильных эмоций: я не боялась щербатого парня из забегаловки и его пьяной компании; мне не хотелось заткнуть громким словом сварливых девиц, мешавших мне выспаться; мой организм не реагировал резкими телодвижениями на звуки французского рэпа... Я чувствовала себя оглушенной. Словно по моей голове врезали мешком с мукой, который, от невероятной силы удара, разорвался и засыпал своим содержимым мои перепонки. Зато, потеряв навык вслушиваться в мир вокруг себя, я обрела навык всматриваться в него.

•
○ *

Я проснулась ровно в одиннадцать, от женского смеха под своей кроватью. Перегнувшись через перила, я увидела рыжеволосую, в компании какой-то женщины лет тридцати пяти, которая явно отличалась живой натурой и любовью к бурлящим диалогам. Подобное обычно редко встретишь, так как бурлящим диалогам женщины зачастую предпочитают самоотверженные монологи в собственном исполнении. Моника оказалась дважды разведенной стюардессой, приехавшей в Страсбург на пятнадцатый день рождения сына, с которым, не смотря на скверные отношения с первым мужем, она отлично ладила.

Так как наш план по статьям для интернет-ресурса был перевыполнен, а по соборам и знаменитым крытым мостам нам больше не хотелось бродить, мы решили, в компании новой подруги, отправиться на причал речных трамвайчиков. Воспользовавшись Бато-Муш[2], мы выполнили часовую прогулку по Иль[3], повторно увидев уже знакомые достопримечательности с другого ракурса. Позже Моника познакомила нас со своим знакомым местным булочником, который благородно угостил нас профитроли[4], и заставила раскошелиться на посещение музея шоколада, который не произвел на меня сильного впечатления, как на моих спутниц.

— Такая молодая и такая... — начала Моника, глядя на меня оценивающим взглядом голубых глаз, но вдруг замолчала.

— Какая? — поинтересовалась я, вытирая черным хлебом остатки кетчупа с пластмассовой тарелки. После того, как Моника и Сэм вслух спели мне неизвестный куплет неизвестной мне песни, мы оказались на просторной, мощеной улице, за круглым, барным столом, и сейчас доедали дешевые хот-доги. Вокруг нас горело множество фонарей, мерцали гирлянды и откуда-то издалека доносились звуки заводных уличных танцев.

— Придавленная, — наконец тяжело выдохнула Моника.

В точку. Я чувствовала себя «придавленной», если не раздавленной напрочь.

— Такой чудесный вечер! — подняв руки над головой, внезапно воскликнула кудрявая блондинка, явно желая замять тему моей «придавленности». — Не хотите танцевать?

Уже спустя пять минут мы нашли источник музыки — танцплощадка под открытым небом располагалась на соседней улице. Выпив что-то алкогольное, я, вместе с Сэм и Моникой, выпрыгивала какие-то нереальные местные танцы, держась руками за лямки висящего у меня на плечах рюкзака. Спустя пятнадцать минут, опрокинув в себя дополнительную порцию неизвестного мне, сильно алкогольного напитка, которым угостил меня мой новый знакомый, имя которого я никак не могла выговорить, танцы стали еще более жаркими. Мы прыгали под звездным небом, кричали какие-то французские слова, глупо хихикали и подпевали неизвестному мотиву. Тот факт, что я не хотела быть «придавленной», не делал меня целее. Боль... Боль... Боль... В середине бурлящего танца я вдруг остановилась, из-за чего мой случайный знакомый врезался мне в левый бок. Замерев на месте, я совершенно не обращала внимания на пьяноватого мужчину, который на ломаном английском пытался узнать, что со мной произошло. Просто я не могла ему рассказать, что со мной произошло. Никому не могла.

Спустя несколько секунд прямо передо мной возникло лицо Сэм, и мой опустошенный взгляд непроизвольно пересекся с её огромными, голубыми глазами. Взяв меня за руку, Саманта вывела моё тело из бурлящей толпы, и мы вернулись в хостел.

Глава 3. Германия. Штутгарт

В Штутгарте мы оказались спустя неделю. За это время Страсбург настолько нам приелся, что когда мы покинули его, мне захотелось запостить в твиттер слова «Наконец-то свершилось», но у меня не было аккаунта в твиттере. За всё то время, что мы провели во Франции, я всего трижды позвонила домой, но так и не смогла поговорить с родными дольше, чем по пять минут за раз.

— Думаешь, это плохо? То, что потерю Мартина я переживаю острее, чем потерю Дэниела и Линды? — бесцветным голосом спросила я у Саманты.

— Ты преувеличиваешь. Не вини себя за то, что тебе не подвластно. Ты очень переживала из-за смерти Дэниела и Линды. Я это помню, просто ты забыла... Прошло уже почти семь лет — время точит видение нашей изначальной боли и притупляет её остатки в настоящем. Также будет и с твоей нынешней болью... Не забывай, что потерю Дэниела и Линды

пережила не ты — пережила вся наша семья. Потерю же Мартина ты переживаешь в абсолютном одиночестве. Это сложнее... Тем более он был маленьким мальчиком, умершим у тебя на руках... Гхм... Не вини себя в том, что в одиночку переживать боль сложнее, чем если разделить её с кем-то, но и не забывай о том, что у тебя есть группа поддержки.

Первое время, из-за чувства отупевшего горя, я не ощущала зияющую дыру где-то в глубине своей порванной души, но уже спустя месяц я почувствовала всю её мощь. Раньше я не чувствовала её лишь потому, что она была больше размеров моего естества, сейчас же её пульс начал ощущаться оттого, что она сжалась до размеров шаровой молнии и вдруг принялась разрывать мои легкие изнутри. Возможно ли это назвать притуплением горя? Наверяд ли. Но то, что это было результатом обработки моей души временем, я не подвергала сомнению.

В Штутгарте мы провели две недели и решились уехать из него лишь потому, что три дня подряд лил сильный дождь, а синоптики, на ближайшие дни, ничего хорошего не предвещали. Этот город показался мне более интересным, нежели его предшественники, однако он был и более дорогим. Почти вся суточная часть финансов сразу же уходила на проживание в хостеле, расположенном на окраине города, поэтому перед переездом в Эрфурт Сэм решила заранее воспользоваться прелестями каучсерфинга[5]. На мой вопрос, почему она раньше не вспомнила о столь полезной штуке, я получила достаточно внятный ответ в виде: «Не знаю. Тупанула».

— Да-а-а... Тухленько как-то, — протянула Саманта, отставив ноутбук в сторону.

— Что там? — спросила я, переводя на нее взгляд с потоков воды, стекающих по широкому окну.

— Вот, иди сама посмотри... Бабушка-одуванчик предоставляет зачуханную комнатку с тараканами, в обмен на помощь с трехразовой прогулкой её пяти собак. Еще есть какой-то извращенец, который согласен предоставить комнату в обмен на интимный рассказ. Интересно, чего сверхъестественного он хочет услышать? Есть, конечно, неплохой вариант с семейной парой, но они живут в двадцати двух километрах от Эрфурта.

Я села на кровать, отдав своё место у окна Саманте. Мельком просмотрев все три варианта, я поняла, что бабушка с зачуханной комнаткой и пятью собаками — лучшее, что у нас есть.

— Как-то не густо, — пробурчала я себе под нос, когда Сэм потянулась за своим полотенцем, после чего я повторно обновила страницу. — Подожди, а как тебе вот этот вариант?

— Что там? — нагнувшись ко мне, посмотрела в монитор рыжеволосая. — Это объявление совершенно новое — добавлено минуту назад, видишь? Тайлер Купер, двадцать четыре года, место рождения... Парень наш земляк — он родился в соседнем городке, в котором жила Джудит Фейн, более известная нам как лжебабушка двойняшек. Это уже интересно, — прищурившись, ухмыльнулась Сэм. — И как только его в Эрфурт занесло? Так-так-так... Сдаст комнату кому-нибудь из Британии. Мы ведь британки, верно? Погоди-ка... Его

месторасположение рядом с Петербург. Восторг! Парнишка сдает комнату в центре города в обмен на банальное общение. Пару часов общения мы ведь сможем ему организовать, не так ли? Ладно, я в душ, а ты отпиши ему, узнай, что и как...

«Добрый день. Меня зовут Глория Пейдж, мне двадцать три года и я ищу крышу над головой на одну-две недели (для себя и своей сестры). Так получилось, что мы не только британки — мы еще и Ваши земляки. Я родилась и выросла в *** — это сосед города, в котором родились Вы. Думаю, пару часов в сутки для общения с Вами у нас точно найдется.

Отпишитесь, если заинтересованы.

С уважением, Г. П.»

Отправив наскоро набросанное сообщение и проверив прогноз погоды на вечер, я уже хотела закрывать ноутбук, как вдруг раздался пронзительный клик — знак того, что мне ответили.

«Добрый день. Очень здорово, что на мой запрос откликнулись лишь спустя пять минут после того, как я его подал))) Даже не ожидал, если честно. Круто, что вы являетесь моими земляками — нам точно будет о чем поболтать. Только для начала было бы неплохо получить Ваше фото или фото Вашей сестры.»

— Сэ-э-эм... Он откликнулся, — прокричала я, но не получила ответа, из-за чего мне пришлось подойти вплотную к двери душевой. — Сэм, слышишь? Он ответил.

— Кто? — перекрикивая воду, поинтересовалась рыжая, внезапно растерявшая всю свою хваленую догадливость.

— Тайлер Купер.

— И что говорит?

— Просит фото. Почему у тебя в аккаунте нет ни одной?

— Блин... Я не помню, где именно лежит папка с моими фотками.

— Я возьму с фотоаппарата?

— Поздно — я уже всё удалила.

— Ну тогда я сейчас тебя сфоткаю.

— Боюсь, что парнишка откинется от вида моего обнаженного тела. Я выйду только через минут пятнадцать, так что сфоткай-ка лучше себя.

Раньше я бы передразнила свою тётку или запротестовала бы ей в ответ, но сейчас мне было абсолютно всё равно. Я готова была следовать любой её инструкции, чтобы хоть как-то изображать попытку «жить дальше».

Встав напротив окна и переложив волосы на левой бок, я вытянула руку, чтобы сделать селфи. Щелчок — сделано, еще щелчок и отправлено. Я даже не пыталась перепроверить качество фотографии или привлекательность лица на ней. Плохо. Нужно было бы перепроверить. Так делают все девушки, которые по-настоящему живут, а не притворяются...

Отправив фото, я решила посмотреть аккаунт собеседника. Всего три фотографии, на которых черноволосый парень, подстриженный под полубокс, позирует с гантелей, на велосипеде и с огромным далматинцем.

— Круто. Очень красивая (только не растолкуй мои слова превратно). Когда ждать вас с сестрой на заселение?

— Сэ-э-эм... Когда мы поедem в Эрфурт?! — прокричала свой вопрос я и, не получив ответа, безразлично написала:

— Завтра?

— Ок. В какой половине дня?

— Еще не знаю.

— Собственно не имеет значения — завтра я весь день буду дома. Лови адрес — ***.

— Хорошо, спасибо.

— До встречи.

— До встречи.

Глава 4. Германия. Эрфурт. Первый день

Над всей Германией завис огромный циклон, так что смена города нам ничем не помогла. Вот смена страны могла бы поправить это беспросветное уныние, только нам еще было рано менять страну.

Таксист, совершенно не понимающий по-английски, случайно высадил нас напротив дома под номером один, а не одиннадцать, и в итоге мы промокли до нитки, пока добежали до нужного дома. Когда Тайлер Купер открыл нам дверь своей квартиры, которая располагалась на первом этаже, я даже не посмотрела на него, будучи занятой выжиманием края своей куртки, с которой стекал поток холодной воды. Парень спустился по короткой лестнице, чтобы помочь нам поднять наши сумки, но и тогда я не обратила на него никакого внимания, пытаясь вытереть лицо от потоков воды, стекающих по капюшону моей насквозь промокшей ветровки.

Поднявшись по лестнице, мы зашли в квартиру и я сразу же начала стаскивать с себя куртку, и чавкающие от сырости кроссовки, совершенно обделяя вниманием хозяина, который унес

наши сумки в неизвестном направлении. Уже ожидая его в коридоре, мы начали разбирать промокшие волосы, смотрясь в зеркало шкафа, в тщетной попытке придать им хоть какой-нибудь объем.

— Итак, давайте знакомиться, — предложил внезапно возникший перед нами парень. — Я Тайлер Купер. Можно просто Тай.

— Я Саманта. Можно просто Сэм, — бодро отозвалась Сэм, пожав руку нового знакомого.

— Глория, — сдержанно ответила я, всё же стараясь изобразить «нормальную человеческую приветливость», после чего отметила, что рука Тайлера буквально вскипает от тепла.

— Что ж, пойдёмте, я покажу вам ваши комнаты.

— Комнаты?! — радостно удивилась Сэм.

— Да, я подавал заявку на одного человека, но Глория сказала, что вас будет двое и я решил, что одна из вас может спать в спальне моего младшего брата.

— А твой брат не будет против?

— Родители три дня назад переехали.

— Переехали? — ухмыльнулась Сэм. — Что-то непохоже.

— Ты про вещи? Просто они переехали в Варшаву, а так как у отчима неплохо идут дела, он может себе позволить обзавестись новой мебелью на месте. Я ещё не определился с местом жительства, так что решил пока остаться за охранника. Через пару месяцев думаю выставлять квартиру на продажу и тоже куда-нибудь сваливать.

Мы осмотрели все комнаты — мебели и вправду было слишком много, как для квартиры, из которой выехали: в гостиной стоял кожаный мягкий уголок, стеклянный стол и деревянная стена с телевизором; на маленькой кухне была вся крупная и мелкая бытовая техника, небольшой квадратный столик и тройка стульев; в ванной, отделанной темно-шоколадной плиткой, стояла новая стиральная машинка. Только небольшая столовая полностью пустовала, если не считать серого ковра под ногами и глиняной вазы в дальнем углу. В комнате, предназначенной для меня, стояла новая полутораспальная кровать, неплохой двухстворчатый шкаф и маленький журнальный столик. В комнате же Сэм находился небольшой диванчик и огромный комод с зеркалом. Спальня Тайлера располагалась в другом конце квартиры и в ней не было ничего, кроме двуспальной кровати, шкафа и маникюрного туалетного столика, который, по-видимому, принадлежал предыдущей хозяйке комнаты.

Пока Сэм принимала душ, я раскладывала свои вещи в шкаф, так как, по словам рыжеволосой, мы планировали задержаться здесь минимум на две недели. Два десятка моих носков и обе пижамы отсырели от лежания на самом верху моей дорожной сумки. Пришлось минут десять всё это дело аккуратно развешивать по плечикам в шкафу. Когда же я

покончила с расфасовыванием сырости по углам, Сэм как раз зашла в мою комнату.

Наконец приняв горячий душ, я запрыгнула в мешковатые черные штаны и, надев хлопковую майку, застегнулась в черной толстовке. Всю эту черноту сглаживали только салатовые носки, которые я одолжила у рыжей, по причине сырости всех своих. Так как наш фен перегорел еще в Штутгарте, а Тайлер, как выяснилось, не страдал любовью к подобным вещам, мне пришлось тщательно протирать волосы влажным полотенцем, что почти не помогло. В итоге я сидела на кухне с сырыми волосами, с которых скатывались серебристые капельки воды, и пыталась не думать о том, как же всё-таки в этой квартире холодно. Сидящая слева от меня Сэм, что-то весело обсуждала с нашим новым знакомым, расположившимся за столом напротив нее. Я же предпочла отодвинуть свой стул на шаг от стола, чтобы иметь возможность в любой момент отстраниться от происходящего. Вцепившись руками в горячую чашку молока с корицей, я тщетно пыталась согреться, битых пять минут смотря на кончик своего большого пальца на правой ноге, облаченного в салатовый носок, и совершенно не о чем не думая.

— Эй, — вдруг дотронулась до моего плеча Сэм. — Правда?

— Да, — выйдя из транса, тут же отозвалась я, неуверенно пытаюсь поддержать диалог, но, по-видимому, ответила что-то невпопад.

— С тобой всё в порядке? — приподняв правую бровь, поинтересовалась Саманта.

— Да.

— Снова «да». Сначала ты дала положительный ответ на то, что с тобой что-то не так, потом ответила, что с тобой всё в порядке...

— Нет. В смысле да, со мной всё в порядке. Просто задумалась. И устала. Можно я пойду спать?

— Но еще только восемь часов.

— Эмм... Я устала, — повторившись, попыталась оправдаться я, после чего залпом выпила оставшееся молоко. — Можно?

— Да, конечно, — растерянно отозвался Тайлер, после чего я поставила свою чашку на раковину и отправилась в спальню.

Так как наши пижамы отсырели, мне пришлось одевать обычную футболку и молниеносно запрыгивать под одеяло, желая побыстрее согреться. За окном гремел ливень, не оставляя надежды на тихую ночь. Чтобы унять дрожь, я скрутилась в калачик и начала рассматривать узор пододеяльника, как прежде делала это дома. Я забыла задернуть шторы, поэтому комната сейчас была освещена густой пеленой сырости, через которую я могла наблюдать за такими мелочами, как узоры на пододеяльнике, или рассматривать свои отросшие ногти... Спустя какое-то время я вдруг неожиданно поняла, что плачу. С тех пор, как мы уехали из

Англии, я ни разу не заплакала, поэтому сейчас для меня мои слезы были какими-то предательскими. Зарывшись под одеяло с головой, словно желая спрятаться от самой себя, я постепенно заснула.

Глава 5. Германия. Эрфурт. Простуда

Проснувшись в девять утра, я удивилась тому, что умудрилась проспать беспробудным сном почти тринадцать часов. За окном до сих пор, или снова, лил дождь и в комнате всё еще было невыносимо холодно. Надев на себя желтые носки, которые этой зимой связала для меня бабушка, сделав дубликаты для Роланда и Мартина, я вдруг почувствовала себя частью сломанной мозаики, поэтому, недолго думая, стащила с себя тяжелый комок воспоминаний. Решив остаться в той же одежде, в которой была вчера, я вышла из своей комнаты в соседнюю и обнаружила свою тетку еще спящей.

— Сэм, ты что, еще спишь? — удивилась я, сев на корточки напротив Саманты. Обычно в такое время мы уже давно были на ногах.

— Я вчера до трех часов ночи рассказывала Тайлеру о прелестях запеканки твоей матери и магнитных вспышках на солнце, а так как за окном всё еще не распогодилось и нам некуда идти — я просплю еще минимум три часа...

— Ладно, — только и смогла выдавить я, после чего отправилась на кухню, стараясь передвигаться как можно более тихо. Я еще никогда не оставалась одна посреди чужой кухни (кухня в домике Мартина не в счет), отчего даже ревуший желудок не позволял мне пошарить по чужому холодильнику. Встав напротив окна, я начала наблюдать за тем, как капли дождя стекают по бархатным листьям сирени, прислонившейся к стеклу. Не знаю, как долго я так простояла.

— Доброе утро, — послышался приглушенный голос за моей спиной, от которого по моему телу пробежала морось.

— Доброе утро, — обернувшись, отозвалась я. Тайлер стоял в дверном проеме и сонно подтягивался. — Я думала, что Вы еще проспите минимум три часа.

— Только не обращай ко мне на Вы — это сильно режет слух, с учетом того, что я всего на полгода старше тебя.

— Разве?

— Да. Мы это вчера с твоей сестрой выяснили. Так почему я, по твоей логике, должен был спать сегодня до обеда? — поинтересовался парень, подойдя к холодильнику.

— Ты вчера проговорил с Сэм допоздна, и она изъявила желание проспать сегодня еще минимум три часа.

— Просто твоя сестра отличная собеседница и крупная соня. Позавтракаем?

Я не отказалась ни от трех закрытых бутербродов из хрустящих булочек, ни от пяти чашек чая, ни от шоколадного маффина. Мой аппетит буквально прорвало, так как за прошедшие пару суток я почти ничего не съела.

— Значит, ты часто переезжал? — без особого энтузиазма поддерживала диалог я, лишь потому, что передо мной сидел неплохой парень, совершенно бесплатно предоставляющий нам свою квартиру и пищу, а не потому, что мне действительно хотелось разговаривать. И потом, тот факт, что в основном мне приходилось молча слушать, меня вполне устраивал.

Только сейчас я по-настоящему обратила своё внимание на нового знакомого и не потому, что он сидел напротив меня, а потому, что было попросту неприлично не изучить внешность того, с кем собираешься прожить под одной крышей ближайшие полмесяца. Он был на полтора дюйма выше меня, обладал точеными чертами лица и глубокими черными глазами, от которых даже мурашки по коже пробегали (ну или они пробегали из-за прохлады в комнате). У Тайлера были красиво очерченные губы с приподнятыми уголками, а нос был образцовых римских пропорций. По его накаченным мышцам было件нятно, что он является преданным приверженцем спорта, однако он был далеко не крупного, скорее даже мелковатого телосложения. Можно было утверждать, что у этого парня была весьма запоминающаяся внешность, однако до эталона мужской красоты ему было далековато — по крайней мере, по моим меркам.

За следующие полчаса я узнала, что Тайлер до десяти лет жил в соседнем от моего городе, но потом его родители разошлись, и ему пришлось сменить не только город, но и страну. Его отец восемь лет назад переехал в мой город, а его мать, сразу после развода, переехала в Эрфурт, где и познакомилась с его нынешним отчимом, от которого позже родила второго сына. Сейчас младшему брату Тайлера двенадцать лет и он пытается обосноваться в одной из лучших Варшавских гимназий, пока их родители занимаются продвижением семейного бизнеса (продают сантехнику и, судя по всему, весьма неплохо на этом зарабатывают). Со своим биологическим отцом Тайлер созванивается один раз в год на Рождество и больше с ним связей не поддерживает, хотя тот был бы и не против. Кажется, парень не желал близкого общения с отцом из-за затаенной на него, неведомой мне, детской обиды.

Следующие десять минут я самоотверженно пыталась вспомнить владельца имени Фред Купер и уже была убеждена в том, что определенно не знаю отца Тайлера, пока парень не обмолвился, что его отец занимает должность местного шерифа. В моё сознание резко ворвался образ пожилого, черноволосого мужчины, с пышными усами под носом и легкой хромотой на левую ногу.

Следующие пять минут я конвульсивно выдавала звуки, которые должны были рассказать обо мне, но скорее просто напрочь убивали мой образ:

— Эммм... Я всю жизнь прожила в своём городке... Хотя нет, я еще жила в Лондоне. Хотела стать терапевтом, отучилась почти четыре года, но... Тогда не сложилось, а теперь не хочу... Решила путешествовать со своей... Сестрой.

Это всё, что я смогла выдать о себе, параллельно умудрившись не задеть какую-нибудь

дрожащую нить боли в моем нутре. Я определенно выглядела глупо, но мне было наплевать. В последнее время, мне было наплевать не только на то, что именно окружающие хотят от меня услышать, но и на то, что они обо мне могут подумать.

Я и вправду не хотела восстанавливаться в университете, чтобы в итоге стать квалифицированным терапевтом. Обычно, после подобной жизненной катастрофы, которая произошла со мной чуть больше месяца назад, люди наоборот рвутся стать каким-нибудь врачом, чтобы помогать беднякам, попавшим в похожую ситуацию... Я же напротив теперь хотела отстраниться от всего, что хоть как-то могло быть связано с местом, где людей зачастую оставляют наедине со своей болью. Никаких больниц, поликлиник, терапевтов... Кем быть дальше? На данном этапе своей жизни, для меня просто быть — это уже достижение.

•

○ *

Телевизор транслировал сплошные немецкоговорящие каналы, что сильно резало слух, поэтому мы перешли на игру в нарды. Пока я кидала кости, Тайлер что-то рассказывал об Эрфурте, о своем законченном обучении в Берлине и неутешительном прогнозе погоды. Парень был явно из любящих поговорить, а я была из тех, кто предпочитает слушать (карты сошлись), но спустя два часа беспросветного монолога обеим сторонам стало скучно. Ситуацию, как обычно, спасла Сэм. Втроем мы сыграли в «Пандемию», «Билет на поезд» и пару раз в «Джин-Рамми», после чего я отстранилась, предпочтя наблюдать за игрой, а не участвовать в ней. Сэм с легкостью обыгрывала нас, поэтому я решила вовремя сдаться, когда Тайлер напротив вошел в азарт и трижды сыграл с рыжеволосой в «Цитадели», пока, наконец, не обыграл соперницу. В середине третьей партии я обнаружила повесившуюся мышь в холодильнике и, пошарив по онлайн-карте города, обнаружила, что рядом с нами расположился супермаркет «REWE». Решив не дожидаться окончания партии, которое должно было состояться минимум через полчаса, я тихо собралась (благо кроссовки, и куртка к этому времени уже успели высохнуть) и отправилась в магазин, сообщив о своем решении лишь после того, как перешагнула через порог. Откровенно говоря, мне просто не хотелось давать этим двоим шанса уцепиться за мной, так как к вечеру я уже успела устать от шумной компании, которую они из себя представляли.

Дождь закончился примерно полчаса назад и, отметив шесть часов на мобильном, я подняла голову вверх, чтобы убедиться в том, что вода и вправду остановилась. На улице было до жути прохладно, так что я весьма скоро пожалела о том, что забыла надеть бейсболку и, спрятав волосы под капюшон, быстрым шагом отправилась по карте у себя в голове. В принципе, заблудиться было нереально, так как до пункта назначения было едва ли больше пятисот метров. Оказавшись в огромном помещении с голубоватой подсветкой неоновых ламп, я вдруг с облегчением выдохнула. Здесь никто меня не знал и я могла спокойно разгуливать вдоль широких прилавков, совершенно не переживая о том, что кто-то меня окликнет и выведет из транса лишь для того, чтобы поинтересоваться моим самочувствием. Я рассматривала неизвестные мне сокодержательные напитки, сладости и молочные продукты, пытаясь прочесть замысловатые название каждой заинтересовавшей меня

диковинки. Медленно передвигая ногами, я лежала в корзинку всё то, что хотела попробовать, впервые за всю поездку совершенно не обращая внимание на цены, потому как считала, что мы должны Тайлеру минимум сто долларов за проживание в течение грядущих двух недель, а так как он деньги не брал, я просто обязана была разориться на продукты. Прошло около получаса с момента моего прихода в REWE, когда я оказалась в ста метрах от кассы с полной корзиной в руках. Остановившись напротив очередной стойки, я начала рассматривать разнообразные сухарики, чипсы и попкорн, внимательно вчитываясь в неизвестные мне названия. Уже через пять минут, держа в руках чипсы «Pringles», я пыталась понять, хочу ли я их настолько, чтобы разориться на пару евро. Я так глубоко ушла в размышления о своем «желании-нежелании», что совершенно не заметила появившихся передо мной Саманты с Тайлером. В итоге парень буквально выдернул у меня из рук корзину с продуктами, взял три упаковки рассматриваемых мной чипсов и мы отправились к кассе, где он же и расплатился за покупки. Конечно, это был жест доброй воли, который мы с Сэм не могли не оценить, однако лучше бы я сама расплатилась. Уже после того, как мы вышли из супермаркета, я поняла, что мне очень неприятно. Из добрых побуждений, этот парень словно влез в моё личное пространство, которого и так оставалось у меня не много.

Домой я шла, словно сжатая пружина, готовящаяся вот-вот выстрелить. Лишь зайдя в квартиру и расстегнув дрожащими руками куртку, я поняла, что меня знобит.

— Выглядишь как-то не очень, — заметила Саманта, вешая свою куртку в шкаф.

— Бледна как мел, — подтвердил Тайлер. — Всё в порядке?

— Никому не холодно? — поинтересовалась я, явно дрожащим голосом.

— Вообще-то в квартире достаточно тепло, — ответила стоящая передо мной в одной футболке Сэм. — А ты укуталась в толстовку... Погоди-ка, — вдруг притронулась к моему лбу рыжеволосая, — да тебя знобит!

— Похоже...

— Тайлер, у тебя есть градусник?

Пока они отправились на поиски аптечки, я зашла в туалет, решив не закрываться на замок, так как чувствовала я себя откровенно паршиво. Еле как опорожнившись, я натянула на себя штаны и внезапно осознала, что нахожусь в предобморочном состоянии. Отойдя подальше от унитаза и медленно опустившись на четвереньки, я легла на пол под раковину так, чтобы входная дверь не врезала мне по башне, если кто-то вдруг снова захочет нарушить моё личное пространство. Переведя взгляд с нависающей надо мной раковины, я начала рассматривать стены из шоколадного кафеля. Почему в своем большинстве ванные комнаты делают в светлых тонах? Это, наверное, потому, что в ванную обычно не проникает дневной свет...

Я размышляла о том, как же удачно было придумано — обложить ванную комнату матовым кафелем темно-шоколадного цвета, когда вдруг смутно начала понимать, что постепенно

проваливаюсь в темноту.

Глава 6. Прощание с Германией

Я очнулась на кровати в момент, когда Сэм вытаскивала градусник из-под моей подмышки.

— Тридцать восемь и три, — обратилась рыжеволосая к Тайлеру, смотрящему на меня через её плечо. — Ну и напугала ты нас, своим обмороком! Повезло, что я тебе по голове входной дверью не зарядила. Зато это успешно исправил Тайлер, хорошенько саданув тебя виском о раковину, поднимая твоё бездыханное тело, чтобы перенести его сюда.

— Прости, — извиняясь, поджал губы Тайлер.

Мне было очень холодно. Казалось, будто я промерзаю до самых костей. Выпив вяжущее содержимое поднесенного мне стакана, я легла на подушку с незначительной головной болью и одобрительно хмыкнула, когда Тайлер накрыл меня поверх одеяла шерстяным пледом. Ночь была тяжелой. Спустя полночи мощного озноба у меня начался жар, который удалось сбить лишь под утро. В течение этой жуткой ночи Саманта и Тайлер кружились над моей кроватью, но утром я не могла толком вспомнить, что именно они говорили и спрашивали. Перед обедом было решено вызвать скорую помощь. Добродушная пожилая медсестра оценила моё состояние как допустимое для лечения на дому, выписала какие-то лекарства и медленно скрылась за дверью. С её слов, мне еще повезло, что после прогулки под ливнем я не подхватила воспаление легких (вероятность развития воспаления всё еще сохранялась). Как по мне, так моё везение было относительным. Кому действительно повезло, так это Сэм, которая вместе со мной по приезду в Эрфурт попала под ливень, однако при этом в данный момент чувствовала себя едва ли не самым здоровым человеком во всей Германии.

Следующие сутки прошли в полудреме и попытках проглотить хотя бы одну порцию куриного бульона. Я вставала с постели всего пару раз, чтобы покачивающейся походкой добраться до туалета и вернуться обратно.

Мне полегчало лишь на третьи сутки — температура спала до тридцати семи и пяти, и у меня появился хоть какой-то аппетит. Еще сильно хотелось в душ, но Саманта категорически забаррикадировала мне путь в его сторону, так как я еще недостаточно окрепла перед испытанием в виде Ниагарского водопада (именно так она воспринимала дождик в душевой). Для того чтобы я не скучала, меня переместили в гостиную на кожаный диван, после чего мы начали совместный просмотр Властелина колец «Братство кольца», который Тайлер запустил на DVD-проигрывателе (не думала, что они до сих пор существуют). Кажется, я отключилась на моменте, когда Боромир говорил что-то о тяжести бремени.

В течении следующих десяти дней за окном был настоящий потоп — городская канализационная система перестала справляться с потоками прибывающей воды. Все эти дни мы просидели дома, играя в настольные игры и пересматривая старые добрые фильмы. Еще бы пара таких дней и мы бы постепенно начали впадать в беспросветную апатию, но нас спас пришедший с юга антициклон. В день, когда выглянуло яркое солнце, мы втроем

буквально выпорхнули из заточения (благо оно у нас было весьма уютным) и понеслись по мощеным улочкам-незнакомцам.

Эрфурт оказался достаточно большим городом с немалым количеством достопримечательностей, но трех дней нам с Самантой вполне хватило на то, чтобы осмотреть его с ног до головы. Провожая нас с автовокзала, Тайлер поочередно обнял нас, отчего мне вдруг стало не по себе.

— Не теряйтесь, — улыбнулся парень, притянув меня к себе. — Каждый день пишите мне по мессенджеру о своем путешествии и не забывайте о фотоотчетах.

— А он на тебя запал, — заметила Сэм, когда мы уже сели в автобус.

— Не говори ерунды.

— Девочка моя, я говорю лишь правду. Он с первого дня над тобой трепетал.

— Ну вот, ты только что опустила планку парня в моих глазах, — поморщила нос я.

Тайлер и вправду пытался уделять большую часть своего внимания именно мне, не смотря на то, что я совершенно в этом не нуждалась и, более того, меня это иногда даже тяготило. Но я не воспринимала его гипервнимание в качестве ухажерства. Еще раз, подумав над словами Сэм, я вздернула плечами и натянула бейсболку на глаза, в надежде немного поспать под звуки MP-3.

Следующим пунктом назначения стал Магдебург, но в нем мы были лишь проездом. Приехав в город в девять часов утра, мы провели в нем весь день, буквально стоптав ноги до мозолей, после чего сели в вечерний автобус и уже в одиннадцать оказались в Берлине. Моё первое впечатление: «Берлин — город огней». Именно так и назвала свою очередную статью Сэм. К нашему огорчению, интернет-портал, на который Саманта всё это время работала, заранее предупредил нас о том, что из-за финансовых трудностей продлевать контракт с нами не будет, даже не смотря на то, что колонка рыжеволосой была весьма популярна. Нам оставалась всего одна страна и всего четыре города, за каждый из которых нам еще должны были заплатить. Поэтому, заселившись в далеко не самый лучший, зато дешевый хостел, на следующий день мы отправились на поиски подработки. Следующий месяц я проработала продавцом цветов в ларьке напротив хостела, Сэм же раздавала листовки в центре города в костюме подсолнуха. Именно поэтому Берлин для меня запомнился, как город, пахнущий фиалками и доступным заработком. Правда не обошлось и без неприятных инцидентов. За сутки перед отъездом наши вещи кто-то безжалостно прошерстил. Нам еще повезло, что мы отличались привычкой носить все свои сбережения и документы в поясных кошельках. Украли всё, что не являлось тряпкой: наушники Сэм (благо свой MP-3 я в тот день забрала с собой), старый фотоаппарат, зарядные для мобильных, флешки и даже дешевую бижутерию. Хорошо еще, что в тот день рыжеволосая отдала нетбук в ремонт, иначе бы и его лишились.

Естественно администратор хостела отказался от какой-либо ответственности, после чего нагло посоветовал нам съехать прежде, чем нас обворуют в очередной раз. Оказавшись на

центральной вокзале, мы заперли вещи в камере хранения и пошли закупать то, что нам было необходимо для продолжения дальнейшего путешествия. Продавец дешевых наушников, с которым Саманта сильно разговорилась, пригласил нас на открытие небольшого клуба, которое должно было состояться сегодня вечером. Мужчина вручил нам два бесплатных билета в виде глянцевой картонки, на которой красивым шрифтом был выведен адрес мероприятия. В итоге, до четырех часов утра мы провели в клубе, раскачиваясь и прыгая под громкий бит неизвестной мне попсы. К нам с завидной регулярностью клеились немецкие парни, английский акцент которых хромал на обе ноги, из-за чего казалось, будто они ругаются нецензурной лексикой, а не пытаются угостить нас очередным коктейлем. Наверное, я бы не остановилась после своего восьмого коктейля, но более-менее трезвая Сэм успела вытащить меня из клуба прежде, чем я согласилась на свой девятый коктейль от симпатичного немца. Моя напарница сказала обхаживающему меня мужчине, что мы на минутку выйдем в дамскую комнату, после чего она буквально отдернула меня от барной стойки. Заплетающимися ногами, мы из последних сил дошатались до вокзала, так как вызывать такси было недопустимой для нас роскошью, а общественный транспорт отказывался работать на нас в столь раннее время. До нашей электрички оставалось чуть больше часа, поэтому мы напялили на себя бейсболки и осели в зале ожидания, стараясь не привлекать к себе внимания со стороны патруля, который вполне мог вышвырнуть нас за пределы вокзала, из-за нашего алкогольного опьянения.

Только заходя в электричку, я поняла, что Сэм, на фоне меня, абсолютно трезва. Странно, как она умудрялась гулять под дождем и не простывать, пить и не охмелевать, смотреть на меня и не осуждать. Это был второй раз за время нашего путешествия, когда я напилась. Вторая тщетная попытка притупить боль. Не знаю почему, но мне зачастую казалось, будто меня осуждает едва ли не весь мир за то, что я не спасла Мартина, за то, что скорблю по нему сильнее, чем по родному брату, за то, что пытаюсь заглушить боль коктейлями, которыми угощают меня незнакомые мужчины... Возможно, меня осуждал только мой внутренний мир, а не весь мир в целом, однако этого было вполне достаточно, чтобы продолжать загибаться от боли.

Глава 7. Голландия

Проспавшись на задних сиденьях полупустой электрички, я проснулась в обнимку с портфелем лишь тогда, когда мы остановились на перроне Амстердама. Благодаря бесплатным коктейлям мой организм попал в зону серьезного стресса, так что сейчас я чувствовала себя откровенно паршиво. Плюс ко всему мне было неловко за своё поведение, поэтому я старалась не встречаться с Сэм взглядом, хотя она явно не имела ко мне претензий. Скорее всего, именно её понимание меня и добивало.

Многие любят утверждать, что ожидание и реальность по поводу этого города очень различимы. Будто все ожидают разврат и порок, а получают палитру Ван Гога и поля тюльпанов. Возможно это и так, если вы приехали сюда не более чем на неделю и имеете более пятисот долларов в кармане. Потому что это далеко не тот самый случай, когда «кто ищет, тот найдёт». Это тот случай, когда «не ищущего само находит».

Веселье началось с того момента, когда каучсерфер, согласившийся приютить наши

душонки на пару деньков, отказался от своего обещания, так как был занят разборкой со своим товарищем по поводу своего искореженного велосипеда. В итоге нам пришлось отправиться в хостел и платить двадцать евро за ближайшие сутки. По очереди приняв душ, мы торчали у ноутбука, в попытках найти что-нибудь приличное на сайте каучсерфинга, когда это самое приличное нашло нас. Только после того, как следующим вечером мы выселились из хостела и заселились к пышногрудой Флёр, мы узнали, что она является работницей древнейшей профессии, а именно — проституткой. Флёр была высокой блондинкой с силиконовыми губами, грудью и ягодицами, но, к нашему общему удивлению, не сильно была обделена умом, что, всё же, не помешало сделать ей выбор в пользу «странной» профессии.

Девушка предоставила нам раскладной диван, и мы старались не задумываться о том, что именно могло происходить на этом самом диване. Двухкомнатная квартира Флёр выглядела более чем просто прилично, можно даже сказать, что она обладала нотками шика. Однако я вдруг словила себя на мысли о том, что, даже оценивая квартиру я старалась не размышлять на тему того, как именно наша новая знакомая стала владелицей этих апартаментов. По правде говоря, мне, в отличие от Саманты, даже кусок купленного девушкой пирога в горло не лез, так как мои мысли сразу сосредотачивались на том, с каким трудом ей достались деньги, на которые этот пирог был куплен. Вдобавок Сэм, в отличие от меня, как и с Тайлером мгновенно поладила с новой знакомой, так как не была мрачным и замкнутым подростком, на которого я походила в свои двадцать три года. На фоне меня Флёр выглядела силиконовой секс-куклой, хотя была всего на год старше меня, и при этом представляла из себя весьма интересную собеседницу, чем я совершенно не могла похвастаться (я вообще была мраком диалогов, особенно бурных).

Во время ужина девушка рассказала о том, что является не простой девицей легкого поведения, а «элитной ночной бабочкой», работающей только на себя, безо всяких работодателей и обязательств. Так я впервые узнала о том, что существует такое понятие, как элитная проститутка. Оказывается, что быть элитной тоже весьма непросто. Например, ей пришлось в совершенстве овладеть английским и испанским, так как она обслуживает только пятерых толстосумов, двое из которых являются англичанами, а трое испанцами... В этот вечер я исчерпала максимум из уроков по половой жизни и отправилась спать, стараясь не думать о стоимости имплантов в груди Флёр. Пожалуй, я впервые в жизни так часто старалась «не думать».

- - *

Официально Амстердам состоит из семи районов (мы жили в Йордане), которые мы осмотрели за пять дней. В этом нам неплохо помог прокат велосипедов в Damstraat Offer, которым мы пользовались три дня подряд, пока Сэм не огрела моим рюкзаком парня, пытающегося снять колеса с её велосипеда, припаркованного к уличному фонарю. Не смотря на то, что Амстердам был поистине «двухколесным» городом, здесь всю процветала кража велосипедов. Между жителями этого города даже ходила красноречивая шутка: «Если крикнуть в толпе велосипедистов — эй, это мой велосипед! — восемь из десяти человек

начнут крутить педали в два раза быстрее». Опасаясь подобного развития событий, мы решили перейти на пеший вид туризма.

После любования разнообразной архитектурой, мы занялись скрытыми достопримечательностями и, в итоге, раскошелились на семнадцать евро, чтобы побывать в рейксмузее и поглазеть на знаменитые подсолнухи Ван Гога. За неделю увидев в Амстердаме абсолютно всё, что только было доступно бюджетному туристу, следующую неделю мы провели колеся по всем Нидерландам. Флёр безвозмездно одолжила нам свою Mazda-2, так что мы вернулись под заботливое крылышко блондинки спустя ровно семь дней, пересмотрев едва ли ни всё, что только можно было увидеть в этой маленькой стране. На обратном пути, в деревушке под Арнемом, у нас спустило колесо, поэтому пришлось буквально на пальцах объяснить местному жителю, что нам необходима его помощь. В итоге провозившись с машиной не менее часа, мы, наконец, вернулись в Амстердам.

Флёр радовалась нашему возвращению, как радуются возвращению самых лучших подруг — она даже состояние машины не проверила! А ведь мы в этой коробочке в буквальном смысле прожили целую неделю — спали в ней, по ночам шарахаясь от гопников Гронингена и Эммена[6].

Следующая неделя была самой скучной во всем нашем путешествии, за исключением дождливых дней Эрфурта. От зеленой тоски нас в итоге спасла Флёр — у её подруги, в честь новоселья, намечалось пати на дебаркардере[7]. Купив три бутылки не самого дешевого шампанского, мы, перед самым закатом, оказались на трапе небольшого плавучего дома.

— Девочки, как я вам рада! — закричала женщина лет сорока, разукрашенная словно барби, на голове которой красовался парик из белокурых кудрей. — Проходите-проходите! Уже почти все в сборе. Флёр, дорогая, представь нас, пожалуйста.

— Это Глория и Саманта.

— Можно просто Сэм, — протянула руку рыжеволосая, после чего внезапно оказалась в объятиях рослой незнакомки, облаченной в леопардовое платье.

— Какое чудесное у тебя имя, дорогая! Совершенно мужское. Ты не думала о смене пола?

— Нет, — кривовато-неловко улыбнулась рыжая.

— А зря — из тебя бы вышел крутой брутал. Все за мной на борт! Пора устраивать вечери-и-инку!

— Это что, мужик? — вжав голову в плечи, решила уточнить я у Сэм.

— Определенно мужик. Он помял меня своей накладной грудью...

Совершенно неожиданно мы оказались на настоящей травести вечеринке, на которой находились исключительно представители сексуальных меньшинств, из-за чего я чувствовала себя здесь белой вороной. Поначалу настороженная Саманта быстро

раскрепостилась после двух порций сухого мартини и уже спустя полчаса всю отплясывала с мадам Пульхерией, которая была далеко не мадам и далеко не Пульхерией. После того, как Сэм узнала, что продления контракта с онлайн-журналом ей не видать, она словно сняла с себя цепь и решила поменяться со мной возрастом — теперь мне было тридцать девять, а ей двадцать три и теперь я следила за ней, а не она за мной.

К четырем часам утра, после бурной вечеринки, на которой я впервые в жизни заинтересовалась кальяном, на катере осталось всего шесть человек: я, Сэм, Флёр, Билли (хозяйка торжества в леопардовом платье, которая несколько лет назад сменила мужской пол на женский), мадам Пульхерия (мужчина в розовом платье из блестящих пайеток) и Дельта (двадцатилетняя лесбиянка, которую недавно бросила девушка, являющаяся парнем в их паре).

— И что ты теперь будешь делать? — заплетающимся языком поинтересовалась Билли у Сэм, которая пять минут назад не менее, а даже более заплетающимся языком рассказала свою историю о том, как осталась без работы и теперь, так как наши сбережения близились к нулю, нашему дальнейшему путешествию грозил вполне реальный голод и холод.

— Не знаю. Может устроиться на... Гхм... Ой... Работу? — выдохнула Саманта, поставив точку в своем рассказе этим риторическим вопросом.

Я была определенно пьяна, но точно не в хлам, как окружающие меня «девушки», которые вдобавок обкурились травкой, внезапно перебросившей их из приподнятого настроения в резкую меланхолию. Из-под козырька моей черной бейсболки вся эта картина, окутанная дымкой и запахом легкого наркотика, выглядела словно тягучий мираж (как же хорошо, что я не пригубила косячок, не смотря на то, что здесь он был везде и всюду, и сейчас могла более-менее здраво мыслить!).

— Ке-е-ем? Ну вот ке-е-ем ты устроишься в Амстердаме? — затянувшись тонкой сигаретой, поинтересовалась Флёр, встряхнув перед собой докуренным косячком.

— Стриптизершей, — нервно хихикнула мадам Пульхерия.

— Это полная задница, — заключила Сэм. — Полная...

— Полная задница — это когда тебя бросают из-за того, что ты подстриглась под мальчика и стала более мужественно выглядеть, чем твоя вторая половина, — весь вечер о наболевшем вещала Дельта.

— Дорогуша, тебе всего двадцать, — выдохнула дым Билли, отстранив мундштук[8] от увеличенных губ. — Еще найдешь свою «ту самую».

— Только верь, — поддержала подругу мадам Пульхерия. — Билли ведь верила и смотри, как у неё всё замечательно — и собственный катер, и папик...

— Мне не нужен ни катер, ни папик, — нервно сорвалась Дельта.

— И всё-таки, Сэм, что ты будешь делать? — не обращая больше внимания на малолетку, спросила сонным голосом Билли. Мне казалось, будто я нахожусь в заевшей пластинке, в которой все говорят слишком размеренно и слишком тягуче, словно им тяжело было произносить слова не по слогам.

— Пойду мыть машины, — пожала плечами Саманта. — Я так уже делала в прошлом году, в пригороде Парижа. Много денег это не принесло, но хоть что-то. Тем более со мной Глория. Правда, Глор-и-я?

— Правда-правда, — вяло отозвалась я покачав головой и совершенно не обратив внимания на подсевшую ко мне слева Дельту.

— Ну вот еще — чтобы такие красотки и мыли машину! — возмутилась Билли, после чего с кряхтением встала и ушла куда-то покачивающимся шагом, за компанию прихватив с собой и мадам Пульхерию.

— Будешь? — поинтересовалась у меня Флёр, протягивая мне нетронутый косячок с травкой.

— Н-не-ет... Я хоть и съехавшая с катушек, но я точно не лишённая стоп-крана.

— Да брось! Это ведь безобидно!

— А мне нравятся съехавшие с катушек, — отозвалась прильнувшая ко мне Дельта, после чего я вдруг заметила её близость.

— Отстань от меня, малолетка, — как-то слишком грубо отозвалась я, буквально стряхнув девушку со своего предплечья. — Иди домой, проспись и пойми уже наконец, что тебе нужен нормальный парень, а не «что-то неординарное» лишь для того, чтобы чувствовать себя «не такой как все».

После моих слов девчонка сиюсекундно разревелась, после чего буквально вылетела с катера, рыдая как-то слишком громко, как для обкурено-пьяной малолетки.

— Круто ты с ней, но правильно, — ухмыльнулась Флёр, выпуская очередной поток дыма из своих задыхающихся легких. — Видала я таких лжелесбиянок. Корчит из себя невесть что...

— Сэм... Гхм... Сэм, мне кажется, нам пора, — отобрав у Саманты бокал недопитого ей шампанского, отозвалась я.

— Я в хлам, — призналась моя тетка, после чего сделала еще одно признание. — Но это круто и я хочу еще.

— Н-не-е сегодня, — протянула я, отобрав у нее еще и закупоренную банку пива. — А хотя — держи... Всё равно не откроешь.

— Флёр, где открывашка?

— Не знаю...

— Пульхерия! Где эта долбаная открывашка?

— Вот, держи, — ухмыльнулась вошедшая в комнату Билли, протянув Саманте небольшой конвертик.

— Что это? Это не открывашка...

— Тут ровно пятьсот евро. Немного, конечно, но хватит на то, чтобы остаться на плаву ближайшее время.

— Мы не возьмем, — мгновенно запротестовала я.

— А я возьму, — икнув, произнесла Сэм, которая после травки отличалась беспрецедентной честностью.

— Билли, ты под травкой — потом будешь думать, что мы тебя ограбили, — нахмурившись, заметила я.

— Я эти деньги хотела отдать на благотворительность в какой-нибудь фонд поддержки бездомных животных, но вам они нужнее, чем бездомным животным.

Класс. Из слов Билли было ясно, что Сэм и я выглядим более убогими, нежели ободранные кошки.

Глава 8. Дания. Пляж

В конце июля мы оказались в небольшом портовом датском городке, с двухспальной палаткой за плечами. Еще ни разу в жизни я не ночевала в палатке, как и на берегу моря. И всё же я была настроена положительно относительно этой авантюры, даже не смотря на то, что нам пришлось потратить практически все свои сбережения на основное оборудование и консервы. Как мы будем жить через месяц, когда наших запасов едва ли хватит до конца августа, мы не представляли и, как истинные безрассудные подростки, предпочитали об этом не задумываться (по крайней мере, на данном этапе развития нашего путешествия).

В это время года пляж был забит отдыхающими, но, не смотря на это, нам удалось найти замечательное место всего в десяти шагах от скалы, предварительно убедившись в том, что никакие приливы и отливы нам не страшны (местные отдыхающие помогли с этим вопросом). С палаткой же мы провозились битых полтора часа и это с учетом того, что Сэм не первый раз в жизни занималась этим делом (второй!). Помимо нашей, по всей линии берега было разбросано еще восемь палаток, две из которых находились буквально в пятнадцати шагах от нас.

В голубой палатке жили Брайан и Поппи — очень молодая семейная пара. Брайану было около двадцати пяти, он был высоким, широкоплечим, смуглым парнем с круто прокаченным телом и симпатичной стрижкой-ёжиком. Откровенно говоря, у него была

модельная внешность. Поппи же напротив была стандартной девушкой лет двадцати, с красивой фигурой, но совершенно бледной кожей. Она была на дюйм ниже меня и на фоне своего мужа выглядела самой настоящей пипеткой. Поппи не так ярко выражала чувства относительно своего избранника, как это делал Брайан, однако её взгляд был достаточно красноречив. Эти двое словно являлись представителями двух разных миров, но было заметно, что они не могут жить друг без друга. Они были американцами и уже третий месяц колесили по Европе в поисках новых ощущений.

Оранжевая палатка принадлежала Серену и Гретэль, которые тоже были семейной парой, только уже не молодой. Им было около сорока, что делало их сверстниками Сэм (Саманта выглядела на фоне своих ровесников молоденькой девушкой). Серен был достаточно сдержанным мужчиной с небольшим животиком и предательской сединой у висков, которая преждевременно его старила. Гретэль же напротив была более общительной, с плоской фигурой и броской биозавивкой на длинных волосах, окрашенных в цвет красной фасоли. Они были коренными датчанами и бывшими хиппи (хотя бывших хиппи не бывает), объездившими почти весь мир, за исключением славянских земель и северного полюса. Пара обладала поистине раритетным микроавтобусом Volkswagen-T2, который более напоминал старую посудину, нежели средство передвижения (ему было минимум полвека от роду). Для них этот автомобиль служил передвижным домом, забитым всяким барахлом, в котором можно было откопать всё от волейбольного мяча до древней деревянной удочки. У Серена и Гретэль не было своих детей, но в своё время они взяли опеку над осиротевшим сыном знакомых, которому на данный момент уже было девятнадцать лет и сейчас он получал образование в Копенгагенском университете, поступив на юридический факультет.

•

○ *

Первая ночь в палатке оказалась для меня не самой приятной, так как мне мешало абсолютно всё: шум приboя, лежащая под боком Сэм, твердый песок под поясницей, отсутствие подушки и нереальный холод. Палатку цвета хаки мы купили у рыбака, который уверял нас в том, что в ней поместятся двое (новая палатка была нам не по карману). По сути, он был прав — поместиться мы поместились, вот только свободного пространства внутри не осталось ни сантиметра. В итоге, так как распаковаться для нас было слишком большой роскошью, нам пришлось сложить вещи в сумки и уложить их у изголовья.

Еще я никогда не задумывалась о том, что летней ночью может быть настолько прохладно! Проснувшись в два часа ночи, мы с Сэм около получаса копошились в своих сумках, после чего натянули на себя все самые теплые вещи, которые только смогли откопать (к сожалению, у нас их оказалось совсем немного). В магазине походного инвентаря мы приобрели один двуспальный мешок-одеяло, так как покупать два односпальных было бы слишком разорительно для нашего кошелька, зато в предрассветный час, хоть нам и было тесно, мы признали, что спать впритык друг к другу куда теплее, нежели по отдельности.

И хотя первая ночь была невыносимо мучительной, утро выдалось замечательным. Мы проснулись на рассвете, когда солнце только начинало скользить по еще прохладному песку, переоделись и медленно побрели к воде. На Сэм красовался ярко-оранжевый купальный

костюм, на мне же был тот самый черный купальник, в котором я, с легкой руки Мартина, едва не утонула на Виргинских островах. Я и была бы рада другому варианту купальника, но Сэм положила в мою сумку только этот и еще белоснежный, который Мартин называл дурацким. Эти купальники напоминали мне о том, о чем я предпочитала не вспоминать, но у меня не было выбора, так как мы не могли позволить себе лишних расходов.

Был полный штиль и уже воздух успел прогреться, так что температура воды была вполне приемлемой. Я не мылась трое суток, поэтому для меня мой первый заход в воду был по-настоящему желанным. Вернувшись к палатке, мы пересеклись с Гретэль, которая указала нам на месторасположения биотуалетов. К моему облегчению, ряд из пяти бежевых уборных оказался совершенно новым и не успевшим обзавестись зловонием (позже Гретэль рассказала, что биотуалеты установили за пару дней до нашего заселения на пляж). Следующим пунктом нашего первого «пляжного» утра стал завтрак. Мы завтракали в дружной компании соседей, угощаясь колбасой и яблоками, и угощая консервами из тунца.

Почти весь оставшийся день мы наслаждались игрой в пляжный волейбол. Я никогда прежде не играла в волейбол на песке, однако достаточно быстро приспособилась к сложности передвижения по песчаным дюнам. Вечером, во время поедания бутербродов из черствого хлеба и сыра не первой свежести, Брайан рассказывал нам страшные и причудливые истории об индейцах Майя, душах утопших и значении молнии в фольклоре разных народов. Особенно интересной для Сэм оказалась последняя тема, так как её душа этнографа буквально жаждала обменяться знаниями в этой сфере.

•

○ *

Дни текли размеренно спокойно — мы каждый день играли в волейбол, общались с туристами из разных стран, строили песочные замки, находили причудливые ракушки, громко слушали музыку (колонки развалюхи Серена и Грэтель оказались достаточно мощными), загорали и плавали. И пусть я не чувствовала себя счастливой хотя бы на десять процентов из ста, всё же я впервые чувствовала себя легче.словно я была морской пеной, которая могла раствориться в любой момент, но это совершенно не зависело лишь от одного её желания.

В середине августа выдалась первая очень прохладная ночь, после которой Поппи простыла. В итоге Брайан принял решение свернуть их путешествие и вернуться домой в Америку. Конечно Поппи была расстроена из-за того, что отпуск прервался отчасти по её вине, но Брайан пообещал ей взамен незабываемые Рождественские праздники в Финляндии, после чего девушка немного легче приняла факт окончания их «приключений».

Первые пару дней нам было откровенно тоскливо без рассказов Брайана о русалках и привидениях местного пляжа, но вскоре Грэтель придумала развлечение в виде перебрасывания друг другу через костер теннисных мячей. Нужно отдать должное данной идее — это было увлекательно, но к концу следующей недели у нас не осталось ни единого не почерневшего от заломя.

К концу августа туристический сезон заканчивался, людей на пляже становилось всё меньше, а из девяти палаток на пляже осталось всего две, не считая нашей: Сирена с Грэтель и какого-то отшельника, жившего на другом конце берега. Но после двадцатого числа не осталось и этих самоотверженных путешественников: отшельник внезапно куда-то пропал вместе со всеми своими вещами, а Сирен с Грэтель отправились к приемному сыну, который на днях заработал перелом ключицы, скатившись с общажной лестницы. Перед отъездом Грэтель оставила нам два десятка разнообразных консерв и старый радиоприемник с батарейками, что являлось для нас настоящим богатством. Так мы неожиданно остались в абсолютном одиночестве у нашего ночного костра.

Глава 9. Дания. Сосед

И всё-таки вскоре мы привыкли к ночному уединению. Наверное именно из-за привычки мы приняли внезапное вмешательство в нашу тихую гавань без особого энтузиазма. Нет, мы не были отшельницами, общение которых было сосредоточено исключительно на нас самих. Каждый день мы общались с людьми, приходящими на пляж, хотя их и становилось с каждым днём всё меньше, однако по вечерам наше общение ограничивалось исключительно нашими персонами. Скорее оно даже более походило не на общение вовсе, а на умиротворенное молчание, изредка прерывающееся просьбами падать соль или подложить в костер веток, которые мы ежедневно добывали в зарослях на окраине пляжа.

Мы стали настоящими жаворонками, укладываясь спать уже в десять часов вечера и просыпаясь в шесть-семь утра, чтобы успевать наслаждаться рассветами, поэтому когда однажды в одиннадцать часов вечера пляж сотряс сильный бит популярной рок-группы, мы одновременно повернулись друг к другу лицами, при этом стараясь не разорвать спальник напополам.

— Что это? — непонимающе уставилась я на Сэм.

— Судя по звуку мотора и свету фар — это нахальство, — каким-то слишком уж недружелюбным тоном отозвалась Саманта, впервые плохо настроенная на новое знакомство. — Надеюсь, что скоро свалят... Если это через пять минут не прекратится — я собственноручно выдерну колонки из тачки засранцев.

В итоге Саманта отправилась исполнять обещанное не дождавшись истечения назначенных пяти минут.

Не прошло больше тридцати секунд, как музыка вдруг резко заглохла, после чего послышались громкие претензии Сэм, суть которых я не смогла уловить из-за шума прибоя. Кто-то приглушенно-доброжелательно смеялся в ответ на бурные негодования Саманты, и я сразу поняла, что голос принадлежит мужчине. Я уже хотела выходить из палатки, чтобы поддержать свою подругу, когда Сэм вдруг сама возникла у входа, с нервно вздымающейся грудью.

— Что там? — поинтересовалась я, откладывая фонарик в сторону. — Их много?

— Всего один, а борзости на целый отряд! Ничего, он у меня еще попляшет...

Впервые в жизни я видела Сэм столь негодующей — она буквально вскипала от желания наkostenить незнакомцу!

Вообще всё наше путешествие целиком держалось на Саманте. То, что она знала лучшие хостелы в давно объезженных ею городах, имела знакомых в разных уголках мира, знала как быстро подзаработать и грамотно вести общий бюджет — безусловно облегчало мне жизнь. Честно говоря, сам факт того, что рыжеволосая была опытной путешественницей, позволял мне немного расслабиться, так как на основные организаторские и жизненно важные вопросы Сэм всегда имела правильные ответы. Она же являлась и душой нашей компании — настоящей заводилой и весельчаком. При этом не только внешне, но и по её поведению казалось, будто она максимум на пять лет старше меня. За это время мы стали друг для друга не просто веселой тетей и унылой племянницей, а самыми настоящими подругами. Поэтому сейчас я сильно удивилась тому, как взрывоопасно она отреагировала на новое соседство.

С утра, выползя из своей палатки, чтобы принять прохладную ванну, я обнаружила в двадцати шагах от нашего шалаша роскошный дом на колесах. Стараясь долго не пялиться на шикарные апартаменты соседа, я отправилась к воде, заставляя себя не думать о том, каких денег стоит подобное «удобство». Примерно через пять минут ко мне присоединилась Саманта, после чего мы позавтракали ванильными сухариками с говяжьей тушенкой, которая внезапно оказалась весьма недурной. В полдень, когда Сэм отправилась играть в волейбол с незнакомой компанией девушек, а я решила остаться сидеть у палатки, я так увлеклась перебиранием новой партии ракушек от рыжеволосой, что совершенно не заметила подошедшего ко мне сзади мужчины.

— Добрый день, — послышался брутальный мужской баритон за моей спиной, заставивший меня содрогнуться всем телом.

— Добрый, — согласилась я, подняв голову вверх и приставив ладонь к глазам, тем самым пытаюсь хоть как-то скрыться от палящего солнца. Передо мной, в длинных пляжных шортах, стоял огромный качок лет сорока, с темными волосами, аккуратно подстриженными под короткий ёжик. Он выглядел как типичный «спасатель мира во всем мире» из шаблонных американских боевиков, отчего мне даже на мгновение стало не по себе, хотя этот мужчина и располагал к своей персоне своей белозубой улыбкой.

— Дэвид Прайс, — присев на корточки напротив, чтобы оказаться на одном уровне со мной, представился мужчина, после чего протянул мне свою огромную ладонь. — Я ваш новый сосед.

— Очень приятно, — улыбнулась я, пожав сильную руку новоиспеченного соседа. — Глория Пейдж.

— Я вчера по незнанию слегка расшумелся, прошу меня простить.

— Оу, что Вы, я даже не успела обидеться.

— Зато это успела сделать Ваша сестра.

— Кто? Сэм? Она мне... Она мне не сестра. Она моя тётя, — сконфуженно улыбнулась я.

— Да, с моей стороны было глупо предполагать, что рыжеволосая и брюнетка являются сестрами, — улыбнулся Дэвид, после чего перевел взгляд на приближающуюся к нам Саманту. — Разве что только сводными.

— И что ты забыл у нашей палатки?

У меня отвисла челюсть от того, как легко и просто Сэм обратилась к незнакомцу на «ты».

— Я пришел на мировую.

— Вот уж нет.

— Ты отказываешься со мной мириться? — протянув свою раскаченную руку Саманте, поинтересовался Дэвид.

— А вы давно друг с другом на ты? — встряла я.

— С тех пор, как он назвал меня «рыженькой», — недовольно фыркнула Сэм, скрестив руки на своей пышной груди, явно не желая пожать мужчине руку.

— Но это ведь правда, — добродушно улыбнулся Дэвид своей идеально ровной улыбкой, которая была настолько заразна, что заулыбалась даже я, после чего сразу же постаралась замаскироваться, чтобы мне не прилетело от гневной Саманты.

— О-о-о... — обращаясь к Дэvidу, протянула я, пряча свой смехок в кулак. — Это Вы зря.

— Я никакая тебе не рыженькая! — вскинула руки Сэм, буквально моментально вскипев. — Максимум — рыжая, минимум — Саманта! И вообще, держись от моей палатки подальше.

После этих слов «рыженькая» очертила своей правой ногой линию за моей спиной, явно давая понять Дэvidу, что он не имеет никакого права переступать придуманную ей границу.

— Это наше место!

— Но пляж ведь общий, — как-то сконфуженно, словно пытаюсь извиниться, произнес Дэвид, отчего у меня сердце сжалось. Мне всегда было жаль мужчин, которые как папа, тщетно пытаются выпросить лишний кусочек бекона, или как Дэвид, безрезультатно стараются извиниться перед взъерошенной особой. В подобных жизненных ситуациях мужчины становятся такими душками, что даже джунгарские хомячки уступают им по милоте.

Не обратив никакого внимания на логическую мысль Дэvida о том, что пляж является общим, Сэм молча развернулась, резко откинула волосы за плечи и удалилась в палатку.

— Круто, — многозначительно произнес Дэвид, проводив Сэм взглядом.

— Она у меня с характером, — как бы извиняясь, произнесла я, прикусив нижнюю губу.

— Глория, иди сюда! — командным тоном окликнула меня тётка, что инстинктивно заставило меня повиноваться.

— До встречи, — прошептала я, встав с горячего песка.

— До встречи, — тихо улыбнулся Дэвид, махнув мне рукой.

— Чего это ты с ним по-добренькому? — поинтересовалась Саманта сразу после того, как я вошла в палатку, перед этим тщательно отряхнувшись от песка.

— Он приятный мужчина и ничего плохого не сделал...

— Как это не сделал?!

— Ну, разве что, назвал тебя рыженькой...

— Не называй меня так! И вообще, он вчера разбудил нас...

— Но он ведь извинился.

— Глория, засеки себе на носу, что если я хочу на кого-то злиться — я буду злиться! Пусть даже беспочвенно!

— Необоснованная злость старит...

— Вот еще! Чтобы я постарела от этого... От этого...

— Что я тебе только что говорила о необоснованной злости?

— Глория...

— Сэм, я, конечно, тебя поддерживаю, ведь ты моя лучшая подруга и самый крутой родственник, пусть даже и не кровный, но я отказываюсь тиранить мужика лишь потому, что он невольно впал к тебе в немилость. Конечно, я буду избегать с ним лишних контактов для того, чтобы угодить тебе, однако я не хочу превращаться в невежду, которая вместо того, чтобы ответить добрым ответом на добрый привет, будет корчить из себя невесть что.

•
○ *

На закате, когда пляж покинули последние отдыхающие, Дэвид подошел к нашей палатке, однако из вежливости не пересек почти исчезнувшую границу, очерченную Самантой еще днем.

— Можно пригласить вас на ужин? — доброжелательно обратился к нам мужчина.

— Да, — просветленно заулыбалась я, мгновенно подскочив с бревна, притащенного нами к костру из соседних зарослей несколько недель назад. По выражению моего лица наверняка было понятно, что я невероятно рада тому факту, что сегодня нам не придется есть очередную консерву, ну, или, не придется есть её в одиночестве.

— Нет, — резко оборвала меня Сэм и я сразу же опустила свои приподнятые руки, поняв, что гордое одиночество нам всё-таки грозит.

— Нет, — разочарованно и одновременно извиняясь, повторила я в поддержку Саманты единоличное решение рыжей, после чего стряхнула, с висящих на мне шорт, остатки песка.

— Я неплохо готовлю, — не сдавался Дэвид. На нем была чистая черная футболка и всё те же длинные, пляжные шорты, отчего он, в отличие от нас двоих, выглядел по-домашнему ухоженным (конкретно я, в своей выцветшей майке и шортах, которые раньше сидели на мне впритык, а теперь их приходилось подвязывать каким-то канатоподобным шнуром, чтобы они не спадали с меня при ходьбе, выглядела как дикарка).

— Мы тоже неплохо готовим, — громко пробурчала Сэм, сев к нам спиной, после чего начала разжигать костер. Мне ничего не оставалось, кроме как пожать плечами в качестве извиняющегося жеста и проводить Дэвида взглядом, под гулкое урчание своего желудка.

— Ты чего? — присев рядом с рыжей, попыталась как можно более ласково поинтересоваться я у насупившейся девчонки.

— Ничего.

— Но мы могли согласиться хотя бы в целях экономии. У нас ведь осталось совсем немного еды и почти не осталось денег...

— Ничего. До конца сентября еще протянем, а там пойдём в город в поисках подработки... Подзаработаем и...

— Наверяд ли у нас получится заработать на продолжение путешествия, тем более в таком маленьком городке.

— Согласна, — тяжело выдохнула Сэм, подложив сухую ветку в занимающийся костер. — Нас ждет британская земля.

От услышанного я неосознанно съежилась. Меньше всего на свете мне хотелось возвращаться в Британию. Уж лучше питаться только сухариками, обгорать на солнце, чесаться от соленой воды и спать на песке, чем возвращаться к истокам боли.

Словив радиоволну на приемнике Сирена, мы слушали хиты Битлз и ели грибной паштет с сухариками, запивая горячим чаем, воду для которого вскипятили на костре.

На следующее утро мы совершенно неожиданно для себя обнаружили, что у нас закончилась пресная вода. Пересчитав последние копейки в общем кошельке, на сей раз в город отправилась я.

Купив в ближайшем магазинчике две шестилитровые бутылки, я медленно шаркала старыми шлепками по асфальту, направляясь в сторону пляжа и параллельно наступая на калоши джинс, предательски сползающих с моих бедер. За три с половиной месяца бюджетного путешествия я так сильно похудела, что теперь вся моя одежда болталась на моём скелете, словно балахон.

Сделав двадцать шагов от магазина, я остановилась, чтобы перевести дыхание. Раньше с подобным весом я могла пройти минимум сто метров без остановки, сейчас же погибалась от каких-то двух десятков шагов.

— Ну ты и доходяга, — послышался знакомый мужской голос за моей спиной.

— Правда? — сквозь предательскую одышку поинтересовалась я.

— Честное слово, — улыбнулся Дэвид, после чего с легкостью подхватил мои бутылки, не смотря на то, что сам нес две аналогичные.

— Спасибо, — ответила я, поплетшись за мужчиной, даже не подумав поинтересоваться, не тяжело ли ему, так как его внушительные бицепсы красноречиво говорили о том, что у него всё под полным контролем. — Вы не могли бы...

— Обращайся ко мне на ты.

— Можно?

— А почему нет? Для твоей тетки ведь это не проблема...

— Это потому, что она твоя ровесница. И всё-таки, ты не мог бы идти чуть помедленнее?

Дэвид резко остановился, терпеливо подождав пока я сравняюсь с ним, после чего окинул меня оценивающим взглядом.

— Еще один ужасный дюйм в области твоей талии и ты официально будешь признана анорексичкой.

— Правда? — повторилась одним и тем же вопросом в течение одной минуты я.

— Правда, — утвердительно хмыкнул Дэвид, после чего мы продолжили свой путь к пляжу.

— Ты что, совсем не ешь?

— Наши финансы в принципе не позволяют путешествовать и тот факт, что при этом мы добрались до берегов Дании — это вообще чудо. Мы отдыхаем бомжеватым способом, так что мой внешний вид полностью отражает наши финансы, вернее их отсутствие, — ухмыльнулась я, расправляя клок своих спутанных локонов, которые с апреля отросли минимум на два дюйма, что было странно, так как прежде мои волосы и ногти не росли с подобной скоростью.

— А откуда вы?

— Из провинциального городка, который расположился в часе езды от Лондона.

— Так вы Британки? Если честно, я так и предполагал — вас выдает ярко выраженный акцент. Я, кстати, сам из Британии, если быть точнее — из Уэльса... А по поводу того, что твоя тётя со мной ровесница, ты ошибаешься. Я минимум на пять лет старше её.

— Ну вот тебе примерно тридцать девять или сорок, так?

— Мне тридцать семь.

— Правда?! Ты выглядишь на все сорок. Ха-ха-хах...

— Чего смешного? — сконфуженно улыбнулся Дэвид.

— Сколько ты дашь мне?

— Двадцать один — два?

— Почти угадал — мне двадцать три... Сколько же ты дашь Сэм?

— Двадцать семь — тридцать?

— Ей тридцать девять — через месяц будет сорок. Так что ты младше нее почти на три года, — впервые после потери Мартина, искренне засмеялась я. — А ты мне тут говоришь: «Я старше твоей тети минимум на пять лет».

— Выглядит малолеткой, — нахмурил брови Дэвид. — Честное слово.

— Внешность обманчива, — ухмыльнулась я. — Ты сам выглядишь на пару лет старше своего возраста, из-за бодибилдерского телосложения.

— И всё-таки, почему вы отказались со мной отужинать?

— Я не отказывалась — отказалась Сэм, а я с ней во всем солидарна, хотя и не всегда согласна.

— Из-за этой солидарности у тебя скоро кожа ребра обтянет вплотную.

— Послушай, я искренне не против съесть чего-нибудь кроме консервированного тунца, так что, может быть, ты еще раз попробуешь пригласить нас? Вдруг прокатит?

— Хорошо, — прищурившись, заговорчески произнес Дэвид, после чего мы обменялись едва заметными улыбками.

Глава 10. Дания. Исповедь

— Девушки, можно пригласить вас на ужин? — спросил подошедший к нам этим же вечером Дэвид, как раз в момент, когда я пыталась открыть неподдающуюся консерву с тушеным цыпленком.

— Да! — восторженно выкрикнула я, увидев мужчину лишь после того, как он приблизился ко мне впритык и громко задал интересующий нас обоих вопрос.

— Нет, — не оборачиваясь, тут же отозвалась Сэм, продолжая очищать подгоревшую в прошлый раз сковороду.

— Не сдавайся, — одними губами прошептала я, многозначительно округлив глаза.

— Я неплохо готовлю...

— Где-то я уже это слышала, — выдохнула Саманта, после чего еще более яростно начала драить дно дряхлой сковороды. — Глория, я всё слышала. Будь добра, отдай мне тушеного цыпленка.

Я молча протянула банку Дэвиду, жестами попросив его помочь мне откупорить сейф, и уже через секунду получила назад вскрытую банку с до боли опостылевшим цыпленком.

— Может быть, передумаете? — решил еще раз поинтересоваться сосед. В ответ Сэм стойко проигнорировала его настойчивость, после чего Дэвид, похлопав меня по тощему плечу (отчего я едва не рассыпалась), пожал своими крупными плечами, после чего я вернулась к Саманте.

— Почему нет?! — на сей раз, не скрывая своего разочарования, полупшепотом поинтересовалась я.

— Если хочешь, можешь идти — я тебя не держу.

Железобетонный довод. Естественно я никуда не пошла, так как мне было легче предать желудок, нежели выглядеть предательницей в глазах своей подруги.

•
○ *

— Жесткая у тебя тётя, — заметил Дэвид, остановившись рядом со мной, отчего оказался по пояс в воде. Я снова не заметила его появления, из-за чего нервно обернулась, резко оторвав

руки от волн.

— Вообще-то она очень дружелюбная. Ты первый человек, на которого она реагирует подобным образом.

Было около шести часов утра и солнце еще только собиралось вставать, но, как и всегда, в это время я уже не спала.

— Надеюсь, у меня еще получится растопить сердце этой недотроги.

— У тебя меньше двух недель.

— Почему так мало?

— Мы на этом пляже провели месяц, так что наши запасы, как и деньги, подходят к концу.

— И куда вы отправитесь?

— По идее, на поиски подработки, чтобы иметь возможность купить билеты до Лондона.

— А если бы не отсутствие денег, куда бы вы отправились?

— Куда угодно, только не обратно в Британию, — предательски тяжело выдохнула я, после чего выбросила вдаль гладкий камушек, прежде подобранный мной на берегу.

•

○ *

— У него гриль, — тяжело вздохнула я, сидя у костра и наблюдая за тем, как Дэвид размахивает картонкой над небольшим барбекю-грилем. — И почему ты снова отказалась от предложения поужинать в его компании?

— Не соблазняйся на еду, — хмыкнула Сэм, и я неохотно перевела взгляд с гриля Дэвида на свою жестяную банку с недоеденным паштетом и горстку сушек.

— Я и не соблазняюсь, — укутавшись в толстовку, глухо отозвалась я, нервно наблюдая за тем, как наш сосед активно кашеварит.

Когда через полчаса Дэвид направился в нашу сторону с широкой доской в руках, используемой им в качестве подноса, я решила не оповещать сидящую к нему спиной Саманту, чтобы не дать ей возможности заранее придумать очередной остроумный отказ.

— Давайте дружить, — раздался гулкий баритон Дэвида, когда тот был всего в пяти шагах от нас.

— Дружба не покупается едой, — вздрогнув от неожиданности, хмыкнула Сэм, явно учуявшая запах жаренного мяса, отчего сердито потерла нос.

— Я не пытаюсь вас подкупить — я пытаюсь с вами по-человечески пообщаться.

— Ой, спасибо, — радостно заулыбалась я, принимая из рук мужчины огромную фарфоровую тарелку с шикарным стейком, отварным картофелем, овощами и творожным соусом. Сэм мгновенно метнула в меня молнию своим колким взглядом, тем самым заставив меня вжать голову в плечи.

— Не переживай, я не собираюсь тебя отравить, — улыбался Дэвид, разоружая уже почти сдавшуюся Саманту. — Подумай — если ты в очередной раз лишишь Глорию возможности нормально поесть, тогда именно ты будешь виновницей её первого голодного обморока.

Напряженно выслушав Дэвида, Саманта молча приняла тарелку из его рук, всё еще всем своим видом показывая, что ей вовсе и не хочется этого сочного мяса... И вот этой вот нежной картошечки...

Когда же тарелка официально была принята рыжеволосой, Дэвид заулыбался еще шире, после чего раздал нам по вилке с ножом.

— Итак, Максимус Саманта...

— Что значит эта ирония? — хмыкнула Сэм, уже прожевывая картофель.

— Ты ведь просила обращаться к тебе либо «Рыжая», либо «Максимум Саманта». Я выбрал «Максимум Саманта», а так как имя Максимум или Максимус имеет древнегреческие корни, тебя можно смело называть понтификом.

— Ты камикадзе? — неожиданно слишком серьезно спросила Саманта, заставив нас с Дэвидом брызнуть смехом, из-за чего мне в итоге пришлось сжато высмеиваться в кулак.

— Ну как прикажешь наладить с тобой контакт, если ты так упорно сопротивляешься? — всё еще смеясь, поинтересовался у рыжеволосой Дэвид.

— Может быть, никак? — держа тарелку у себя на коленях и при этом разрезая стейк, изогнула брови Сэм.

— Да нет уж, здесь без налаженного контакта точно не обойдется, — ухмыльнулся Дэвид, и в этот момент я заметила, как их напряженные взгляды пересеклись и в точке их пересечения взорвалась мгновенная искра напряжения.

В целом же ужин прошел неплохо. А с учетом того, что я впервые за последние три месяца полноценно наелась, я бы даже сказала, что вечер был просто замечательным. И в итоге спалось мне с набитым животом куда более комфортнее, нежели с урчащим.

•

○ *

Все последующие сутки я с нетерпением ждала вечера, в надежде на то, что Дэвид, которого

на протяжении всего дня усердно отгоняла от нашей палатки Сэм, всё-таки придумает, как нас снова накормить. Однако Саманта окончательно и бесповоротно разбила вдребезги все мои надежды на сытный ужин в момент, когда заранее предупредила Дэвида о том, что «сегодня МЫ будем ужинать без него».

Вечером, после вчерашней вкусной еды, консервированный тунец не лез мне в горло. Поэтому, не смотря на гулкое урчание в животе, я решила перебиться парой сухариков со сладким чаем.

— Вы уже отужинали? — спустя час после ужина подошел к нам Дэвид.

— Тебе-то что? — не унимала свой пыл Саманта, пока я пыталась застегнуть толстовку, параллельно не разломав хрупкую молнию.

— Ты сказала, что вы сегодня ужинаете в одиночестве, а что вы делаете после ужина?

— Ложимся спать под звуки приемника.

— У нас приемник вчера разрядился, — напомнила я рыжеволосой, заставив её буквально испепелить меня взглядом и одновременно поморщиться от неприятного факта.

— Могу подобрать батарейки к вашему приемнику. Не оставлять же вас без связи с цивилизацией.

— Односторонняя связь — это относительное удовольствие, — ухмыльнулась я.

— Почему односторонняя? — скрестил руки на груди Дэвид.

— Мобильные разрядились еще месяц назад...

— Можно зарядить в моем...

— Обойдемся, — оборвала соседа Саманта.

— Просто у нас зарядные устройства украли еще в Берлине, — пожалала плечами я, не обращая внимания на нервно покосившуюся на меня Саманту.

— Тащите сюда все свои гаджеты, которые нужно привести в чувства.

— Круто, — обрадовалась я.

— Буду ждать в машине.

— Что ты делаешь? — поинтересовалась полупшепотом у меня Сэм, когда я залезла в палатку, чтобы отыскать наши мобильные и МР-3.

— Сэм, не будь такой недотрогой. Он ведь неплохой человек и хочет нам помочь взамен на

банальное, человеческое общение.

— Ладно, — сдалась Саманта. — Но я к нему не пойду! Вот, держи и мой телефон.

— Но учти, что я задержусь, — предупредила я и тут же начала выдумывать на ходу оправдание. — Телефоны будут заряжаться минимум час, мне что, оставить их без присмотра? На них ведь вся важная информация от номеров телефонов до фотографий...

•
○ *

— Так и знал, что она не придет, — ухмыльнулся Дэвид, встречая меня возле своего дома на колесах. Следующие полчаса я присутствовала на увлекательной экскурсии по его шикарной обители. Автоматическая коробка передач, дизельный двигатель, цифровая спутниковая ТВ-система, наружное крепление для четырех велосипедов, выдвижной тент, зеркала заднего вида автобусного типа, удобный доступ к техническим отделам, панорамное лобовое стекло, отсек для двух газовых баллонов, вместительное отопляемое багажное отделение, — и это только внешняя характеристика. Когда мы вошли внутрь, я остолбенела: двойной отопляемый пол, 2-DIN мультимедийная система с навигацией, розетки 12В и 220В, ЖК-телевизор, жалюзи на всех окнах (включая кабину водителя), плюс все окна оборудованы москитными сетками и затемняющими шторами, везде и всюду встроена светодиодная подсветка... Что касается планировки — она была гениальна. На самом входе расположилась кухня, на которой помещалась трехкомфорочная плита с раковиной и удобным деревянным гарнитуром, а в сам гарнитур был встроен двухкамерный холодильник, на котором красовалась старая, но ухоженная микроволновка. Справа от кухни была гостиная, с уютным диванчиком, широким креслом без локтей и столиком, над которым висел телевизор и пара закрывающихся полок. Над всей этой красотой расположилась широкая антресоль, служившая двуспальной кроватью, которая была задернута короткими шторами. Эта идеальная кровать-полка нависала перед водительской кабиной, так что совершенно не мешала водителю ровно сидеть за рулем, мало того — он мог свободно встать в полный рост. Вторая кровать расположилась слева от кухни (от входа), и занимала собой девяносто пять процентов пространства отдельной, спальней комнаты, прикрытой дверью. Над кроватью, по всему периметру, висело несколько полок, а под кроватью расположился самый настоящий шкаф (дословно говоря — кровать была оборудована на мини-шкафу). То, что я увидела за дверцей, находящейся между кухней и спальней — это отдельная песня. Настоящая, миниатюрная ванная комната с биотуалетом, душевой кабинкой, контуром жидкостного отопления, зеркалом и раковиной, под которой была спрятана миниатюрная стиральная машина! От увиденного у меня отвисла челюсть и едва не потекли слезы. Но изюминкой этого шикарного дома была даже не душевая, ей были панорамные окна над кроватями и гостиной (даже в душевой был люк), через которые можно было наблюдать за звездами.

Все внутренности этого шикарного дома на колесах были обшиты натуральным лакированным деревом, поэтому я даже не решалась спросить, сколько стоит эта прелесть и кого именно этому амбалу пришлось замочить, чтобы обрести состояние на покупку подобной роскоши.

Сев в гостиной, мы начали подбирать многочисленные зарядные устройства к принесенной мной девайсам, но в итоге раритетный телефон Сэм так и не удалось подзарядить.

— Последняя модель, — заметил Дэвид, крутя мой айфон в руках. — Впервые вижу нищую туристку с такой дорогой игрушкой.

— Это подарок... Я еще не до конца понимаю, дорог он мне или всё же я хочу от него избавиться, так что до сих пор не продала. Если что, согласен купить?

— Если что?

— Если вдруг решу.

— Сначала реши, — улыбнулся Дэвид, придвинув ко мне брусничный пирог с кружкой молока, после чего взялся за ремонт нашего радиоприемника (оказывается у нас не батарейки сели, а провода отошли). В итоге я съела три внушительных куса пирога, который Дэвид только сегодня купил в городской пекарне, отчего он был очень свежим (я бы съела и больше, если бы на тарелке не оставалось всего два куска, и мне бы не было так неловко лишать нового знакомого его же пирога).

— Значит, вы были в Амстердаме, тусили с проститутками и травести, но не пробовали травку?!

— Сэм пробовала, а я нет, — сидя на ступеньках у выхода вместе с Дэвидом и смотря на звездное небо, криво ухмыльнулась я.

— Почему?

— Ну, знаешь... Обычно у людей, которые потеряли... Что-то... У них срывает крышу и они начинают пробовать запретные плоды, а потом пристращаются к ним... Я же пытаюсь быть «не такой как все», — снова криво ухмыльнулась я. — Типа особенная... Та, которая не пробует травку с горя. Поэтому я пробовала лишь то, что прежде иногда делала и до того как... В общем — я несколько раз напилась в хлам.

— По-твоему, напиться в хлам — лучше, чем курнуть травку?

— Нет. Просто я не хочу пробовать что-то новое только потому, что мне хреново.

— Тебе конкретно в эту секунду хреново?

— Мне всегда хреново... Но если говорить в целом — ты меня угостил пирогом и заряжаешь мой мобильный, что значит, что уже завтра, спустя месяц, я смогу поговорить с родителями.

— Значит тебе относительно хреново, а не в корень, — резко поднявшись, констатировал Дэвид, после чего скрылся в глубине дома и вернулся уже спустя пару мгновений.

— Это что? — поинтересовалась я, глядя на протянутую мне самокрутку.

— Это самая легкая травка в мире, от которой у тебя не будет привыкания. Я бы тоже закурил, только у меня всего одна — осталась от предыдущего попутчика. Давай, попробуй здесь и сейчас эту гадость, пока тебе не очень хреново, чтобы больше нигде и никогда этого не повторять.

— Да, ты прав, — уверенно кивнула головой я, вытянув из мощных пальцев Дэвида самокрутку. — Спасибо.

Я курила её слишком быстро, инстинктивно боясь того, что из-за угла машины внезапно выбежит отец, чтобы здесь и сейчас всыпать мне ремня за подобную своевольность.

— Красивая сегодня луна, — вдохнув ночной воздух, спустя несколько минут протяжно произнес Дэвид.

— Да, сегодня она потрясающая, — как-то слишком вяло ответила я, после чего поняла, что эта травка не такая уж и легкая, раз изменения в моем акценте были заметны даже для меня. Я точно уже была под кайфом.

— По-видимому, на тебя подействовало, — хмыкнул Дэвид. — Наверное, это всё-таки не самая легкая трава. Тем более ты куришь практически на голодный желудок.

— Краси-и-ивая-а-а лу-у-уна-а-а, — протянула я. — А ты знаешь, что часть её — моя?

— Это как?

— Если говорить точнее — два акра лунной земли мои. Представляешь? Вот такой вот мне подарок сделал... — я осеклась.

— Кто?

— Кто? — непонимающе переспросила я. — А, в смысле кто подарил мне кусок луны? Сейчас я тебе покажу.

Я потянулась за заряжающимся телефоном, лежащем на полу рядом со ступенькой, на которой я сидела, после чего беспощадно выдернула из него зарядное устройство. Быстро шевеля пальцами, я зашла в папку с фотографиями и нашла фото Олдриджа. Эту единственную имеющуюся у меня его фотографию, я сделала в Оттаве, в Шато-Лорье, когда отправляла Тэмми фотоотчет о нашей поездке. Тогда мы еще не знали, что у Мартина нет больше шансов. Фото, сделанное за несколько часов до того, как нам ржавым ножом боли вспороли сердца.

— Крутой, — одобрил Дэвид, глядя на изображение Роланда.

— Да? — поинтересовалась я, приблизив лицо Олдриджа специально для себя, чтобы рассмотреть знакомые черты, но буквально встретившись с изображением Роланда Олдриджа взглядом, резко выключила телефон, от острого клочка боли, внезапно вспоровшего мою грудную клетку.

— Это твой парень? Знакомое лицо...

— Нет, это мой начальник, — тяжело выдохнула я, сделав очередную затяжку. — Бывший...

— Он случайно не основатель ИТ-компании «Freedom»?

— Именно.

— Знаменитая личность в Англии... Миллионер, — констатировал Дэвид. — Значит, просто начальник и ничего большего?

— Сложно в это поверить, на фоне того, что он подарил мне айфон и кусок луны, правда? Но, поверь мне — он просто начальник и между нами даже искры нет. Вернее, не было...

— Значит, тебе хреново не из-за этого человека?

— Отчасти, — выдохнула клубок пьянящего дыма я. — От части его и части меня. От потери этой части. Видишь это? — помотала я перед глазами Дэвида брелком, с кристаллами Swarovski, украшающим мой телефон.

— Дорогая вещичка.

— Намного дороже, чем ты можешь себе представить... По крайней для меня... Обычно ведь от травки хотят смеяться, да? Так почему же мне так хочется плакать?

— Потому, что внутри тебя пусто, — твердо ответил Дэвид, заставив меня нахмурить брови.

— Эту безделушку... Её подарил мне... Мне подарил этот брелок... Один мальчик. Брат моего начальника. Я была его... Няней. Знаешь, он был ужасным подопечным, — попыталась ухмыльнуться я, но вдруг поняла, что к моим глазам подступают слёзы. — Он издевался надо мной: забрасывал лего в камин, разливал чистящие средства в ванной, подкладывал кнопки на стул и смеялся, когда мне было больно... Должно быть он сейчас сильно смеется... Потому что из-за... — я хотела сказать «него», но осеклась, так как знала, что он здесь не при чем. — Из-за этой долбанной... Мне хреновее некуда, в общем. У него диагностировали эту проклятую аневризму... — я вдруг замолчала, продолжив лишь спустя несколько секунд. — Знаешь, я рассматривала все варианты, кроме того, что это может произойти во сне. Потому что это слишком гуманно, по отношению... Ко всем... В конце концов его аневризма — это закон подлости, а закон подлости никогда не упустит шанса поиздеваться над своей жертвой... Я была права, но лучше бы я ошибалась. Это произошло не во сне... Он... У меня на руках, — я уже во всю хлюпала, растирая слёзы по шершавым щекам и вдыхая горький дым самокрутки, с болью осознавая, что не могу вслух произнести имя своего подопечного. — Он до последнего не знал о приближающемся конце, а мы знали. Это я настояла на том, что мы должны отвезти его в Диснейленд, а в день выезда он... Его не стало, — я слишком глубоко всхлипнула, после чего затянулась в последний раз и выбросила остаток косяка на песок. — Знаешь, а ведь я раньше не умела плавать лишь из-за того, что в детстве чуть не утонула в пруду с утками. Это он научил плавать меня в мои

двадцать два... А я со своим Диснейлендом... — я снова замолчала и снова спустя несколько секунд продолжила. — Он научил меня плавать, а я научила его мечтать без шанса на исполнение мечты — неравноценный обмен, не находишь?

— Это произошло недавно, да? — тяжело выдохнул Дэвид.

— Четыре с половиной месяца назад... Я... Мне кажется, будто я пересекла невидимую черту невозврата к себе и уже никогда не смогу вернуться... Самое хреновое — это однажды потерять самую сильную надежду в своей жизни. После подобной утраты ты словно забываешь значение слова «надежда» и превращаешься в застывший кусок пустоты. Говорят, что только не надеющийся ни на что человек, никогда не разочаровывается. Вот только никто не уточняет, что не умеющий разочаровываться, также не умеет искренне удивляться — ведь он вообще ничего не ждет, а когда что-то получает, ему наплевать, ведь он не хотел ничего получать. Я больше ничего не жду...

Неожиданно Дэвид похлопал меня по плечу, и я криво ухмыльнулась ему, после чего забрала у него из рук радиоприемник, скрутила зарядное устройство и отправилась в сторону палатки.

Сэм попыталась выйти со мной на диалог, но я всё еще была под легким кайфом и, не желая палиться, свела на нет её всяческие попытки поговорить со мной, уже спустя пять минут притворившись спящей. Однако заснуть этой ночью мне удалось не скоро. Я судорожно сжимала в руках свой телефон, словно касаясь теплых воспоминаний, сотканных из солнечных лучей, и иногда по моей левой щеке скатывалась горячая слеза. Было невыносимо больно, ведь я **ВПЕРВЫЕ** после случившегося **РАССКАЗАЛА** кому-то о кровоточащей ране у себя в душе.

Мне в очередной раз захотелось закрыть глаза и никогда больше не просыпаться, но это было выше моих возможностей.

Глава 11. Дания. Мир

Следующее утро стало первым пасмурным утром за всё наше пребывание на пляже. Море шумело под натянутыми, словно на барабан, облаками, но дождя не предвещалось.

После вчерашней травки меня хорошенько подташнивало, и так как у нас не было ни единого средства от банальной тошноты (да что там говорить, у нас была всего пара таблеток от диареи и сверток старого лейкопластыря — вся наша аптечка), я с надеждой отправилась к помахавшему мне рукой Дэvidу. Было достаточно прохладно, поэтому вместо купальника я надела старые, потертые джинсы, перевязанные льняным канатом, и прежде любимую мной футболку, которая от ветра колыхалась на мне, словно на палке.

— Идешь продавать спички? — усмехнулся Дэвид.

— Если бы они у меня были! И это не ирония — мы вчера истратили последние, так что теперь будем поджигать костер при помощи зажигалки, которой хватит максимум на

неделю.

— Честное слово, не туристы, а бомжи.

— Просто мы не оцениваем комфорт, как приоритет. Хотя, будь у нас огромные средства, вряд ли бы мы отказались от автодома и гриля.

— На самом деле я тоже нищий.

— Да ну?

— Я продал дом в Уэльсе, чтобы приобрести эту красавицу.

После инцидента с косячком мы с Дэвидом стали много общаться. Я узнала о том, что он был поздним ребенком и свою мать почти не помнит. Его отец скончался на семидесятом году жизни от инсульта, двенадцать лет назад, а старший брат Томас (он был старше Дэвида на девять лет), так и не женившись, и не оставив детей, умер десять лет назад от передозировки кокаином. Отец Дэвида был ученым-химиком и после своей смерти оставил своим сыновьям право владения патентом на лекарственное средство, формулу которого он вывел за пять лет до своей кончины. Это было лекарство от гипертонии, продажа которого, по относительно низкой цене (что способствовало его популярности), была налажена во всем Евросоюзе. Из-за постоянного потока денег у Томаса появилась возможность покупать себе самый дорогой наркотик, но Дэвид только начинал догадываться о том, что с его старшим братом что-то происходит, как вдруг ему позвонили из морга и сообщили о смертельном передозе Томаса. Томас тогда жил в отцовском доме в Уэльсе, а Дэвид снимал квартиру в Лондоне, именно поэтому он не успел вовремя заметить внезапно появившуюся наркотическую зависимость брата. После смерти Томаса, когда Дэвид стал единственным правообладателем патента, он снизил цену на лекарственный препарат еще на тридцать процентов, в итоге сделав его самым доступным для гипертоников. Оказывается, Дэвид был офицером элитных войск специального назначения Великобритании, пока три года назад не уволился из них, чтобы продать отцовский дом и отправиться в путешествие на колесах. Он мог себе позволить не беспокоиться о финансировании своего путешествия, так как ежемесячно получал с патента не менее пяти тысяч долларов. Продав же дом и осуществив свою задумку, Дэвид жалел лишь об одном — что не сделал этого раньше.

Мне с трудом верилось в то, что за тридцать семь лет у этого мужчины было всего шесть девушек и ни единого случайного секса. При этом две из шести девушки бросили Дэвида из-за его вечной занятости на работе, а остальных бросил он — одна увлекалась алкоголем, у второй было пристрастие к ночным клубам, третья украла у него серебряные часы отца, чтобы погасить кредит бывшего бойфренда (часы ему потом пришлось выкупать в ломбарде), а последнюю он застал за изменой в собственной квартире со знакомым сержантом — и это с учетом того, что он с этой девушкой встречался целых два года! После последнего случая, по результатам которого Дэвид накостылял салаге и вышвырнул за порог девушку легкого поведения вместе со всеми её тряпками, он, наконец, решился на радикальные перемены в своей жизни, посредством затяжного путешествия.

Дэвид был увлекательным рассказчиком. Он в ярчайших красках мог описать то, что я описывала в трех словах. Например, он говорил: «Необыкновенной красоты разлившиеся по небу сливки персикового цвета», — а я: «Смотри, какие облака!». При этом он был настолько брутальным и одновременно чутким, что взаправду мог одной рукой колоть грецкий орех, а второй сооружать десятиуровневый карточный домик. В такие моменты я смотрела на него как на представителя мужского пола из другого измерения. Мы с легкостью нашли общий язык и к середине сентября стали настоящими друзьями, хотя сложно было не заметить, что через меня Дэвид пытался проложить дорогу к Саманте, которая всё еще являлась для него неприступной крепостью. Я же была не прочь ему помочь, тем более мне было сложно разрываться между двумя материками, поэтому всячески пыталась свести этих двоих в диалогах (которым было далеко до конструктивных!). Казалось бы — взрослые люди, обоим под сорокет, но вели они себя словно маленькие дети. И Дэвид не был исключением — если Сэм по-детски дулась сама не зная на что, тогда Дэвид походил на мальчишку, который для того, чтобы привлечь к себе внимание, дергал девчонку еще сильнее за её рыжие косички.

•
○ *

Двадцатого сентября была не самая лучшая погода. Поднялся западный ветер и мы с Сэм лежали в палатке под одеялом, надев на себя вязаные носки и толстовки, чтобы окончательно не околеть.

— Хорошо, что вчера перед сном помылись, — ухмыльнулась Саманта.

— Да уж... Но, если честно, мы уже два месяца моемся морской водой, так что...

— Да-а-а... Нам бы в какой-нибудь спа-салон сейчас.

— Или хотя бы посидеть в ванной, вымыть волосы нормальным шампунем, а не жидким мылом, сделать маникюр и вообще обмазаться увлажняющим кремом.

— Зачем тебе увлажняющий крем?

— У меня руки и губы обветрились.

— И вправду, — утвердительно хмыкнула рыжеволосая, осмотрев мои ладони. — А еще у тебя щеки немного шершавые.

— Почему ты в идеальном состоянии?! — возмутилась я.

— Ну я бы так не сказала... Хотя, да — я определенно в более лучшем состоянии, нежели ты. Это всё потому, что я привыкшая к подобным путешествиям. И еще потому, что не боюсь пробовать что-то новое, в отличие от тебя.

— Ты о чем?

— Например, я пользовалась подозрительным солнцезащитным кремом, а ты нет.

— Ты ведь знаешь, что у меня от него раздражение было. Еще есть примеры?

— Я курила травку, а ты нет.

— Я тоже курила.

— Когда? — округлила глаза Сэм.

— Три недели назад. Меня Дэвид угостил.

— Он давал тебе курить травку?! Я его убью!

— Саманта, ты куда?! — рассмеялась я, глядя на то, как рыжеволосая выпрыгивает из-под одеяла. — У него больше не осталось, — продолжала смеяться я.

— Я ему сейчас устрою, — угрожающе фыркнула Сэм, после чего вынырнула из палатки, сняв с себя носки под мой бурный смех. И так всегда — она кричит на него, а он отчаянно прикрывается сковородой, чтобы ему не прилетел хук слева.

Спустя минуту после ухода Саманты послышались какие-то возгласы, но шум ветра всё заглушал. Я взяла свой телефон и погрузилась в какую-то аркаду. Минута, пять, пятнадцать — Сэм не возвращалась. Я выглянула из палатки и не обнаружила её на пляже. Всё ясно — на сей раз ссора перетекла в машину. Вернувшись назад в палатку и не до конца застегнув вход, чтобы оставить Саманте возможность открыть палатку снаружи, я ухмыльнулась, представив какой разгром она устроит в доме этого бедняги.

Погода располагала ко сну и я даже не пыталась ему сопротивляться. В итоге я проснулась лишь в четыре часа вечера, когда Саманта постучала в палатку.

— Тебя не было два часа! — зевнув, предъявила претензию я. — Что вы... Вы что? — осеклась я, не зная как трактовать странное выражение лица своей подруги.

— Мы помирились.

— Помирились?!

— Да. У нас мир.

Глава 12. Дания. Шторм

Первые пару дней я не представляла, как именно две стихии могли помириться, пока Саманта не начала пропадать из нашей палатки в предрассветные часы, наивно предполагая, будто я ничего не замечаю. Однако в моем присутствии эти двое всё еще корчили между собой холод и натянуто избегали общения друг с другом.

— Да ладно вам, я всё знаю, — ухмыльнулась я, когда Дэвид в очередной раз принес нам ужин к костру, и мы все начали есть в нарочито прохладном молчании (со дня «перемирия» Сэм не запрещала мне вкушать пищу Дэвида и сама трескала за обе щеки, хотя и делала это «неохотно»).

— Ты о чем? — непонимающе поинтересовалась у меня моя тётя.

— Я знаю, что он крадет тебя из палатки около трех часов ночи.

— Что-о-о?! — удивленно засмеялась Сэм, словно я только что глупость сморозила.

— Ой, прекрати, я видела, как вы целовались.

— Это не то, что ты подумала...

— Нет-нет, — оборвал Саманту Дэвид. — Это как раз то, что ты подумала. Взрослый дядя и взрослая тётя присосались друг к другу с целью...

— Дэвид! — мгновенно покраснела Сэм.

— Сегодня ночью я отпускаю тебя на ночевку к Дэвиду, — засмеялась я.

— Я не буду с ним съезжаться!

— Всего одна ночь, — пожал плечами довольный мужчина.

•

○ *

Впервые за долгие месяцы путешествия я спала одна. И хотя место в палатке освободилось, и теперь никто не дышал мне в ухо, я вдруг ощутила себя словно осиротевшей. Я была искренне счастлива за Сэм и очень надеялась на то, что ей хватит здравого смысла не упустить этого идеального мужчину, но я впервые почувствовала себя одинокой на сто процентов. Прежде со мной подобного еще не случалось. Со мной всегда были рядом родственники, вечно барабнящие в мою дверь, или Сэм, втягивающая меня в неприятности и вытягивающая меня из них же. Сейчас же я ощутила себя позабытой — словно в мире не было ни единого человека, который в эту минуту мог бы думать обо мне...

Нервно вздрогнув от лунного луча, плавно проникшего в палатку, я аккуратно открыла вход, и лунный свет буквально забрызгал мою постель. Было неопишимо красивое полнолуние, озаряющее водную гладь и словно заливающее всё пространство серебром. Интересно, мои два акра луны находятся по эту или по другую сторону ночного светила? Человек, подаривший мне вечное напоминание о себе, видит сейчас ту же луну, что и я?.. Как он?

•

○ *

Саманта стала ночевать у Дэвида, хотя и вела себя достаточно безрассудно, всем своим видом показывая серьезно настроенному мужчине, что она рассматривает их отношения лишь в качестве кратковременного увлечения.

— Она уже моя, — как-то раз, хитро прищурившись и наблюдая за тем, как Саманта собирает ветки на пляже, констатировал Дэвид, облокотившись о свой дом. — Просто она еще этого не поняла. Но это ничего. Пройдет время и она выкинет из своей рыженькой головки все эти свободолюбивые штучки.

Дэвид чувствовал себя хозяином и вел себя как хозяин. Но он был не тем хозяином, который словами доказывает своё главенство, а тем хозяином, который одним своим действием не оставляет ни малейшего шанса на оспаривание принятого им решения. Однако это абсолютно не значило, что он никого не слушал. Наоборот, Дэвид всех выслушивал, делал вывод и только после этого решал, что именно и как будет на самом деле. Саманта только корчила, в буквальном смысле этого слова, из себя главную, при этом сама прекрасно осознавая, что полностью подчиняется воли этого мужчины. Рыжеволосая топала ногой, и всем казалось, будто Дэвид и вправду делает так, как она желает, но на самом деле всё происходило так, как хотел он. Она не хотела ужинать, потому что ненавидела брокколи, и мы не ужинали... По крайней мере брокколи — мы ели бифштексы. Она не хотела идти спать к Дэвиду и не шла — Дэвид сам её переносил. Она не хотела, чтобы Дэвид разжигал костер, и он не разжигал (в мелочах, всё-таки, он ей уступал).

Дни становились короче, а ночи всё холоднее. Температура воздуха по ночам порой падала до десяти градусов. Начались пасмурные дни, из-за которых невозможно было помыться не замерзнув, поэтому с конца сентября я мыла только голову. Правда третьего октября, в день рождения Сэм, погода со второй половины дня была солнечной и безветренной, поэтому нам всё-таки удалось помыться полностью. Естественно мне нечего было подарить своей подруге, за исключением своих сильных объятий, но Дэвид приготовился к этому дню основательно (я его заранее предупредила о значимости этой даты). Под вытяжным тентом у своего дома он организовал настоящий пикник, по окончании которого даже торт с одной свечкой представил. Не смотря на то, что к вечеру поднялся сильный ветер, Сэм всё же умудрилась задуть свою свечу самостоятельно. Я не могла вспомнить, когда в последний раз ела торт (наверное на свой день рождения, в компании братьев Олдриджей), возможно именно поэтому он казался мне необыкновенно вкусным. После плотного ужина последовали песни. Чуть больше недели назад мы выяснили, что Дэвид отличный игрок на гитаре и с тех пор он каждый день учил нас правильно беспокоить струны на его раритетном инструменте. А так как мне делать особо было нечего, я каждый день занималась игрой, сидя на ступеньках передвижного дома, пока недопарочка гуляла где-то неподалеку. В итоге, хоть и по чуть-чуть, но я делала свои первые успехи в музыке.

На следующую ночь после дня рождения, Сэм впервые осталась ночевать со мной. Конечно я испугалась того, что она могла серьезно поссориться с Дэвидом, но причина была глубже.

— То есть ты осталась ночевать со мной лишь из-за того, что у тебя критические дни? Не вижу связи.

— Что ты, что Дэвид, честное слово... Я не скрываю того, что между нами возник мимолетный роман и мы друг с другом только ради секса. Поэтому я не вижу смысла ночевать у него без надобности. Ну ты понимаешь...

— Серьезно?

— Да.

— Ты это Дэвиду говорила?

— Да.

— И что он?

— Говорит: «Конечно-конечно», — после чего улыбается или хмурится и разводит руками. Я даже не уверена в том, что он меня понимает.

— Зато я уверена в том, что ты не понимаешь его. И после этого вы еще меня дурой называете.

— Когда это я называла тебя дурой, и кто это «мы»?

— Ты и Эмилия, на девичнике Тэмми.

— Это когда я говорила, что Олдридж хочет тебя сожрать от страсти...

— Забей, — фыркнула я, резко отстранившись от рыжеволосой и она сразу же замолчала.

Каждые новые сутки становились всё более холодными, а седьмого октября даже пошел холодный дождь. Дэвид настаивал на том, чтобы мы перебравшись жить к нему, убеждая нас, что в его машине хватит места на четверых мужиков, не то что одному громиле, одной рыжей щепке и половинке подростка, но Саманта не собиралась так легко сдаваться в его цепкие руки. Она ясно дала понять парню, что предпочитает мерзнуть в трясущейся от ветра палатке, кутаться в те немногие теплые вещи, которыми мы обладали (всего пара толстовок на двоих и тройка носков) и греться у костра вместо обогревателя, нежели принимать хоть какую-то помощь от него. Исключением стал плед, который Дэвид злостно швырнул в нашу палатку, когда мы укладывались спать, не дав ни единого шанса на сопротивление со стороны Сэм, за что я была ему искренне благодарна. В конце концов от упрямства рыжей страдала и я. Больше всего на свете в сложившейся ситуации я боялась заболеть, так как денег на банальную аспирилку у нас не было. Вывод: простуда подобна гибели. Поэтому когда на пятый день промозгой погоды я начала чихать, от страха моё сердце упало в пятку и впечаталось в песок. Я сразу же начала нервно просматривать наши закрома: пару евро, горстка датских крон, несколько банок тушенки, бутыль пресной воды и сушки. Британская земля вдруг замаячила у меня перед глазами, и в груди сжался комок паники. «Нет-нет-нет... Только не туда... Только не обратно!» — Пронеслось у меня в голове всякий раз, когда Сэм заговаривала о том, что через пару дней нам придется сворачивать свой лагерь. А делала она это с каждым днём всё чаще.

На шестую ночь после беспросветной серости со дня рождения Саманты, мы проснулись от громких хлопков. От страха, я вся съежилась — казалось, будто где-то над нашими головами выпаливает настоящая пушка. Этой пушкой оказался Дэвид. Он хлопал в ладоши над нашей палаткой и что-то кричал. Из-за страшного шума, по-видимому, принадлежащего внезапно разгулявшейся непогоде, я на несколько секунд потерялась в пространстве.

— Дэвид? — протянула Сэм, всматриваясь в мой мобильный. — Пять утра, что ты...

— Сэм, — испуганно окликнула рыжеволосую я, почувствовав под собой ледяную сырость. Мы спали в воде!

— Вам жить надоело? — сквозь дикий порыв ветра и рычание разбивающихся волн, прокричал Дэвид, после чего Саманта резко открыла палатку и выскочила из нее, потянув за собой и меня. Кромешную тьму разрезал только свет фар заведенной машины Дэвида. С неба лились потоки воды, а волны разбушевавшегося моря были настолько высоки, что добежали на пять шагов дальше нашей палатки. Как нас до сих пор не затянуло в море — было не понятно. Мы инстинктивно стали собирать вещи, которые промокли до последней нитки. Внезапно Дэвид вдруг схватил палатку и, не разбирая, потащил её в сторону своего дома. Наскоро засунув всё и в без того заполненное, багажное отделение, мы с Сэм нырнули внутрь машины, пока Дэвид всё еще возился с палаткой. Только сейчас, оказавшись в жгучем тепле, я вдруг поняла, что промерзла не то что до костей, а насквозь. У меня, в буквальном смысле, зуб на зуб не попадал. В ожидании Дэвида мы встали у самого входа на кухне, не решаясь пройти внутрь. Примерно спустя пять минут Дэвид резким движением открыл дверь и вошел внутрь мокрый, словно его только что окатили из ведра.

— Вы еще не переоделись?!

— А должны были?! — с вызовом начала Сэм.

— Должны, — мгновенно оборвал её Дэвид, после чего стянул с себя куртку, заставив и нас снять свои промокшие толстовки. После он отправился в сторону спальни, и я видела, как он вытаскивал какие-то вещи из подкроватного шкафа. Через пару секунд Дэвид выдал нам по огромному махровому полотенцу с мочалками и приказал по очереди идти в душ. Меня долго уговаривать не пришлось — я буквально влетела в душевую комнату первой. Раздевшись, я приоткрыла дверь и бросила комок мокрой одежды в коридор на пол, рядом с чистой футболкой, которую любезно предоставил мне Дэвид.

Душ я принимала не дольше десяти минут, но это были самые чудесные десять минут за прошедшие месяцы (за исключением ужинов в исполнении Дэвида). Я вымыла волосы каким-то мятным мужским шампунем, тщательно проскребла себя мочалкой и трижды обдалась горячей водой. Я могла бы простоять под душем еще час, если бы не переживала за количество горячей воды, которой должно было хватить на троих.

Когда я вышла, Дэвид копался в холодильнике, Сэм же с надутыми щеками прошагала в сторону душевой, параллельно подобрав мои вещи, чтобы забросить их в стиральную

машинку. Я еще раз поправила на себе огромную футболку Дэвида (она почти доставала мне до колен!), которая смотрелась на мне, как громадный балахон.

— Горячее молоко? — поинтересовался Дэвид, не смотря на меня.

— Было бы не плохо.

— Твою ж мать! — выдохнул мужчина, переведя на меня взгляд. — Ты как из фильма «Звонок», честное слово! И чего же ты такая худющая? Еще минус несколько грамм и ты в стадии анорексии. Говорят, что перед сном есть нельзя, но я тебя определенно накормлю. Уж лучше спать с полным желудком, нежели поутру отбивать его от спины или вовсе проснуться прозрачной. Встань-ка на весы, — попросил мужчина, после чего вытянул из-под кухонного гарнитура напольные весы. — Какой у тебя рост?

— Метр семьдесят один.

— Сорок восемь килограмм?!

— И сто грамм...

— Ты издеваешься?!

В начале апреля я весила шестьдесят семь, выходит, что за полгода я сбросила целых девятнадцать кило.

•
○ *

— И это всё? — глядя на то, как я отодвигаю от себя оставшиеся полкружки молока и кусок пирога, удивленно поинтересовался Дэвид.

— У меня ведь не зверский аппетит.

— Ты когда в последний раз ела горячее?

— Мы с Сэм каждый день завариваем чай... Кстати, как она? — заговорчески прошептала я, решив отвести тему подальше от моего истощения. — Дуется?

— Подуется и перестанет, — махнул рукой Дэвид как раз в тот момент, когда Саманта вышла из душа.

— Будешь? — поинтересовался мужчина у рыжеволосой, указав пальцем на яблочный пирог.

— Нет, — хмуро ответила Сэм, скрестив руки на груди. Она была в просторной рубашке Дэвида, которая на ней больше походила на платье огромных размеров.

— Тогда распределяем спальные места.

— Я сплю с Глорией.

— Хорошо, — неожиданно легко согласился Дэвид и указал нам рукой на спальню. — Вы спите в спальне, а я на антресоли над гостиной.

Сэм сразу же молча развернулась и отправилась в спальню. Я уже встала, чтобы последовать за ней, но Дэвид незаметно остановил меня.

— Ты спишь над гостиной, — шепотом произнес он, наклонившись ко мне и заговорчески заглянув мне в глаза. У него были такие красивые голубые глаза, что я улыбнулась от мысли о том, какой же красавец всё-таки достался Саманте.

Я потихоньку вскарабкалась на антресоль и закрылась натяжной шторкой, перед этим заметив, как Дэвид закрывает за собой дверь в спальню. Я досчитала до пятидесяти — тишина. Значит, у него всё получилось. Замечательно. Потянувшись к выключателю над головой, я отключила свет, укрылась невероятно мягким, теплым одеялом и провалилась в глубокий сон.

Глава 13. Переезд

Я удивилась тому, что умудрилась проспать до десяти часов. В последний раз я спала так долго в Амстердаме у Флёр, но это было так давно, что казалось странным сном. Спустившись вниз я поежилась от холодка, прошедшего по моим голым ногам. На кресле я обнаружила свои джинсы, футболку, кофту, нижнее белье и пару носок, торчащих из порванных кед — по-видимому всё, что умудрилось не намочить этой ночью. Убедившись в том, что в машине никого нет, я по-быстрому переоделась и поняла, что холод идет от открытой настежь двери.

— Доброе утро, — поздоровался со мной Дэвид, явно пребывающий в приподнятом настроении.

— Что она делает? — поинтересовалась я, сев на ступеньку у входа, наблюдая за тем, как Сэм, сидя в ближайших кустах, собирает остатки нашей разобранной палатки.

— В общем, у нас тут такой расклад — у вас нет денег на то, чтобы вернуться в Британию. Саманта попросила у меня в долг на билеты, и я согласился ей одолжить, только...

— Только?

— Взамен с вас генеральная уборка, — как-то хитро подмигнул мне Дэвид, тем самым давая мне понять, что уборка — это какая-то уловка высшего уровня, которую я еще не до конца понимала. — Саманта уже перебрала ваши вещи, постирала и развесила их в душевой, так что не советую туда соваться, и, судя по всему, почти закончила копошиться с палаткой.

— Что осталось мне?

— Тебе? Даже не знаю... Можешь протереть пыль, правда её у меня нет...

— Еще я могу приготовить завтрак.

— Верю, но давай не сегодня. Хочу сегодня узнать, как готовит моя будущая жена, — тяжело вздохнул Дэвид, посмотрев в сторону Сэм, которая нервно швыряла железные прутья в одну кучу.

— Ха! — только и смогла ошарашенно ухмыльнуться в ответ я, не до конца понимая — это он серьезно или так шутит?

Пыли в апартаментах Дэвида и вправду не оказалось. Я протиснулась абсолютно во все щели, но тщетно — было стерильно чисто.

Не смотря на наличие огромного количества еды в холодильнике, мы ели банальную яичницу, которая должна была выразить протест Сэм по поводу того, что именно она должна готовить завтрак. Плюс ко всему, рыжеволосая специально пересолила порцию Дэвида, пока тот не видел. Она высыпала чайную ложку соли с горкой в его тарелку и уже готовилась праздновать победу, но Дэвид с серьезным выражением лица прожевал свой завтрак, после чего твердо заявил, что это была самая вкусная яичница в его жизни. После услышанного у меня отвисла челюсть (я даже не пересоленную яичницу в исполнении Саманты еле как проглотила, так как она её еще и специально пережарила). Осознав своё поражение, рыжая недовольно фыркнула, после чего попросила у Дэвида сто датских крон в счет долга, чтобы отправиться в город и купить основной паек для нашего отбытия в Британию, которое должно было состояться завтра. От одной только мысли о том, что нам предстоит перелет в Лондон, у меня резко сжался желудок. Хотя, может быть, это был всего лишь результат плохо усвояемой яичницы. Дэвид выдал Саманте просимую ей сумму, после чего я отказалась идти с подругой в город, ссылаясь на кашель, который обрела вчера ночью, и на промозглую погоду. Саманта благополучно приняла мои объяснения в качестве уважительной причины и, надев свою старую куртку с еще более старой бейсболкой, отправилась в город, сказав, что задержится там до вечера, что, по-видимому, должно было значить, что она не хочет находиться под крышей дома Дэвида и чувствовать себя под его опекой.

У меня и вправду был сильный кашель. Помня горький опыт с Германией, я боялась жестких последствий вчерашней ночи, поэтому в течение дня беспрекословно пила неизвестные мне шипучки, которые подсовывал мне Дэвид.

Саманта вернулась в пять часов и решила с нами разделить игру в карты, в итоге постоянно проигрывая мне или Дэвиду. Раньше ей постоянно везло в играх, в Эрфурте она минимум два десятка раз обыграла Тайлера, поэтому сейчас рыжеволосая не могла смириться со своими поражениями, пока, наконец, не начала отыгрываться. А делать это она стала лишь около девяти часов вечера, когда все булочки с маком и литр лимонного чая исчезли со стола. Не дожидаясь пока Сэм доиграет партию с Дэвидом, я встала со своего места и полезла на кровать.

— Завтра встаем в семь утра, — проводила меня тяжелым взглядом Саманта, после чего твердо добавила. — Британия ждет.

Лучше бы она этого не говорила. От одной только мысли о завтрашнем дне моё сердце срывалось с ниточки и катилось в сторону печени. Я настолько не хотела возвращаться домой, что в мою голову даже начали забираться мысли о побеге, но они были настолько безумными, что я прекрасно осознавала всё своё бессилие. Бессилие... Слово, таящее в себе ужас.

Я аккуратно забралась на свою антресолю, пытаюсь не забывать о том, что одно резкое движение может стоить мне шишки на лбу, после чего еще минут пять вертелась, чтобы стянуть с себя одежду. Следующие полчаса я корчилась от душевного стога, пытаюсь подавить его сном, что, в итоге, у меня всё же получилось.

- - *

Я проснулась от неопознанной моим организмом тряски. Протирая глаза, я посмотрела на микроскопический светящийся циферблат, мигающий на правой стене антресоли от меня, показывающий ровно половину шестого. С мыслью о том, что можно спать еще полтора часа, я залезла с головой под одеяло и вдруг резко сдернула его с себя, уставившись в панорамное окно над головой — луна, звезды и рваные облака словно бежали за мной. Только заметив это я расслышала звук мотора и поняла, что мы движемся. Пару раз стукнувшись головой о низкий потолок, я надела штаны с футболкой и, схватив толстовку, спустилась вниз, едва не свалившись на кресло в гостиной. В машине было относительно темно, поэтому я дважды стукнулась ногой о разные косяки, пока оказалась у водительского сиденья. Дэвид сидел за рулем и, услышав моё приближение, обернулся, после чего буквально рассек темноту своей белоснежной улыбкой.

— Ты куда это? — непонимающе-сонным голосом поинтересовалась я.

— Не я, а мы. Присаживайся рядом.

— Куда это мы? — послушавшись указания Дэвида и сев на сиденье рядом с ним, перефразировала свой вопрос я.

— В Австрию.

— Куда?!

— В Германии я уже был, да и вы побывали, так что мы едем в Австрию.

— Ты что... Типа нас берешь с собой?

— Нет. Я типа вас краду с собой, — ухмыльнулся Дэвид. — Просто ты, в отличие от Саманты, чутко спишь.

Слова Дэвида заставили меня улыбнуться. Я не могла не улыбаться, ведь мой кошмар отодвинули на несколько тысяч миль — теперь мне не придется возвращаться домой, чтобы сидеть в своей комнатке в подвешенном состоянии, с навязчивой мыслью о том, что я

определенно не знаю, кем могу быть в этой жизни, если только не разбитой копилкой счастья.

Заварив себе и Дэвиду крепкий чай, и разлив его по термocupкам, я села на переднее сиденье и, подобрав под себя ноги, начала наблюдать за ночной дорогой. Ночь была чудесная — луна светила на тысячу ватт, отчего казалось, будто мы пробираемся по залитой серебром, сумеречной дорожке.

•
○ *

В семь часов, когда уже достаточно рассвело, мы решили припарковаться на ближайшей остановке, чтобы избавиться от излишков чая в организме (всё-таки англичане определенно помешаны на чаепитии). Оставалось всего пятьдесят метров до остановки, когда за нашими спинами послышались уверенные шаги Саманты, заставившие меня интуитивно спустить свои ноги с панели и вжать голову в плечи. «Вот бы не психанула, вот бы не психанула!» — проносилось у меня в голове, пока Сэм мерила шаги в нашу сторону.

— Что здесь происходит? — наконец прозвучал ожидаемый вопрос над нашими головами.

— Он нас похищает, — переведя взгляд с серьезного Дэвида, паркующегося в десяти метрах от туалета, ответила рыжеволосой я. — Вернее не нас, а тебя. Я-то ему и даром не сдалась... Просто приданое.

Сэм всё еще находилась в рубашке Дэвида, но уже застегивала ширинку на своих драных джинсах и делала это так мощно, что даже Дэвид прищурился, посмотрев в зеркало заднего вида.

— Я в туалет, — резко метнувшись мимо рыжеволосой, выбежала из машины я, не желая наблюдать за тем, как мои надежды на безоблачное будущее, в виде следующих пары недель, рассыпаются в прах.

Утро было застывше-промоглым, поэтому я решила отправиться к туалету трусцой, чтобы лишний раз не дать своему организму повода для заболевания, тем более кашель меня всё еще мучал. Я впервые в жизни так радовалась общественному туалету, считая его кристально чистым и уютным (естественно, два с хвостиком месяца корячиться в пляжном биотуалете!). Тщательно вымыв руки, я битых пять минут стояла напротив зеркала, держа ладони под потоком горячего воздуха, изрыгаемого электросушилкой. За последние пару месяцев я отвыкла от собственного отражения и сейчас замерла, увидев перед собой неизвестную мне девушку — густые локоны переплелись между собой, словно канаты, ногти на руках забыли о значении слова «маникюр», губы потрескались от морской воды, кожа рук превратилась в наждак, но самым страшным было даже не это. Самым страшным была моя резкая перемена в весе. Передо мной стояла тощая девчонка лет восемнадцати, с обострившимися скулами вместо милых щечек и огромными сизыми глазами, которые не выражали ничего, даже боли. Те вещи, которые прежде сидели на моей фигуре впритык, теперь висели на мне сплошным балахоном, словно я была вешалкой — штаны буквально приходилось подвязывать на

костлявых бедрах веревкой-канатом.

Я только успела погрузиться в мысли о том, как успешно запустила свою внешность за прошедшие полгода, как вдруг входная дверь открылась и Сэм прошагала мимо меня, ни единым движением не подавая намека на то, как прошли её дебаты с Дэвидом. Ожидая её выхода из кабинки, я снова поднесла руки к автоматическому крану, после чего повторно принялась их сушить. Примерно через минуту послышался резкий спуск воды, и спустя несколько секунд Сэм встала в паре шагов от меня, начав невозмутимо вымывать свои руки. Я наблюдала за ней через зеркало, круто облокотившись левым плечом о стену и, под гулкий шум работающей перед моим лицом сушилки, пыталась понять, какова моя дальнейшая судьба (а она напрямую зависела от решения Саманты). Наконец, мы встретились в отражении взглядами и спустя пару секунд Сэм начала широко улыбаться мне, словно я застала её с поличным. Мы перевели взгляд друг на друга, и Саманта стряхнула на меня воду со своих рук, давая понять, что мне необходимо отвалить от сушилки. Я сделала шаг назад и, облокотившись спиной о холодную плитку, начала наблюдать за краснеющей тетей. Сэм так редко в своей жизни краснела, что для меня это было чем-то наподобие северного сияния в Европе.

— И что значит твоя улыбка? — хмыкнув, заговорчески улыбнулась я.

— Это значит, что твоя тетка сошла с ума.

— Да ну-у-у...

— В общем... Меня никто и никогда в жизни не похищал, поэ-э-это-о-ому-у-у...

— Ты в него влюблена?

— Нет.

— Нет?

— Не при малолетних будет сказано: я не влюблена — я люблю.

— Кто тут малолетний?! — наигранно возмутилась я. — Сама-то корчила из себя не пойми что...

Мы вернулись в «наш» дом на колесах прежде, чем Дэвид успел возвратиться первее нас. Когда он пришел, они с Сэм буквально впились друг в друга губами, отчего мне вдруг стало неловко (я еще ни разу в жизни не видела, как Саманта пытается кого-то съесть у меня на глазах).

— Кто рискует — побеждает![9] — улыбнулся мне Дэвид, и я сразу же поняла, что Сэм по уши влипла.

Глава 14. Транзит

Под Ганновером мы попали в страшную пробку, в которой пришлось проторчать целых пять часов. После первого часа, когда стало ясно, что мы двигаемся со скоростью черепашки, которой откровенно далеко до ниндзя, я залезла на свою антресоль-кровать, оставив новоиспеченную парочку наедине. Рассматривая тусклые капли прошедшего недавно дождя, которые серебристыми бусинками рассыпались по панорамному окну над моей головой, я не заметила, как заснула. Проснувшись через два часа и узнав, что мы всё еще в заднице, я разделила обед со своими спутниками. Сэм никогда не отличалась супер-способностями в готовке, но на сей раз её омлет был изумителен. Раньше, из-за недостатка еды, мне казалось, что я способна съесть слона, лишь бы потушить урчание в желудке, сейчас же я поняла, что для этого достаточно всего лишь сто грамм омлета и кусочка ветчины. По-видимому, за время, которое я прожила впроголодь, мой желудок сжался до размеров горошины и теперь отказывался съедать больше, чем на это была бы способна церковная мышь. Однако на аппетит Сэм почти ничего не могло повлиять, за исключением плохого настроения. Она по-прежнему уплетала вполонину больше моего и, не смотря на калории, совершенно не набирала в весе. За прошедшие полгода она похудела максимум на пять кило, в то время как я потеряла девятнадцать! Возможно, всему виной была неприспособленность моего организма к подобным шатаниям по миру или же всему виной было моё горе.

Всё это время мы активно переписывались с Тайлером (за исключением месяца, в котором наши телефоны были лишены питания). Вообще переписка была относительной, так как я вроде как утратила функцию, которая отвечала за длительную поддержку даже самых интересных диалогов. Поэтому Тайлер всегда писал мне первым, узнавая как у нас дела, где мы и что делаем, а когда не получал от меня ответа (каждый второй раз) он вступал в переписку с Сэм, которая с удовольствием обменивалась с ним фотоотчетами. Поэтому не удивительно, что проезжая поворот на Эрфурт возле Кирхгайма, Сэм вспомнила о нашем общем знакомом и захотела с ним списаться, но я вовремя убедила её в том, что лучше этого не делать, так как предчувствовала, что эта переписка может стать фатальной для нашего времени — в итоге мы повернем на Эрфурт и задержимся там в навязчивом обществе доброжелательного Тайлера Купера.

С домом связь снова возобновилась — регулярно один раз в неделю мы разговаривали с домашними по часу-полтора. Сэм в основном рассказывала наши новости, после чего трубку брала я и слушала домашние сплетни. У них всё было хорошо и этого было достаточно для моего душевного спокойствия.

- - *

В Вену мы въехали в половину двенадцатого. Мы выбрали для стоянки кемпинг Вена-Вест, так как он находился всего в двадцати пяти минутах от центра города, в непосредственной близости от многочисленных пеших и веломаршрутов и, плюс ко всему, он располагался на окраине Венского леса. Правда расценки здесь слегка кусались — 8.50 евро за автомобилем. Дэвид оплатил место до начала декабря, отдав кругленькую сумму за данное удовольствие. Но, по-видимому, эта сумма казалась кругленькой только для меня, так как Дэвид даже не успел понять, в чем суть моего негодования.

- Ты платишь за нас троих, — неудовлетворенно заметила я, пока Сэм отлучилась в туалет.
- Мы должны скинуться.
- Откуда вы должны скинуться? Только не бросайся со своей антресоли.
- Нет, я серьезно...
- Забей. Если бы я парковался один, с меня бы взяли ту же сумму.
- Но продукты питания, бензин... Да вообще всё оплачиваешь ты один.
- Не прошло и суток, а ты уже начинаешь развозить феминизм по салону моей машинки. Знай, что я только за его умеренность.
- То есть?
- То есть я согласен с тем, что женщина имеет право голоса, но определенно против того, что он может быть решающим.
- Воу-воу-воу... Что я слышу, — ухмыльнулась появившаяся в дверях Сэм, явно не согласная с мнением своего бойфренда.
- Ты моя гражданская жена и мы до сих пор не зарегистрировали брак лишь потому, что ты должна больше узнать о моем взгляде на отношения между женщиной и мужчиной.
- Я даже не заметила, когда успела стать твоей гражданской женой, — хотела парировать Сэм, но Дэвид её оборвал.
- В тот момент, когда мы переспали. Итак, перед браком ты должна уяснить, что главный в семье мужчина.
- Перед браком, ты должен уяснить, что это только видимость, — ухмыльнулась Саманта.
- Я совершенно с этим согласен, — неожиданно выдал Дэвид.
- Что?! — дружно выпалили в один голос мы.
- Главная в семье женщина, — продолжил удивлять нас Дэвид. — Она создает стержень внутреннего мира пары. Мужчина же создает бронированную обертку для этого стержня. Это и есть залог успеха. Женщина должна не только быть капитаном внутреннего мира пары, но и не мешать мужчине создавать видимость того, что капитан именно он. При этом капитаном себя должен чувствовать не только он, но и окружающие его люди. Абсолютно всё равно, что он и общество считают его главным — капитан всё равно женщина. Главное, чтобы все думали наоборот. Невидимое должно в корне отличаться от видимости, понятно?
- Понятно, — кивнула головой я, разинув рот.

— Замечательно. Раз все всё усекли, значит, никто никому не будет мешать играть свои роли. Я — мужчина, Сэм — женщина, а ты — то ли младенец, то ли подросток — я пока не определился. Итак, я создаю бронированную обертку для наших отношений. Вот деньги, завтра возьмете велосипеды напрокат, они здесь по доступной цене, и отправитесь привести себя в порядок — купите себе нормальных шмоток, кремов и прочего барахла, которое сможет вывести вас из бомжеватого вида — это касается тебя, Глория. Саманта всегда прекрасна, даже в мешковине.

— После твоих слов я чувствую себя хуже оборванки, — поморщившись, призналась я.

— Зато я себя чувствую королевой, — улыбнулась рыжая. — А ты что будешь делать?

— Высыпаться.

— Весь день?

— Да. Я за рулем пробыл тринадцать часов и я планирую переутомиться ночью, так что, прошу, избавь меня от шопинга, — твердо произнес Дэвид, после чего встретился с многозначительным взглядом Сэм и добавил. — Пожа-а-алуйста. Умоляю, мой капитан, не подвергайте меня мукам.

— Только сегодня ночью, — улыбнулась Сэм, пока я распутывала наушники. Хорошо, что я приняла душ в дороге! На фоне бушующих гормонов этой парочки у меня сейчас точно не было шансов помыть голову.

— Ребята, можете шуметь — ближайший час я буду слушать музыку на всю мощность, после чего успешно отключусь, — криво улыбнулась я.

Дэвид сопровождал Саманту до спальни и закрыл за собой дверь, пока я поспешно распутывала провода наушников, чтобы не услышать ничего лишнего и мне повезло — под звуки тяжелого рока не было слышно ни единого возгласа или скрипа и вскоре я заснула легким сном.

Глава 15. Австрия. Вена

Утро было прохладным, с солнечным рассветом, который намекал на теплый день. В половину девятого мы арендовали велосипеды и направились в город. Зайдя в огромный торговый центр, я словно очутилась в эпицентре цивилизации, с которой не контактировала последние пару месяцев. И хотя Дэвид дал нам достаточно денег, чтобы обмундировать триста спартанцев, мы всё равно бродили по полупустому торговому центру в поисках самого дешевого магазинчика. Я никогда не любила толпу, поэтому была рада тому факту, что раннее время буднего дня способствует отсутствию покупателей, что равнялось снижению шума до минимума.

Мы уже хотели отправиться в менее дорогостоящий торговый центр, когда нашли на нижнем уровне, в самом углу под лестницей, стоковый магазин. Кроме нас, пары хипстеров и

сурового байкера здесь никого больше не было, если не считать трех консультантов. Торговое помещение было просторным и в нем можно было найти всё от нижнего белья до курток. Перемерив с тонну шмоток, я словила себя на мысли о том, что в последний раз занималась шопингом на Виргинских островах, в тот день, когда Мартин едва меня не утопил. Отогнав эти мысли в потаенный уголок моего угнетенного сознания, я продолжила натягивать штаны. Оказалось, что на мою костлявую задницу умудряются подходить джинсы с манекена, а футболки я могла примерять детских размеров. Самым большим минусом моего резкого похудения неожиданно стало то, что моя пышная грудь вдруг ужалась с третьего размера до второго, о чем предательски свидетельствовал кружевной лифчик, в котором моя грудь буквально утопала. Подумаешь! Зато в хлопковом бюстгальтере моя грудь выглядела потрясно!

В итоге я купила себе пару джинс, три футболки, новую толстовку, способную первое время заменить куртку, зимнюю куртку, теплую обувь, вязаную шапку с широким отворотом, перчатки, набор носков, пару лифчиков и несколько трусов. И хотя Сэм набрала себе в половину больше моего, у нас на руках всё еще оставалось тридцать пять процентов от общей суммы, выданной нам Дэвидом, десять процентов из которой мы впоследствии успешно потратили в косметическом магазине.

Нами было решено осмотреть город на следующий день, поэтому сразу после покупок мы вернулись к Дэvidу, который уже ожидал нас с обедом (хотя уже было три часа дня). Остатки дня мы мылись, стирались, сушились, приводили кожу в порядок разнообразными кремами и постоянно что-то жевали. Я нашла у Дэвида коллекцию из десяти книг, три из которых я прежде уже читала, и взяла себе для прочтения самую незнакомую из них. В итоге, сразу после ужина, я отключилась на своей антресоли с книгой на голове.

- - *

К началу декабря Вена успела нам прискучить, не смотря на то, что благодаря Дэvidу мы расширили свой туристический диапазон — теперь мы могли посещать музеи (раньше обходились без подобной роскоши) и пробовать не самую дешевую местную кухню (прежде отдавали предпочтение фастфуду).

Итак, вещи, которые мы сделали за двадцать один день:

- 1) Ощутили на себе гастрономические прелести Австралии, которые, кстати, прибавили мне сто грамм к весу. Венские колбаски были настолько разнообразными, что едва ли за прошедшее время мы успели перепробовать все их вариации, венский же кофе, по сравнению с Амстердамским, оказался неопиcуемо вкусным. Шницель из телятины — это вообще отдельная песня. За три недели мы пробовали его трижды и все три раза его размеры превышали размеры тарелки, на которой он лежал, а его вкус каждый раз производил мощный эффект на мои рецепторы.

К концу ноября мы добрались до винодельни и безбашенно просадили пятьдесят евро на пару бутылок вина, которое потом успешно осушили в доме. Я снова напилась, но на сей раз

это было не в виде пьяного угара в каком-нибудь клубе за счет пускающего слюни сопляка. Напившись вместе с Дэвидом и Самантой, я мило улыбалась, смотря французскую комедию, пока мне не захотелось плакать и я не отправилась на свою антресоль, чтобы благополучно отключиться.

2) Минимум три раза в неделю мы все вместе проводили время в Венском лесу, хорошо известным по произведению Штрауса «Сказки Венского леса». Не смотря на то, что это удовольствие было абсолютно бесплатным, оно же и являлось самым чарующим. Я гуляла по лесу почти каждый вечер, чтобы не мешать Дэвиду с Самантой в их любовных играх.

Естественно я с самого начала прекрасно понимала, что являюсь для Дэвида всего лишь дополнением к Саманте. Изначально я думала, что я такое дополнение, которое поначалу может неплохо пригодиться и, если всё получится в процессе покорения рыжеволосой, позже начнет становиться обузой. Но обузой я всё еще себя не чувствовала, чему была благодарна учтивому Дэвиду и сердобольной Саманте, а вот одиночество начала ощущать сильнее, так как с некоторых пор всё внимание этой парочки было зациклено исключительно друг на друге.

3) Пару раз побывали на блошином рынке, где Дэвид приобрел неплохой ручной фонарь и какие-то инструменты, а Сэм купила милого садового гнома для мамы. Я же ничего не покупала и вообще сузила свои желания лишь до гастрономических потребностей, всякий раз, с трудностью принимая от Дэвида какие-нибудь сувениры в виде брелка или магнитика.

Рынок Kettenbrückengasse (Naschmarkt) — это вообще нечто невообразимое. Здесь можно найти всё от спичек до мобильных телефонов, но мы старались оказаться на нем с утра пораньше, чтобы потом не быть затоптанными толпой туристов.

4) Побывали в музее музыки, музее современного искусства, имперской сокровищнице и музее Моцарта. Если честно, на музеи, как на развлечение, мы потратили больше всего средств, а большим удовольствием всё равно оказалось бесплатное посещение Венского леса. Конечно, на фоне всех музеев запомнилась именно сокровищница, своими драгоценностями императоров Священной Римской Империи X/XI веков — имперскими клейнодами и так называемыми Бургундскими реликвиями с регалиями ордена Золотого руна: имперской короной, крестом и мечом. Потом полночи снился десятый век с дамами в шелковых платьях.

5) На фоне прекрасного здоровья (мой кашель к тому времени прошел) мы рискнули бесплатно сходить в оперу. Стоячие места в Венскую оперу продаются за полтора часа до начала и стоят всего три евро. Огромная толпа народа собирается с торцевого входа и «терпеливо» ждет открытия касс. Мы специально пришли за два часа до начала и в итоге не прогадали — приобрели заветные билеты в числе первой десятки счастливиц, пока остальные участвовали во всеобщей давке.

6) Дважды прокатились на трамвае «Д» — главном экскурсионном маршруте, проезжающего мимо основных достопримечательностей (Ратуши, Университета, Парламента, Дворца, Бельведера, Оперы). Еще мы не миновали вниманием трамваи № 1 и №

2, у которых также были весьма неплохие, хотя и менее насыщенные маршруты.

По сути, каждый день мы открывали для себя что-то новое в этом прекрасном городе, но к концу ноября начали повторяться: гуляли по набережной от Roßauer Lände до Schweden platz; ели мороженое у Zanoni & Zanoni; катались на трамваях; стали завсегдатаями сетевых кондитерских Der Mann & Ströck.

Когда Дэвид объявил нам о том, что мы двигаемся дальше, сильнее всего эта новость порадовала меня, так как Саманте было абсолютно всё равно, где именно будет находиться её шалаш с любимым. За прошедший месяц её характер потерпел кардинальный перелом — из сильной и независимой женщины она превратилась в любящую и заботящуюся девчонку. Я округлившимися глазами наблюдала за тем, как она добровольно порхает над плитой, складывает белье Дэвида или отдает своему любимому последнюю печенку. Но самое главное — она позволяла Дэвиду называть себя рыженькой! Дэвид не хотел называть свою возлюбленную «Сэм», так как это звучало слишком по-мужски, поэтому называл её Самантой или рыженькой и она вполне нормально реагировала на второе обращение к своей персоне. Со стороны мне казалось, что либо моя подруга сошла с ума, либо просто переехала жить в другой мир.

Глава 16. Чехия. Прага

На сей раз Дэвид решил нас предупредить о переезде за сутки до срыва с места. Сделав генеральную уборку в салоне автомобиля, перестирыв и пересушив все вещи, и забив холодильник едой, мы, наконец, отправились в путь.

Если выезжать из Вены по трассе E-461, тогда до Праги можно добраться за четыре-пять часов, в зависимости от скорости и наличия пробок, но нам не повезло. Под Брно мы прокололи колесо и нам пришлось простоять три часа в ожидании, пока служба технической помощи к нам доберется и провозится с проблемным колесом. Непредвиденные расходы значительно ударили по нашему декабрьскому бюджету, что не могло нас порадовать.

В Праге мы были в шесть часов вечера, но, из-за коротких дневных часов и морозящего дождя, казалось, будто уже все восемь. В полпятого утра мой вечно молчавший мобильный (мой новый номер телефона знали только родители) начал трезвонить и сорвался с антресоли вниз в гостиную. Быстро спускаясь вниз, я сорвалась вслед за ним и буквально бухнулась рядом с телефоном, после чего села на свою пятую точку.

— Алло, — непонимающе произнесла я, судорожно сжимая мобильный в руке.

— Сегодня, десятого декабря, в четыре часа ты в третий раз стала тётёй, — радостно прокричал мне в ухо отец.

— Что случилось?! — очутились передо мной взъерошенные Дэвид с Самантой, проснувшиеся от моего гулкого падения.

— Эмилия родила?! — на всякий случай уточнила у отца я, после чего услышала

утвердительное «да» и громко сообщила рядом стоящим. — Эми родила!

Пару месяцев назад Эмметт узнал, что у него будет не ПРОДОЛЖАТЕЛЬ РОДА БЛАНКАР, а ВСЕГО ЛИШЬ девочка. Со слов мамы, новоиспеченный родитель был не в восторге от столь НЕОЖИДАННОГО поворота, но всех подробностей семейного счастья четы Бланкар мне не рассказывали, да я и не спрашивала.

— Джессика Изабель Бланкар, ростом в сорок пять сантиметров, весом в три килограмма и сто грамм! — восторженно произнес папа. — Ты бы её видела — девочка точная копия меня! Голубоглазая красotka...

Тем утром мы так и не смогли больше уснуть. Позавтракав, уже в семь часов мы отправились гулять по просыпающейся Праге. River Camping Prague — кемпинг, в котором мы остановились, находился всего в четырех километрах от Старого города Праги. Он буквально расположился в центре, в зеленой зоне на реке Влтавы. Здесь была отличная связь с центром города, до которого можно было добраться на трамвае или метро. В общем — отличное место.

Рождение племянницы мы отметили глинтвейном и трдло*, после чего соревновались в быстром произношении слова «трдлошница»[10].

За последующие пару недель Прага невольно стала у меня ассоциироваться с уличными артистами. Разношерстные музыканты, мимы и фокусники буквально наводнили Рождественскую Прагу. Самым крутым впечатлением от этого города оставил день, когда мы случайно зашли в один из многочисленных соборов этого города и попали на репетицию церковного хора. Мои перепонки дрожали от наслаждения, а моя душа выворачивалась от мысли о том, что грядущее Рождество я проведу не в том составе, в котором проводила прошлое. Сразу после этих мыслей на меня нахлынули воспоминания об Адвенте, который в прошлом году я также провела с братьями Олдриджами и семьей, и я поспешила покинуть сказочный собор, который буквально штормил мою ноющую душу.

Еще Прага запомнилась мне как столица марионеток и не только потому, что в каждой третьей лавке можно было купить куклу на ниточках, но и из-за своих знаменитых Пражских курантов. Средневековые башенные часы, установленные на южной стене башни Староместской ратуши, являются третьими по возрасту астрономическими часами в мире и старейшими, которые всё еще работают. Каждый день напротив Орля собираются сотни туристов, жаждущих понаблюдать за знаменитым шоу фигурок. Зрелище весьма впечатляющее.

•
○ *

В Сочельник Рождества мы созвонились с Британией, поздравили всех с праздником и отправились в величественный собор Святого Вита. Устроив вечером настоящий Рождественский ужин в нашем домике на колесах, было очень весело дарить Дэвиду подарки, которые мы купили ему за его же деньги. В итоге от меня он получил перчатки

(свои он умудрился потерять за неделю до праздника), а от Сэм огромное пряничное сердце, которое он, впоследствии, умял в пару укусов. Мне же досталась милейшая марионетка от Сэм и чешский фарфор в виде огромной пивной кружки: «Спасибо, Дэвид, теперь я точно чувствую себя пьянчужкой».

На следующий день после Рождества, несмотря на мороз, мы прогулялись до поздней ночи, буквально зависнув на Староместской площади с глинтвейном в руках, наблюдая за потрясающим световым шоу, а когда вернулись — обнаружили пропажу. Наши карманы в буквальном смысле обчистили. В сумме у нас украли два мобильных телефона, пятьдесят евро и последнюю жвачку Сэм. Конечно, мы обратились в полицию и конечно понимали, что пропажу вряд ли удастся отыскать. Хорошо еще, что Дэвид забыл свой телефон в машине, однако его сим-карта была заблокирована. Так созвон с домом снова временно оборвался (Дэвид обещал в скором времени разблокировать свою сим-карту, если мы ему напомним, но мы всё время забывали). Однако это было не страшно, так как во время отдыха в Дании мы не общались с домом на протяжении полутора месяца и домашние уже были привыкшими к нашей «не зоне доступа».

Этой ночью я спала беспокойно. Да, у меня украли не просто телефон с брелком от Swarovski, а целый кусок памяти. По сути, этот подарок я получила ровно год назад от... Важных мне людей. Вот только я не могла заснуть по другой, непонятной мне причине. Возможно, из-за потери телефона я вдруг остро почувствовала какую-то «оборванную связь», вот только не могла уловить, что именно это была за связь.

Глава 17. Польша. Вроцлав — Варшава

И хотя Рождественская Прага была ожившей сказкой, мы всё равно не могли устоять на одном месте дольше одного месяца. Десятого января мы отправились в Польшу, решив разделить её на два города — Вроцлав и Варшаву. До Вроцлава через Либерец было всего пять часов езды, а так как нам было не привыкать к подобным переездам, дорога выдалась весьма спокойной.

Вроцлав — первый город, не являющийся столицей (если не учитывать того факта, что он является столицей Силезии, исторической области в Центральной Европе), который мне так сильно понравился. Мы задержались в нем на целых две недели, буквально утонув в его колорите: костёл святой Эльжбеты, дома Яси и Малгоси, Ратуша, дома Старого города и знаменитые Вроцлавские гномы — это не просто перечисление достопримечательностей — это настоящая, ожившая сказка. Тумский же остров — это отдельная серенада, под которую был выделен отдельный день моей жизни. Мы бродили по его мостам, ботаническому саду и прочим паркам изумительной, покрытой снегом красоты, побывали на ночной экскурсии в зоопарке, посетили национальный музей и рассмотрели в деталях Рацлавицкую панораму. Когда же на вечернюю улицу острова вышел настоящий фонарщик, чтобы зажечь газовые, а не электрические уличные фонари, я словно растворилась в сказке Андерсена.

Несколько ночей подряд мы посещали самый большой поющий фонтан в Европе, который в зимний период использовался в качестве катка. На морозе мне безумно хотелось горячего глинтвейна, но после Нового года Сэм наотрез отказалась от алкоголя из-за того, что в

праздничную ночь перебрала и отключилась еще до полуночи. Дэвид поддерживал столь благородный порыв своей «рыженькой», поэтому я тоже отказывалась от согревающего напитка, который в этот сезон продавался на каждом шагу.

- - *

До Варшавы, огибая Лодзь, мы доехали за четыре часа. Если честно, я смутно помню первые два дня пребывания в Варшаве и все его музеи, замки и дворцы, которые мы оббежали за мгновения ока, так как третий день затмил всё.

Двадцать седьмое число наступило так неожиданно, что я даже забыла о его значении. Поэтому, когда я вернулась в наш дом после покупки вкуснейших пирожных, и на меня посыпалось конфетти сразу из трех хлопушек (что здесь делает Тайлер Купер?!), я на мгновение потеряла дар речи. Оказалось, что я впервые в жизни забыла о собственном дне рождения, хотя прежде была уверена в том, что такое в принципе невозможно — чтобы человек забывал о подобном, не достигнув минимум седьмого десятка жизни. Дэвид и Сэм в тайне от меня организовали праздничное пиршество в честь моего появления на этой планете, совершенно секретно пригласив на него Тайлера. Оказалось, что к зиме Тайлер всё-таки решился продать квартиру в Эрфурте и сейчас временно жил с родителями в Варшаве. Однако парень не был в восторге от нового места жительства, поэтому в ближайшем будущем он хотел куда-нибудь переехать, вот только еще не определился куда именно.

Так уж получилось, что Дэвид и Саманта отпраздновали мой день рождения куда более ярко, нежели я. Со слов Сэм я поняла, что они организовали «незабываемый» романтический ужин с «незабываемым» продолжением, в то время как я гуляла по замерзшим Лазенкам [11] и слушала действительно увлекательную историю переезда Тайлера из Германии в Польшу.

- - *

Если поначалу общение с Тайлером всем приносило одно удовольствие (парень неплохо ориентировался в городе и знал много тайных лазеек, благодаря которым мы сэкономили кругленькую сумму денег), то к началу февраля он начал поднадоедать конкретно мне. Всё-таки каждый день видеть человека, который не является твоим родственником или лучшим другом, бывает вредно — начинаешь замечать его недостатки, вроде гипербобщительности или гипервнимания по отношению конкретно к твоей персоне. Поэтому, не то, чтобы я была рада тому, что Сэм заболела, но я была довольна тем, что у меня есть действительно веская причина не пойти с Тайлером в театр на День святого Валентина, чего рыжеволосая определенно не понимала. Накануне, во время ужина, Саманта отравилась местным мясным пирогом, который по факту являлся обыкновенными варениками. Если честно, от одного вида этого пирога даже меня подташнивало, но я поначалу списывала это на то, что слегка переела, пока Сэм поутру не начало выворачивать наружу (хорошо, что она успела добежать до туалета прежде, чем выплюнула всё это дело на кровать). Я с облегчением думала о том, что мы с Дэвидом, в отличие от Саманты, съели в два раза меньше этого «чуда», тем самым избежав подобных последствий. И, если честно — эти последствия были ужасны. Я еще

никогда не видела рыжеволосую в подобном состоянии. Поначалу даже казалось, будто её вообще никогда не отпустит. Следующие же сутки после отравления Сэм буквально ничего не могла есть, периодически извергая из себя остатки пищи. Тринадцатого ей вроде как полегчало, и Дэвид решил организовать для любимой незабываемый день всех влюбленных, поэтому на целый день ретировался в неизвестном направлении, прихватив с собой своё портмоне. Мы же с Самантой пообещали ему не скучать во время посещения дворца Острожских, деньги на которое Дэвид оставил на столе в гостиной.

Мы уже направлялись по запланированному маршруту, как вдруг Сэм решила зайти в аптеку и купить себе лекарство от обезвоживания. Отдав ей деньги, я попросила рыжеволосую не тратиться на что-то дорогостоящее, так как нам могло не хватить буквально нескольких копеек на билеты во дворец, после чего я осталась у входа в аптеку, залюбовавшись выступлением уличного мима.

Сэм вышла из аптеки бледная, словно мел, поэтому я не начала протестовать, когда она вдруг изъявила желание вернуться домой. В конце концов, дворец Острожских за сутки никуда бы не делся и позже его можно будет посмотреть вместе с Дэвидом в любой другой день, а вот состояние моей тетки меня действительно напрягало.

Придя домой, я проводила Сэм взглядом до спальни, после чего отправилась переодеваться. Напялив на себя черную футболку и просторные штаны, я, стоя на кухне, пила клубничный компот, когда Сэм вышла из туалета с потерянным видом и побелевшим лицом. Из-за мысли о том, что у нее снова началось обострение, я даже не заметила того, что она держала в руках.

— Ты чего? — испуганно спросила я, отставляя стакан с недопитым компотом на раковину.

— Я беременна.

— Что?! — от сильных эмоций сорвалась на шепот я, переведя взгляд на руки рыжей.

— Я беременна, — повторила она, протянув мне тест на беременность. Сначала я смотрела на две полоски ошарашенным взглядом, после взяла тест из рук напарницы и начала его вращать в руках, словно из-за преломления света одна из полосок могла бы вдруг испариться.

— Ты уверена? — с подозрением спросила я, исподлобья посмотрев на Саманту.

— У меня задержка в пять дней, — упершись руками в бока, как часто делала я во время сильных переживаний, ответила Сэм.

— Так... — только и смогла выдавить я, после чего продолжила. — Что нам делать? Я имею в виду... Тест ведь может ошибаться и задержка может быть ложной. Как нам проверить наверняка? Купим еще один тест?

И снова именно Сэм должна была знать, что делать в затруднительной ситуации, хотя

именно здесь и сейчас, именно я должна была трезво мыслить. Но трезво мыслить в данной ситуации у нас вообще не получалось. Нас обоих буквально штормило — и я и Саманта одновременно впали в нервную дрожь.

Уже через два часа я сидела в коридоре какого-то медицинского центра и благодарила удачу за то, что одна из заранее забронировавших время женщин не пришла на прием к гинекологу, и мы чудесным образом попали в форточку, буквально вырвав свободное место в регистратуре. Сэм не было так долго, что я начинала серьезно переживать и уже хотела заглянуть в кабинет, в котором она зависла, когда она вдруг возникла передо мной.

Мы ни слова не проронили, пока не очутились в небольшой кафешке через дорогу, в которой заказали по чашке кардамонового чая.

— Ну что? — сделав глубокий вдох, наконец, спросила я.

— Поздравляю. У тебя будет двоюродный брат или сестра — смотря как карта выпадет.

На меня вдруг нахлынуло смутное чувство радости — прежде у меня и надежды не было на обретение брата или сестры, хотя бы двоюродного, так как у меня не было дядь или тетя, за исключением Саманты, которая еще минимум одно десятилетие планировала гулять по свету, после чего, наверное, усыновила бы какого-нибудь подкидыша вроде себя. Смутным же моё счастье было потому, что на нем лежала неопределенность — что будут делать родители ребенка?

— Поздравляю, ты станешь мамой, — хмыкнула я и Сэм вдруг неожиданно, и как-то сконфуженно улыбнулась. — Ты ведь хочешь этого ребенка, правда? — с надеждой добавила я.

— Конечно хочу, — не задумываясь ответила рыжеволосая, отчего с моих плеч, словно гора начала скатываться, пока она вдруг не добавила. — Вот только...

— Что?.. Что «вот только»? — с замиранием спросила я.

— Пффф... Я не планировала. Хотя уже давно пора бы — в конце концов, мне тридцать девять.

— Главное, что ты хочешь этого ребенка, — напряженно улыбнулась я, как бы пытаюсь заставить рыжую не забывать об этом.

— Да, конечно, — повторилась она.

— Тогда в чем проблема?

— Дэвид.

— Что, Дэвид? Он тебе не нравится? В смысле, в качестве отца твоего ребенка и мужа в целом.

— Нравится, вот только... Блин, он ведь совсем как я! Мы оба хотим путешествовать, мы буквально живем одним днем и вдруг появляемся в жизни друг друга, делаем ребенка и... Теперь предстоит думать о будущем, понимаешь? Я ведь никогда не думала о будущем. Мой максимум — спланировать свою жизнь на ближайший месяц — всё! Ведь ребенок — это не на месяц — это на всю жизнь! Я не знаю... Мне впервые в жизни страшно за своё будущее... За наше. Вдруг я не справлюсь?

— С тобой будет Дэвид, — поджала губы я и, сразу же словив на себе многозначительный взгляд Саманты, внезапно поняла ход её мыслей. — Да брось! Он по-любому будет с тобой. Ты видела, как этот чувак смотрит на тебя? Вот кто-кто, а он тебя точно слопать готов от всепоглощающего чувства любви.

— Я не собираюсь его принуждать.

— Более чем уверена в том, что никто никого принуждать не будет и вообще... Когда вы успели сделать ребенка?

— На твой день рождения. Когда ты из солидарности решила оставить нас и отправилась с Тайлером в парк. Романтический ужин, свечи и, в итоге, подозрение на порванный презерватив... Хорошо, что я отказалась от алкоголя после Нового года! — вдруг воскликнула Сэм.

— Вот уж не думала, что празднование моего дня рождения может организовать дополнительный день рождения в году, — призналась я, задумавшись о том, что даже предположить не могла, что празднование моего дня рождения этой парочкой кардинально изменит всё наше путешествие. Да что там путешествие — всю жизнь.

Глава 18. И что дальше?

Дэвид вернулся домой сияющим, словно звезда на небе. Он явно что-то замутил в честь предстоящего праздника влюбленных, даже не подозревая о сюрпризе, который ему «случайно» приготовила его возлюбленная. Определенно решив, что она точно что-то замышляет, Дэвид не сопротивлялся по поводу желания Сэм поспать эту ночь со мной. В итоге мы полночи пролежали без сна, вглядываясь в панорамное окно над головой.

— Он что-то тебе готовит, — поджала губы я. — Наверняка потратил свою заначку.

— Интересно, как он отреагирует на новость о том, что я собираюсь от него родить?

Этот вопрос повис в пространстве. Каким бы Дэвид не казался нам милым, заботливым и ответственным, мы всё равно все прошедшие сутки смотрели на него косо. Такова жестокая статистика — большинство мужчин, чьи женщины залетели в добрачный период, тем более в самом начале отношений, отрекаются и от ребенка, и от его матери. В любом случае, как бы Дэвид не отреагировал, наше будущее было настолько смутным, что вопрос о том, что же будет дальше, колот мою душу изнутри. Мы весь день просидели в машине стараясь скрыть от Дэвида чрезмерную тошноту Сэм. Температура воздуха снаружи упала до минус двадцати,

так что Саманта, с головой закутавшись в плед и весь день проспавшая в спальне, не вызвала у Дэвида никакого подозрения. Хотя он всё же пару раз приходил к ней в спальню, чтобы полежать с ней рядом — о чем они разговаривали, я не имела ни малейшего представления, но так как Дэвид был в предвкушении организованного им вечера, он совершенно не замечал изменений в поведении Саманты. Мужчины слепы, когда счастливы, но я не говорю, что это плохо.

Они отправились на заранее организованное Дэвидом свидание ровно в восемь часов вечера, и следующие три часа я нервно листала изученный плейлист своего MP-3, стараясь не думать о том, что именно может произойти, ведь Сэм собралась рассказать ему о своей беременности именно сегодня вечером.

Когда они вернулись, я мгновенно спрыгнула со своей антресоли, буквально застыв перед вошедшей парой.

— Ну что?! — выпалила я, не в состоянии правильно трактовать выражения лиц этих двоих (по-моему, Сэм довольно улыбалась).

— Всё как я и хотел, — торжественно заулыбался Дэвид.

— Хвала небесам! — облегченно выдохнула я. — Подожди, в смысле, всё как ты и хотел? Ты что, специально сделал Саманте ребенка?

— Какого ребенка? Рыженькая, ты беременна?! — спустя пару секунд ошарашенно выкрикнул свой второй вопрос Дэвид, глаза которого внезапно полезли на лоб, а челюсть буквально упала на пол.

— Я тебе разве не сказала? — сконфуженно спросила Сэм.

— Нет блин!

— Выходит я забыла...

— Что?! — ошарашенно выпалила уже я. — Как?! Как ты могла забыть ему сказать?!

— Просто он сделал мне предложение, и я согласилась, — начала переживать Сэм, буквально срываясь на слезы, потекшие невпопад. — А-а-а, это гормоны... Мне говорила врач о перепаде настроения...

— Подожди, ты уже была у врача?! — всё еще не мог прийти в себя Дэвид.

— Сегодня.

— То есть ты беременна на сто процентов?! — еще раз поинтересовался ошеломленный Дэвид, заставляя меня задуматься над тем, можно ли быть беременной не на сто, а, например, на тридцать три или семьдесят пять процентов. В ответ Сэм лишь закивала головой, нервно стряхивая слезы со щек.

— Чего ты плачешь? — вдруг как-то слишком нежно-нежно произнес Дэвид, притянув и прижав к себе Саманту, отчего мне стало даже неловко — словно я только что увидела их маленький мирок изнутри.

— Ты ведь так хотел путешествовать...

— Ребенка от тебя я всегда хотел больше, чем путешествовать.

После услышанного я чуть не разлетелась на лоскутки от умиления.

- - *

Пока Дэвид решал, каким именно образом попасть обратно в Британию с автодомом (паромная переправа или всё-таки Ла-Манш), я искала дешевые авиабилеты Варшава-Сидней, сидя на мягкой кровати в отеле. Не смотря на то, что Саманта должна была родить в конце октября, свадьбу парочка запланировала на третье сентября. До родов «рыженькая» хотела жить рядом со своей семьей, желательно в одном городе (что я считала относительным счастьем, с такой-то семейкой) и Дэвид был не против. Вообще после того, как он вошел в статус будущего отца семейства, он редко был против желаний Сэм, стараясь сделать всё возможное для того, чтобы её тошнило хотя бы на пару процентов меньше. Он буквально чувствовал себя виноватым в том, что его невеста постоянно корчится над унитазом и морщится при виде любой пищи. С этим я была солидарна — где виноват, там виноват. Ни дать, ни взять. Что есть, того не отнять. Где посеешь, там пожнешь. В общем, чувак, как работал, так и заработал. В итоге, на следующий день после того, как Дэвид узнал о беременности Саманты, он снял номер в четырехзвездочном отеле, пытаясь предоставить своей «сокровищнице» лучшую версию унитаза для её рвотных позывов, и начал искать отходные пути на родину, даже не желая рассматривать варианты, в которых его беременное «чудо» может продолжать кататься по Европе с растущим животом. Я же точно не желала вот так вот резко оказаться в родном городишке, приравнивая столь резкий маневр моего тела в сторону Британии к суицидальной вспышке.

- - *

— Не думал, что вы так быстро покинете Варшаву, — тяжело выдохнул Тайлер, сидя напротив меня в небольшой кафешке.

— Да ладно ты — Дэвид вообще не предполагал, что в ближайшем будущем сменит свою кочующую жизнь на памперсы и бессонные ночи.

— И когда ты назад домой?

— Думаю, в конце марта.

Не знаю почему, но я отказывалась признавать тот факт, что навязчивость Тайлера по

отношению ко мне была хоть как-то связана с каким-то большим чувством, нежели банальное желание пообщаться. Даже не смотря на то, что он явно был расстроен моим отъездом.

Глава 19. Австралия. Встреча

Билет до Сиднея с пересадкой в Дохе стоил так дорого, что я жмурилась, чтобы не видеть точной цифры. Судя по всему, Рик за прошедший год разбогател, раз согласился полностью оплатить мой перелет, без права возмещения средств. Я была согласна с подобным раскладом, так как другого варианта у меня попросту не было — отныне я состояла в статусе бедного родственника, который временно живет в долг у родни.

Двадцать пять часов жизни на перелет! Сутки, плюс один час. Абсолютный рекорд по прослушиванию поп-рок групп в моей жизни. Мне даже вдруг показалось, будто всё моё существование сосредоточено у маленького окошечка, за которым клубились кучевые облака. Я пару раз поела, пару раз поспала и пару раз сходила в туалет, прежде чем зависший в небе самолет, наконец, опустился на австралийскую землю. Хорошо, что я переделалась еще в аэропорту Дохи, потому что мой некрепкий организм буквально перекочевал из зимы в лето, перепрыгнув из минус девятнадцати на плюс двадцать три градуса по Цельсию. Из-за того, что моя более-менее нормальная одежда, которую я приобрела во время шопинга с Сэм в Вене, была не в самом лучшем состоянии, мне пришлось надеть то, что завалилось в моем чемодане со времен моего пребывания в Британии — на мне висели старые джинсы, подвязанные рваным ремнем, и болталась потертая футболка, которая, по идее, должна была обтягивать мою фигуру, но, увы, обтягивать было нечего. В общем, я снова выглядела как вешалка, прикрытая черной бейсболкой и солнцезащитными очками шерифа.

В аэропорту меня уже ждали Рик и Тэмми. Я заметила их сразу и уже издалека поняла, что за прошедший год они сильно изменились — избавились от сутулости, загорели и много улыбались, чем прежде зачастую предпочитали пренебрегать. Только подойдя к ним вплотную, я вдруг поняла, что они не обращали на меня абсолютно никакого внимания, всё еще продолжая искать меня среди кучки остальных пассажиров.

— Тэмми? — улыбнулась я, встав сбоку от сестры. Она посмотрела на меня в упор, но узнала лишь после того, как я сняла очки.

— Глория! — скорее ошарашенно, нежели радостно прокричала сестра, и я удивилась тому, что она не сдерживала своих эмоций — раньше моя младшая сестра лишней писк издать боялась. — Рик, это Глория!

Пока Рик смотрел на меня изумленным взглядом, Тэмми крепко обняла меня. Похоже, моя сестра сильно изменилась за прошедшее время — она даже обнималась теперь крепче чем я.

— Глория? С тобой всё в порядке? — осторожно поинтересовался Рик, пожимая мне руку.

— Да, а что? — непонимающе спросила я, пытаюсь прочесть значение взглядов этой парочки.

— Ты просто... — начала Тэмми, но осеклась, внезапно поджав губы, после чего напрямую выпалила. — Выглядишь ужасно.

— Зато ты выглядишь замечательно, — улыбнулась я вдруг поняв, что и вправду на фоне Тэмми выгляжу едва ли не бездомным подростком. Тэмми стояла передо мной в белоснежном коротком платье (раньше она не носила платьев, длина которых была короче уровня колен), плетеных сандалиях и беленькой соломенной панамке. Я же выглядела так, словно только что кубарем скатилась с Альп, но всё же осталась жива.

Во время переезда из Британии Рик продал свою прежнюю машину, хотя той было чуть больше года от роду, но сейчас уже являлся обладателем шикарного пикапа GMC Sierra, стоимость которого была неприлично высокой. Закинув чемодан в прицеп, я села на переднее сиденье, так как Тэмми не оставила мне вариантов. Всю дорогу Рик настороженно на меня смотрел боковым зрением, словно я была неизлечимо больной, и он опасался, что не успеет довезти меня до пункта назначения, пока Тэмми весело болтала на заднем сиденье о каких-то мелочах вроде новых платьев. Я удивлялась тому, какая сильная перемена произошла с нами за прошедший год — из тихой мышки Тэмми превратилась в веселую болтушку, в то время как я растеряла остатки своей пресловутой бодрости и ужала диапазон общительности до размеров собственного внутреннего мира.

Семейство Белл жило в пределах часа езды от Сиднея (даже меньше — я не засекала времени), в провинциальном городке, который в большинстве своем состоял из частного сектора, с населением приблизительно около пятнадцати тысяч человек. Откровенно говоря, я ожидала увидеть небольшой домик, отделанный скромным сайдингом, с непритязательными клумбами перед крыльцом, а никак не двухэтажный особняк в белоснежной штукатурке, с огромным задним двором и пышно цветущим палисадником. На первом этаже дома расположился просторный, совмещенный санузел, комната для гостей и огромная гостиная, совмещенная с просторной кухней и столовой. Из гостиной, через панорамную стену, был выход на широкую, деревянную террасу, на которой слева расположилась мебель из ротанга (трехместная скамейка, тройка кресел и застекленный стол), а справа были установлены две качели из того же материала — одна двухместная и одна одноместная. Сразу за террасой начинался просторный газон, в конце которого справа располагалось огромное ореховое дерево с раскидистыми ветвями. На самой широкой его ветке были подвешены качели в виде плетеного кресла (по-видимому Рик просек любовь Тэмми ко всему качающемуся, в частности к качелям). Сразу перед ореховым деревом была установлена небольшая беседка, подле которой стоял декоративный мангал для шашлыков, увитый стальными розами.

Оказалось, что в доме есть хорошо оборудованный подвал под винное хранилище, рядом с которым располагался кабинет с личной библиотекой Рика, где он работал по выходным. Второй этаж особняка представлял из себя четыре комнаты и отдельный санузел. Первая комната была шикарно обставленной спальней хозяев дома, две комнаты пустовали (по-видимому, планировались в будущем под детские спальни) и еще одна была настоящей галереей. Сначала я даже не поняла, зачем они потратили столько денег на картины, большинство из которых представляло пейзажи или животный мир, но потом Тэмми развела

руками, прокрутилась вокруг своей оси и торжественно произнесла:

— Вот, это всё мои работы.

Я знала о том, что Тэмми отлично рисует, в самом начале её отношений с Риком папа даже хвалил её талант потенциальному жениху, но я никогда даже не предполагала, что она настолько талантлива.

— Так как я домохозяйка без детей, за исключением самого Рика, у меня куча времени на самосовершенствование. Уже год я посещаю художественную школу и вот они — мои плоды.

Сидя на полу, я час рассматривала наброски сестры, её лучшие и худшие работы, наблюдая за тем, как она порхает по комнате, огибая огромный мольберт, стоящий в шаге передо мной. Внезапно у меня появилось странное ощущение — словно мы с ней поменялись местами. Теперь она жила полноценной жизнью, только еще более счастливой, нежели когда-либо была у меня, а я стала забитой, серой мышкой, которая только и делает, что бежит по всему миру от своей боли и по ночам пищит в подушку от раздражающей её боли.

•

○ *

Вечером Рик устроил шашлыки. В последний раз я была на шашлыках на первом курсе университета, когда вся наша группа собралась праздновать победу в конкурсе «Самая продвинутые студенты терапевтического факультета», поэтому сейчас я была рада насладиться отлично прожаренной бараниной.

— В Австралии летние месяцы выпадают с декабря по февраль, — улыбаясь, говорила Тэмми. — Так что ты попала в самый пик. Днем здесь бывает до двадцати семи градусов... Ой, я сейчас принесу фотоальбом! — вдруг хлопнула в ладоши Тэмми, после чего ретировалась в дом, оставив нас с Риком наедине.

— В Европе сейчас минусовая температура, — решила продолжить начатую Тэмми тему я.

— Значит, ты весь год путешествовала.

— Не год. Десять месяцев.

— Помогло?

Я застыла со стаканом воды в руках.

— Нет, — наконец, глухо выдавила я. — Но это приглушает...

— Его похоронили на Кенсал-Грин, рядом с родителями.

— Я не знала, — призналась я, отставив стакан, после чего уставилась на свои руки.

— Тебе необходимо двигаться дальше.

— Я двигаюсь, — ответила я, но встретившись взглядом с Риком, призналась. — Пытаюсь.

— Десять месяцев жизни на попытки... Что будешь делать после? Попытаешься восстановиться в университете?

— Нет, — тяжело выдохнула я.

— Послушай, мы ведь друзья. Даже родственники. Если ты вдруг захочешь осесть в Австралии, я всё организую. У тебя будет отличное рабочее место и место жительства. Ты даже сможешь жить у нас.

— Нет, Рик, спасибо. Твоё предложение для меня как глоток чистого воздуха, честно, но я откажусь. Не знаю почему... Наверное не сейчас. Возможно позже, но не сейчас.

— Глория, мы были с тобой в этой лодке с самого начала и ты сестра Тэмми. Без твоей помощи я не смог бы подобраться к ней вплотную. Считай, что я твой пожизненный должник. Одно твоё слово — и все твои проблемы решены.

— Жаль, что не все, — поджала губы я, интуитивно попытавшись улыбнуться собеседнику, но комок боли застрял у меня где-то в горле, заставив меня лишь судорожно выдохнуть.

Глава 20. Австралия. Откровенные разговоры

— Ты так похудела, что Рик всерьез сначала подумал, будто ты заболела чем-то серьезным, — оборвала мои немые мысли Тэмми. После ужина, когда Рик отправился в свой кабинет, а Тэмми расставляла грязную посуду в посудомоечную машинку, я застыла в гостиной, глядя на золотой ключ, прислоненный к южной стене, который Олдридж подарил паре на свадьбу.

— Вы храните два килограмма чистого золота вот так просто среди гостиной? — поинтересовалась я у подошедшей ко мне сестры.

— Нет, просто Рик решил перенести его из нашей спальни в подвал, но в этот момент ему позвонили, и он так его и не донес, — задорно засмеялась Тэмми. — Кстати, он уехал от нас две недели назад.

— Кто? — оторвав взгляд от ключа, поинтересовалась я, явно потеряв нить разговора, после чего последовала за Тэмми на террасу.

— Роланд, — невозмутимо ответила сестра, присев на одну из качелей.

— Олдридж был здесь?! — искренне удивилась я, сев на вторые качели. Почему-то представлять Роланда Олдриджа в этом доме, сидящим в беседке или крутящим шампуры на мангале, было чем-то из области фантастики.

— Да, он ведь лучший друг Рика.

— Точно. Ясно, — только и смогла поджать губы я.

— Ты хотела сказать: «И как он?».

— Тэмми, ты сильно изменилась.

— Я знаю, — как-то грустно и одновременно с тенью радости улыбнулась сестра. — Понимаешь, другая жизнь, на другом континенте. Никто здесь не знает прошлую меня и моё темное прошлое. Я здесь словно освобожденная от оков птица. У меня есть муж, хобби, друзья... Кстати, у нас много друзей. Ты когда-нибудь думала о том, что у меня может быть хотя бы один друг? В этом городе живут замечательные люди, мы часто устраиваем пикники и вечерние посиделки, ходим на дни рождения и организовываем выездные уик-энды. Я чувствую себя полноценным человеком, с чистым полотном внутри себя, которое вставил в мою душу Рик и которое мне разрешено раскрасить в самые яркие цвета. Я дышу полной грудью, но мы сейчас не обо мне...

— Я в порядке, — улыбнулась я, однако у меня это получилось как-то кривовато-вяло, если и вовсе не грустно.

— Нет, Глория, ты не в порядке. В порядке я с Риком, Эмметт с Эмилией, но не ты и не Роланд. Ты ведь не присутствовала на похоронах... Роланд тогда ушел в запой и был рад тому, что ты не пришла. Через пару дней после того, как ты уехала, он приходил к тебе, но ты уже была за границей. Родители тогда еще не знали, куда именно Сэм тебя увезла. Собственно это они ему и сказали. Через пару дней он тоже уехал из города, попросив сообщить ему о твоём возвращении. Родители приняли решение не рассказывать тебе об этом. Наверное, не хотели сыпать соль на рану, единолично решив, что тебе на тот момент было незачем теревить рану, а потом уже было поздно... Он пробыл у нас пять дней и уехал буквально две недели назад. Я хотела с тобой связаться, но твой телефон был недоступен, как и телефон Сэм. Мы думали, что вы снова на каком-нибудь пляже, лишенном электричества, как это было с Данией.

— Нас обчистили в Праге. Украли телефоны. С домом уже полтора месяца не связывалась.

— Мы не сомневались в том, что у вас безвыходная ситуация.

— Кто это «вы»?

— Родители и я.

— Они сильно переживали? Нужно им позвонить...

— Погоди, давай позже...

— Хорошо, — откинулась обратно на качели я, машинально пытаюсь понять, почему она меня остановила, но вдруг мои мысли снова перешли не в то русло. — И как он?

— Роланд? Постоянно хмурый или отстраненный, почти никогда не улыбается, а когда на

его лицо и падает луч улыбки, тогда он обязательно какой-то... Грустный, что ли. Раньше он был постоянно выбритым, сейчас же за пять дней побрился всего раз — со щетиной он совершенно другой человек. С головой ушел в работу, за последние полгода удвоил своё состояние. У него либо нет свободного времени, либо он тратит его на тренировки. От занятия спортом стал немного крупнее, но ему идут лишние мышцы. Кажется, сейчас он в Дубае.

Я закрыла глаза, мысленно создав перед собой образ нового Роланда Олдриджа. Выглядит вполне неплохо, вот только серые глаза опустошенно смотрят сквозь меня, совершенно не замечая.

— В общем, хотя его изнутри разрывает боль, внешне он выглядит куда лучше, чем ты. Ощущение, будто он делает качественные швы на своем сердце, в то время как ты не можешь подобрать нужных ниток. Ты словно загибаешься...

— Зачем он приезжал? — сдвинув брови, задала интересующий меня вопрос я, тем самым отводя тему от моего состояния.

— Просто приехал в качестве лучшего друга Рика, а в итоге предложил ему выгодную сделку с одной ИТ-организацией в Америке. Ведь этот дом стоил семьсот тысяч долларов.

— Сколько?!

— Вот так вот, сестренка. Я сама была в шоке, ведь думала, что выхожу замуж за бедного учителя, совершенно не подозревая о том, что он является успешным фрилансером. Он написал программу, пользование которой он предоставляет разношерстным ИТ-компаниям, которые, в свою очередь, выплачивают ему баснословные деньги. Смысл заключается в том, что Рик продает не саму программу, а пользование ей, но ведь пользование невозможно без технической поддержки, которой он и занимается.

— Даже знать не хочу, сколько он зарабатывает.

— Дом, машина, мебель... В следующем полугодии мы собираемся отправиться на отдых в Китай.

— Представить не могла, что у тебя настолько всё хорошо, — довольно улыбнулась я.

— А я не могла представить, что у тебя настолько всё плохо, — печально выдохнула Тэмми.
— Почему ты заранее не предупредила о своем приезде?

— Я приняла это решение совершенно случайно, после чего еще сутки пыталась связаться с тобой.

— С чем связано твоё решение? Что-то произошло? — настороженно придвинулась ко мне Тэмми.

— Да, произошло. Сэм влюбилась, собирается замуж и уже беременна.

— Что?! — Тэмми вспыхнула от удивления, смешанного со счастьем. Весь оставшийся вечер мы проговорили о моем путешествии и отношениях Саманты с загадочным Дэвидом.

Глава 21. Австралия. Шок

На следующий день мы отправились на пляж, расположенный в десяти минутах езды от города и я в очередной раз убедилась в том, что Тэмми обрела новую, счастливую, полноценную жизнь. Оказывается, полгода назад моя младшая сестра выучилась на водительские права и уже вполне уверенно смотрелась за рулем шикарного пикапа. Рик, пообещав нам вкусный ужин, остался дома, так как ему нужно было решить несколько рабочих моментов. Мой потрепанный, старый купальник выглядел скромной тряпкой на фоне белоснежного бикини Тэмми, но глядя на подобный контраст я еще сильнее радовалась сложившейся жизни сестры.

Мы весь день провалялись на солнышке, пару раз войдя в теплую воду. Пожалуй, это был самый приятный отдых, за последние десять месяцев. Я делилась впечатлениями о своём затяжном путешествии, постоянно вспоминая новые факты, Тэмми рассказывала о своей личной жизни, регулярно удивляясь моей худобе. Оказалось, что в ближайшем будущем пара не собиралась заводить детей, так как они приняли обоюдное решение некоторое время пожить для себя. Ближайшие годы Рик с Тэмми планировали путешествовать по миру и их путешествия, в отличие от моих, точно не планировали ограничиваться парой долларов. Я была рада тому, что у этой парочки всё под контролем — саморазвитие (кроме профессионального рисования и учебы на водительские права, Тэмми занималась флористикой, что позволило ей оформить чудесный палисадник), работа, семья. Не смотря на стремительное развитие их отношений, эти двое оказались идеальной парой, как я изначально и предсказывала.

На ужин были приглашены друзья их семьи, и я поняла, что у Тэмми отличное окружение. В основном это были молодые семейные пары, с маленькими детьми или еще только беременные. В общем, ровесники семейства Белл, которые уже успели или стремились обзавестись потомством. Впоследствии, мы каждый вечер ходили к кому-то в гости или кто-то приходил к нам, так что скучать нам определенно не приходилось. За пару дней мы с Тэмми обследовали весь Сидней от оперного театра до Таронга[12] и слегка обновили мне гардероб, пока Рик зависал у своего компьютера. К концу второй недели пребывания в Австралии, я всё-таки увидела дикого кенгуру и даже успела сделать с ним селфи, не вылезая из автомобиля из соображений самосохранения. Мысль о том, что уже март и через пару недель нужно будет как-то решиться на возвращение к туманному Альбиону, даже не закрадывалась в моё сознание, совершенно разомлевшее под теплым солнышком.

Первого марта в гости к семейству Белл приехали родители Рика. Причем сделали это еще более неожиданно, чем я — вообще не предупредили о своем приезде. Увидев меня, пожилая семейная чета около минуты пыталась понять, что именно привело меня к физическому истощению, пока они, наконец, самостоятельно не пришли к немому выводу о том, что всему виной моё психологическое изнеможение.

Следующие сутки Алисса Белл умилялась палисадником и картинами Тэмми, пока

Фердинанд Белл со своим сыном часами пропадал в кабинете или на заднем дворе. Я же ходила по дому немой тенью, мило улыбаясь мило улыбающимся мне людям.

Вечером второго дня, после ужина, я вызвалась выгулять бигля, которого Рик подарил родителям три года назад в честь их очередной годовщины, и мистер Фердинанд решил составить мне компанию.

— Вы очень изменились, Глория, — отойдя от калитки примерно на сто метров, начал разговор мистер Белл. — Честно говоря, из-за Вашей худобы я не узнал бы Вас, даже если бы Вы врезались в меня на улице Лондона.

— Не знаю, что Вам на это ответить, — призналась я, наблюдая за резвящимся биглем.

— Пару месяцев назад, я видел Роланда. После смерти Мартина он ведь стал последним из рода Олдриджей. Потерять единственного оставшегося в живых родственника — это неизлечимая боль, которую сможет притупить лишь создание новой семьи.

— Хотите сказать, что он в процессе её создания? — нелепо ухмыльнулась я.

— Нет, что Вы, — встряхнул седой головой Фердинанд. — А Вы?

— При чем здесь я?

— Значит и Вы нет. А скажите мне, как давно Вы общались с Роландом?

— Боюсь, наше общение неуместно.

— Неуместно? — удивленно вздернул брови мужчина. — Отчего же?

— Он был моим начальником, причем отличным, а я была его не самой лучшей служащей... Откровенно говоря — отвратительной. Мартина я смогла понять лишь после того, когда от этого уже было мало толка... От меня было мало толка. Сейчас же всё это в прошлом.

— То есть Вы хотите сказать, что Роланд в прошлом? Но ведь у вас общая боль, которая гложет вас обоих в настоящем.

— Возможно боль у нас и общая, вот только наши судьбы разные.

На этом больная тема была закрыта.

•
○ *

Через пару дней, когда родители Рика уехали за покупками в Сидней, ноутбук Тэмми внезапно затрезвонил.

— Британия вызывает, — прокричала я в сторону копошащейся на кухне Тэмми, после чего

включила видеозвонок.

— Это, что такое? — огорошено обратился отец к маме, сидящей справа от него. — Это наша дочь?!

— Это свет так преломляется или ты преломилась? — непонимающе заморгала глазами мама. — Ты что, истощала?!

— Совсем немного. У меня телефон украли, и я знаю, что это не оправдание — могла бы позвонить сразу по приезду к Тэмми... Простите.

— Ничего страшного, — как-то слишком смиренно отозвалась мама, будто я и вправду где-то накосячила настолько, что об этом лучше даже не думать.

— Сэм уже приехала?

— Две недели как, — ухмыльнулся отец. — Дэвид отличный мужик. Наконец-то я стану дядей, честное слово! Думал, что этот день никогда не наступит... Жаль, что мама не увидит этого момента.

— Что?! — я вскочила с дивана, схватив ноутбук в руки. — Что ты сказал?!

— Дерек, — затрепетала мама, ткнув отца локтем в бок. — Дорогая, Тэмми тебе разве ничего не сказала?

Я перевела обезумевший взгляд на вбежавших в комнату Рика и Тэмми, по лицам которых было ясно, что они в курсе произошедшего. Аккуратно опустив ноутбук на стол, я медленным шагом отправилась в свою комнату, совершенно не разбирая звона в ушах, в который слились голоса родителей.

Глава 22. Дорога домой

Я до позднего вечера пролежала на кровати в своей комнате, свернувшись в позу эмбриона. Когда я вышла на террасу, Рик сидел с ноутбуком за столом в ротанговом кресле, а Тэмми читала книгу, раскачиваясь на качелях, подвешенной к ореховому дереву. Я направилась к сестре и Рик, из солидарности, немо проводил меня взглядом.

— Когда это произошло? — обвив рукой канат, на котором держались качели, спросила у сестры я.

— В ночь после Рождества.

— Хм... — я зажмурила глаза, пытаюсь восстановить в памяти тот день. — В этот день у меня украли телефон и ночью, по непонятной причине, я не могла заснуть. Думала, что это на фоне потери телефона... Почему ты не рассказала мне сразу?

— Уже больше двух месяцев прошло.

— Я опоздала.

— Нет... Глория... Понимаешь, ведь это именно бабушка хотела, чтобы ты отправилась с Самантой путешествовать, помнишь? Ты бы всё равно не успела на похороны... Я не успела — прилетела только на вторые сутки... Я хотела сказать тебе в конце — если бы я сказала тебе сразу, ты бы отправилась в Британию даже не погостив у меня. Мы ведь не виделись больше года, и потом... Ты первая из семьи, кто посетил меня. Родители заняты двойняшками, Эмметт с Эмилией сейчас сосредоточены на Джессике... Я эгоистка, да?

— Нет, это я эгоистка, — ответила я, сев на корточки и, начав щипать траву под ногами, добавила. — Мне нужен билет на ближайший рейс до Лондона.

•
○ *

Повторные двадцать пять часов на перелет, только на сей раз более сложные. Я корила себя за то, что вот так вот взяла и... Весь путь домой я пыталась вспомнить, что именно мы с бабушкой говорили друг другу во время последнего телефонного звонка. Я не могла вспомнить содержимого нашего рождественского диалога, но наверняка помнила, что в конце мы сказали о том, что любим друг друга... До боли впивающееся в сознание слово «тупица» доводило до слёз. Прошло два месяца, а я даже не знала! В какой непробиваемый панцирь мне удалось залезть, что я даже не узнала о трагедии в нашей семье. Боль-боль-боль-боль... Боль разливалась по всему моему сознанию, проникая в самые потаенные его уголки.

Переодевшись в аэропорту Дохи в более теплые вещи, я сидела в зале ожидания и смотрела на огромные часы, нервно сглатывая боль.

И снова бич жалости пройдет по моей спине. Все будут жалеть меня, говорить, что я не виновата... А я виновата! Я виновата на все сто процентов. Никто так не виноват перед нашей семьей, как я.

— Мисс Олдридж? — послышался незнакомый голос справа от меня, и я перевела взгляд с часов на незнакомого мне мужчину, взывающему ко мне. — Вы ведь мисс Олдридж, верно?

— Нет. Боюсь, вы обознались, — нервно сглотнула я, пытаюсь понять, почему данная фамилия ассоциировалась у этого мужчины с моей персоной.

— Нет-нет, я наверняка помню, кто Вы такая, только имя забыл. Полтора года назад Вы были в Берне, у меня на приеме. Доктор Хьюго Бьянчи, — протянул руку седой как лунь мужчина, всем своим видом напоминающий учёного. — Я вел дело Мартина. Судя по диагнозу и Вашему виду, мальчика больше нет?

— Он умер... Почти одиннадцать месяцев назад...

— Соболезную, — искренне поджал губы доктор, которого я постепенно начинала узнавать.

— Что Вы делаете в Дохе?

— У меня здесь пересадка до Лондона... Кстати, уже пришло время, — нервно начав собирать вещи, привстал я, но не могла из вежливости не спросить. — А Вы куда?

— Я в Канберра, к сыну.

— Ясно. Удачи Вам.

— И Вам тоже. Передавайте привет мистеру Олдриджу... И мои соболезнования.

В ответ я лишь кивнула головой, решив не лгать вслух о том, что буду кому-то что-то передавать и вообще с кем-то когда-то встречаться.

•
○ *

Из Хитроу[13] я с легкостью доехала до нашего городка всего за час, воспользовавшись междугородним автобусом. Неожиданно для самой себя, выйдя на знакомой мне улице в шесть часов вечера, я вдруг ощутила, как по моей спине пробежали мурашки, заставившие меня судорожно съежиться. Спустя минуту, пытаясь привести в порядок своё сознание, протестующее против возвращения в этот город, я отправилась к месту, которое обычно посещала не больше пары раз в год (только не в прошедший). По-видимому, минувший только что день в Британии выдался теплым, но мне всё равно пришлось застегнуть свою толстовку, чтобы не ежиться от вечерней прохлады. Идя навстречу закату, я старалась не думать о том, что сейчас увижу.

Могилу бабушки было не сложно найти — она расположилась рядом с могилами Дэниела и Линды, а еще... Еще на лавочке рядом с ней, спиной ко мне, сидел дедушка, опирающийся о свою трость. Аккуратно поставив сумку сбоку, я опустилась подле него.

— Ты вернулась, — тяжело выдохнув, констатировал дедушка, даже не переведя свой взгляд на меня. Откуда он мог знать, что это я?

— Да.

— Не думай, что ты виновата в том, что слишком поздно узнала. Сэм так думает. Хорошо, что вы обе узнали позже.

— Почему?

— Пэт не была бы рада, если бы заставила прервать ваше путешествие своим уходом. Хорошо, что вы вернулись именно тогда, когда захотели, а не когда вас выдернули, — вздохнув, пошевелил своей старой тростью дедушка. — Как же жаль, что я еще жив.

— Я тебя понимаю, — тяжело выдохнула я.

— Плохо. Лучше бы ты, как и все остальные говорила мне «не говори так», нежели чувствовала то же, что чувствую я... Она ушла тихо. Просто заснула рядом со мной, а с утра не проснулась. Идеальная смерть.

— Идеальная, — согласилась я.

— Ей только исполнилось семьдесят два, а ведь мне целых семьдесят семь. Почему не я?

Я задавалась тем же вопросом, когда умер Мартин: «Почему десятилетний мальчик? Ведь я старше, так почему не я?». Сейчас же я спрашивала себя о том, как я умудрилась проморгать второго дорогого мне человека и даже не заметить этого?

Еще около получаса мы просидели напротив могилы бабушки, погружившись каждый в свои мысли. Только возвращаясь домой я заметила, как сильно дед постарел за этот год. Он осунулся, стал прихрамывать на правую ногу и не мог как прежде развивать быструю скорость. Горе словно придавило его огромным валуном боли. Он ведь был неразлучен со своей женой — как он без нее теперь? Еще одна разбившаяся копилка счастья в нашей семье...

Глава 23. Дом, милый дом

— Твою мать! Мать, ты видела это?! — обратился отец к маме, как только я перешагнула порог отчего дома. — Твоя дочь лишилась всего своего фритюра, честное слово...

— Доченька, что с тобой произошло?! Ты заболела?

Пока родители нависали надо мной со своими озабоченными вопросами, я смиренно разувала дедушку.

— Всё в порядке. Просто я немного похудела...

— Немного похудела? — сорвался на фальшивый смешок папа. — Это я немного похудел, выйдя пять минут из туалета, а с тобой-то что произошло? Укусила какая-нибудь бешеная анорексичка?

— Может быть, обнимемся? — выпрямившись и поджав губы, предложила я.

— А здесь есть что обнимать? — не останавливался отец.

— Пап, прекрати, — обняв его, ухмыльнулась я.

— Одри, дорогая, только не сломай свою дочь, я тебя умоляю. Иначе кто будет чинить туалет?

— У нас сломан туалет? — разочарованно переспросила я.

— Я ведь только что сказал, что недавно в нём похудел.

Первые десять минут я ела всё, что только успела доставать из холодильника причитающая мама, недовольная тем, что я не предупредила о своем возвращении заранее. Следующий же час я отказывалась от того, что в меня буквально запихивали, под папины замечания вроде: «Не хрипи, а жуй, иначе я подумаю, что мы тебя травим» или «Если ты это не съешь, твоя мать заставит съесть это меня, так что, пожалуйста, скушай эту гадость». Радостно кричащие племянники бегали вокруг меня со своими рисунками, вырезками и лепниной в виде какашек, соревнуясь их «красотой» и размерами. За прошедший год они так сильно выросли, что мне было непривычно смотреть на спортивного Дина и громкую Элис, словно они были копиями себя.

Когда дети с дедушкой отправились наверх, слушать сказку, а я с родителями переместилась в гостиную, начались основные новости, которые я пропустила за прошедшие одиннадцать месяцев:

1) Дедушка буквально загибался без бабушки. Он ежедневно ездил на автобусе к её могиле, совершенно не обращая внимания на холод. Он стал молчаливым, постоянно пересматривал старый фотоальбом и отказывался спать без пижамы бабушки. Дедушка сильно сдал в здоровье: у него ухудшилось зрение, слух и артериальное давление. Иногда он забывал, куда положил ключи или где оставил свою трость. Из-за всего этого он с первого раза согласился на переезд из своей квартиры обратно к родителям. Месяц назад его и бабушкины вещи упаковали по коробкам и перевезли к нам, в надежде сдать кому-нибудь квартиру, но пока кандидатов не нашлось.

2) По словам папы, Эмметт и Эмилия переживали сложные месяцы после рождения Джессики, однако, со слов мамы, эти самые «сложные месяцы» начались с шестого месяца беременности Эмилии, когда Эмметт узнал, что его жена ждет девочку, а не долгожданного мальчика.

3) Дин и Элис жили своей обыденной жизнью, за исключением того, что Элис слишком сильно хотела походить на Дина. Папа по этому поводу вел себя сдержанно, пытаясь не выдавать своего негодования, а вот мама буквально швырялась огненными фаерами, когда говорила о том, что её внучка хочет быть как мальчик. Элис не хотела носить юбки, розовый цвет и банты. Она дружила исключительно с мальчишками и совершенно не хотела играть с куклами, предпочитая им мечи или машинки. Судя по всему, мама начала серьезную войну за женственность Элис. Моя мать прямо заявила, что не перенесет, если её внучка вдруг вырастет лесбиянкой, ведь Элис девочка и у нее должны быть нормальные женские увлечения, за которыми последует парень, муж и рождение ребенка. «Она обязательно должна рожать от нормального мужика!» — В конце подытожила женщина, родившая меня.

4) Мама неожиданно окончила курсы и теперь имела официальный сертификат визажиста-парикмахера, подтверждающий её компетентность, но из-за очередных проблем в семье снова не могла отвлекаться на то, что ей на самом деле нравилось. Ведь ей необходимо было помогать Эми с новорожденной Джессикой, кормить дедушку с отцом и вырастить из Элис настоящую леди...

5) Дэвид и Саманта купили небольшой, совершенно новый домик, который расположился

через улицу от дома Эмметта и Эмили, и через две улицы от квартиры деда. Дэвид оказался принципиальным мужиком, который не собирался жить в квартире родителей невесты, поэтому уже спустя пару дней приобрел себе дом, посадил возле него дерево, ну а ребенка он вообще заранее состряпал. Оказалось, что у него были сбережения на счету (небольшой процент от первых дивидендов по препарату от гипертонии и половина суммы от продажи родительского особняка), вот их он и потратил на дом, и его обустройство. Исходя из мнения родителей, дом был хотя и маленьким, зато совершенно новым, построенным всего полгода назад и полностью отделанным внутри и снаружи. Плюс ко всему, Дэвид прикупил для своего гнезда неплохие внутренности в виде качественной мебели, так что теперь это был самый настоящий райский уголок для пары, готовящейся к рождению младенца.

И только папа жил своей прежней жизнью, довольно попивая чаек и тайно делая ставки на скачки.

Родители также пересказали мне слова Тэмми о том, что Олдридж приезжал сюда спустя несколько дней после похорон Мартина, но на тот момент я уже была за границей и, плюс ко всему, еще не успела сообщить свой новый номер телефона. Тогда Олдридж попросил их сообщить о моем возвращении, но сейчас я убедила родителей в том, что эта просьба больше не актуальна, так как её срок годности давно истек, да и вообще, по словам Тэмми, сейчас мой бывший работодатель находился в Дубае.

Несмотря на все перипетии, я снова была дома и снова чувствовала себя хреново, как, собственно, всякий раз, возвращаясь домой после длительного отсутствия...

Глава 24. Семейство Прайс. Знакомство с Джессикой

Следующий день начался со знакомства с семейством Прайс. Пока дети ушли в школу, а папа на работу, я, мама и дедушка отправились к Дэвиду с Самантой. Их дом действительно оказался намного меньше дома Эми (с домом Тэмми его вообще смешно было сравнивать), однако он был по-настоящему уютным. Он состоял из небольшой гостиной, кухни, совмещенной с миниатюрной столовой, отдельного санузла и двух спален. Домик был новеньким и ухоженным, и пара со вкусом обустроила его. Вся мебель была исключительно новой, хотя и не самой дорогой, что выглядело весьма уместно, в отличие от шикарно обставленной гостиной Эми. И если кухня с гостиной были обставлены уютной, но дешевой мебелью, тогда спальня новоиспеченной парочки и комната для ребенка буквально взрывались от роскоши. Я считала это отличным ходом — вместо того, чтобы показывать роскошь всем и всюду, как это делали Эмметт с Эмилией, Дэвид с Самантой заморочились и скрыли её от лишних глаз. В небольшой спальне пары разместились мебель из европейской липы цвета слоновой кости — шикарный платяной шкаф без зеркал на всю стену, широкая кровать, пара прикроватных тумбочек с роскошными бра и небольшой туалетный столик с зеркалом, стоящий у окна. Комната для ребенка была уже укомплектована вплоть до кроватки и заперта на ключ. Так как пара не знала, кто именно у них родится (Дэвид утверждал, что способен воспитать как настоящего мужика, так и настоящую принцессу), они решили оформить комнату в нейтральных тонах, не используя розовые или голубые цвета. Стены были оформлены тускло-сиреневыми обоями, а шкаф, комод, пеленальный столик, кроватка и прочая мелкая мебель была бежевого цвета с шоколадными узорами.

Я вслух удивилась тому, как много Дэвид успел сделать всего за две недели пребывания в этом зачуханном городишке, после чего узнала, что с ближайших выплат по патенту он собирается купить недорогую машину, чтобы иметь возможность возить рыженькую в Лондон за приданым для малыша и фишками для молодых мамочек. Сэм впервые в жизни была в восторге от возможности жить размеренной жизнью в собственном доме. Прежде она не могла представить себя поливающей герань, а уже сегодня обсуждала способы её посадки. Впрочем, судя по измышлениям пары, они собирались прожить в городе до тех пор, пока ребенку не исполнится год, после чего они снова планировали пуститься в путешествие на своем доме на колесах.

Я поражалась тому, как легко и непринужденно Дэвид общался с мамой и бабушкой, так как считала их людьми из параллельных вселенных. Судя по всему, Дэвид, одной только своей улыбкой и умением заваривать вкусный чай, привел в восторг сразу всю нашу семью.

Пробыв у новоиспеченного семейства Прайс (Сэм светилась от одной только мысли о том, что через шесть месяцев она перекочет из мисс Пейдж в миссис Прайс), я с мамой отправились в гости к семейству Бланкар, а Дэвид и Сэм вызвались проводить бабушку до дома и встретить двойняшек со школы.

Первое, что мне бросилось в глаза, и чему я была немного удивлена, это то, что Эмметта не оказалось дома, ведь мы заранее предупредили о своем приходе. Всем было известно, что мистер Бланкар работает утренним радиоведущим, поэтому оставшийся день он всегда где-нибудь шатался.

— Тебе мама еще не рассказала? — довольно улыбнулась мне Эмилия. — Пару месяцев назад Эммета взяли на дополнительную должность. Он теперь не только радиоведущий, теперь он еще и сценарист. С утра до ночи трудиться на этом своем радио, но дополнительных денег я пока не видела. Эмметт говорит, что, пока у него испытательный срок, на зарплату работа сценаристом влиять не будет, зато на свободное время это уже влияет. Бедняга иногда приходит домой за полночь и сразу отключается. А ведь ему еще нужно проснуться до рассвета, чтобы выйти в прямой эфир. Он крутится, словно белка в колесе.

— Не муж, а образец мужчины, — улыбнулась я.

— Вот только этот образец откровенно был несчастен от того, что у него должна родиться дочь, а не сын, — недовольно вставила мама.

— Это была минутная слабость, — начала заступаться за мужа Эмилия.

— Что-то эта минута переросла в дни.

— А что, собственно, случилось? — поинтересовалась я, принимая из рук Эмилии малютку Джессику. Для трех месяцев моя племянка была достаточно крепенькой. У нее и вправду были крупные голубые глаза, словно копии глаз нашего отца, и хотя в подобном возрасте сложно судить о том, на кого больше похож ребенок (так как он больше всего похож на

слюнявого младенца), всё-таки казалось, словно от Эмметта девочке достался только подбородок. Девочка была настоящей розовощекой красавицей.

— Эмметт впал в такую меланхолию, что даже начал упрекать твою сестру в том, что они истратили одно имеющееся у них ЭКО, а Эми в итоге зачала девочку. И вообще, при чем тут Эми, если он убеждал нас в том, что его семя способно зачать только мальчика?! Потом еще неделю недовольно хмыкал о том, что у него никогда не будет сына, так как на дополнительное ЭКО нужно будет копить годами, а с учетом расходов на новорожденную, это займет целое десятилетие. Он чуть ли не опустил до упреков в сторону Эмилии на тему того, что она не способна зачать без медицинской помощи. Честное слово, хорошо, что его вовремя повысили на работе, иначе бы не прекратил нас изводить.

— Но сейчас ведь он образцовый отец, — попыталась улыбнуться Эми, после чего отправилась на кухню за трезвонящим телефоном.

— Тоже мне, образцовый отец, — прошептала мама так, чтобы Эми не услышала. — И чего в нем образцового? Он ведь совершенно не помогает с ребенком. Приходит только переночевать, весь ушел в работу, которая пока даже финансово не окупается.

— Это Эмметт звонит. Спрашивает, кому что нужно купить — он сейчас в магазине. Вот видишь, — улыбнулась вошедшая Эми, погладив по носику Джесс, уютно устроившуюся у меня на руках. — Твой папа интересуется, чего тебе купить.

Эмметт пришел в десять вечера, как раз перед нашим уходом (из-за него мы решили немного задержаться). Эмилия говорила, что после родов поправилась на десять килограмм, но так как за последние три месяца она сбросила пять из них, благодаря правильному питанию и регулярным прогулкам, те плюс пять кило, которыми она всё еще обладала, на ней почти не были заметны. А вот дополнительные семь кило в Эмметте значительно изменили его внешность. Из-за завала на работе он забросил тренажерный зал, но обещал со следующего месяца обязательно заняться собой. Еще Эмметт много говорил о том, какая у него красивая дочь, но из-за отсутствия практики, которая взаимоисключалась работой, он всё еще боялся держать её на руках. Молодой отец продержал Джессику от силы пять минут, после чего высказал предпочтение сварить жене питательную смесь, нежели продолжать справляться с непонятным ему кряхтением малышки. На это было даже смешно смотреть.

В итоге мы ушли в начале одиннадцатого, по дороге домой подшучивая над боязливостью молодого папаши.

Глава 25. Мартовские дни

Мартовские дни становились всё более теплыми. Стандартной температурой считались десять градусов по Цельсию, но погожие дни градусы тепла могли подниматься даже до плюс пятнадцати. Из-за того, что маме некуда было девать новообретенные навыки визажиста-парикмахера, она все их выплескивала на меня. Я всячески сопротивлялась и у меня даже получилось уговорить её не трогать моё лицо, однако моя голова всё еще продолжала подвергаться ежедневным пыткам. Это происходило так: мама усаживала меня

на пол в гостиной и начинала практиковаться. Она была рада тому, что мои волосы, как она выражалась «уникального оттенка темного шоколада», всегда отличавшиеся чрезмерной густотой, отрасли ниже лопаток. Нужно отдать должное таланту моей матери — она делала шикарные прически, но я предпочитала ограничиваться роскошными укладками в виде локонов или волн, которые всегда выходили у нее просто превосходно, из-за отменного сочетания качественной плойки с золотыми руками самой мамы.

После возвращения домой, всё своё свободное время я проводила в компании Эмилии и Саманты. Они обе были помешаны на сохранении фигуры, поэтому я и Сэм приходили к Эми, собирали целую походную коляску для Джессики, после чего мы всем женским составом выдвигались в долгий путь (долгие прогулки должны были поддерживать мышцы мамаш). Мы добирались пешком до парка, бродили по самым отдаленным его дорожкам, после чего возвращались домой каким-нибудь витиеватым маршрутом. В целом, мы проводили на свежем воздухе около пяти часов, минимум три из которых находились в постоянном движении.

— А я ищу работу, — засунув руки в задние карманы, сообщила я, встав напротив Эмилии и наблюдая за тем, как она кормит грудью Джессику. Мы каждый раз приступали к этому сакральному процессу на одной и той же лавочке, которая была скрыта от посторонних глаз раскидистыми лапками пышных елей.

— Зачем? — поинтересовалась у меня Саманта. — Я имею в виду — мы ведь так круто проводим время, а ты сейчас возьмешь, устроишься на работу и оборвешь эти прелестные мгновения жизни.

— Согласна, но сидеть на родительской шее для меня недопустимо. Тем более папа до сих пор не отошел от той новости, что я не собираюсь восстанавливаться в университете.

— Может быть, ты еще раз подумаешь? — полюбопытствовала Эми. — Всё-таки у тебя есть шанс получить высшее образование и сострять неплохую карьеру терапевта. Не хочешь же ты навсегда застрять в этом городишке?

— Если честно, я сама не знаю, чего хочу... И потом, ты же застряла здесь и вполне довольна.

— Да, но у меня есть Эмметт и Джессика.

— Кстати, как у тебя дела с Эмметтом? — перевела тему Сэм, явно чувствуя мой настрой. — Продвигается?

Недавно мы узнали, что у Эмилии не было секса на протяжении целого года. С первого дня зачатия они не хотели рисковать здоровьем малыша, хотя и знали, что это всё предрассудки, но после рождения Джесс они так ни разу и не переспали. Позавчера я с мамой вызвались посидеть с малышкой, чтобы Эми с Самантой отправились в интим-магазин и прикупили себе эротического белья. Результаты проделанной работы должны были быть уже сегодня.

— Не получилось, — тяжело выдохнула Эми.

— Как не получилось?! — округлила глаза Сэм.

— Вчера он до поздней ночи доделывал последние штрихи своего нового сценария и вернулся домой уставшим.

— Вы что, даже не попытались? — не унималась Сэм.

— Попытались. Вот только...

— Только что?! — казалось, что Сэм сейчас взорвется.

— У него не получилось.

— Как это — не получилось?

— Вот так вот. Просто не получилось. Может быть, он потерял ко мне сексуальное влечение? В конце концов, я набрала в весе.

— У тебя всего-то осталось плюс пять килограмм, и-то всего один из них переходит в разряд лишнего, — возмутилась Саманта. — И потом, твой муженек во время твоей беременности поднабрал куда больше твоего. Как так вообще можно было? К примеру, Дэвид, пока я с вами гуляю, пашет в тренажерном зале.

— Не судите его строго, — вмешалась я. — Он ведь работает с утра до ночи и ему уже тридцать пять, а это нельзя не учитывать. В следующий раз получится.

— Согласна с Глорией, — выдохнула Эми, явно довольная тем, что я заступилась за её мужа. — Тем более это была наша первая попытка после родов. Теперь, когда он понял, что я готова, он наверняка тоже попытается.

Тема была закрыта. Мы перешли на обсуждение здоровья Джесс, которая была немного переносенным ребенком, из-за чего Эми с мамой до недавнего времени регулярно носили малышку к неонатологу, с прошлой недели перейдя на прием к педиатру. К всеобщему счастью, Джесс была абсолютно здоровым и крепеньким младенцем, жадно впитывающим витамины посредством грудного вскармливания.

•

○ *

На следующий день я смотрела сквозь монитор своего ноутбука, пытаюсь не думать о том, что прошло ровно два года с тех пор, когда я однажды разместила своё резюме на открытом передо мной сайте. Погода за окном была промозглой. С утра шел сильный дождь, а к вечеру поднялся рваный туман. Я сидела в своей спальне-кладовой и рассматривала вакансии нашего городка. Спустя два года на рынке труда этого городишки ничего не изменилось — ноль вакансий, если не учитывать расклейщика объявлений и уборщиц в паре ночных клубов.

Отстранив ноутбук, я облокотилась о спинку скрипучего стула и перевела взгляд на лежащий рядом сверток.

«— Откроешь после того, как Роланд подарит тебе свой подарок. Хорошо?»

— Договорились.»

Я никогда не узнаю, что именно в этом свертке, ведь я пообещала. Сердце снова начало ныть и я, засунув боль под кровать, отправилась вниз, чтобы составить компанию родителям. Сев рядом с дедом, перебирающим семена цветов, которые мама хотела высадить, как только выглянет солнце, я начала слушать новости из жизни семьи. Элис сегодня заявила, что быть мальчиком «круче», чем девочкой, так как мальчикам можно писать стоя, после чего мама с полчаса доказывала моей племяннице, что писать сидя намного «круче». Всего содержимого этого диалога лучше не вспоминать.

— Дорогая, по телевизору показывают новое моющее средство, которое справляется с любым жиром. Может махнем с тобой по сто грамм? — раздался папин голос из гостиной.

— Мы не страдаем лишним весом. Лучше посмотри, что поможет от тугодумия.

— Дед, давай я тебе помогу, — повернулась я к дедушке, машинально начав очищать семена цветов от шелухи.

— Эти семена собирала Пэт, — вдруг печально отозвался на моё предложение о помощи дед. — Можно я сам их переберу?

— Конечно, — растерявшись, мгновенно отдернула руки я, и к моему горлу тут же подступил комок. Дед выглядел настолько несчастным, что было очевидно, что его сердце обливается кровью. Из-за непогоды он не смог сегодня сходить к бабушке, поэтому сейчас он был более подавленным, нежели обычно.

— Глория, может быть, ты еще раз подумаешь и всё-таки восстановишься в университете? — откликнулся из гостиной папа.

— Я уже всё решила, — сглотнув комок боли и за себя, и за деда, отозвалась я.

— Она всё решила, — недовольно прошипел себе под нос отец.

— Уже нашла что-нибудь? — протирая тарелки, поинтересовалась мама, повернувшись ко мне лицом.

— Да. Требуется бармен в заведение с кричащим названием «У руля».

— В тот самый бар, в который тебя пару лет назад не взяли из-за твоего неумения жонглировать бокалами? — усмехнулся папа.

— Именно, — потерла бровь я, подумав о том, что если бы тогда меня взяли на работу в этот

бар, я бы в итоге не встретила с Олдриджами. — Только за пару лет я приобрела этот навык — по крайней мере, могу жонглировать тройкой мандаринов.

— Придержи свои мандаринки при себе. Говорят, что там начальник извращенец.

— Для тебя любой начальник наших дочек извращенец, — громко поставив тарелку в раковину, констатировала мама.

Глава 26. Ошибка

И всё-таки папа был прав — на сей раз начальник действительно оказался извращенцем. Единственное, что его интересовало, это есть ли у меня парень и как я отношусь к романам на рабочем месте. Ну и еще умею ли я жонглировать. Парня у меня не было, к романам я относилась отрицательно, после чего я хреново пожонглировала яблоками, дважды сбившись, и всё-таки меня приняли на работу. А что было делать, если на пустующее место со всего города претендовала только я? Моим начальником был парень по имени Том, в возрасте между двадцатью пятью и двадцатью восемью годами, высокий, слегка подкачанный, но всё равно худощавый. Весь рабочий персонал состоял из двух барменов (меня и пожилого дяденьки, работающего в дневную смену), одной пожилой уборщицы и четырех официанток, работающих посменно.

Я работала с девяти часов вечера, до четырех утра. Возвращаясь домой к пяти, я заваливалась спать, после чего просыпалась между десятью и одиннадцатью, и либо помогала по дому, если был пасмурный день, либо проводила время в компании Сэм и Эми, слушая истории об их семейных приключениях. У Эмилии всё еще не получалось наладить интимную сторону жизни со своим мужем, а у Сэм уже начал округляться животик, что она всячески пыталась подчеркнуть обтягивающими футболками.

В конце марта, возвращаясь от Эми, я заглянула в магазин детских игрушек, чтобы прикупить что-нибудь для Джесс. Выйдя из него и перейдя улицу, я размеренно шагала, рассматривая купленную мной пустышку, как вдруг меня окликнул голос подростка.

— Глория? Бабушка, смотри, это Глория.

Я подняла глаза и неожиданно увидела в десяти шагах от себя Доротею с Лео. Они являлись частью прошлой жизни, в которой я еще была собой, поэтому сейчас казались мне какими-то нереальными, даже туманными. Доротея слегка отрастила волосы и перекрасилась в красновато-рыжий, а Лео так сильно вытянулся, что выглядел не на свои четырнадцать, а на все шестнадцать лет.

— Глория, милая, что с тобой приключилось?! — залепетала подошедшая ко мне впритык Доротея, хлопнув в свои мягкие ладоши. — От тебя ведь одни только косточки и остались!

Следующие пять минут я слушала причитания женщины о том, что в моем возрасте нельзя доводить организм до истощения, после чего начались рассказы о личных жизнях моих знакомых. К моему удивлению, Аддингтоны переехали в Лондон и сейчас заглянули в этот

город лишь на выходные, чтобы высадить палисадник на даче, в которую превратился их прежний дом. Лео поступил в престижный Лондонский лицей, стал лучшим нападающим в новом хоккейном клубе и был безответно влюблен в какую-то блондинку, которая игнорировала его из-за разницы в возрасте, составляющей два года. К моему удивлению, Доротея не порвала связей с Олдриджем, как это сделала я, а напротив стала с ним тесно сотрудничать. Сейчас она, вместе со своим мужем, не просто состояли в штате благотворительного фонда Олдриджа, а занимали едва ли не его верхушку. В итоге у них была любимая работа, отличная зарплата и они жили на выделенной фондом квартире, совершенно не тратясь на аренду. Из всего услышанного я поняла, что жизнь Доротеи после смерти Мартина не просто продолжалась, но и была весьма успешной. Мне же нечем было похвастаться. Я рассказала о своем путешествии, о том, что сейчас работаю в ночную смену барменом в баре «У руля», решив промолчать о том, что у руля я себя по жизни как раз и не чувствую. Я видела, что эти двое смотрели на меня с плохо прикрытой жалостью, из-за чего я постоянно встряхивала плечами, словно желая сбросить с себя их жалостливые взгляды. Не выдержав напряжения, я вдруг сказала, что спешу, после чего мы поспешно распрощались. Еще минуту я чувствовала их тяжелые взгляды на своей спине... На душе вдруг стало невыносимо тошно.

Перейдя дорогу, чтобы скрыться от сверлящих мою спину взоров, я начала перепроверять, закрыла ли свою тряпичную сумку, как вдруг мой взгляд упал на сидящих людей в кафе напротив, и я замерла. Левым боком ко мне сидел Эмметт, перед ним же расположилась какая-то худошавая девка с грудью второго размера навывкат. Она была словно барби, только корни окрашенных в блонд волос слишком сильно отросли. Еще час назад, когда Эми при мне звонила своему мужу, чтобы узнать, когда он придет домой, он ответил ей, что задержится сегодня на работе, а сейчас он сидел в кафе и потягивал пиво с какой-то девицей легкого поведения (как еще можно назвать девушку в коротком леопардовом топе с оголенной грудью и лиловыми губами?). Не долго думая, я буквально ворвалась в кафе, едва не сбив парнишку-официанта с ног. Остановившись напротив столика голубков, первые несколько секунд я наслаждалась реакцией Эмметта — он начал нервно моргать, словно пытаясь понять, кто именно перед ним стоит. Не дожидаясь нелепых объяснений, я размахнулась и вlepила своему зятю настолько сильную пощечину, насколько могла мне позволить моя ослабшая за прошедший год рука, после чего я вихрем выпорхнула из кафе.

— Глория! — послышался спустя минуту оклик у меня за спиной. — Глория, подожди!

— Вот еще!

— Ты всё неправильно поняла...

— Ты сидел за одним столиком с какой-то проституткой, в то время как Эми ждет тебя дома, качая на своих руках вашу дочь!

— Глория, умоляю, выслушай же меня.

Я резко обернулась к бежавшему за мной Эмметту. На столь коротком отрезке он уже успел запыхаться, а на его левой щеке красовался багровый отпечаток моей ладони.

— Это заказчик... У этой фифы интервью в прямом эфире на нашей радиоволне уже через два дня, а эта идиотка до сих пор не выучила сценарий.

— Ну да, конечно! Вешай лапшу на уши кому-нибудь другому.

— Я серьезно! Блин, да как же тебе доказать... Поехали в офис, сейчас же! Я не хочу, чтобы ты разрушила нашу с Эми семью на почве непроверенных данных. Я предоставлю тебе неопровержимые доказательства того, что эта дура — наш клиент с куриным мозгом. Ты поговоришь с моим начальником, он нормальный мужик — всё поймет и объяснит. Ты ведь уже не раз была у нас на работе и знакома с Билом, так что считай, что я тебя официально приглашаю посетить наш офис.

— Серьезно, просто клиент? — начала остывать я.

— Глория, соберись, умоляю. Если бы я врал, я бы оставил эту крашеную куклу вот так вот просто, даже не оплатив заказ?

В принципе, всё было логично, и на фоне этой логики я выглядела круглой идиоткой.

— Жесткая у тебя работа, — ухмыльнулась я, опустив скрещенные на груди руки.

— А у тебя жесткий хук справа, — в ответ усмехнулся мне Эмметт, потирая свою покрасневшую щеку.

Сев в его Мазерати, мы доехали до парка и, не смотря на прохладный вечер, купили себе по банке пива, после чего уселись на ближайшую лавочку.

— Ты не представляешь, каково это — быть отцом. Тем более отцом девочки.

— Да у тебя какой-то пунктик на девочках.

— Я не то имел в виду... Все думают, будто я расстроен тем, что у меня родилась дочь, но на самом деле я попросту растерян. С мальчиками проще. Их проще воспитывать, проще с ними общаться. С девочкой ведь всё наоборот. Я боюсь, что не смогу стать нормальным отцом и не смогу вырастить из этой крохи сильную девушку. Как ей объяснить, что она не должна размениваться на всяких придурков? Как рассказать, откуда берутся дети?

Речь Эммета была настолько трогательной, что на моей душе вдруг стало тепло — Эми в отличных руках, правда, во всё еще трясущихся от страха перед отцовством.

— Ты просто не думай о том, что еще не наступило, — поджав губы, посоветовала я. — Будь со своими женщинами здесь и сейчас, и всё у вас будет замечательно. Со временем ты научишься быть отцом дочки.

— Ты права, — согласился мой собеседник, спустя мгновение добавив. — Слушай, я еще никому не рассказывал, но меня на работе не просто взяли сценаристом.

— Правда?

— Меня по-настоящему повысили.

— Это ведь круто!

— Да, но вся фишка в том, что я должен безвозмездно выложиться на все сто, прежде чем мне начнут нормально платить, понимаешь?

— Типа испытательный срок, да?

— Испытательный срок с отличными перспективами на будущее. Если всё прокатит, а я тебе даю гарантию на то, что всё прокатит, тогда мне поднимут зарплату вдвое.

— Вдвое?! Станешь местным миллионером, — усмехнулась я.

— Не то слово, — мечтательно заулыбался в ответ Эмметт. — У нас с Эми ведь не было медового месяца. Хочу свозить её в Южную Америку. Я уже рассмотрел пару вариантов — Эми точно понравится. Думаю через три-четыре месяца организовать. Как считаешь?

— Было бы здорово, — еще шире заулыбалась я.

— Да-а-а, — довольно протянул Эмметт. — Только сейчас все деньги уходят в никуда. Я перебиваюсь фастфудом, трачусь на бензин, пеленки, распашонки и по работе приходится расплытаться... Даже на чисто символический подарок для Эми не хватает денег.

— Ты хочешь ей что-то подарить?

— Было бы неплохо купить ей цветы или духи, да? Она в последнее время так сильно следит за своей внешностью, что на фоне нее я чувствую себя бегемотом. Может быть, подарить ей абонемент на фитнес? Она вроде как хотела...

— Крутая идея, — довольно замахала головой я.

— Можешь одолжить денег? Как стану миллионером — сразу же верну.

— Без проблем, — ответила я, уже отсчитывая банкноты. — У меня неплохие чаевые.

— Ты где-то работаешь?

— Да, устроилась... Эми не рассказывала?

— Нет.

— Столько достаточно?

— Да, вполне. Спасибо, что выслушала и поняла. Представляю, как Эми будет рада, —

широко заулыбался довольный Эмметт, и я заулыбалась ему в ответ, предвкушая радость сестры.

Глава 27. Привет из прошлого

— Этот кретин еще и недоволен тем, что жена пережарила оладьи, — возмущалась Эми, рассказывая о жизни своей соседки. — У них трое детей, самому младшему год от роду, и она спит буквально на ходу, а ему оладьи не нравятся! Представляете? Ему вообще повезло, что она ему хоть что-то готовит.

— По-моему, семейная жизнь — это полный отстой, — поморщилась я, сев на лавочку рядом с кормящей Джесс Эмилией. Погода была пасмурной, но дождя не предвещалось. В парке же было тепло и безветренно, что способствовало моему хорошему настроению, если таковое внутри меня до сих пор вообще выжило...

— Ничего подобного, — возразила Сэм, поглаживая свой округлившийся животик. — Дэвид мне вчера романтический ужин устроил и подарил букет из нежно-розовых роз.

— Кру-у-уто, — протянула в один голос с Эми я.

— А тебе Эмметт ничего еще не дарил? — хитро улыбнувшись, посмотрела на сестру я.

— Нет. Погоди, что значит «еще»?

— Он у меня пару дней назад одолжил сто долларов — хочет тебе подарок организовать. Думаю, на днях тебе прилетит какой-нибудь букет или сертификат.

Весь оставшийся день мы пытались угадать, что именно Эммет подарит Эмили, отчего пребывали в приподнятом настроении, не смотря на то, что Джессика семьдесят процентов от суммы всей прогулки проплакала, и мы по очереди носились с ней по всему парку.

•
○ *

— И это стерва променяла меня на какого-то молокососа, который на семь лет младше нее! — жаловался мне седовласый мужчина, допивая своё пиво. В последнее время я являлась не просто барменом — я была настоящим психологом, выслушивающим проблемы своих клиентов. — Хорошо, что дети поддержали меня.

— У вас всё еще наладится, только не напивайтесь в хлам, — слегка улыбнулась я.

— Обещаю, что не буду. Опрокину в себя еще одну пинту светлого пива и отправлюсь домой. Как считаешь, сколько мне лет?

— Сорок пять? — соврала я — он тянул на все пятьдесят пять.

— Мне пятьдесят три, — улыбнулся мужчина, довольный моей ложью. — Я взрослый,

состоявшийся мужчина, у которого есть две замечательные дочери и три внука от них. Смотри, это мой младший.

— Очень милый, — улыбнулась я, глядя на миниатюрную фотокарточку в портмоне мужчины. — Похож на Вас.

— Правда? Я тоже так считаю, а мой зятёк, которого я обожаю словно сына, которого у меня никогда не было, убеждает меня в том, что мой внук похож на него... Через пару дней апрель, поедem с ними в Уэльс к моей сестре... Ты замечательная девчонка! Прежде тебя не видел. Давно здесь работаешь?

— Уже двенадцать дней, точнее сказать, вечеров — у меня ночная смена.

— Ты так похожа на мою старшую внучку, которой сейчас пятнадцать... Так как на счет дополнительной пинты?

— Светлое закончилось, но я могу сходить в погреб.

— Нет уж, значит не судьба. Хорошего тебе вечера и больших чаевых.

— Спасибо, — улыбнулась я, забирая с барной стойки пустой бокал с мелочью. И всё-таки сходить за пивом было нужно. В конце концов, посетителей в будние вечера всегда было мало, так что моё отсутствие не должно было привлечь большого внимания, а светлое пиво по-любому еще понадобится.

Я поднимала полный ящик с пивом, когда за моей спиной послышался свист. Это был Том — он всегда присвистывал при ходьбе. Не смотря на то, что он так и лип ко всему женскому персоналу (даже с пожилой уборщицей заигрывал), ко мне он до сих пор еще не притрагивался, явно улавливая мой настрой по отношению к его персоне.

— Глория, детка, что ты здесь делаешь?

— Когда меня называют деткой, меня выворачивает наизнанку.

— Послушай, как насчет прибавки к зарплате?

— Я и двух недель не проработала, так что не думаю, что это уместно.

— Да, но ты хороший работник.

— Так будь и ты хорошим начальником.

— Мне нравится, что мы с тобой так легко перешли на «ты».

— В конце концов «ты» всего на пару лет старше меня.

— И всё-таки не нужно так агрессивно отвергать мои знаки внимания.

— И всё-таки если ты еще хоть раз намекаешь на прибавку к зарплате, я сломаю тебе твой «прибавитель».

— Я уже в ожидании-и-и...

После этого инцидента Том с каждым разом становился всё настойчивее, тем самым заставляя меня каждый вечер рыться в интернете в поисках новой работы. Он прижимался ко мне, ставя передо мной чистые стаканы, пытался оставить меня после работы, многозначительно рассматривал мою талию. И всё же я хотела дотерпеть хотя бы первый месяц работы, не желая сдаваться на самом старте, поэтому продолжала грубо ставить Тома на место. Однажды мне пришлось «случайно» облить его недопитым пивом, чтобы он прекратил рассказывать о достоинствах моей фигуры зашедшему в нашу пивнушку амбалу. Мне было более чем просто неприятно, но я готова была терпеть, чтобы доказать самой себе, что я всё еще способна бороться. Хоть с кем-то... Хоть с чем-то...

●
○ *

В пятничный вечер, когда народу было больше всего, у барной стойки неожиданно объявился Мэйсон Уильямс, которого я заметила не сразу.

— Двойной виски, пожалуйста.

— Мэйсон? — подняла правую бровь я. — Давно не виделись.

— С тех пор, как из-за меня ты вывихнула лодыжку на катке. Неловко вышло. Я тогда так и не успел извиниться. Прости. Поверь мне, я осознал, как глупо себя вел.

— Да ладно, — примиряюще улыбнулась я. — Всё в порядке. Это было больше года назад.

— Ты сильно изменилась.

— Ты про мою худобу?

— Тебе идет.

— Спасибо, но только не начинай ко мне клеиться снова, окей?

— Окей.

Так как мой рабочий вечер был в самом разгаре, больше мы с Мэйсоном ни разу не пообщались, однако он ждал меня у выхода, после окончания моей смены. Парень уверил меня в том, что не собирается ко мне подкатывать, а просто хочет пообщаться со мной, как с «другом детства». Уже идя домой, мы вспомнили о том, что все наши одноклассники, друзья детства и прочие знакомые давно разъехались по мегаполисам и, по факту, мы были единственными «старыми» знакомыми друг для друга в этом городе. Мне понравилось, что Мэйсон не расспрашивал меня о моей искореженной жизни, предпочитая в подробностях

описывать свою и жизни наших общих знакомых. Было интересно послушать кто, где и кем стал работать, кто на ком женился и за кого вышел замуж, сколько у кого детей появилось. Однако, ото всех этих разговоров, к концу пути я вдруг невероятно остро осознала, насколько застряла в прошлом. У меня не было ни парня, ни даже намека на какие-либо отношения, не то что на ребенка. Я жила с родителями, работала в затхлом баре и презирала своего начальника. А ведь еще месяц назад я была путешественницей, каждый день которой был наполнен интересными моментами, которые всё же тускли, из-за силы боли в моей грудной клетке. Теперь же мою боль на секунду могла заглушить лишь громкая музыка в баре или банальный сон, который, после моего возвращения в этот город, стал еще более беспокойным. В течение всего пути до моего дома Мэйсон и вправду ни разу не попытался даже в шутку подкатить ко мне, поэтому, помахав ему рукой у входа в палисадник, я позволила себе улыбнуться ему в ответ.

•
○ *

Я выставляла на подоконник небольшие вазоны с кактусами Грузони, напоминающими маленькие колючие шарики, параллельно наслаждаясь декупажем, которым мы прошлой зимой украсили все имеющиеся у нас вазоны, как вдруг в дверь раздался звонок.

— Дорогая, открой, пожалуйста, — попросила меня мама, и я подошла к двери.

— Добрый день, — поздоровался со мной мираж Джудит Фейн, стоящий на пороге нашего дома. Женщина была такой же худой, как и я, с короткой стрижкой и глубокими морщинками вокруг глаз. За прошедшие полтора года она сильно постарела и даже немного осунулась. На ней были старые, потертые джинсы, дешевая ветровка из полиэстера и новая серая бейсболка.

— Добрый, — отозвалась я и за моей спиной тут же нарисовалась агрессивно настроенная мама.

— Был добрым, пока Вы не соизволили явиться на порог нашего дома.

— Я понимаю Ваши чувства и извиняюсь за причиненные мной неудобства, но... Не могли бы Вы позволить мне пообщаться с моими внуками?

— Вот еще! Не могла бы, — злостно фыркнула мама, после чего резко захлопнула перед женщиной дверь.

— Мам, так нельзя, — спустя несколько секунд нахмурила брови я.

— Как нельзя?

— Она ведь имеет право видеться со своими внуками.

— Имеет, но только по воскресеньям, а сегодня, если мне не изменяет память, еще не воскресенье. И потом, её не было в наших жизнях полтора года. Что у этой женщины за

манеры? Она то появляется, то тут же исчезает, чтобы снова вынырнуть из ниоткуда.

— Мам, успокойся. Остынь. Ты ведь можешь её понять.

— Нет, я определенно не могу её понять! — возмущенно вздымалась грудь матери, которая начала понимать, что я встаю не на её сторону.

— Это я её раньше не могла понять, но ты могла с самого начала.

— И что же изменилось с твоими понятиями?

— Мартин умер, — выдавила я, стиснув влажную тряпку в своих руках. — Ты ведь тоже потеряла ребенка, и эта женщина... Она потеряла дочь. Двойняшки — это дети её дочери. Они её частички...

— У Мартина тоже осталась «частичка» в этом мире, — нервно поджав губы, спустя минуту, словно через силу выдавила мама. — Вот только ты не выказываешь желаний общаться с этой «частичкой». Так почему я должна желать общаться с «частичкой» моих внуков? — прицепилась мать к слову, обозначающему «часть».

— Ты не должна этого желать или не желать... Просто они не только твои внуки.

С этими словами я повесила тряпку на стул в столовой и вышла в передний палисадник, чтобы поговорить с женщиной, постучавшей в дверь нашего дома. Сначала я подумала, что Джудит успела уйти, но потом увидела её в тупике нашей улицы, мерно раскачивающейся на качелях.

— Я понимаю Вас, — наконец, дойдя до женщины и сев на качели подле нее, произнесла я.

— Правда?

— Да.

— Я потеряла ребенка из-за своей же глупости. Разве возможно такое понять?

— Иногда есть вещи, которые не зависят от нас.

— Вы хотите сказать, что я не виновата в том, что полжизни потратила на дешевый эль?

— Я хочу сказать, что Вы не виноваты в том, что Линда умерла.

Джудит вдруг перестала медленно раскачиваться, буквально замерев на месте. Через пару секунд я поняла, что она плачет.

Хотя прошло всего десять минут с начала её слёз, мне казалось, будто она плакала целую вечность.

— Ты первый человек в моей жизни, который сказал мне, что я не виновата в смерти своей дочери. Даже мои младшие дочки никогда не говорили мне подобного, предпочитая молчать. Наверное, они, как и я, считают меня виновной.

— Не важно, что считают окружающие Вас люди. Даже не важно, что считаете Вы сами. Важно лишь то, что есть вещи, которые Вам неподвластны. Вы никогда не узнаете, пришли ли Вы к ним или они сами до Вас добрались. Так зачем себя корить в том, о чем Вы не можете судить наверняка? Вы ведь не сидели в ту ночь за рулем автомобиля.

— Но я позволила Морису выгнать из дома мою дочь.

— Но Вы не сидели за рулём, — настаивала я. — И не Вы выгнали на трассу того злосчастного пони. Не Вы посадили свою дочь в ту машину.

— Что с тобой произошло за эти два года? — Неожиданно спросила Джудит и я замерла.

— Умер мой друг... Ребенок, — подавилась болью я.

— Только не вздумай ломать свою жизнь. Её у тебя еще много. Возможно даже больше, чем ты себе представляешь. Из-за того, что я сломалась в молодости, вся моя жизнь дала огромную трещину. А ведь за прошедшие полтора года я прожила целую новую жизнь.

— Вы счастливы?

— Вполне. Я живу со своей старшей дочерью и чутким зятем. У них подрастает сын и в конце лета должен родиться еще один мальчик. Младшая дочь тоже собирается замуж. Сейчас я счастлива, но я несчастна прошлым. Я хочу... Можно мне всего один раз пообщаться со своими внуками? Я обещаю уехать и ближайший год не беспокоить вашу семью.

•

○ *

Я перехватила Дина и Элис у дома, когда они возвращались из школы. Двойняшки около получаса общались с Джудит в переднем палисаднике, пока я сидела неподалеку на разложенном деревянном шезлонге. Всё это время мама периодически выглядывала в окно гостиной, всем своим видом демонстрируя недовольство. Когда же дети скрылись за дверью дома, я встала, чтобы попрощаться с Джудит Фейн.

— Спасибо, — грустно улыбнулась женщина. — Для меня это было очень важно. Теперь я вернусь к своим дочкам, чтобы видеть, как растут их дети. Просто, эти двойняшки — они то, что я навсегда потеряла... Они часть Линды. Часть утраченного куска моей души.

— У Вас всё будет хорошо, — попыталась улыбнуться я.

— Нет, — поджав губы и отрицательно покачав головой, твердо ответила Джудит, после чего повторила дрожащим голосом, с подступившими к глазам слезами. — Нет. Не у меня

всё будет хорошо. У нас всё будет хорошо. — После этих слов женщина крепко пожала мне руку и, выглянув из-под козырька своей серой бейсболки, добавила. — Живи и будь счастливее меня.

Глава 28. Ничего не нужно

Со дня моего возвращения домой мама отличалась ангельским терпением по отношению ко мне. Она, в отличие от папы, не грызла мои косточки по поводу моего опрометчивого решения не возвращаться в университет и даже теперь, когда я устроила встречу двойняшек с Джудит, лишь нервно дышала, стараясь как можно громче вытирать посуду. Решив не дожидаться возвращения отца, чтобы не слушать мамины монологи, адресованные в мою сторону, которыми она обязательно будет делиться с папой, я решила отправиться к Сэм.

•
○ *

— И она просто так взяла и разрешила тебе позволить двойняшкам пообщаться с Джудит? — выдохнула Сэм, разрезая сочный стейк. — Правильно сделала, что пришла к нам на ужин. Зная Одри, она не успокоится, пока не выскажется, так что твоему отцу сегодня будет не сладко.

— Если честно, она слишком терпелива ко мне. Уж лучше бы она злилась на меня, как раньше.

— Почему?

— Так проще... Не перевариваю жалость.

— И всё-таки ты должна быть благодарна за то, что кто-то может тебя пожалеть, — отозвался сидящий напротив меня Дэвид.

— Ты прав, — тяжело выдохнула я. — Кстати, ты точно готовишь круче моей тётки.

— Вот спасибо, — наигранно раздраженно фыркнула Саманта, поморщив свой красивый нос.

— У меня был отличный учитель, но это отдельная история, — заулыбался Дэвид.

— Мы так многого еще не знаем о тебе, — улыбнулась в ответ я.

— Только давай поговорим о прошлом в следующий раз, ведь здесь такое крутое настоящее.

— Тебе нравится в этом городке, да?

— Всё вообще идеально: идеальная жена, идеальный дом, идеальный город, даже еда идеальная.

— Это потому, что всё это организовал ты, — ухмыльнулась я. — Если бы организацией занималась Саманта, всему этому было бы далеко до идеала.

— И чего ты сегодня меня притесняешь? У самой-то как дела на работе?

— Вроде неплохо, за исключением того, что Том всё упорнее пытается ко мне подкатить на правах начальника.

— Если что, я могу сломать ему челюсть, — криво ухмыльнулся Дэвид.

— Если что, Глория сама может сломать ему, и не только челюсть. Поверь мне, я знаю свою племянницу.

— Запомни, кто рискует — побеждает, — обратился ко мне Дэвид, повторив девиз SAS.

— Это невозможно забыть, ведь ты повторяешь этот девиз словно мантру. Одним только риском и сделал ребенка моей любимой подружке, — наигранно слащаво произнесла я, словно жалея «бедную» Саманту. Дэвид громко засмеялся и начал убирать со стола грязную посуду, а мы с Сэм переместились в гостиную.

— Я правильно сделала, что позволила Джудит увидеться с двойняшками, — утвердительно произнесла я, усаживаясь на кресло.

— Я в этом не сомневаюсь.

— Правда? Тогда в чем ты сомневаешься?

— В том, что я дура. Хотя нет, больше не сомневаюсь.

— Что-то произошло?

— Я не присутствовала на похоронах своей матери и даже не подозревала о том, что она умерла. Я самая ужасная дочь на земле.

Услышав подобные слова, я поморщила лоб — я даже представить не могла, что чувствовала Саманта по этому поводу.

— Значит, я самая плохая внучка. Я ведь тоже не знала о смерти бабушки. Я хочу сказать, что никто из нас не плохой. Мы просто оказались не в том месте, не в то время... Дедушка вообще говорит, что не мы плохие, просто жизнь у нас с изъязном, — грустно улыбнулась я.

•
○ *

Не за горами был апрель, и вечера начали заметно теплеть. Одев свою толстовку с кепкой, я отправилась на работу и впервые не замерзла по пути к ней.

Снова увидев Мэйсона у барной стойки, я заподозрила неладное, но парень клялся, что не собирается ко мне клеиться, во что я с каждой секундой всё меньше верила, боковым зрением замечая, как он наблюдает за мной из-за своего столика.

— Вот так я подписал контракт на пять штук, — хвастался мне подвыпивший офисный клерк. — Мохито мне, пожалуйста.

— Странный выбор, — заметила я. — Действительно хотите смешать коктейль с трижды двойным виски?

— Я похож на человека, который сомневается в своем выборе?

— Эй, девчушка, — послышалось с другого конца стойки, после чего раздался продолжительный свист. — Можно мне мартини?

— Боюсь, что Вы перебрали и больше нельзя, — ответила я малолетнему подростку, которому неделю назад исполнилось восемнадцать (он предъявлял мне паспорт).

— Да кто ты такая, чтобы решать, можно мне или нельзя? Может быть, ты алкогольный тестер и мне необходимо в тебя вдуть, чтобы ты... — из-за гулкого смеха дружков малолетки, продолжение я не расслышала, чем была вполне довольна. — Слышь, ты, барменша, гони мне моё мартини.

Я осмотрелась по сторонам — в самый нужный момент рядом не оказалось ни единого охранника.

— Попрошу Вас покинуть бар, — пожала плечами я, подойдя к пьяному сопляку ближе.

— Что-о-о?! — парень буквально плевался от негодования. — Да я тебя...

Потянувшись в мою сторону, он внезапно перевалился через барную стойку, и вся пьяная толпа в задымленном заведении мгновенно разделилась на два фронта — одни свистели в поддержку пьяному парню, другие рвались помочь мне, но никак не могли с таким же успехом сопляка преодолеть барную стойку.

— Стерва, я тебя знаю, — негодовал вставший в шаг от меня парень. — Это ведь ты работала нянькой у миллионера? Что, парнишка испустил дух и теперь вынуждена побираться в баре? Полгорода знает эту историю...

Я не помню, как именно дернулась моя рука, но в течение следующей секунды у парня была разбита нижняя губа и мои костяшки пальцев побагровели от чужой крови.

— Глория, прекрати! — перепрыгнув через стойку, под общий гул прокричал Мэйсон, и только в этот момент я поняла, что уже трижды врезала по лицу парня, которого держала за ворот рубашки.

Через пять минут все присутствующие дружным хором поддержали меня перед Томом,

доказав хозяину бара, что парень первый полез. Хорошо, что инцидент произошел за пять минут до закрытия, и я смогла сразу же ретироваться. Конечно мне пришлось соврать Тому, будто у меня ушиб руки, чтобы не оставаться после рабочего дня в компании извращенца и не поднимать стулья под его тщетные попытки схватить меня за задницу. Уже выйдя на улицу, я снова столкнулась с Мэйсоном.

— Круто ты его...

— Отвали! — внезапно выкрикнула я. — Не ходи за мной! Никогда!

Я быстрым шагом отправилась в сторону дома, а когда оказалась напротив супермаркета, вдали от жилого сектора, я вдруг остановилась и во всю мощь начала кричать. Я изо всех сил орала продолжительное «А-а-а-а!» прямо в небо, на луну, два края которой неустанно смотрели на меня сверху вниз. Я кричала так сильно, что казалось, будто еще чуть-чуть и моя душа вырвется из гортани, и улетит на преследовавшее меня везде и всюду лунное блюдце. Я хотела, чтобы моя душа улетела. Я хотела, чтобы ничего этого не было. Чтобы меня не было.

«Мартин, как ты мог так со мной поступить?! Как можно было ворваться в мою жизнь своими детскими ножками и растоптать её в дребезги?! Я ведь могла отучиться в университете, могла стать врачом, могла сделать отличную карьеру, могла сейчас не торчать в этом зловонном баре, в этой злосчастной дыре... А сейчас мне вообще ничего не нужно! Слышишь?! Мне ничего не нужно от моей жизни! Зачем было вырывать из меня душу?! Зачем было убивать моё будущее?.. Почему я вынуждена влачить жалкое существование?..».

Я редела. Мне хотелось напиться и сдохнуть, но я вспомнила слова Джудит и решила ограничиться вторым вариантом. Придя домой, я закрылась в своей кладовке и изо всех сил постаралась заснуть так, чтобы никогда больше не проснуться, но даже это у меня не получилось.

Глава 29. Новое старое знакомство

— И ты втащила ему? — округлила глаза сидящая рядом с Эмилией Саманта.

— Судя по всему, я ему врезала трижды, точно не помню, — потеряла замотанные в бинт костяшки пальцев я. — Самое отвратительное во всем этом то, что это помогло.

— Помогло чему? — непонимающе посмотрела на меня Эми, покачивающая коляску со спящей Джесс.

— Мне помогло. Я когда его била, мне становилось легче...

— Не пугай меня так, — положила руку себе на грудь Сэм. — Только не бокс.

— Бокс мне не поможет. Судя по всему, мне нужна живая мишень.

После инцидента с дракой я стала еще менее сдержанной, что в основном проявлялось на работе. Однажды, когда Том попытался ко мне навязаться после закрытия бара, я будто случайно уронила не него барный стул. Удар пришелся по правой ноге, и он так сильно закричал, что мне даже врать не пришлось, что это была просто случайность — другого он и не предполагал.

Первого апреля я сидела напротив телевизора и поедала мамины пирожки в компании дедушки, так как погода не позволяла мне вырваться на прогулку с Сэм и Эми, а его не пускала на могилу бабушки.

— У Пэт были пирожки гораздо вкуснее, помнишь?

— Помню, деда, помню...

— Чувствую себя пирожком, — внезапно выдал дед.

— В смысле? — ухмыльнулась я.

— Меня словно проглотила боль и сейчас переваривает соками отчаяния.

— Дед, тебе нужно как-то жить дальше, — оторвав взгляд от черно-белого фильма, посмотрела я на тоскливого старика.

— Скажи это себе.

— Прости.

— За что?

— Я чувствую себя хреново от того, что смерть Мартина нанесла мне такой сильный урон.

— Ты имеешь в виду, что ты чувствуешь себя отвратительно из-за того, что по Дэниелу и бабушке не так сильно убиваешься?

Я судорожно проглотила последний кусок своего второго пирожка и посмотрела на три целых, лежащих в тарелке у меня на ногах.

— Не мели ерунду, — неожиданно выдал дед, откусив свой пирожок и, словив на себе мой ошарашенный взгляд, продолжил. — Из-за смерти твоего брата страдали все, но больше всех страдала твоя мама. Из-за смерти бабушки страдают все, но никто из вас не прочувствует силы той боли, которую ощущаю я. Из-за смерти Мартина, по-настоящему страдать могут только два человека и, насколько я понимаю жизнь, было бы ужасно, если бы ты страдала от потери этого мальчишка меньше, чем можешь. Ты вовсе не плохая сестра или внучка, просто ты лучшая няня.

От этих слов к моим глазам подступили слезы и я начала плакать, прожевывая очередной пирожок и боковым зрением видя, как дед вытирает слёзы со своих глаз.

— Знаешь, я иногда думаю, что было бы лучше, если бы я умер первым, но потом отключаю свой эгоизм и благодарю небеса за то, что Пэт не испытает того, что сейчас вынужден испытывать я. Уж лучше я перенесу эти муки перед тем, как снова встречу со своей любимой, нежели если бы она была вынуждена переносить подобное из-за моего ухода.

— Дед, мы обязательно с ними встретимся, — хлюпая носом, отозвалась я.

— Скорее бы, — тяжело выдохнул дед, после чего снова откусил свой пирожок.

— Скорее бы, — согласилась я.

— Ну уж нет, только не тебе. Мне бы поскорее, а ты еще должна научиться жить. Только после моего ухода не думай, что ты плохая внучка.

— Дед, прекрати говорить о своем уходе. Мне от этого становится еще более тошно.

— А мне наоборот легчает...

Следующий час прошел в ужасной меланхолии, хорошо еще хоть закончился дождь. Так я поняла, что лучше нам с дедом не сходить друг с другом при поедании пирожков.

•
○ *

Мама весь день проторчала у Эми, помогая ей присматривать за Джесс, двойняшки отправились к Сэм, а папа еще не вернулся с работы, когда в дверь раздался звонок.

— Привет, — попытался улыбнуться Тайлер Купер, пока я пыталась понять, мираж он или действительно живой человек, стоящий на пороге моего дома. Наконец, осознав, что парень реален, я вышла на крыльцо, закрыв за собой дверь, чтобы не давать парню повода войти внутрь.

— Тайлер? Что ты здесь делаешь?

— Эрфурт и Варшава позади. Я подумал над твоими словами о том, что мне стоило бы помириться со своим отцом, и нашел в них смысл. В общем, теперь я живу здесь.

— Круто, — улыбнулась я, пытаюсь понять, действительно ли это круто или я всё-таки вру.

— Правда? — неожиданно спросил парень, после чего, не получив ответа, протянул мне мобильный телефон. — Вот, держи.

— Это что?

— Твой телефон. Правда, он разряжен... Тебя обчистили в Чехии, но чудом твой телефон всё-таки нашелся — его сдали в ломбард в первый же день после кражи. Ты ведь помнишь, что мой отец шериф, — улыбнулся Тайлер. — Он должен был передать тебе его, но я вызвался самостоятельно заняться этим делом. Распишешься?

Тайлер протянул мне ручку с бумагой, которую я быстро прочла и подписала.

— Спасибо, — улыбнулась я. — А брелка на нём не было? — с надеждой полюбопытствовала я, жалея брелок от Swarovski, ценность которого заключалась в том, что его подарил мне Мартин.

— Нет, — пожал плечами Тайлер. — Только телефон.

— Ясно, — поджав губы, ответила я, после чего повисла неловкая пауза, которую я же и решила оборвать. — Я бы тебя пригласила внутрь, но дома дедушка...

— Да, конечно, я всё понимаю.

— Ну, ладно, я тогда пойду.

— Да, давай. До встречи, — проводил меня взглядом Тайлер. — Мы ведь увидимся?

— Да, конечно, — постаралась улыбнуться я, закрывая за собой дверь.

•

◦ *

— Тайлер Купер здесь?! — выпалила Сэм, стоя у багажника мазерати Эммета. — Воу-воу-воу, детка, это не спроста.

— Ты тоже так думаешь? — поморщила носом я.

— Помните эту вещицу? — отозвалась Эмилия, вынимая из машины автокресло с Джессикой.

— Такое невозможно забыть, — заулыбалась я.

— Вы о чем? — поинтересовалась Саманта.

— Это кресло нам подарила на свадьбе троюродная тётка Эмметта. Тогда все застыли, наблюдая за моей реакцией, так как были уверены в том, что я никогда не рожу. Да что там, я сама была в этом уверена, а кресло-то в итоге пригодилось.

— Кстати, твой муж что-то раздобрился, — улыбнулась Саманта. — Дал покататься на собственной машине.

— Да-а-а... — довольно заулыбалась Эми. — Кажется, он готовит мне какой-то сюрприз.

Так, а кто такой Тайлер Купер?

— Молодой, красивый и влюбленный в нашу Глорию знакомый, который приютил нас в Эрфурте во время путешествия.

— Неправда, — недовольно фыркнула я.

— Где именно я соврала? Он молодой, всего на полгода старше тебя, по-своему красивый, таскался за тобой повсюду и действительно приютил нас в своей квартире.

— Пф-ф-ф... — только и смогла выдохнуть я.

— И что ты будешь с этим делать?

— Не знаю.

— Просто попытайся жить, — многозначительно посоветовала мне Эми, открывая входную дверь в свой дом.

Глава 30. Всё тайное становится явным

Совет Эмилии действительно был верен, но реализовать его было нереально сложно. Особенно когда ты чувствуешь внутри своей души зияющую дыру, заполненную пульсирующей болью.

Я определенно не могла двигаться дальше, теперь я это поняла. Я словно топталась на месте, пытаюсь вырыть своим топотом себе же яму. Поэтому, когда Тайлер позвонил мне и предложил сходить в кино, я согласилась, чтобы в очередной раз попытаться идти дальше, при этом поставив условие, что это обязательно должен быть боевик.

Поход был бы удачным, если бы фильм не испортила романтическая линия главных героев, которая закончилась настоящей порно-сценой.

— Как тебе фильм? — поинтересовался у меня Тайлер, как только пошли титры.

— Ужасно.

— Правда?

— Отвратительно.

— А мне понравилось, — улыбнулся парень, и мы вышли на прохладную улицу. — Но раз ты не в восторге, в следующий раз сходим на что-нибудь более кровавое.

— Угу.

— Ты только что согласилась?

— Да, наверное.

— Завтра в девять двадцать будет неплохой боевик...

— Я ведь работаю в ночную смену, так что в девять никак.

— Жаль. Он идет только ночными сеансами. Тогда сходим в твой выходной. У тебя вообще бывают выходные?

— Нет. Я не хочу отдыхать.

— Тогда, может быть, не в кино? Можем просто погулять по парку.

— Да, можно было бы.

— Или можем сходить в тир.

— Вполне.

— Еще кафе.

— Угу.

— Послушай, Глория, я ведь серьезно, — вдруг остановился Тайлер и я напряженно обернулась на него. — Ты ведь не думаешь, что я приехал сюда ради отца? Я с ним, конечно, пытаюсь наладить отношения, тем более старик не против, но... Я приехал в этот город за тобой. Я знаю твою историю, — как-то виновато ударил ногой асфальт парень, словно извиняясь передо мной за свои знания. — В конце концов, мой отец шериф этого города — он всё обо всех здесь знает.

— Знаешь о Дэниеле, Линде, бабушке, Мартине?

— Конечно я не знаю всех подробностей, но... Да.

— Пф-ф-ф... Возможно, так даже лучше. Ты всё знаешь, значит более-менее способен меня понять. Сейчас, на данный период своей жизни, я в принципе не готова к отношениям. Ни к каким. И я не хочу тебя обнадеживать и предлагать тебе ждать...

— Я подожду, — вдруг оборвал меня парень.

— Ладно, — только и смогла выдавить я. Что я еще могла ответить? — Только не выясняй через своего отца, где я работаю, окей? Не хочу встречаться со знакомыми на работе.

— Окей.

•

○ *

— Ты сходила с ним на свидание?! — удивленно хмыкнула Сэм, покачивая ревущую Джесс, пока Эмилия искала в коляске потерянную пустышку.

— Я бы не назвала это свиданием.

— Это и есть свидание, — отозвалась из-за коляски Эми. — Только ты способна приходя на свидание, совершенно не понимать, где на самом деле находишься, и что вообще происходит.

— Ты права, — твердо согласилась я. — Как же хорошо, что у меня есть такие подруги как вы, которые могут спустить меня с небес на землю за считанные секунды.

— Мы тебе не подруги, а сестра и тётя, — заметила Эми.

— Если уж совсем зрить в корень и рассматривать кровные узы, тогда ты мне сестра, а Сэм моя лучшая подруга.

— Самая лучшая, — подкорректировала моё признание Саманта.

— А у меня совсем не осталось подруг, — с грустью выдохнула Эмилия. — Вы составляете всё моё общество. Все знакомые повыходили замуж и разъехались по свету, одна подруга даже в Мексику жить уехала после замужества. Остальные забыты, так как наши интересы разошлись на фоне моей беременности — они всё еще пьют текилу, а я нянчусь с грудничком.

— Что, вообще ни одной подруги не осталось? — поинтересовалась Сэм, вставляя пустышку в кричащую Джесс. — У тебя ведь их было не меньше десятка,

— Осталась только Хелена.

— Хелена? Это такая крашеная блондинка, которая к своим двадцати семи родила двух мальчиков и девочку?

— Именно. Её муж банкир и он старше нее на пятнадцать лет.

— Да-да, помню, — подтвердила я.

— У Хелены неплохая жизнь в приличном особняке, кстати, расположенном в другом конце от поместья Олдриджа на Б***-стрит. Но муж у нее откровенный тиран. Мы изредка с ней пересекаемся, когда мама соглашается посидеть с Джессикой. Выпиваем по чашке кофе, говорим о грудном вскармливании и диетах для кормящих.

— В общем, тусклая у тебя тусовочка, — тяжело выдохнула я.

— Только вы и спасаете, — искренне улыбнулась Эми.

•

На следующий день я решила сходить к Эмметту на работу, чтобы рассказать ему, в каком сильном предвкушении находится Эми, ожидая его подарка. Честно говоря, я просто надеялась на то, что он не забыл о том, что должен кому-то что-то подарить, и я не зря обнадежила сестру.

Купив торт, я отправилась на местную радиостанцию, специально проснувшись пораньше, чтобы застать Эмметта во время трудового процесса. И я не прогадала. Эмметт пил кофе в компании своего начальника и одного из своих молодых коллег. Обоих мужчин я знала, так как прежде частенько заходила на радиостанцию вместе с Эмилией, когда Эмметт еще только был в процессе ухаживания за моей старшей сестрой.

— Доброе утро, Англия! — заулыбалась я, процитировав название радиопередачи, которую вел мой зять.

— Глория?! — откровенно удивился моему появлению Эмметт.

— Ты ведь меня официально приглашал, помнишь? Вот я и пришла.

— Глория Пейдж? — поинтересовался Бил — уже слегка седой, но еще не старый начальник Эмметта. — Сестра Эмили? Ты так изменилась... Откровенно говоря, ты отоцала. Сколько мы не виделись? Год? Два?

— Думаю, что все три, — улыбнулась я, пожав руку доброжелательно улыбающемуся мужчине, после чего открыла картонную коробку у себя в руках. — В кондитерской через дорогу купила клубничный торт — Эмметт его обожает.

— Круто, — улыбнулся коллега Эмметта, с которым я была менее знакома, нежели с его начальником. — В честь чего?

— Можно сказать, что в честь повышения моего родственника. Прошло уже больше трех месяцев, а я вот... — я запнулась, вдруг встретившись взглядом с начальником. — Только сейчас...

Неожиданно коллега Эмметта не выдержал и брызнул смехом, заставив меня нервно заморгать.

— А я как раз делаю твоему родственнику выговор, — непонимающе хмыкнул Бил, — и даже не подозреваю о том, что где-то когда-то его повысил. Эмметт ведь только и делает, что запинаясь в прямых эфирах.

Лишь сейчас я заметила, что Эмметт побледнел, словно полотно.

— А как же работа сценаристом? Ты ведь на работе чуть ли не ночуешь, — непонимающе перевела взгляд с Эмметта на его начальника и обратно я, внезапно почувствовав себя круглой душой, стоящей посреди офиса с дурацким тортом в руках. Мужчина за спиной Била

снова брызнул смехом, буквально подавившись своим чаем, после чего нелепо закашлялся.

— Так ты еще и меня подсидел? — наконец прокашливаясь, вдруг охнул парень.

— Милая Глория, никакого продвижения по работе у вашего родственника нет, — положив руки в карманы серых брюк, за шкурку окунул меня в ледяную реальность Бил. — Сплошные залёты. Я его даже премии лишил. Только что.

— И не сидишь за бумагами сутками? — ошарашенно спросила я, переведя взгляд на своего зятя.

— Нет, — ответил за Эмметта его начальник, пока мой недородственник крутил кружку с чаем в своих белых руках. — Сразу после прямых эфиров он летит домой к жене. Мы, конечно, всё понимаем: семья, младенец, бессонные ночи — но ведь нельзя в прямом эфире перепутать Ньюфаундленд с Нью-Йорком и даже не исправиться.

Я снова посмотрела на серьезное лицо Била, затем на пытающегося сдержать смех мужчину за его спиной и снова на побелевшего Эмметта, после чего уткнулась взглядом в дурацкий торт в своих руках.

— По ночам он дрыхнет, а не сидит с дочкой, потому что сильно устает на работе, на которой пропадает сутками напролет, — тихо произнесла я, после чего парень, стоящий подле своего начальника, перестал давиться смехом. Не знаю, что именно в этот момент мной двигало (злость, негодование или просто эмоциональный коктейль эмоций), но я со всего размаха впечатала в лицо Эмметта кондитерское изделие, специально купленное мной для его персоны. Никто ничего не успел понять, даже Эмметт, застывший со своей дурацкой кружкой в руках. Спустя секунду после своего геройского поступка, я до боли прикусила свою нижнюю губу, Бил удивленно выпучил глаза, а у парня, стоящего за спиной Била, буквально отвисла челюсть.

— Твой любимый торт, — обратилась я к окаменевшему Эмметту, выражение лица которого было не разобрать из-за налипших на него густых сливок. — Он был дорогой, в отличие от тебя.

Взяв салфетку с близстоящего стола и нервно вытерев ладонь, я добавила, не глядя на начальника своего бывшего зятя:

— Советую Вам его уволить. Он не надежный.

Выйдя на коридор, я увидела через огромное офисное окно, которое было минимум в три метра шириной, что начальник Эмметта, его коллега и сам Эмметт смотрят в мою сторону. Прислонив средний палец правой руки к окну, я со скрипом провела им по поверхности смутного поликарбоната, пока мои костяшки не перешли на шершавую стену, и я не скрылась в соседнем коридоре. Как я могла ему поверить?! Как я могла поверить в то, что та резиновая кукла из кафе была каким-то там клиентом?! Дура!!!

Глава 31. Можно ли верить мужчинам?

— Ну а вдруг это вовсе не постоянная любовница? Вдруг это была одноразовая проститутка?
— затрепетала мама, бегая вокруг папы, который судорожно хватался за своё сердце.

— Я убью этого подонка, — пытался кричать отец, но лишь хрипел и краснел.

— Какая разница, любовница или проститутка? — спокойно отозвался дедушка, перебирающий фасоль за кухонным столом. — Если он хотя бы мысленно изменил Эмили, значит он виновен. Я никогда не смел даже мысленно желать иной женщины кроме своей жены. В моем мозгу и моем сердце всегда была только Пэт. Всегда. Даже сейчас.

— Я растопчу его в пыль, — продолжил хрипеть папа, внимательно выслушав речь своего отца.

— Дерек, умоляю, не нужно горячиться, — заставляя выпить отца, настой валерьяны, лепетала мама. — Я убеждена в том, что нам нельзя пороть горячку. Сейчас мы все выпьем валерианы, успокоимся и обсудим сложившуюся ситуацию... А ведь мне соседка говорила, что видела Эмметта в компании какой-то девахи, — внезапно всхлипнула мать. После этих её слов отец снова начал синеть от злости.

Успокоиться удалось лишь спустя час, когда мне уже пора было собираться на работу. Мы решили ничего не говорить Эмили, пока не получим неопровержимые доказательства того, что Эмметт действительно ей изменяет. Папа предложил подождать до субботы, так как в субботу у него был выходной, и он спокойно мог проследить за этим козлом. Смысла разговаривать с Эмметтом мы не видели, так как были абсолютно уверены в том, что он не расколется.

Когда я открыла дверь, Тайлер уже собирался звонить в звонок.

— Привет. Всё нормально? Ты какая-то взбудораженная. Проблемы в семье?

— Да... Забей. Что ты здесь делаешь?

— Мы договорились сегодня встретиться в парке, и ты не пришла. Я прождал тебя два часа.

— Прости-и-и... — гулко выдохнула я. — Мне действительно жаль. У меня и вправду проблемы в семье... Я совершенно забыла... Почему ты мне не позвонил?

— Думал, что если ты не пришла, значит, не захотела. Смысл звонить человеку, который не захотел прийти на свидание? — идя рядом со мной, почти упрекнул меня Тайлер.

— Не позвонил, но при этом решил прийти?

— Просто не выдержал, — гулко выдохнул парень.

— Послушай, не называй наши встречи свиданиями и не выдыхай вот так вот тяжело, когда

говоришь о том, что думаешь обо мне. Окей?

— Окей.

— Тай, я просто... — я резко остановилась, пытаюсь привести свои мысли в порядок. — Просто у меня в голове каша. Честно. Не пытайся связываться с человеком, у которого в голове каша. Это чревато... Последствиями.

— Я уже связался, — нервно улыбнулся парень. — Сложно, но пока еще не жалею.

— Пока, — тяжело выдохнула я, запрокинув голову, после чего перекатила её на левое плечо и посмотрела на собеседника.

— Куда ты бежишь?

— На работу опаздываю.

— Можно с тобой?

— Только при условии, что ты не будешь меня провожать и встречать с работы. И еще не будешь приходить в мою смену.

— Договорились.

Мы в полном молчании дошли до бара. Всю дорогу я наблюдала за тенью, отбрасываемой мной от луны, которая насупившись смотрела мне в спину. Казалось, будто она колким лучом врезается мне в затылок, словно упрекая меня в чем-то мне неведомом.

•
○ *

— Ты опоздала на пять минут, — заметил Том, как только я встала у барной стойки.

— Не на пять, а на три.

— И тем не менее.

— Форсмажор дома.

— Могу простить тебя, если останешься сегодня после работы и позволишь хорошенько себя наказать.

— Уж лучше сдохнуть, — откровенно выдохнула я, так как сегодня моё настроение не располагало на телячьи нежности. От подобной резкости Том покраснел и, громко бросив ящик с пивом мне под ноги, ретировался за кладовой дверью.

Около полуночи в баре нарисовался Мэйсон, который с некоторых пор стал завсегдатаем

этого заведения. Снова сверля меня в течение всего вечера взглядом, сидя за ближайшим к барной стойке столиком, он выдул три пинты пива и в очередной раз ожидал меня после окончания моей смены.

— Глория, позволь тебя проводить сегодня, — заплетающимся языком проговорил Уильямс, появившийся словно из неоткуда.

— Мэйсон, я ведь уже просила отвалить от меня.

— Почему ты мне грубишь? Ты всегда со мной груба, а ведь я ухаживал за тобой с подросткового возраста, — вдруг впился в моё предплечье парень.

— Если ты сейчас не отпустишь меня...

— То что, разобьешь мне губу, как тому парню? Уж лучше укуси...

— Эй, отвали от нее, — послышался знакомый голос и из тени бара неожиданно вынырнул Тайлер.

— Иди куда шел, — еще сильнее сжал мою руку Мэйсон, обращаясь к Тайлеру заплетающимся языком. — Не лезь в семейные разборки.

— Это моя девушка.

— Что-о-о? — буквально выплюнул своё возмущение Мэйсон. — Ты еще кто такой? Я тебя впервые вижу!

— Тебе же будет лучше, если в последний, — буквально вырвал меня из рук Уильямса Купер, после чего я быстрым шагом отправилась в сторону дома, не оборачиваясь на разгорячившихся парней. Лишь спустя минуту я поняла, что Тайлер идет слева от меня.

— Спасибо, — выдавила я и примерно через пару секунд с горечью добавила, стараясь не смотреть на луну. — Зачем ты сказал ему, что я твоя девушка?

— А разве не моя?

— Нет, не твоя. И вообще я просила не встречать меня после работы.

— Глория, успокойся, я не хотел тебя обидеть. Прости.

— Ладно, забей. Просто больше так не делай.

— Хорошо.

После этого диалога мы молча доплелись до моего дома, осыпаемые сверху серебристыми лучами полнолуния. Я попыталась сказать что-то вежливое своему заступнику, но в итоге выдавила лишь тяжелое «до встречи», после чего получила взаимный, только более мягкий

ответ и, не оборачиваясь, зашагала через палисадник к родительскому порогу.

•
○ *

— Как у вас дела с Тайлером? — поинтересовалась Саманта, поглаживая свой живот и параллельно вылавливая маринованные огурцы из стеклянной банки. Я с Эми сидели на кухне у семейства Прайс и вместе с хозяйкой дома трескали всевозможную еду прямо из банок, в солидарность с беременной обжорой.

— Никак, — коротко отозвалась я.

— Так, понятно. Эми, а как у тебя с Эмметтом?

— Всё замечательно, — прошептала Эми, чтобы сидящий в гостиной Дэвид, мирно наслаждающийся футболом, ничего не услышал. — Он даже вчера попытался заняться со мной любовью, — вдруг добавила сестра, отчего я чуть не поперхнулась творожным сыром.

— Не получилось? — посмотрев на меня, поинтересовалась ничего не знающая о похождениях Эммета Саманта.

— Джессика сильно плакала — я попросту не могла сосредоточиться.

— Но Эмметту же это не мешало, — стараясь скрыть своё презрение, фыркнула я.

— Думаешь, я зря ему отказала?

— Думаю, что ты всё сделала правильно. В конце концов, здоровье ребенка куда важнее его импотенции.

— Воу-воу-воу... — вмешалась Сэм, надкусив очередной соленый огурец. — Глория, ты что, сегодня встала не с той ноги? С Тайлером что-то не так?

— Я не знаю, что с ним делать, — решив воспользоваться моментом, удачно перевела тему я. Я прекрасно осознавала, что в последнее время стала вести себя агрессивно: сначала безобидная пощечина, затем драка на рабочем месте, после инцидент с тортом и срыв на Мэйсона с Тайлером. Однако я ничего не могла с этим поделать. Я ничего не могла поделать с собой. Я словно медленно, но верно слетала с катушек.

— Разве он тебе не нравится? — поинтересовалась у меня Эмилия.

— Он неплохой парень, — на выдохе ответила я и над кухней сразу же повисла тишина. Все словно застыли, поняв что-то, что не до конца доходило до меня.

— Недостаточно быть просто неплохим, чтобы быть рядом с любимой женщиной, — вдруг оборвала тишину Сэм. — Нужно быть для нее лучшим.

— Жаль, что ты не рассмотрела своего лучшего, — слишком загадочно добавила Эмилия.

— Эми, ты ведь знаешь, что тогда было не до того, — ответила ей Саманта. — Ведь тогда всё их внимание было направлено только на Мартина.

— А после? — не унималась Эмилия.

— Вы вообще о чем? — монотонно протянула я, поднимая запрокинутую голову.

— Да, о чем это вы здесь? — появившись в дверях и загородив своей огромной фигурой весь проход, поинтересовался Дэвид.

— Если ты и дальше продолжишь так усердно укреплять свои мышцы, тогда в скором будущем вам придется менять дверные проемы — ты попросту не будешь в них помещаться, — окинув мужчину взглядом, заметила я.

— Главное — это здоровое питание, а двери можно и поменять. Дорогая, хватит трескать огурцы. Я прочел в одном из женских журналов, что во время беременности нельзя сильно налегать на то, что тебе больше всего хочется.

— Ты стал читать женские журналы? — ухмыльнулась Саманта, выуживая из банки очередной огурец.

— А еще покупать для тебя исключительно малосольные продукты, чтобы ты случайно не пересолила свой организм, и зависать на форумах молодых мамочек. Я даже под мощный пенальти Джессику только что самостоятельно убаюкал.

— Идеальный муж, — улыбнулась Эми, и я снова вспомнила о том, как сильно ей не повезло в этом плане, о чем она пока еще даже не подозревала. Уже послезавтра будет суббота, и уже послезавтра мы выведем этого подонка на чистую воду. Бедная Эми — что ей предстоит пережить, когда она узнает о предательстве собственного мужа! О таком даже страшно было подумать. Страшнее в этой ситуации было думать только о том, что эта сволочь всё еще спит рядом с моей старшей сестрой. Хотя — не мне было решать его судьбу. Я бы наверняка погнала подлеца пинками из своей жизни, но я не была уверена в том, что Эми, когда она обо всем узнает, поступит с ним так, как поступила бы я. Хотя Эмилия и была той же крови, что и я, всё-таки замужество её порядком разморило, и сейчас я опасалась того, что она сможет простить это ничтожество. Как по мне, подобное вообще никогда невозможно простить, не то что забыть. Разве после такого можно верить мужчинам?

Глава 32. Встреча

— Хочу уехать из этого города, — призналась я идущему рядом со мной Тайлеру. По-видимому, он собирался теперь ежедневно провожать меня до работы.

— И куда бы ты отправилась?

— Куда угодно, — выдохнула я, представив себя в электричке, мчащей меня вдаль. — А где

бы ты хотел побывать?

— Я? Наверное на луне, — неожиданно выдал Тайлер. От его ответа по моему телу пробежали мурашки, и я словно оцетинилась, подсознательно защищая нечто драгоценное, на что случайно бросил взгляд этот парень. — Кстати, у тебя сегодня отличная прическа. Тебе идут эти распущенные, волнистые волосы.

— Мама заморочилась, — решив воспользоваться случаем, начала развивать постороннюю тему я. — Она недавно курсы визажистов-парикмахеров закончила, так что теперь тренируется на мне с Элис.

— Элис — это твоя племянница?

— Да. Мама боится её ярко-выраженного желания походить на мальчика, поэтому по чуть-чуть начала приучать её к косметике, — заулыбалась я. — Из солидарности даже мне пришлось сегодня накраситься.

— Почти незаметно, — слишком близко остановившись рядом со мной и оценив моё лицо, заключил Тайлер.

— Правда? Замечательно, — довольно улыбнулась я, после чего, наконец, просекла нашу чрезмерную близость, отчего неловко отстранилась от парня. Улыбка снова спала с моего лица, и мне в очередной раз пришлось её буквально натягивать за незримую ниточку. — Ладно, мы уже пришли. Тебе в бар нельзя, так что отправляйся домой и выпись. На сей раз я категорически запрещаю тебе встречать меня после работы, — как можно более строго произнесла я, но судя по выражению лица парня, до него не дошло.

Я встала за барную стойку, приняв эстафету у предыдущего бармена. Хорошо, что на моем рабочем месте не было дресс-кода. Сегодня я пришла в черной майке и старых джинсах, подвязанных рваным ремнем, так как остальные штаны мама подвергла трехмерной стирке. На сей раз я не взяла с собой сумку, разложив кое-какую мелочь и мобильный телефон по внутренним карманам расстегивающейся толстовки, которую по приходу в бар подвязала себе на пояс, благоразумно опасаясь карманных воришек.

Вахта была принята, и всё шло своим чередом — я разливала алкоголь по бокалам и подсовывала их уже подвыпившим мужчинам или ставила на поднос официанток. В пятничный вечер двух официанток обычно не хватало, из-за чего мне зачастую приходилось самостоятельно разносить напитки по близстоящим столикам.

Я слушала речь в дым пьяной женщины о том, как её новый бойфренд, мягко выражаясь, оказался негодяем, как вдруг увидела их. За столиком, справа от входа, сидел Эмметт с той самой, вульгарной, тощей блондинкой в леопардовом платье, грудь которой снова выкатывалась наружу. От шока я застыла у крана с пивом, не заметив, как оно начало переливаться мне на руки. Этот козел взял дешевку за руку, даже не попытавшись скрываться и совершенно не задумываясь о том, что его может увидеть кто-нибудь из знакомых! Хотя какие у него могут быть знакомые в столь злачном месте, тем более в

пятницу вечером, когда здесь не протолкнуться? Только сейчас я вспомнила о том, что Эмилия не рассказала своему благоверному о том, где именно я работаю, и я в своё время тоже опустила эту тему.

— Хайди, что заказали за тем столиком? — указав рукой в сторону Эммета, спросила я у подошедшей официантки.

— Только хотела тебе озвучить их заказ. Одна пинта темного пива и сухой мартини, — ответила Хайди, ожидая, пока я оформлю заказ, так как больше заказов не поступало.

— О чем они говорят?

— Эта стрёмная парочка? Походу чувак собирается отвезти барби в путешествие по Южной Америке. Больше я ничего не поняла.

Я так сильно сжала стакан, в который потоком лилось пиво, что он едва не треснул прямо у меня в руке.

— Постоишь за стойкой? Я сама хочу отнести этот заказ.

— Том этого не одобрит...

— Том не заметит — я быстро. Давай же, — уже выходя из-за стойки, потребовала я, после чего взяла в руки бокал с сухим мартини и пинту пива, и направилась к своей мишени.

— Ваш заказ, — нервно улыбнулась я, остановившись напротив рокового столика.

— Спасибо, — не отрывая глаз от крашеной блондинки с черными корнями, отозвался Эмметт, потянувшись за бокалом.

— Нет, что Вы, не стоит утруждаться, — отозвалась я, отстранив бокал от его руки, после чего Эмметт, наконец, поднял на меня свои глаза, выразившие внезапный испуг. — Ваш заказ не предусматривает бокалов.

После этих слов я резко подняла пинту над ошарашенным Эмметтом и перевернула её, ожидая, пока пиво до последней капли стечет на его голову.

— Дорогой! — спустя несколько секунд запищала блондинка, хотевшая было подскочить, как вдруг я резко плеснула в её размалеванное лицо сухим мартини с тремя оливками.

— А это Ваш заказ. И никакой он не дорогой. Он настолько дешевый, что даже ржавый.

Блондинка громко завизжала, снимая с правого глаза накладную ресницу, после чего убежала в сторону туалета, и я, наконец, заметила, что весь зал неожиданно затих. По-видимому, я привлекла к себе слишком много внимания.

— Сначала торт, теперь пиво, ты вообще границ не знаешь?! — попытался возмутиться

Эмметт.

— Южная Америка значит, двуличная мразь. Ты ведь мне заливал, что хочешь отвезти туда Эми. Какой же ты урод! — выпалила я, после чего схватила Эммета за его дешевый галстук и буквально поволокла его тело к выходу. Еще год назад я бы ни за что так не поступила, но нынешняя я не знала границ в выражении своих эмоций. А поскольку эмоции у меня уже год как были в основном негативные, в последнее время они выплескивались из меня вот таким вот жестким образом.

— Втащи козлу! — послышался голос подвыпившей дамы, которая прежде рассказывала мне о своем никчемном бойфренде, после чего у меня за спиной начали раздаваться пронзительные свистки. Эмметт же настолько был ошарашен, что даже не пытался сопротивляться.

Выйдя из бара, я, наконец, отпустила поводок с кабелем, после чего уверенно направилась к парковке по неосвещенной улице.

— Бешенная! — идя за мной, кричал запыхавшийся Эмметт. — Ты и вся твоя семья! Вы все ненормальные!

Я резко развернулась, мгновенно подарив недоумку свой коронный хук справа, со всей силы врезавшись своим кулаком в его челюсть, и совершенно не обращая внимания на человека, вышедшего из бара вслед за нами. Эмметт согнулся от силы моего удара, и я начала шарить по карманам его брюк, вытаскивая из них всё, что мне только попадалось, пока этот слабак стонал от боли.

— Дура! Что ты делаешь?

— С тем, что я дура, я согласна. Как я могла поверить тебе? Ты ведь лапшу по-флотски навешал мне на уши, подонок! Я забираю у тебя деньги, которые ты одолжил у меня на подарок для Эми... Тратишься на дешевую шляху, да? — вытянув ключи и пятьдесят фунтов из его правого кармана, презрительно выпалила я.

— Не смей так говорить о Таре!

— Значит вы давно уже вместе, да? Да? Отвечай!

— Еще до рождения Джессики!

От услышанного мне внезапно захотелось плакать, но я не могла позволить себе слез перед этим ничтожеством.

— Ты развлекаешься с дешевой телкой в то время как твоя жена, моя сестра сидит с твоим ребенком, — всё-таки сорвалась на всхлип я. — Подонок!

— Я хотел сына!

— Плевать мне на твои желания, похотливый кабель...

— Вам всем плевать на мои желания! Почему я должен страдать от того, что твоя сестра не способна самостоятельно зачать, после чего единственную подвернувшуюся попытку она тратит на то, чтобы родить сопливую принцессу, которая, когда вырастет, станет такой же как ты и твоя сестра — ненормальной!

— Ты ненормальный! — стряхивая слезы с глаз, прокричала я, совершенно не обращая внимания на мужской силуэт в нескольких метрах за спиной Эммета, который медленно приближался к нам со стороны бара, явно слыша все подробности нашей разборки. — Как ты можешь говорить подобное о собственной дочке?! Как вообще можно так жить?!

— Не тебе учить меня жить! Для начала разобралась бы со своей жизнью! Ты год потратила на оплакивание какого-то мальчишки, в то время как подобной скорбью не наделила ни своего брата, ни даже бабушку! А ведь они тебе родные, кровь от крови твоей, а ты хнычешь по Мартину, который, по сути, был всего лишь твоей работой! Тебе за него круто платили, вот слезы и льешь. Забросила университет, подорвала здоровье, работаешь в вонючем баре. Думаешь, ты загибаешься от боли? Ты загибаешься от того, что не способна решить проблемы собственной жизни — только и делаешь, что сбегаешь от них по всей Европе, но они всё равно тебя нагоняют! И никуда ты от них не денешься! На своей учебе и карьере ты уже поставила крест, будешь торчать в этом убогом городке, обслуживать пьяных мужиков в баре и хныкать о чужом мальчишке, воображая, словно он и вправду был тебе дорог, и ты была с ним не из-за денег.

От услышанного у меня потемнело в глазах и мне вдруг показалось, будто вся боль, на которую я только была способна, вылилась из моей души наружу, отчего сейчас я начала в ней захлебываться. Задыхаясь от разорвавшейся внутри меня болевой гранаты, я пнула Эмметта в грудь трясущимися руками, после чего он тоже замахнулся на меня, но я увернулась. В этот момент я вlepила ему мощную пощечину и на сей раз точно бы попала под его широкую руку, которая летела в направлении моей правой скулы, но какой-то мужчина, вышедший вслед за нами из бара и всё это время медленно приближающийся к нам, внезапно остановил бросок Эммета. Неизвестный был намного выше Эмметта, поэтому без труда всего лишь одной рукой сковал его взмах. Этот человек наверняка слышал каждое наше слово, разносившееся по ночной тишине пустого квартала, но из-за крошечной тьмы, усугубленной потемнением в моих глазах и сосредоточенности на обидчике моей сестры, я не смогла сразу рассмотреть его лица. Эмметт же округлившимися глазами посмотрел на незнакомца, в то время как мне было совершенно наплевать на личность помощника. Воспользовавшись случаем, я врезала очередную пощечину застывшему передо мной подонку, заставив его перевести свой ошарашенный взгляд обратно на меня. После я вlepила ему еще одну пощечину и еще одну, и еще одну... Я била его до тех пор, пока не услышала собственные всхлипы.

— Ты... Ты ничего не знаешь... Ты... Ничего не знаешь, — уже колотя Эмметта в грудь, кричала я сквозь слезы, пока кто-то держал его для меня. Отстранившись, я резко отвернулась, буквально задыхаясь в своих слезах. Кажется, у меня было что-то наподобие приступа паники или даже истерики.

— Отпускать этого придурка? — послышался мужской голос, но в ответ ему я смогла лишь положительно закивать головой, прикусив посолоновевшую от слёз нижнюю губу, после чего боковым зрением заметила, как мужчина скрутил Эмметту руки и оттолкнул его в противоположную от меня сторону.

Я обхватила себя руками, корчась от поглотившей меня боли. Мне казалось, что я задыхаюсь. Казалось, будто сейчас меня разорвет изнутри. Словно еще мгновение — и я сойду с ума. Моя душа внезапно перенеслась в тот день, когда Мартина не стало, и мне безумно захотелось кричать, но боль душила моё горло, заставляя захлебываться судорожным дыханием. Почему он умер?! Почему этот маленький мальчик умер, оборвав в моем сознании ключевое понятие счастья?! Кажется, мне впервые в жизни нужна была помощь психиатра.

— Глория, прости, — послышался за моей спиной приглушенный голос Эмметта.

— Уйди, — громко прошипела я, конвульсивно всхлипнув и еще сильнее обхватив себя руками.

— Тебе что-нибудь нужно? — спустя несколько секунд раздался голос мужчины, но я почему-то совершенно не обратила внимания на то, что он свободно обратился ко мне на «ТЫ».

— Пистолет, — видя боковым зрением, что Эмметт всё еще стоит за спиной незнакомца, задыхаясь ответила я.

— Пристрелить?

— Застрелиться, — лихорадочно вздохнула я, наконец выпустив своё тело из собственных объятий. Я начала вытирать слезы, окончательно повернувшись спиной к этим двоим, после чего уперлась руками в бока и начала восстанавливать прерывистое дыхание. На это ушло не менее пяти минут, и за моей спиной была настолько глухая тишина, что я решила, будто все уже разошлись. Мне казалось, будто моя жизнь кончена, будто всё, что сказал Эмметт — чистая правда, будто меня больше нет и быть не может... Когда же мои судорожные всхлипы прошли, и дыхание пришло в норму, за моей спиной снова раздался голос моего помощника:

— Глория.

От неожиданности я вздрогнула. Слишком знакомый, нереальный голос из прошлого. Голос, которого не было в моей нынешней жизни. Я медленно обернулась и попыталась всмотреться в лицо, но было слишком темно и с разделяющего нас расстояния невозможно было рассмотреть говорящего. Не убирая рук с талии, я сделала пару шагов навстречу мужчине и вдруг остановилась, поняв, что передо мной стоит Олдридж. Настоящий, высокий, с широкими плечами и недельной щетиной, которая до неузнаваемости меняла его лицо. Это он. Он удерживал для меня Эмметта, который сейчас стоял в трех шагах за его спиной.

— Роланд? — не поверила своим глазам я.

— С тобой всё в порядке?

— Да... Да, со мной всё в порядке, а ты как живешь? — машинально соврала я и сразу же поняла, что промахнулась — он точно не спрашивал меня о моей жизни в целом, как только что в ответ спросила его я. Он спрашивал о моём текущем состоянии.

— Так же, как и ты.

«Значит хреново» — мгновенно пронеслось у меня в голове.

— Глория, отдай ключи от моей машины, — приглушенно отозвался из-за спины Олдриджа Эмметт.

— Эта машина не твоя, — тяжело выдохнув, ответила я, как вдруг в десяти шагах от нас, мигая, начал включаться уличный фонарь, внезапно осветивший лица всех присутствующих на парковке. — Вот, держи, — протянув ключи от машины Олдриджу, почти собранным голосом произнесла я. — Твой подарок больше без надобности.

— Это подарок твоей сестре, так что отдай ключи ей, — ответил мой бывший работодатель, после чего я встретилась с ним взглядом. С болью осознав всю свою заплаканность и раздавленность перед Роландом, я отвела от него взгляд и опустила ключи в карман, после чего, протерев глаза, посмотрела в сторону бара, из которого только что выбежал Том.

— Глория, как ты могла вылить пиво в лица посетителей?! — громко возмущался парень. — Блондинка катает заявление в жалобную книгу, и грозитя завести на бар, и на тебя отдельно, уголовное дело!

— Вообще-то, в её лицо я вылила мартини, а не пиво, — пожал плечами, почему-то совершенно спокойно ответила Тому я, словно внутри меня больше не осталось ни единой эмоции.

— Ты вообще слышишь, о чем говорю я, и что несешь ты?!

— Никакого уголовного дела ей не грозит, — внезапно встрял Эмметт, который всё еще находился здесь лишь потому, что надеялся отжать у меня ключи. — Отец её парня шериф.

— Тебе-то может и не грозит, дорогая, а вот что теперь делать мне со своим баром?!

— Закрывать, — продолжала удивлять самую себя холодным спокойствием я.

— Что?!

— У тебя отстойный бар.

— Глория Пейдж, немедленно вернись на своё рабочее место и извинись перед

пострадавшей! — потребовал Том.

— И не подумаю. Я увольняюсь.

— Это не тебе решать! Только я могу решить, когда именно освободить тебя от твоих обязанностей!

— В моей жизни был всего один работодатель-извращенец, и-то ложный, как позже определил заклеивший его, мой отец. Больше и дня не собираюсь работать на извращенцев. Особенно на настоящих.

— Глория!..

— Том, засунь свой «руль», вместе со всем своим баром... Боюсь, ты еще не готов узнать куда именно, — твердо ответила я и, развернувшись, направилась в противоположную от всех сторону, по дороге напяливая толстовку и бурча себе под нос слова: «Дурацкое название дурацкого бара с дурацким хозяином».

Глава 33. Разрывающие эмоции

Не прошло и минуты, как меня нагнал огромный джип.

— Сядь, пожалуйста, в машину, — произнес знакомый до боли в душе голос.

Естественно я села. По моей просьбе Роланд поехал в направлении дома Сэм. Всю дорогу мы провели в гулкой тишине, после чего остановились напротив названного мной дома, залитого лунным светом.

— Доротея рассказала мне о твоём возвращении, — начал Роланд, приглушив мотор.

— Мы с ней слишком давно виделись, — зачем-то словно упрекнула я.

— Я был в Дубае и встретился с ней только сегодня, — зачем-то начал оправдываться Роланд. — Она назвала мне бар, в котором ты работаешь.

— Больше не работаю, — глухо отозвалась я, только теперь отметив, что мы с ним перешли на «ты», чего прежде себе не позволяли. Однако теперь мне было наплевать на формальности. Он больше не был моим начальником, мы пережили слишком тяжелую потерю и не менее тяжелый год, так что я могла себе позволить не заморачиваться на пафосное «Вы».

— Это правда, что отец твоего парня — шериф?

— Нет. Отец моего друга шериф. Это разные вещи.

— Да, разные, — нахмурившись, согласился Олдридж. — Послушай, я... — начал спустя несколько секунд он, потянувшись к свертку на панели, но запнулся. Лунный свет залил его

правое запястье, и я увидела на нем свою красную нить. Комок боли подступил к моему горлу. — Завтра ведь ровно год с того дня, когда Мартина не стало.

— Я помню, — безуспешно попытавшись сглотнуть боль, отозвалась я.

— Это значит, что сегодня, вернее два года назад, ты пришла ко мне на собеседование, на котором мы с тобой познакомились. Этот подарок я должен был подарить тебе еще год назад, — протягивая мне синий сверток, глухо произнес Роланд. — В честь твоей годовщины в наших жизнях. Теперь жизнь всего одна — моя, но всё равно, прими это.

— Спасибо, — не найдя других слов, произнесла я, принимая коробочку в руки.

— Что будешь делать дальше?

— Не знаю, а ты?

— Думаю пока остаться в этом городе...

— Это не тот город, в котором тебе следует оставаться, — спокойно прервала собеседника я.

— И определенно не тот город, в котором следует оставаться тебе.

— Всё еще носишь? — кивнув на его запястье, на котором красовалась красная нить с моим именем, глухо поинтересовалась я. — Глупая вещь... Не сработала. Ничего не сбылось.

— Еще сбудется, — твердо ответил Роланд, положив руку на рычаг коробки управления, после чего мы встретились взглядами. Кажется, мы слишком много знали о боли друг друга. Я отвела от него взгляд, после чего молча открыла дверь, вылезла из машины и, не оборачиваясь, ушла с подарочным свертком в руках.

•

○ *

В этот же вечер на отношениях Эмметта и Эмилии был поставлен крест. Я, Сэм, Дэвид и мама собрались в доме у Эми, которая, не даже заподозрив неладное, слишком сильно обрадовалась нашему приходу. В течение последующих пятнадцати минут я в подробностях раскладывала по полочкам всё то, что мне было известно, пока Эми сидела напротив меня и смотрела на стеклянный журнальный столик, стоящий между нами.

— Козёл, — только и смогла выдать сестра, заставив нас напрячься. Она не устроила истерику, не начала плакать или пытаться оправдать своего мужа. Эми молча хлопнула ладонями по коленям, встала и отправилась в спальню, закрыв за собой дверь на замок. Еще около получаса мы топтались по гостиной, пытаюсь понять, что же делать дальше. В итоге я с мамой решили остаться на ночь у Эмилии, а Дэвид с Сэм отправились к себе. Мы разложили диван в спальне для гостей, после чего попытались уснуть, что в итоге у нас так и не получилось. Ежечасно Джессика срывалась на плач, и мы слышали, как за стеной Эми монотонно расхаживает с малышкой на руках. В течение ночи она так и не открыла нам

дверей своей спальни.

•
○ *

Я встала в семь утра и до девяти часов распивала кофе в компании мамы, пока к нам не присоединились Дэвид с Самантой. Они пришли в начале десятого, а спустя пятнадцать минут на пороге дома неожиданно нарисовался Эмметт. Этот идиот позволил себе роскошь в виде ночи вне дома, без единого объяснения перед женой. Только после того, как Эмилия узнала о том, что её благоверный вернулся, она, наконец, вышла из спальни. Было видно, что она плакала, но глубоко заплаканной она точно не была — максимум поревела минут пятнадцать.

Сэм предложила забрать Джессику на прогулку, после чего ребенка за пару минут упаковали в коляску. Дэвид еще с минутой потоптался на пороге, пока Эми холодно ему не сообщила о том, что не нуждается в его помощи. Он еще раз перевел взгляд на Эмметта, стоящего в центре гостиной с ярко выраженным чувством собственного достоинства, недвусмысленно отраженном на его наглой физиономии. Глубоко выдохнув, Дэвид явно дал понять, что хочет хорошенько всыпать придурку, после чего вышел вслед за Сэм. Я с мамой отправились на кухню, оставив пару наедине, и одновременно затаили дыхание, чтобы иметь возможность подслушивать. Всё началось с безобидного «Как ты это объяснишь?» со стороны Эмилии и закончилось воплем «Видеть тебя не желаю!» со стороны той же Эмилии. Она неожиданно так сильно закричала, что мы с мамой буквально вылетели из кухни, боясь, что у нее случился нервный срыв.

— Ничтожество! Ты таскался с этой шлюхой, когда я еще была беременной! — вопила она.
— Как же я жалею, что не бросила тебя в тот момент, когда ты ползал передо мной на коленях, прося прощение и моей руки! А ведь я перед этим думала, что между нами всё кончено! Нужно было порвать с тобой еще тогда!

— Согласен, мы с тобой не пара...

— Тряпка! Ты всегда либо согласен, либо молчишь. У тебя даже собственного мнения нет,
— кричала Эмилия, направляясь в сторону спальни.

— Ты всегда подавляла меня как мужчину! С тобой я чувствую себя неполноценным!

— Ты и есть неполноценный, — неожиданно вытащив из спальни огромный чемодан, парировала Эми. — Здесь все твои вещи до единой тряпки и скрепки — забирай и проваливай!

— Как бы не так! Дом наш общий и делить его мы будем равным счетом так же, как и машину!

— Что?! Ты еще смеешь отбирать у своей дочки крышу над головой?!

— С меня будет достаточно машины — дом можешь оставить себе.

— Какой ты добродушный! Отлично! — воскликнула Эми, взяв с журнального столика ключи от машины.

— Нет, подождите, — встряла я. — Эми, покажи мне документы на дом и на автомобиль.

Эмилия около пяти минут рылась в комод, после чего предоставила мне необходимые бумаги. Помня вчерашние слова Роланда о том, что подарок был сделан моей сестре, а не Эмметту, в моё подсознание закралось серьезное подозрение.

— Вот, — наконец ткнула пальцем в нужную строку я. — Роланд Олдридж произвел дарение на имя Эмилии Пейдж, что означает, что и дом, и машина единолично принадлежат ей.

— Этого не может быть, — возмутился Эмметт. — Дом и машина — это совместно нажитое имущество за время нашего брака. Подарок был произведен после нашего бракосочетания.

— А вот здесь ты глубоко заблуждаешься. Насколько я знаю Олдриджа, он всегда отличался способностью видеть наперед. Он оформил дарение за несколько дней до даты вашего бракосочетания. Ты пролетел, — констатировала я. В следующую секунду мы ткнули покрасневшегося Эмметта носом в документы, после чего Эми попросила меня выкинуть его чемодан за дверь, что я незамедлительно и сделала.

— Чтобы ноги твоей не было в этом доме, трус! — прокричала Эмилия за порог.

— Оставь свой дом себе, истеричка! Я нашел себе работу на другом конце света и уже через пару суток я улетаю в Колумбию вместе с Тарой!

— И кем же ты будешь работать без знания языка, ничтожество? — с неприкрытым сарказмом хлопнула в ладоши мама.

— У отчима Тары страховое агентство, в котором для меня уже готово место, так что оставайтесь в своём зачуханном городишке и живите своей серой жизнью без меня! — после этих громких слов Эмметт подобрал свой чемодан и отправился к такси, которое уже поджидало его (по-видимому, он на нем приехал).

Я наблюдала за тем, как Дэвид и Сэм медленно направляются в нашу сторону, как вдруг Эми безэмоционально произнесла:

— Он это спланировал.

— Что? — переспросила я, скорее пытаюсь понять, что именно она только что сказала, а не что имела в виду.

— Он прокрутил всё за моей спиной, — пояснила Эми, опустив скрещенные прежде на груди руки. Стоя на пороге, я посмотрела на небо, которое заволокла сплошная серая дымка,

но, судя по воздуху, дождя не предвещалось. Этот день... В прошлом году он был солнечным. Никогда его не забуду. Но так хотелось бы.

— Эми... — хотела начать мама, но сестра её оборвала.

— Как я могла не видеть того, что у него появилась любовница? Какой ужас... Он ведь даже работу на другом конце света нашел и собирался уехать на днях! Он бы испарился и даже не предупредил меня!

Я закрыла входную дверь и Эмилия, облокотившись об нее, спустилась на пол.

— Всё будет хорошо, — сев рядом со старшей сестрой, положив голову на её правое плечо и потирая её левое, вздохнула я, пытаюсь приглушить её всхлипы.

Глава 34. Нечто большее, чем смысл

Дэвид с Сэм гуляли вокруг дома, периодически возвращаясь, чтобы напомнить Эмилии о том, что малышку пора бы покормить и неплохо было бы поменять ей памперсы (чем занималась мама). Первый час Эми плакала как заводная, совершенно не срываясь на рыдания, при этом слишком сильно вздыхая. После она просто сидела у окна, глядя куда-то вдаль и слушая длинные монологи мамы о том, что всё обязательно наладится и что это ничтожество не достойно такой замечательной семьи, как наша, пока я разливала очередные порции кофе по чашкам.

И всё же, даже на фоне всей этой кутерьмы я не могла забыть о самом отравляющем событии этого дня — в этот день, ровно год назад, умер дорогой для меня мальчик. Мальчик, чья жизнь настолько сильно переплелась с моей, что после резкого разрыва этой связи внутренности моего естества не прекращают кровоточить ни на секунду. Порой даже кажется, что эти раны никогда не затянутся и в итоге я скончаюсь от потери крови.

Дэвид явно старался держать Сэм подальше от стрессовой ситуации, дабы уберечь её от лишних вибраций в виде нервных всхлипов Эмилии, поэтому делал уже сотый круг с Джесс на руках вокруг лавочки, на которой сидела мать его будущего ребенка. Наблюдая через окно за этой картиной и прислушиваясь к тому, как на кухне мама кипит чайник для ревущей в своей спальне Эмилии, я пыталась дышать хотя бы чуть-чуть ровнее. Можно ли считать себя эгоистом, ощущая острую боль, стрела которой пронзила тебя ровно год назад, что совершенно притупляет твою жалость к той боли, которую только что причинили дорогому тебе человеку?

Я не могла с собой ничего поделать. Казалось, будто болит везде — боль подступила к грудной клетке, горлу, глазам и завывала внизу живота. Мартин год назад засунул руки в мою душу и неосознанно разорвал её в клочья. Он ушел безвозвратно. Навсегда. Сегодня.

Услышав, как мама выходит из кухни, я нервно потерла глаза, после чего тихо обернулась.

— Мама...

— Да, дорогая, — оборвала меня она, с опаской держа в руках горячую чашку.

— Можно я уйду?

— Да, дорогая, я прекрасно понимаю... Не думай, что мы с папой забыли... Иди домой. Тем более уже час дня — нужно было бы разогреть дедушке обед... А я пока побуду с Эми. Сейчас напою твою сестру чаем из мяты с пустырником и заставлю её поспать.

При упоминании чая из мяты с пустырником по моей коже пробежала нервная дрожь. Я поджала губы, попытавшись улыбнуться в ответ на мамину натянутую, печальную улыбку, после чего отправилась к выходу, пока мама спешила донести горячий чай до спальни Эми.

На улице стояло затишье, которое зачастую бывает перед сильной бурей. Молочно-свинцовые облака уже заполнили всё небесное пространство и буквально застыли, отказываясь сдвинуться хотя бы на миллиметр. Не было ни единого порыва ветра, но на улице всё равно было достаточно прохладно, поэтому, когда я добралась до дома, я с удовольствием надела свои любимые носки из верблюжьей шерсти, давным-давно подаренные мне Линдой.

Дед сидел напротив телевизора и поочередно почесывал Балто с Гердой, пока те лениво перекатывались с боку на бок. Эти собаки стали настолько большими, что занимали в комнате даже большее пространство, нежели два дряхлых кресла.

Обоюдно с дедом мы решили ограничиться сегодня грибным супом-пюре и в итоге съели по две его порции. Во время обеда дед так увлекся разбором прошлогоднего Эпсомского Дерби[14], что едва не забыл о приеме порции таблеток.

Наверное, еще никто не составлял дедушке более терпеливой компании, которая на этот момент была представлена в моем лице. Я просидела с ним в абсолютном молчании до шести часов вечера, пока папа не вернулся с работы. Из-за сильной облачности, за окном преждевременно стемнело, но мы с дедом, застыв на диване словно ватные игрушки, оглушенные неопишуемой болью, даже не собирались включать свет, поэтому отец сделал это за нас.

На скорую руку я разогрела остатки обеда, разочаровывая родителя на почве того, что нормального ужина сегодня не будет и параллельно разъясняя, по какой именно причине. Постоянно охая и ахая, отец внимательно выслушал мой рассказ о том, как именно всё прошло с Эмметом и, быстро проглотив подобие ужина, отправился к Эмилии, чтобы составить компанию маме в группе поддержки. Я вернулась к деду, оставив свет гореть на кухне, чтобы не включать его в гостиной. Мы съели по три разогретых сэндвича и благополучно пересмотрели первую серию второго сезона «Аббатство Даунтон»[15].

С наступлением сумерек настроение ухудшалось. В восемь часов я уже не могла сидеть на месте. Мысли о том, что «это» произошло сегодня, и прошел ровно год, роем клубились в моём растерзанном в клочья подсознании, отчего моя голова начинала болеть. Казалось, будто из меня буквально расплескивается жгучее чувство скорби. Я встала, чтобы протереть

экран телевизора, потом перебрала стопку журналов, разбросанных на стеклянном столике перед нами, затем закрыла шторы, после чего решила не садиться на свое место и стоя досмотреть только что начавшуюся вторую серию сериала. Неожиданно я поняла, что мне некуда деть руки, из-за чего я запускала пальцы в корни волос, скрещивала руки на груди и снова их разъединяла, чтобы потереть скулы. От подступившего к горлу комка так сильно хотелось избавиться, что я начала тихонько откашливаться, прикрывая рот кулаком. Я уже хотела начать бесцельно расхаживать по гостиной и даже дернулась с места, но вдруг вспомнила, что нахожусь в комнате не одна. Как только я осознала это, я сразу же встретилась взглядом с дедом, внимательно наблюдающим за мной всё это время. Спустя секунду я с горечью выдохнула:

— Дед...

— Что?

— Я не знаю, — поморщилась я из-за волны боли, накатывающей на мою душу.

— Тебе плохо.

— Дед, мне плохо, — вдруг заплакала я и, подойдя к деду, встала на колени слева от его кресла. — Мне очень-очень плохо. Он умер... Понимаешь, он умер сегодня. У меня на руках. И я ничего не смогла с этим сделать... Ровно год назад... Он мог сейчас быть здесь... Мартин мог сейчас быть жив, стоять передо мной и улыбаться... Он ведь был еще таким маленьким... За что так с ним? За что так со мной? Мартин так любил... Дышать.

Дед наклонился ко мне, и мы прислонились друг к другу головами.

— Я знаю, — тихо прошептал он, и я поняла, что он тоже плачет. — Я знаю.

Он знал. Я понимала, что он знал даже больше, чем на данном этапе своей серой жизни могла знать я. Мне было больно от той неопишуемой скорби, которую испытывал он из-за потери бабушки, ему же было больно от моей. Кажется, мы оба прекратили жить после того, как из наших жизней убрали нечто большее, чем смысл.

Глава 35. Жизнь, как дверь без ручки

После смерти бабушки дед стал ложиться спать в слишком раннее время, словно каждый вечер надеясь на то, что именно сегодня он уже встретится со своей любимой. После того, как он ушел в свою комнату, остатки вечера я провела в своей спальне. Родители решили переночевать у Эми, а Дин с Элис предпочли остаться на ночь у Саманты. Впервые я почувствовала тишину этого дома и сделала это всем своим существом. Этот дом никогда не пребывал в покое, он всегда был погружен в вечный хаос семейных перипетий... Прошел ведь всего год, а он успел опустеть. Бабушка умерла, сёстры разлетелись в разные стороны, Дин и Элис пропадали после занятий в школе на всевозможных спортивных секциях, приходя домой только к ужину, а я стала передвигаться по опустевшим комнатам и коридорам почти беззвучно, словно привидение, боящееся лишний раз скрипнуть старой

дверью.

Ровно год я — разбитая копилка счастья, монетка которой похоронена где-то на Кинсел-Грин, место захоронения которой я даже не знаю. Лежа на кровати и слушая раскаты разверзнувшихся небес, я рыдала так, как не рыдала ровно год — иступленно. Я вспоминала слова Эмметта о том, что моё присутствие в жизни Мартина было всего лишь попыткой хорошо заработать и, случайно забыв о том, что Эмметт является последней сволочью, я пыталась убедить саму себя в том, что это не так. Это не так! Я ведь смеялась над его шутками потому, что они были смешными, а не потому, что мне платили за смех. Он ведь называл меня тупицей и дразнил не потому, что презирал меня, а потому, что с искренностью друга указывал мне на мои же недостатки, бескорыстно позволяя мне работать над собой. Я ведь любила его! Я его любила, и он меня любил — он сам сказал мне об этом за сутки перед уходом. Да, это была своеобразная любовь и теперь, когда на этом свете из нас двоих осталась только я, эта любовь превратилась в гнетущую ношу боли у меня на плечах. Она так сильно давила на меня своим многотонным весом, что я уже забыла, каково это — ходить с поднятой головой, чтобы видеть лица рядом идущих, и дышать не рывками, а полной грудью. Сейчас, лежа в своей постели и вспоминая год жизни с Мартином, я как никогда жалела о нелепо растроченном времени, о несказанных словах, о скупых улыбках... Я могла ночевать с ним, как он когда-то хотел. Почему я пренебрегла этими часами? Я могла говорить ему о том, что он мне дорог, а не немо думать об этом, предполагая, что этого достаточно. Этого недостаточно! Недостаточно просто знать, что человек тебе дорог — этот человек обязательно должен КАЖДЫЙ ДЕНЬ узнавать это от тебя. Я могла чаще улыбаться, а не хихикать в кулак, и чаще заставляя улыбаться его... Так почему же Я этого не делала? Почему же Я это упустила? Потому что Я ТУПИЦА! Даже не зная о своем диагнозе, он успел выразить и сказать мне больше, чем я за всё время общения с ним... Мы никогда больше не встретимся. У меня больше нет шанса сказать ему, что он для меня больше, чем просто подопечный. Что он мой... Друг. Этот ребенок был моим другом. Лучшим. Единственным лучшим другом за всю мою никчемную жизнь. А он об этом даже не узнал. Всё потому, что я тупица...

Я уткнулась лицом в подушку и рыдала во весь голос, не боясь того, что дедушка услышит мой вопль под раскаты грома, тем более своим притупившимся слухом. Я была уверена в том, что он также убивается сейчас по бабушке. Он каждый вечер плакал, и вся семья об этом знала, но предпочитала молчать, чтобы не сыпать соль на общую рану. Вот только никто даже не подумал о том, что у деда почти не осталось времени на то, чтобы его рана затянулась прежде, чем он прекратит своё существование. Отчасти я ему даже завидовала. Если бы я была в преклонном возрасте и знала, что в ближайшие годы мои терзания и муки закончатся, после чего я встречу с дорогим мне человеком, без которого на этом свете у меня скрипят зубы, мне бы дышалось немногим легче. «Мартин — Мартин — Мартин... Как ты там? Надеюсь, тебе лучше, чем мне здесь. Пожалуйста, прости меня за мою тупиковость и дождись меня. Рано или поздно мы встретимся и тогда... Что тогда? Я обниму тебя, а ты скажешь мне: „Ну и тупица! Только круглая идиотка может реветь в подушку, на которой потом ей же придется спать! Я всегда знал, что ты недалекая и логика у тебя настолько крошечная, что даже Балто превосходит тебя в понимании сущности жизни. Мы все живем, чтобы умереть, так зачем же плакать о том, кто дошел до пункта назначения? Нет, я

категорически отказываюсь понимать, почему мой брат принял на работу пустоголовую. Ты ведь воспринимаешь жизнь, как дверь без ручки — выход есть, а пользоваться им совершенно не умеешь. Вместо того чтобы пнуть дверь ногой, ты царапаешь её ногтями. Тупица. И прекрати меня обнимать, вдруг это заразно“».

Я редела так остервенело и так долго, что почти не замечала, когда именно проваливалась в минутный сон и снова просыпалась с ревом во весь голос. Так продолжалось до часа ночи, пока молнии не стали слишком сильно слепить мои заплаканные глаза, отчего я зажмурила болящие веки с такой силой, что смогла открыть их только утром.

- - *

Всю последующую неделю я сидела напротив телевизора и смотрела скачки в компании деда, за исключением тех часов, которые он проводил на кладбище. Дважды за неделю я ходила к бабушке вместе с ним, но на деда было так больно смотреть, что больше я не решалась его сопровождать. Все люди по-своему эгоисты. Большинство пытается избежать боли близкого человека, которая длится больше трех месяцев, потому что за этим просто невыносимо наблюдать, либо попросту становится скучно.

Естественно родители были не в восторге от того, что я не работаю, не учусь и даже не посещаю какие-нибудь курсы по саморазвитию (пусть даже это были бы курсы по макраме). Я прекрасно понимала, что со стороны выгляжу ужасно, сидя напротив телевизора в серой комнатухе и вяло уплетая очередную порцию ванильного мороженого, однако я действительно ничего не могла поделать с тем, что я потеряла вкус к жизни. Мне некуда и не к чему было стремиться. Родители, которые всё своё свободное время проводили с разбитой Эмилией, наверняка глядя на меня считали, будто на их среднюю дочь всего лишь нахлынуло уныние. Только вот это было не уныние. Это была самая настоящая депрессия, которая, как я вдруг неожиданно для себя осознала, поглощала меня на протяжении прошедшего года. Я просыпалась в десять часов, машинально принимала душ и спускалась вниз к деду. К этому времени папа уже был на работе, двойняшки в школе, а мама у Эмили. Каждый день, в одно и то же время, я медленно пережевывала свой завтрак в виде пары сэндвичей или геркулесовой каши, сваренной на молоке. Моя жизнь свелась к бесцельному существованию и когда я на несколько мгновений выплывала из забвения, мне сразу же хотелось сдохнуть, после чего я снова переключала канал, чтобы уткнуться в очередное шоу для домохозяек. Благо моя депрессия не до конца притупила мой мозг, из-за чего я могла себе позволить смотреть исключительно интеллектуальные передачи. Уже к концу недели я знала, что первый в мире ядерный реактор был построен на стадионе для сквоша в Чикаго, а если наперсток наполнить материей из нейтронной звезды, он будет весить почти сто миллионов тонн. Зачем мне эта информация? Не знаю. Как и не знаю, зачем мне эта жизнь.

Глава 36. Мартин — дядя

Суббота началась также, как начинается всякий унылый, не предвещающий ничего день. Утро было промозгло-застывшим, с явным намеком на предстоящий дождь. Проливной дождь закончился пару суток назад, и природа успела высохнуть всего за две ночи, словно

готовясь к очередной порции влаги. Серость же за окном была настолько беспроектной, а свинцовые, пористые облака настолько густыми, что создавалось впечатление, будто я оказалась в закупоренной банке, которую задвинули в дальний угол антресоли.

С утра дедушка впервые добровольно решил выбраться из дома не для того, чтобы в очередной раз отправиться на кладбище. Он пошел к Дэвиду и Саманте, которые на протяжении последних пары дней разрывались между желанием оттащить меня от телевизора и желанием утешить Эмилию, которая заперлась в своей спальне, не желая ни с кем общаться дольше десяти минут.

Двойняшки уехали на выходные в Лондон с детской командой по волейболу, родители забрали Балто и Герду с собой к Эмилии, а я впервые за долгое время с утра пораньше осталась наедине с собой. Часы показывали начало десятого, телевизор транслировал новости, а моя жизнь казалась мне мрачнее ночи. Из утренних новостей я узнала о том, что в пригороде Лондона предотвращен теракт, курица из Йоркшира снесла самое крупное куриное яйцо в Британии, побив при этом пятилетний рекорд своей предшественницы, а в Ирландии зафиксирована самая дождливая неделя апреля. Ежедневный просмотр утренних новостей позволял мне убеждаться в том, что жизнь не остановилась — она бурлит, ловко огибая моё существование.

Накрывшись серым хлопковым пледом, я сидела на диване в своём уголке, смотря документальный сериал «История жизни» и доедая чипсы со вкусом сметаны с луком, как вдруг в дверь раздался звонок. С надеждой на то, что незваный гость уйдет, я с тяжестью выдохнула, совершенно не желая вставать со своего теплого места. Однако прошла минута, а в дверь всё ещё настойчиво звонили. Неохотно сбросив с себя плед, я положила упаковку с недоеденными чипсами на журнальный стол и направилась к двери. Откровенно говоря, я была уверена в том, что это Тайлер. Он явился сюда на следующее утро после того, как не дождался меня у бара и узнал от Тома о том, что я уволена. Естественно ему пришлось разговаривать с отцом, так как на тот момент я с мамой были у Эмилии, но со слов папы я прекрасно поняла, что парень настроен серьезно. На фоне депрессии я игнорировала назойливые звонки и смс от этого парня, поэтому когда у меня, наконец, разрядился телефон, я даже обрадовалась этому факту, закинув надоедливый мобильный под кровать. Естественно Тайлера не устраивало молчание с моей стороны, и он явился на порог моего дома уже в понедельник. На сей раз я решила быть с ним откровенной на сто процентов и призналась в том, что он мне не нравится как парень, а друзей я заводю пока не хочу. Я думала, что всё ему разъяснила в спокойной обстановке и сделала это вполне доходчиво, однако вчера он снова объявился, на сей раз чтобы пригласить меня в кино. Что-то промямлив про то, что у меня нет настроения, я отказалась, попросив его не приходить ко мне хотя бы неделю, и вот он снова звонил в дверь. Всеми фибрами своей души я сейчас хотела забаррикадировать дверь огромным шкафом, но такового поблизости не было. После очередного хриплого звонка — у папы всё никак не доходили руки в очередной раз починить его — я набрала полные легкие воздуха и, наконец, открыла дверь.

Пять секунд я так и стояла, замерев в глубоком вдохе, пребывая в полной растерянности. Передо мной стояла высокая девушка лет двадцати восьми, может больше, с огромным

животом впереди себя — она была минимум на седьмом месяце беременности. Только слепой мог не заметить, что эта молодая женщина является представительницей высшего общества. Её плащ от Шанель был нараспашку расстегнут, а её живот был обтянут роскошным свитером от Рубан (именно такой хотела себе Сэм, показывая мне эту модель в одном из глянцевого журналов). У незнакомки в ушах красовались золотые серьги с бриллиантами в два карата, на шее висела подвеска в виде алмазной слезы, а её безымянный палец украшало широкое кольцо из белого золота с топазом, размером с перепелиное яйцо. И как она не боялась вот так вот разгуливать в подобных драгоценностях с огромным животом по улицам нашего города?

У этой молодой особы были черные волосы (скорее всего выкрашенные), подстриженные под удлиненное каре и завитые у концов. Еще она обладала красивыми, глубоко посаженными глазами, к которым был удачно подобран макияж. Её ногти блестели из-за качественной полировки, а её кожа была оливковой после спа-салонов. И всё же, не смотря на всю свою ухоженность и увешанность брендами, незнакомка была словно рассеяна — волосы слегка взъерошены, взгляд беглый... Первые пятнадцать секунд мы немо смотрели друг на друга — судя по всему, я пыталась понять, не ошиблась ли миллионерша дверью, пока она пыталась меня просканировать насквозь. Наверяд ли в тощей девчонке с растрепанными волосами, обгрызенными ногтями и бледным лицом, которая плюс ко всему этому была еще и обвешана дешевыми тряпками, эта особа могла найти что-то «достойное» её внимания, однако, судя по всему, в этом плане она расходилась со мной во мнениях.

— Глория Пейдж? — прервав нервное молчание, поинтересовалась незнакомка и уже по одному только её голосу, его интонации и оттенку можно было определить, что эта молодая женщина не только высокого о себе мнения, но она еще и явно не в восторге от общения со мной.

— Да, — ответила я и внезапно заметила движение сбоку от незнакомки. Я перевела свой взгляд с нее вниз и вдруг обнаружила маленькую девочку, которую почти не было видно из-за живота брюнетки. Девочка держалась за рукав плаща своей взрослой спутницы, второй рукой прижимая к себе небольшого плюшевого мишку коричневого цвета. Тот факт, что женщина даже не пыталась взять своего ребенка за руку, не смотря на то, что девочка к ней тянулась, меня немного напряг.

— Замечательно. Я целую неделю ждала, пока Ваши родственники отлучатся от Вас, — сообщила мне высокомерным голосом совершенно странную вещь незнакомка, после чего без приглашения вошла внутрь дома, смещая меня к стене своим огромным животом. Я закрыла за ней дверь, после чего еще минуту пыталась осознать тот факт, что только что в мой дом протаранилась какая-то беременная тётка с ребенком и огромным розовым рюкзаком в руках, который буквально трещал по швам.

— Вы не ошиблись адресом?

— Этот городок очень маленький, — совершенно спокойно проходя внутрь, самоуверенно говорила женщина. — Мне не составило труда Вас найти.

— Вы хотите сказать, что Вы целенаправленно меня искали? — наблюдая за тем, как наглая беременная брюнетка усаживает девочку на мой диван и ложит на мой журнальный столик рюкзак, округлив глаза, поинтересовалась я. — Стоп, что... Что это значит? Вы сказали, что ждали, пока я останусь одна... Вы что, следили за моим домом?

— Я тебя умоляю, дорогуша, не стоит рисовать в своем мозгу триллер, — неожиданно перешла на «ты» незнакомка и я поморщила носом, учуяв запах духов L'Air du Temps (такими духами когда-то пользовалась Кэрол). — Я не в том положении, чтобы следить за тобой. Заплатила соседскому мальчишке, он всё и провернул. Успокойся! — неожиданно резко сорвалась женщина на ёрзающую девочку, после чего стала нервно стягивать с нее туфли. Я стояла слева за спинкой дивана и видела лишь макушку бедняжки, к которой точно не ровно дышала эта особа. Из-за своего расположения я не могла рассмотреть девочку сейчас, но успела это сделать на входе. Ребенку было примерно два-три года. Она была настоящей красавицей с белокурыми локонами до лопаток и большими голубыми глазами, которые выдавали её непонимание происходящего вокруг. Девочка была совершенно не похожа на свою спутницу, поэтому я предположила, что, возможно, она не является дочкой этой женщины (на что только что непрозрачно намекнула жесткость женщины в общении с малышкой) — может быть, падчерица или племянница?

— Что ж, Вы моё имя откуда-то знаете, — начиная постепенно приходить в себя и осознавать, что это она ворвалась в мой дом и я здесь хозяйка, а не наоборот, начала я, — представьтесь же и Вы.

— Беллатриса Уокер. Наверяд ли моё имя тебе о чем-то скажет, — буквально сорвав последнюю туфлю с девочки и с грохотом бросив её на пол, разогнувшись ответила незнакомка.

— Вы правы, Ваше имя мне совершенно ни о чем не говорит, — почему-то не могла прекратить обращаться к этой женщине на «Вы» я. Возможно, виной тому было её «деликатное» положение, которое ярко выдавал её беременный живот.

— Ты ведь няня, работающая на Олдриджа?

— Бывшая няня, — с дрожью в голосе ответила я, почувствовав как нервные струны внутри меня затрепетали всего лишь от двух слов, поставленных рядом — «няня, Олдриджа».

— Не важно. У меня через пару часов рейс, так что, пожалуй, обо всём по порядку и быстро. Начну издалека, чтобы было понятнее. Десять лет назад я вышла замуж за нефтяного магната и переехала жить в Бразилию. Там я родила от него сына, но через четыре года мы разошлись из-за общих разногласий. Я вернулась назад в Британию с сыном, оставив его на попечение своей матери, живущей в Восточном Мидленде, а сама обосновалась в Лондоне. Я вела активную жизнь, — на этом месте Беллатриса глубоко выдохнула, словно делая на своей «активной жизни» акцент, после чего положила руку на свой живот. — Очень активную. Мероприятия, концерты, вечеринки... Благо денег у меня хватало, из-за отличных отступных мужа, которые он выплатил мне после развода. На одном таком мероприятии я познакомилась с очень интересным мужчиной, мы переспали и забыли друг о друге, а уже

через два месяца я узнала, что беременна. Отец ребенка к тому времени был на другом конце света, поэтому ничего не узнал о моей беременности, мне же не хотелось рожать, но меня уговорила моя мать и вот... — женщина многозначительно посмотрела на сидящую перед ней девочку. — Родилась Софи. Я еще до родов заявила матери, что не собираюсь участвовать в воспитании ребенка, поэтому она без претензий приняла внучку на собственное попечение. Прошло четыре года с момента моего развода и год с момента рождения Софи, когда мой муж приехал в Лондон и мы пересеклись в ресторане Алане Дюкасте[16], — продолжала свой рассказ незнакомка и я заметила, что она любит отвлекаться на совершенно бесполезные, вычурные детали. — Мы сразу раскрыли все карты. Оказалось, что за это время не я одна обзавелась ребенком. Его дочери от какой-то гувернантки к тому времени уже было три года — он также как и я в своё время, однажды пренебрег контрацептивом. Естественно он не жил с этой женщиной, ведь она не его уровня, — поморщившись ухмыльнулась Беллатрисса, явно демонстрируя своё необоснованное превосходство. — Сейчас он ограничивается выплатой элементов, стоимость которых, по моему, слишком завышена. К этому времени он приумножил свои богатства и стал настоящим толстосумом. Мы решили возобновить отношения, и на сей раз, не буду скрывать, я специально попыталась от него забеременеть, чтобы снова его окольцевать. Я настолько увлеклась, что переборщила, — снова погладив себя по животу, довольно ухмыльнулась молодая женщина. — Я на четвертом месяце беременности. — Произнесла она и, увидев мои округлившиеся глаза, пояснила. — Знаю-знаю, живот слишком большой... У нас тройня — два мальчика и девочка.

— Что ж, поздравляю, — пожала плечами я. — При чем здесь я?

— Моя мать умерла два месяца назад, — словно не услышав моего вопроса, продолжила Беллатрисса. — Мой муж не стал навязывать мне своего ребенка, которого он нагулял на стороне, за что я ему искренне благодарна. Естественно его требование не навязывать ему Софи совершенно справедливо, и я абсолютно с ним согласна. Мне самой неприятно каждый день видеть результат моей... Ошибки.

— Вы говорите это вслух при собственной дочери, — ошарашенно напомнила я.

— Девочка ничего не понимает. Она едва умеет говорить, не то что... В общем. Мой муж, старший сын, рожденный от него, и я с еще не родившимися детьми, возвращаемся в Бразилию уже сегодня — пару недель назад мы приобрели там замечательную виллу. Моя мать больше не может присматривать за Софи, так что выхода всего два — либо отдать девочку в интернат, либо родному отцу. Согласитесь, кто при живом отце будет отдавать дитя в интернат?

— Как и при живой матери, — презрительно заметила я.

— Ваше замечание неуместно, так как я не могу быть для этой девчонки хорошей матерью.

— Так с чего же Вы взяли, что её отец для нее будет хорошим?

— Если не сможет, пусть сам отдает её в интернат — я умываю руки, — совершенно

спокойно ответила незнакомка, отчего у меня едва ли не отвисла челюсть. Как подобные слова может говорить родная мать ребенка?!

Беллатриса вдруг подошла к рюкзаку и начала копошиться в нем.

— Что Вы делаете? — непонимающе поинтересовалась я.

— Вот, — спустя пару секунд ответила Беллатриса Уокер, протянув мне папку с бумагами.

— Это документы на передачу опеки. Мой муж позаботился о том, чтобы всё было правильно заверено. Осталось вписать только имя опекуна.

— Только не говорите, что я и есть отец Вашего ребенка!

— Что за бред, естественно нет — вы не вышли ростом. Ваша задача передать эти бумаги и саму Софи отцу девочки.

— Но откуда мне знать, кто её отец?! Я ведь не присутствовала во время зачатия. И потом, вдруг он не согласится признать своё отцовство? Подождите! А почему, собственно, это должна делать я, а не Вы?!

Незнакомка ответила лишь на один мой вопрос:

— Сомневаюсь, что откажется. Он ведь не отказался подобрать своего сводного брата, которого ни разу в жизни не видел. Правда ведь широкой души человек?

— Если отец Софи и вправду любит детей, тогда почему бы Вам...

— И потом, — оборвала меня нахалка, которая с каждой секундой становилась всё более взвинченной, — Мартину будет не так скучно с Софи. В конце концов, ведь получается, что он является официальным дядей девочки.

— Что?! — кажется, я выплюнула сердце. Мартин?! Она назвала имя Мартина?! При чем здесь Мартин?! — Мартин мёртв, — хриплым голосом произнесла я, изо всех сил сдерживаясь, чтобы не вцепиться в волосы хамки и не выдрать минимум клочок её блестящих волос.

— Что? Гхм... Я не знала, — только и смогла выдавить стерва, и больше никакого «простите за мою глупость» или «извините за то, что я дура».

«Она сказала, что Мартин дядя...» — слишком медленно крутилось у меня в голове. — «Дядя этой девочки?!» — вдруг прокричал мой внутренний голос.

— Вы хотите сказать, что Софи — дочь Олдриджа?!

— Именно. Она дочь мистера Роланда Брайана Олдриджа. Так что будьте добры, передайте это папаше... — с этими словами женщина еще раз ткнула наманикюренным пальцем на документы, которые я уже держала в своих руках, после чего натянула сумочку на плечо и,

быстрым, уверенным шагом направилась в сторону выхода. Я пришла в себя лишь тогда, когда эта ненормальная завернула из столовой в коридор.

— Подождите... Беллатриса! Вы забыли дочку!

— Передадите её отцу, — услышала в ответ я, после чего последовал гулкий хлопок входной двери. Я бросилась к девочке и криво надела красную туфлю на её правую ногу, обтянутую белыми колготками, как вдруг поняла, что это совершенно не важно. Схватив ребенка на руки, я сгребла в охапку оставленные мне документы и рванула за мамашей-кукушкой. Когда я выбежала в палисадник, Беллатриса уже садилась в серебристый Порше, припаркованный у соседнего дома.

— Подождите! — кричала я, бежа к еще не тронувшейся машине. — Подождите! Вы забыли!.. Вы забыли документы! Вы забыли своего ребенка! Эй!

До машины оставалось не больше трех шагов, и я была уверена в том, что встретилась с этой женщиной взглядом через боковое зеркало заднего вида, когда она резко нажала на газ и её автомобиль рванул с места.

— Вы должны её забрать! — кричала я, всё еще бежа за удаляющейся машиной. — Что мне с ней делать?! Это незаконно! Вернись, ты... Ты дура! Ты забыла дочь! — прокричала я, наконец остановившись, когда машина уже скрылась за поворотом. В моей голове был хаос. Что вообще сейчас произошло?! Я задыхалась и хотела согнуться, но вдруг поняла, что не могу, так как держу в руках незнакомого мне человека. Я посмотрела на девочку и неожиданно встретилась с ней взглядом. Огромные, округлившиеся голубые глаза были наполнены неподдельным страхом. Девочка сжимала в руках своего плюшевого медведя и явно из последних сил мужалась, чтобы не заплакать. Всё еще смотря на малышку, я поняла, что мы обе только что пережили глубокий стресс и до сих пор пребываем в шоковом состоянии.

Глава 37. Отец и дочь

Уже через пять минут я искала свой мобильный в спальне под скрипящей раскладушкой, оставив девочку внизу. Как и ожидалось — он был разряжен под ноль, отчего мне пришлось ждать едва ли не целую вечность, пока он, наконец, согласится включиться. Наконец найдя в контактах заветный номер Роланда Олдриджа, я набрала его и, услышав щелчок по ту сторону трубки уже произнесла «привет», как вдруг мобильный оператор интимно проговорил мне в ухо о том, что для совершения вызова у меня недостаточно средств на счету и во избежание блокировки мне необходимо до конца апреля погасить задолженность в пять фунтов. Домашний же телефон у нас неделю как не работал, из-за повредившей связь молнии. Пойти к соседям? Нет, пожалуй они и так слишком много видели.

Я спустилась вниз и удивилась тому, что девочка всё еще стояла на том же месте, на котором я её оставила — справа возле лестницы. Она держала своего плюшевого мишку, теребя его за ухо, и подрагивала правой ножкой, на которой красовалась не застёгнутая туфля.

— Софи, — позвала девочку я, спускаясь по лестнице, и она подняла на меня свои голубые глаза. Я села на нижнюю ступеньку и притянула малышку к себе. — Ты в порядке?

Девочка не ответила. Она смотрела на меня с любопытством и каким-то страхом, не произнося ни слова. Я поправила её джинсовый сарафан и расстегнутую розовую кофточку. — Сейчас мы пойдем к твоему папе, хорошо?

Девочка лишь согласно кивнула головой и я отправилась с ней в гостиную, чтобы одеть на нее вторую туфлю и куртку, которая лежала сверху на рюкзаке. Я совершенно не побеспокоилась о своем внешнем виде, всего лишь наскоро причесавшись, так что уже спустя пять минут мы шагали на соседнюю улицу к остановке, на которой нас должен был подобрать, хорошо знакомый мне, тридцать седьмой автобус. Девочка не успевала за моими широкими шагами, и я хотела взять её на руки, чтобы ускорить процесс, но тяжесть рюкзака буквально клонила меня к земле. Еще год назад я бы негнулась под подобным весом, но сейчас мой истощенный организм буквально стонал слипающимися легкими. В итоге к нужной остановке мы добирались вдвое дольше, чем когда-либо мне удавалось это сделать в одиночку.

Весь путь в автобусе я пыталась отдышаться, и у меня почти это удалось, как вдруг мы высадились напротив знакомого мне холма, по которому нам предстояло взобраться на Б***-стрит. Я пыталась не смотреть на сад, расположившийся справа от нас, в котором мы с Мартином год назад похоронили Гектора... Старалась не вспоминать о том, что по этому холму мы с Мартином когда-то скатывались на велосипеде, весело крича всякие глупости... Пыталась думать о том, как прежде я весело бежала по этой дороге в свой последний рабочий день... И вдруг на середине холма я поняла, что мне тяжело идти вовсе не из-за физического истощения — моя душа разрывалась на лоскутки от боли. Я остановилась и посмотрела вниз на Софи, скривившись от подступающих к глазам слез. Девочка внимательно вцепилась в меня своим детским взглядом, что вдруг помогло мне собраться с духом и продолжить своё восхождение на Эверест.

Когда мы оказались на Б***-стрит, я всерьез думала, что я загнусь от одышки. Мы с девочкой снова переглянулись, и я поняла, что не мне одной так хреново. Тяжело дыша, она смотрела на меня как боксер, только что одержавший победу и просившийся на ручки. Протянув ко мне свои маленькие ладошки, девочка потерла миниатюрными пальчиками, явно выказывая желание аккуратненько залезть на меня. Но она это делала не так, как большинство детей — требовательно. Софи делала это так робко, словно боялась, что я могу её оттолкнуть. Я не смогла ей отказать. Взяв в руки дополнительные приблизительно двенадцать килограмм, я направилась в конец улицы, к дому под номером десять.

— Знаешь, для своего возраста ты может и не тяжелая, — гулко дышала я, — но, кажется, я сейчас загнусь...

В ответ девочка лишь серьезно посмотрела на меня, после чего неожиданно погладила мою покрасневшую правую щеку, заставив меня остановиться. Я внимательно посмотрела на ребенка, убедительно хмыкнула и, собравшись с последними силами, направилась к нужному дому.

Уже подходя к особняку Олдриджа, я отметила, что передний палисадник сильно заброшен и старый фонтан даже начал покрываться мхом. Аккуратно открыв калитку, я с замиранием сердца прошла по знакомой тропинке и нажала на кнопку звонка. «Сейчас мне откроет Джонатан», — подумала я и еще раз нажала на звонок. — «Интересно, как скоро Роланд сможет приехать из Лондона? Или может он снова уехал в Дубай? А вдруг он откажется... Нет-нет-нет... Это не мои проблемы. Оставлю её здесь, и пусть сами выкручиваются».

Прошло не меньше минуты, прежде чем за дверью послышались шаги. Эти шаги точно не принадлежали Джонатану, отчего я немного напряглась, как вдруг, совершенно неожиданно для меня, дверь открыл Роланд. Я была настолько счастлива этому факту и одновременно так сильно боялась того, что узнав в подробностях всю эту абсурдную историю, он захлопнет передо мной дверь или попросту испарится, что сразу же переступила через порог. За спиной Олдриджа стоял Джонатан и рассматривал меня, словно не узнавая. Под удивленный взгляд Роланда я, тяжело дыша, поставила Софи на пол, сбросила тяжелый рюкзак с плеч и, на одном выдохе, произнесла, указав рукой на девочку:

— Это... Твоя дочь.

Несколько секунд Роланд смотрел на меня широко распахнутыми, серыми глазами, после чего внимательно посмотрел на Софи и снова перевел взгляд на меня. Наверняка я выглядела ужасно — запыхавшаяся, с покрасневшими щеками, развивающимися волосами, в спадающих рваных джинсах... Всей картины не описать. Джонатан явно был в шоке.

— Тогда я обязан на тебе жениться, — неожиданно выдал Олдридж. — Я категорически не хочу, чтобы моя доченька росла без отца. Но ведь у нас с тобой последний контакт был около года назад — почему девочка выглядит старше? И почему она блондинка? Мы ведь с тобой чистые брюнеты... Хотя забудь — она прекрасна. Кстати, наша дочь больше похожа на тебя...

— Ты издеваешься?! — удивленно поинтересовалась я, прервав его безумную речь. — Это не наша дочь. Это твоя дочь.

На этом моменте Роланд не выдержал и в голос рассмеялся.

— Не смейся. Это не смешно, — почувствовав неловкость, попросила я.

Следующие полчаса я в мельчайших деталях рассказывала Роланду о том, что именно произошло, нервно расхаживая по его кабинету. Со стороны я точно выглядела безумной, тем более я несла чистой воды маразм.

— Беллатриса Уокер значит... Впервые слышу.

— Давай на чистоту — ты тот еще бабник, — констатировала я. Мы разговаривали совершенно раскрепощенно, безо всяких «вы», словно были школьными друзьями. — Ни для кого не секрет, что у тебя была хренова куча женщин. Ты не можешь помнить всех имен.

— С тем, что у меня было достаточно женщин, я согласен, но их точно была не куча. И точно не хренова. Беллатриса-Беллатриса... — Роланд внимательно изучал документы, оставленные мне незнакомкой, которые я ему предоставила. — Да, кажется, вспомнил. Как раз три года назад... — он внезапно замолчал.

— Значит да? — я резко остановилась напротив стола, за которым сидел мой бывший начальник.

— Значит нет, — вдруг захлопнув папку, твердо ответил Роланд.

— Но ты ведь сам только что сказал...

— Я ничего не говорил, — парировал Олдридж и, посмотрев на меня, тяжело выдохнул. — Да, была такая около трех лет назад. Я её даже не помню. Я их всех не помню, потому что всё всегда заканчивалось одной ночью.

— Может быть, у тебя дюжина детей мир топчут своими маленькими ножками?

— Поверь мне, это исключено.

— Почему же?

— Слишком сильно замораживаюсь по поводу контрацепции.

— Сразу два презерватива надеваешь?

— Интересный вариант, — ухмыльнулся Роланд, после чего встал со своего места. — Заставляю при мне выпивать противозачаточные.

— Жесткая у тебя прелюдия.

— И не только прелюдия.

•
○ *

— Привет, я Роланд, — склонившись над девочкой и протянув свою руку, произнес Олдридж. Мы находились в гостиной, где Софи стояла у огромного стеклянного столика, едва ли ни с нее ростом. Рассмотрев Роланда серьезным взглядом снизу вверх и еще с секунду помедлив, она всё-таки пожала руку незнакомому ей мужчины. — Как у тебя дела? — попытался наладить контакт с девочкой Олдридж, наклонившись над ней всем своим телом, но девочка молчала. — Она разговаривает? — всё еще не разгибаясь, вдруг обратился он ко мне.

— Не знаю, — пожав плечами, ответила я, поняв, что девочка действительно всё это время молчала. — Она еще ни слова не проронила.

— Ты Лоланд, а я Софи, — неожиданно произнесла девочка, но сделала это так тихо, что и мне, и Роланду показалось, будто мы ослышались (я поняла это по нашим пересекшимся взглядам). — Лоланд, ты мой папа? — спустя несколько секунд скромно добавила Софи. Роланд выпрямился и через правое плечо заговорчески-тихо прошептал мне, всё ещё глядя на девочку:

— Она разговаривает.

— Ответь ей, — таким же шепотом отозвалась я.

— Я ей не папа.

— Ты ведь сказал, что спал с её матерью.

— И что?! Я не её отец, — продолжал напряженно шептать Роланд, глядя на меня через правое плечо.

— Это ещё не доказано.

— Это, конечно, верно...

— Ну, так отвечай! — не выдержав, шепотом наехала на своего бывшего начальника я.

— Софи, — наконец нагнувшись обратно к девочке, на выдохе произнес он. — Я не знаю...

— Хм... Холосо, — сделала неожиданный вывод малышка.

— Холосо? — вздернул брови Роланд — Тьфу ты! Хорошо? Почему?

— Если ты вдруг узнаеc, сто я не твоя дотенька, ты отдаc меня в интелнат.

— Что она только что сказала? — округлив глаза и разогнувшись, поинтересовался у меня Роланд.

— Что ты отдашь её в интернат, когда...

— Это я понял, — задумчиво оборвал меня Роланд.

— Это не я сказала, — решила пояснить Софи. — Так сказала тётя, котолую моя бабуска называла моей мамой. Но тётя сказала, сто она не хотет быть моей мамой и отдала меня ей, чтобы она нашла мне папу, — девочка посмотрела на меня, после чего снова перевела взгляд на Роланда. — Ты тозе не захотес быть моей мамой... Ой... Папой. И тозе отдаc меня ей или в интелнат.

— Она точно не моя дочь, — обернувшись ко мне, как можно более тихо, прошептал Роланд. — У нее слишком развит интеллект. Я в её возрасте рожу фломастером разрисовывал и козявками торшеры украшал. ДНК уже не совпадает.

Я подавилась смешком и посмотрела на серьезное лицо Софи.

— Хочешь есть? — поинтересовался у девочки Роланд тоном заправского главнокомандующего, но Софи лишь продолжала на него испытывающе смотреть.

— Ты еще поинтересуйся, не хочет ли она отведать лобстера и сделай это еще более серьезным тоном, — хмыкнула я и, нагнувшись к девочке, как можно более ласково поинтересовалась. — Хочешь кушать?

По-моему я выглядела по-клоунски, но это сработало. Девочка единожды положительно кивнула головой, после чего прижала к себе своего плюшевого медведя, словно боясь, что сумасшедшая тётя сейчас скушает именно его.

— Пффф... Замечательно, — выдохнул Роланд и, совершенно не запарившись над «сюсюкающим» тоном, которому я только что пыталась его научить, протянул девочке руку, после чего произнес своим обычным тоном. — Пошли.

Софи попятилась назад, но уткнулась затылком в столик и застыла. Я выпрямилась и сердито посмотрела на Олдриджа.

— Что?! — непонимающе-оправдывающимся тоном поинтересовался он.

— Неужели и вправду не понимаешь? Огромная махина в виде горы предлагает пойти с ней покушать. Она наверняка думает, что кушать будешь только ты и непременно её, — шепотом добавила я.

— Класс! Я теперь еще и огромная страшная махина...

— Можно потише?! — раздраженно попросила я.

— Ладно, давай покажи высший пилотаж.

Вместо того чтобы уговаривать девочку, я молча взяла её на руки.

— Я тоже так могу, без попытки выйти на диалог, — заметил Роланд.

— Если бы ты взял её на руки, она бы описалась от страха.

— Нет, — вдруг отважно выдала Софи.

— Нет? — приподняла брови я.

— Я хлаблая. Я не боюсь, — вытерев нос медвежонком, заявила девочка и я поняла, что она точно королевских кровей. Пусть она и была слишком замкнутой, скромной и застенчивой, но одновременно она вела себя сдержанно и была словно маленькой взрослой, с серьезным восприятием окружающего её мира.

Глава 38. Давай не бросать друг друга

— Если она еще раз назовет меня Лоландом, у меня лопнут перепонки в ушах, — тяжело вздохнул Роланд, прошептав это мне как можно тише. Оказалось, что его поместье совершенно не приспособлено для маленьких девочек — столы огромные, стулья огромные, столовые приборы огромные... Роланд признался, что закончил приводить в порядок свои хоромы лишь вчера и еще не успел нанять кухонный штат, поэтому мы ограничились картофельным пюре и четвертью разогретого штруделя (больше в Софи не влезло) в исполнении Джонатана.

Я так давно не имела дел со столь маленькими детьми, что для меня стало открытием то, что девочка не может сама залезть на большой стул, достать до стола и самостоятельно себя накормить. Фактически мы с Роландом обнаружили её полную беспомощность. Роланд вообще был в шоке от того, что её нужно кормить из чайной ложки, так как большая для нее была едва ли не лопатой. Он смотрел на девочку, словно на существо неизвестного происхождения и всякий раз нервно вздыхал, когда она покашливала.

— И что дальше? — покормив малышку и посадив её на софу в стиле рококо, поинтересовалась я. Мы отошли в сторону, чтобы обсудить план действий.

— Нужно узнать, являюсь ли я ей отцом, и вернуть её матери.

— Значит, ты не исключаяешь своего отцовства?

— В конце концов, я спал с этой женщиной, так что вероятность есть.

— Она сказала, что через пару часов у нее самолет... Скорее всего она уже вылетела.

— Так, ладно... Нужно проконсультироваться с юристом по поводу документов, которые эта особа оставила тебе на удочерение...

— Не мне, а тебе, — прервала своего собеседника я.

— В таком случае не мне, а нам. Я бы вообще не взял ребенка у сумасшедшей. Вдруг она его украла?

— Я и не брала ребенка у сумасшедшей — она сама её мне оставила.

— Пффф... Значит связываемся с адвокатом для консультации по документам, устанавливаем личность Беллатрисы Уокер и... Что с ней?!

Я испуганно обернулась и увидела, как Софи, запрокинув свою белокурую головку, заснула на софе с открытым ртом, из которого вытекала слюна.

— Похоже, она просто спит, — прошептала я.

— Точно? Она не отравилась штруделем?

— Дети её возраста минимум один раз в день спят. Это всего лишь ребенок, прекрати паниковать...

— Это не всего лишь ребенок — это целый, мать его, ребенок! И вообще — дети её возраста? Какого такого она возраста? Сколько ей лет?

Через пять минут мы сидели в кабинете Роланда и рылись в вещах малышки, предварительно перенеся спящую Софи на диван в гостиной. Поразительно, но рюкзак был забит в основном фотографиями в рамках с изображением девочки в разном возрасте (целых двадцать штук!), дешевыми, пластмассовыми игрушками, по которым было легко определить, что на девочку не особо тратились, и комплектом сменного белья на ближайшие пару суток. Никакого гардероба! Насколько нужно быть безответственной матерью, чтобы фотографии в рамках в сумку положить, а сменное платье забыть? И в чем, по её мнению, должна ходить её дочь? В фоторамках?!

На дне сумки мы обнаружили фотоальбом и документы девочки.

Имя при рождении: Софи Лесли Темплтон.

Дата рождения: 03.06.

Место рождения: Восточный Мидленд, Мелтон-Мобрей, графство Лестеншир

Рост при рождении: девятнадцать дюймов (47 см.)

Вес при рождении: семь фунтов (3.1 кг)

Цвет глаз: голубой.

Цвет волос: белокурый.

— Погоди, — отобрала документ у Роланда я. — Здесь сказано, что девочка носит фамилию Темплтон, но женщина представилась Беллатрисой Уокер. Почему фамилии разошлись?

— Сейчас, — ответил Роланд и отправился к своему столу, чтобы воспользоваться телефоном. В течение следующих пяти минут он разговаривал с каким-то мужчиной, который пообещал навести справки по Беллатрисе Уокер в течении часа-двух.

— Кстати, ты родился в один день с Софи, — улыбнулась я. — Она точно твоя дочь.

— По странным меркам ты определяешь отцовство. Эта Беллатриса — она была блондинкой?

— Нет, брюнетка. Но скорее всего крашенная.

— Сама посуди — как от такого ядерного брюнета как я, могла родиться такая белокурая девочка?

— Может быть, она унаследовала цвет волос от матери? Вдруг она и вправду перекрасилась?

Через пару минут мы стояли над спящей Софи.

— Что ты делаешь?! — недоуменно воскликнула я, когда Роланд приблизился к девочке с ножницами.

— Хочу провести тест ДНК.

— Ты отрежешь ей целый локон?

— Во имя отцовства.

— Вот еще! Режь меньше, зачем тебе столько?

Девочка вдруг зашевелилась и мы замерли. Она поерзала секунд пять, после чего снова начала сопеть.

— Режь меньше, — продолжила шептать я.

— Тише, — аккуратно приподняв крохотный локон, попросил тем же шепотом Роланд. — Столько?

— Еще меньше.

— Куда уже меньше?

— У нее такие красивые локоны — не вздумай их попортить из-за своего эгоизма.

— Хочешь сказать, что я эгоист?!

— Режь уже! Эй, ты отрезал больше нужного, изверг!..

— Тихо. Теперь возьмем образец её слюны, — заговорчески протянул Олдридж, аккуратно проведя ватной палочкой по внутренней части щеки девочки. — Так, всё... Пошли.

Мы попятились из гостиной и уже через минуту укладывали ватную палочку и локон в прозрачный маленький пакетик, отдельно откладывая пару волосков, аккуратно выдернутых с корнем.

— Теперь мои волосы, — вытащив изо рта ватную палочку, невозмутимо произнес Роланд.

— Отрежь мне столько же. Только постарайся не отрезать мне ухо.

— Зачем оно тебе?

— Чтобы слушать твою болтовню.

— Тем более... У тебя настолько густые волосы, что если я резану тебе столько же, сколько

ты отцапал у Софи, это будет заметно.

— Ну отрежь меньше — только не увлекайся.

— Всё, сделано, — аккуратно отчикнув темный клоч волос, отозвалась я. — Выдрать тебе тоже пару волос с корнем?

— Ты еще мне эпиляцию воском сделай, — поморщился Роланд, когда я выдрала пучок из восьми волосков у него на затылке. — Отлично, ложи в пакет и упаковывай образцы в тот картонный конверт.

— И что дальше?

— Дальше я сообщу вам результаты, когда они станут мне известны.

— Кому это — нам?

— Тебе и Софи.

— Только не говори, что ты думаешь, будто я заберу её жить к себе, — изумленно выпалила я.

— А где еще ей жить? — непонимающе поинтересовался Роланд.

— У тебя, — удивленно констатировала я. — Это ведь твоя дочь. Ты её папа...

— Это еще не доказано и вообще не я принял неизвестного ребенка от неизвестной женщины...

— Я вообще побочное лицо во всей этой истории, сам подумай. Я даже не знаю, почему тебе со всем этим помогаю. По идее, я должна была принести к тебе Софи и оставить её на пороге поместья...

— Ладно-ладно, ты права, — наконец сдался Роланд. — Но что мне с ней делать?

— Придумай что-нибудь.

— Ты прекрасно знаешь, что я не силен в этом, именно поэтому я тебя и нанимал два года назад.

— Я не знаю, что делать в подобной ситуации.

— Я ведь тоже! Предлагаешь оставить её с Джонатаном или Якобом? Они свихнутся с ней всего за одни сутки, а больше штата на сегодняшний день у меня нет.

— Значит, найми няню. Найди хоть кого-нибудь.

— Замечательно, я нанимаю тебя.

— Меня?!

— Ты сама только что предложила найти мне хоть кого-нибудь. В этом доме есть только я — человек, который шарахается розовых соплей, Якоб — человек, который предпочитает держаться на расстоянии вытянутой руки от хрупких цветов жизни, Джонатан — человек, который зависает от слова «пупс», и ты — человек, у которого есть хоть какой-то опыт общения с детьми.

— Едва ли мой опыт больше твоего.

— У тебя ведь есть племянники.

— Им по семь лет и их младенчество давно осталось позади.

— Я вообще не застал хоть чье-нибудь младенчество.

— Вот, наконец, и пришел тот момент...

— Нет-нет-нет... Определенно не пришел.

— И что ты мне предлагаешь? Научить тебя обращаться с двухлетней девочкой?

— Я тебе предлагаю самой обращаться с этой девочкой. Ты ведь нуждаешься в работе, разве нет? Или ты снова устроилась в тот бар?

— Я не смогу, — спустя несколько секунд, сделав глубокий вдох, дрогнувшим голосом произнесла я. — Это всё равно, что... Всё равно что пережить всё заново.

— Думаешь, я не понимаю? Вот я живу своей счастливой холостяцкой жизнью, а вот мне навешивают на шею ребенка, о котором я должен заботиться и которого я в итоге полюблю. А вот он берет и... Умирает. И вот снова холостяцкая, но уже далеко не счастливая жизнь, и вот снова ребенок из неоткуда... Мы оба ходим по кругу, только давай... Давай на сей раз не бросать друг друга.

— Считаешь, мы бросили друг друга? — спустя минуту окаменевшего молчания, я, наконец, задала глушащий моё сознание вопрос.

— Да, — уверенно ответил Роланд, после чего повернулся к окну. — Всего лишь нужно дождаться результатов ДНК-теста.

— Ладно. Давай не бросать друг друга.

Глава 39. Жить после крушения

— Ну и где ты всё это время пропадала? — поинтересовалась Сэм, поглаживая свой живот.

Я уговорила Эми пойти с нами на прогулку и, к всеобщему удивлению, это было несложно сделать (за прошедшую неделю она так устала от чрезмерной опеки со стороны родителей, что бедняге захотелось банального глотка свежего воздуха). Эми сидела на нашей парковой лавочке и покачивала коляску с Джессикой, я же с Сэм стояли напротив нее. Я по порядку рассказала этим двоим всё, что произошло со мной за прошедшие несколько часов. Настолько по порядку, что начала со своей депрессии и закончила переодетыми мной колготками Софи.

— То есть эта женщина вот так вот просто ворвалась в наш дом и оставила тебе девочку? — когда я наконец замолкла, удивленно уточнила Эми.

— И ты теперь снова работаешь няней у Роланда? — встряла Сэм.

— Что-то мне это напоминает, — настороженно хмыкнула Эми.

— Мне самой это не нравится, — призналась я. — Это выглядит заколдованным кругом, вот только...

— Вот только что? — наталкивала меня на продолжение недосказанного Сэм.

— Вот только мы с Роландом пообещали, что на сей раз друг друга не кинем.

— Воу-воу-воу, — ухмыльнулась Эмилия, спародировав Сэм. — А как же Тайлер?

— Ничего подобного. Роланд никогда не отказывался от помощи мне и моей семье, поэтому с моей стороны было бы попросту свинством отказать ему в помощи, тем более, когда он попросил о ней лично. И при чем тут вообще Тайлер?

— И всё же, — не унималась Саманта.

— У нас с Купером ничего нет.

— Судя по всему и не будет, — многозначительно подняла брови Эмилия.

— А что за эту неделю успела пропустить я? — нахмутив брови, хмыкнула я.

— Почти ничего, — слегка приуныла Эми. — Этот говнюк уехал с любовницей. Об этом мне рассказала Хелена — она видела их на автостанции. Теперь ведь у подонка нет автомобиля, чтобы возить задницу этой стервы.

— Хелена? — заинтересованно поинтересовалась Сэм. — Это та блондинка, у которой муж-банкир-тиран и который старше нее на пятнадцать лет?

— Точно, это та самая девушка, с которой у тебя осталась дружба после родов, — вспомнила я.

— Не думаю, что особу, которая в двадцать семь лет имеет двух сыновей и дочку можно

назвать девушкой, — улыбнулась Саманта. — Скорее она состоявшаяся женщина. Даже более состоявшаяся, нежели я в свои сорок.

— Ничего, ты скоро тоже извлечешь из себя человека, — успокоительно похлопала по плечу Саманту я.

— Тем не менее. Когда я увидела результаты теста на беременность, я почувствовала себя семнадцатилетней девахой, залетевшей из-за непрочитанной инструкции по пользованию презервативами. Так что там с Хеленой?

— В общем, она в курсе моей ситуации, а я в курсе её. Поэтому когда она увидела этого козла с его шлюхой, она сразу набрала меня.

— А что у нее за ситуация? — приподняла бровь я.

— Я ведь уже говорила, что у нее муж — тиран? — спросила Эми и мы с Самантой дружно кивнули головами, после чего она продолжила. — Хелена вышла за него замуж, как сейчас многие любят говорить — по молодости по глупости. Он осыпал её дорогими подарками, красиво ухаживал и уже спустя три месяца после знакомства сделал ей предложение. Девушка достаточно быстро решилась на столь опрометчивый шаг и вот у нее уже есть трое детей и богатый муж, который избивает её на почве ревности к каждому прохожему. А ведь Хелена вполне себе красивая женщина, так что без внимания мужчин никогда не оставалась. Немногим более двух недель назад какой-то идиот в кафе решил, будто она — дочь своего мужа, и сделал ей комплимент в его присутствии. В итоге этот тиран привез её домой, вырубил одной пощечиной и отправился в свой кабинет, чтобы выпить в стельку. Она очнулась лишь на следующее утро и обнаружила своего благоверного мертвым в его кабинете. Оказалось, что её благоверный перенервничал и его схватил сердечный приступ. Уровень алкоголя в крови лишь усугубил ситуацию и окончательно прикончил беднягу. Такое утверждение выдала посмертная экспертиза.

— Какой ужас, — гулко выдохнула Сэм. — Ему ведь было всего лишь сорок два?

— Да. Теперь Хелена осталась с двумя сыновьями шести и трех лет, и девятимесячной дочкой на руках. Но я бы не сказала, что она в разбитом состоянии. Её больше никто не избивает и не унижает, она может самостоятельно подбирать себе гардероб, выбирать продукты к обеду и видеться с родственниками.

— Он что, запрещал ей видеться с родственниками?!

— У нее достаточно бедная семья и он не хотел, чтобы кто-то из его партнеров узнал, что он породнился с бедняками. Из родственников у Хелены есть отец — водитель автобуса и младшая сестра — продавец в магазине женского белья. Они живут в разваливающейся, маленькой квартирке, на улице нашего деда. В общем теперь, когда Хелена стала вдовой с миллионами на счету и единоличной хозяйкой бизнеса, основанного на производстве декоративного камня, она впервые сможет потратиться на родственников. В ближайшем будущем она планирует со всей семьей выбраться на Карибские острова, купить родным по

дому и еще лет пятьдесят есть исключительно черную икру на завтрак.

— У нее и вправду так много денег? — удивилась Сэм.

— Ну, её муж оставил после себя три квартиры в Лондоне, двухэтажный коттедж в нашем городе на Б***-стрит, особняк под Йорком с участком в пятьдесят гектар и феррари стоимостью в триста двадцать тысяч долларов. О его бизнесе я уже говорила.

Сэм только и смогла, что продолжительно просвистеть.

— Кстати, она приглашала меня сходить с ней завтра в клуб. Хелена оставит детей с отцом и сестрой, а я подумываю оставить Джесс с кем-то из вас, потому что родители завтра едут в соседний город, чтобы лицезреть игру Дина и Элис. Не хочу их просить, они и так вернутся достаточно поздно, и будут хотеть выспаться, а Джесс просыпается минимум трижды за ночь...

— Эмм... — сразу же замялась Сэм. — Я могу с ней посидеть до десяти часов вечера. Просто я еще неделю назад пообещала Дэвиду, что завтра пойду с ним на свидание.

— Правда? — заулыбалась Эми. — И куда же вы пойдете?

— На кухню.

— На кухню? — удивленно засмеялась я.

— Вся прелесть семейных отношений, — довольно вздохнула Сэм. — Теперь наши свидания чаще всего проходят на кухне, а шеф-повар готовит исключительно диетическое тушеное мясо.

— Крутой у тебя шеф повар, — улыбнулась я. — Тогда выходит, что с Джесс сидеть мне? Я не против, но... Ты что, перед уходом в клуб нацедишь мне в бутылочку грудного молока?

— С этим проблемка, — поджала губы Эми.

— На фоне стресса у нее пропало молоко, — пояснила мне Саманта. — Уже неделю как прикармливаем Джессику дорогостоящими смесями. Пока всё неплохо выходит.

— Прости, я не знала.

— Брось, у тебя своего стресса хватает.

После этих слов я вдруг поняла, как Эми за прошедший год изменилась. Она прекратила думать только о своих болячках и проблемах, прощая окружающим их заикленность на собственных травмах.

— Со сколько до сколько с ней нужно посидеть?

— В восемь Хелена заедет за мной. Думаю, что задержусь максимум до часа ночи.

— Оторвись там по полной, — хихикнула Сэм.

— В конце концов, мы ведь должны продолжать жить после крушения, ведь так? — грустновато-весело улыбнулась Эмилия, приподняв правую бровь. — И если для этого Глории необходимо снова стать няней Олдриджа, а мне впервые за прошедшие два года сходить в клуб — так тому и быть.

Глава 40. «Холосо»

— Как прошли последние сутки? — поинтересовалась я у Роланда, стоящего передо мной в своем кабинете. Мы договорились, что я буду работать без выходных, поэтому, не смотря на то, что сегодня было воскресенье, я предстала перед своим работодателем во всей своей «красе». Это не должно было продлиться дольше двух недель (только до получения результатов ДНК-теста на отцовство), так что я была не против отмены пары своих бесполезных выходных. Тем более мы договорились о прежней ставке — двадцать фунтов в час. При этом моё рабочее время резко увеличилось, в связи с отсутствием помощи в лице Доротеи, и теперь я работала с девяти утра до десяти вечера. Иными словами — с момента пробуждения и до момента сна девочки.

— Мне пришлось спать на полу, — поджав губы, ответил на мой вопрос Роланд.

— В смысле?

— В прямом. Я ведь уже говорил, что после того, как я покинул поместье, оно пришло в полное запустение. С основными комнатами я разобрался, но комнаты для гостей всё еще находятся в запущенном состоянии. Единственной жилой спальней является моя и комната Джонатана. Не мог же я его потеснить. В итоге пришлось уложить её в свою кровать, а самому корячиться на софе до тех пор, пока я не психанул и не лег на пол. С утра я проснулся от дикого рёва, исходящего со стороны кровати, но источник удалось найти лишь спустя несколько минут. Оказалось, что она запуталась в одеяле, подоткнутом под матрас, и висела в нем всего в паре сантиметрах от пола. Пока я распутал орущий ком, эта сирена едва меня не оглушила. Хорошо еще, что она дотерпела до туалета и не намочила мне кровать. Мне пришлось держать её над унитазом, Глория! Это непередаваемые эмоции ужаса. Я боялся, что случайно уроню её и спущу в канализацию. Мне кажется, что я рискую поседеть за эти две недели... Сегодня же купи хренов горшок и установи его у изголовья моей кровати, — впервые при мне произнес слово «хренов» Олдридж. — Сразу после завтрака возьми ключи от машины и отправляйся с девочкой в Лондон. Купи ей одежду, игрушки — в общем всё, что только нужно для того, чтобы она не плакала. И не забудь приобрести затычку или хотя бы глушитель звука.

— Хорошо, — усмехнувшись, ответила я взвинченному собеседнику и уже хотела выйти, но вдруг вспомнила цель своего прихода к нему в кабинет. — Вообще-то я хотела отпроситься на сегодня...

— Нет-нет-нет!

— Увы. Эми впервые за последний год решила выбраться из дома и сходить в клуб с подругой, а Джесс не с кем оставить, так что...

— Ты без ножа режешь меня на кусочки.

•

○ *

Когда я увидела зареванное лицо Софи, я поняла, что Роланд действительно не смог с ней поладить. Девочка с опаской смотрела на него, явно подозревая, что этот мужик пытался прикончить её с утра пораньше, а вовсе не спасти. Во время завтрака Софи неохотно поковыряла геркулесовую кашу, и мы пришли к выводу, что Роланд в срочном порядке должен либо научиться готовить что-то более съедобное нежели кашу-размазню, сомнительный опыт приготовления которой остался у него еще со студенческих времен, либо всё-таки выписать себе повара. В итоге Роланд пообещал разобраться со штатом прислуги в течение ближайших суток, после чего я собралась с Софи в Лондон, как вдруг обнаружила, что у нас нет детского сиденья. Так и не вспомнив, где именно в нашем городе можно его купить, мы решили попросить Джонатана съездить к Эми и одолжить кресло у нее (благо ей подарили на свадьбу — а она еще сопротивлялась!). В итоге мы с Роландом железобетонно пристегнули Софи к креслу вместе с её медведем, которого она не выпускала из рук, после чего Олдридж вручил мне карточку. Он явно не желал, чтобы мы вернулись в скором времени, уверяя меня в том, что на счету хватит средств минимум на нашу недельную отлучку на Багамы, отчего мы можем не спешить и вообще застрять где-нибудь в пробке на краю света.

В итоге мы вернулись из Лондона в шесть часов вечера, обе в совершенно измученном состоянии. Оказалось, что дети чаще взрослых хотят в туалет, которого никогда нет под рукой и к которому необходимо бежать через толпу, чтобы ребенок не надул в штаны прежде, чем ты встанешь с ним в раскорячку над унитазом. Или еще он может уснуть на ходу. Вы сидите в кафе, доедаете омлет, а он бац — отключился. Пришлось ждать ровно сорок семь минут, пока Софи проснется, так как будить её не было смысла — всё равно ей хотелось бы спать, а у нас еще и половина вещей из списка была не куплена. Для того, чтобы нас не выгнали из кафе, мне пришлось поочередно дозаказать две дополнительные порции мороженого у достаточно нервной официантки, которой я решила не оставлять чаевые за вредность. Смотря на уставшую Софи, я решила ограничиться одеждой, обувью, горшком и питанием, вспомнив об игрушках лишь после выезда из Лондона. Но поезд к этому времени был упущен, так что игрушки откладывались до следующего раза.

Я с Сэм пообещали прийти к Эми ровно в семь и так как часы показывали шесть, я решила, что еще успею помыть Софи. Жаль, что я не догадалась этого сделать вчера или хотя бы попросить об этом Роланда, который сегодня, услышав слово «купание», отстранился от меня как ошпаренный. «Только без меня... Ванная у меня в спальне — пользуйся сколько влезет», — выдал бесстрашный мужчина.

На втором этаже поместья, как бы то странно ни было, я еще не была ни разу, хотя когда-то и проработала здесь целый год. Джонатан, взяв пять десятков пакетов с покупками, поднялся со мной и Софи наверх (я несла её на руках) и, повернув налево, проводил нас в конец широкого коридора. Справа от нас были огромные, арочные, витражные окна, благодаря которым коридор был хорошо освещен, а слева, на достаточно большом расстоянии друг от друга, следовала тройка дверей. За третьей, самой последней, и расположилась спальня хозяина поместья. Если честно, так я ее себе и представляла: просторная, с широким окном, винтажным камином и двуспальной резной кроватью, оформленная в темно-коричневых тонах с мягким ковром сгущённого цвета, покрывающим темный, отполированный паркет. Эти апартаменты не шли ни в какое сравнение с кладовкой, в которой спала я.

Джонатан оставил пакеты возле кресла-качалки, после чего поспешно удалился, а я начала искать «тот самый розовый пакет» в полусотни розовых пакетов, в котором лежали детские гигиенические принадлежности. Наконец найдя его, я отправилась в открытую дверь, расположенную слева от камина. Ванная комната была выполнена в таком же шоколадно-сгущенном тоне, с огромным джакузи и просторным, прозрачным душем без поддона. Раздев Софи и, уложив её вещи на крышку закрытого унитаза, я поняла, что не знаю, как пользоваться загадочным агрегатом в виде душевой кабины с сотней кнопок. Заплетя волосы на макушке, я зашла внутрь душевой кабинки и сделала первую попытку, нажав на серебристую кнопку. Мимо! Пока я поняла, откуда именно на меня льется вода, моя майка успела промокнуть насквозь. Хорошо, что она была черная, благодаря чему я избежала позора посредством прозрачного материала. В итоге я всё же смогла настроить нужный поток воды и её температуру, параллельно удивившись тому, что мужчина из высшего общества пользуется всего одним шампунем, который одновременно служит и гелем для душа. Прямо как мой отец, который настолько не парился по поводу шампуня, что однажды выкрасил себе волосы маминой хной, после чего неделю из дома не выходил, ссылаясь на простуду, затем успешно коротко постригшись.

Еще раз перепроверив, что не путаю детский шампунь с детским гелем для тела, я около пятнадцати минут драила Софи, у которой в области складок под мышками и на попе образовались потнички, что могло означать, что девочку не мыли более двух суток. Я выключила воду и потянулась за полотенцем, попросив Софи подержать мочалку, а когда отошла на несколько шагов, услышала за своей спиной гулкой шлепок. Резко обернувшись, я увидела растянувшееся на полу тельце девочки и моё сердце екнуло. Испугавшись, что угробила ребенка, я подбежала к девочке и с облегчением поняла, что всё в порядке. От подобного удара я бы ревела напропалую, но Софи в очередной раз продемонстрировала свою невероятную сдержанность. Она делала вид, словно ей совсем не больно, хотя по её дрожащим губам было понятно, что ей хочется плакать. Я еще вчера заметила, что Софи была не только молчаливым ребенком (за сегодня она вообще произнесла не больше десяти слов), но еще она всегда пыталась сделать вид, будто у нее всё в порядке. Было очевидно, что пересоленный омлет в кафешке ей не нравился, но она говорила лишь «холосо» и, морщась, глотала его, пока я не попросила его заменить (Мартин бы на её месте запустил тарелкой в наглую официантку, доказывающую, что омлет вполне съедобен). Было видно, что примеряемые ею штаны тесны, но она говорила «холосые» и мне приходилось самой

догадываться. Сейчас же было ясно, что в данную секунду ей больно, но она говорила «всё холосо». Создавалось впечатление, будто она боялась просить у меня заботы и вообще излишнее внимание воспринимала как угрозу. От этого становилось как-то не по себе.

Наконец протерев девочку и одев её в махровый халат, я вернулась с Софи в спальню и удивилась, увидев Роланда сидящим на своей кровати и спокойно листающим глянцевый бизнес-журнал.

— Готово, — произнесла я, после чего Роланд поднял на меня взгляд.

— Что готово?

— Софи готова.

— К чему?

— Для начала к присыпке.

— К чему?

— У нее потнички. По-видимому, она давно не принимала душ.

— Что у нее?

— Прекрати переспрашивать, а-то я необоснованно начну чувствовать себя умнее тебя. Лучше принеси мне из ванной присыпку.

— Звиздец! — раздалось из ванной спустя пару минут. — У меня столько флаконов не было от роду — зачем ей всё это? Она что, мутирует?

— Просто принеси мне флакон.

— Какой?

— Розовый.

— Они все розовые!

— Тот, который бледно-розовый.

— Ты издеваешься?.. погоди, кажется, нашел.

Роланд пришел с нужным флаконом, после чего я уложила Софи на кровать и начала присыпать её интимные зоны.

— Мои глаза! — простонал Роланд, закрывая глаза правой ладонью и отворачиваясь. — Ты хотя бы предупреждала.

— Это твоя дочь, что здесь такого?

— Я еще не привык к этой мысли. И почему дочь? Почему не сын?

— Вы мужчины такие эгоисты — всегда хотите, чтобы у вас рождались лишь вам подобные.

— Уж лучше нам подобные, нежели подобные вам.

— Правда? И чем же это лучше? — разогнувшись, начала входить в азарт я.

— Нас не нужно посыпать присыпками.

— Еще как нужно!

— Нет не нужно!

— Нужно-нужно! В младенчестве, а порой и позже, ваши мелкие попки протираем влажными салфетками и пудрим присыпками именно мы — представительницы противоположного пола, так что поуважительнее, милорд. А сейчас настал момент, когда ты согласишься мне свою футболку, так как я промочила свою насквозь, пока разбиралась с устройством твоего чудо-душа.

Поразительно как легко мы общались! До появления Софи я никогда с ним не разговаривала на равных. По-видимому, всему виной общие проблемы и единая боль.

— Только не мою футболку — это самое дорогое, что есть в моем гардеробе, — притворно ухмыльнулся Роланд. — Могу одолжить тебе трусы — они подешевле.

— Свои трусы оставь себе, они для меня всё равно, что панталоны, так что давай, тащи сюда футболку.

Глава 41. Бессонная ночь

Я по-быстрому переоделась, проинструктировала Роланда по поводу ужина и на всех парах помчалась к Эмилии, но всё равно опоздала на полчаса.

— Девятнадцать тридцать, — констатировала открывшая мне дверь Сэм. — Не волнуйся, я уже получила все указания и готова ими делиться с тобой, пока твоя сестра красится.

Пока Сэм объясняла как стерилизовать бутылочки и какую именно смесь необходимо заваривать в течение пяти минут, а какую не доводить до кипения, я пыталась убедить себя в том, что смогу продержаться наедине с младенцем в течении целых трех часов.

Около восьми часов Эмилия, наконец, вышла из спальни и мы смогли оценить её образ — серые джинсы, длинная, вязаная персиковая кофта на пуговицах и осенние туфли терракотового цвета на высоком каблуке, украшенные шнуровкой бежевого цвета. Она здорово накрутила от корней отросшие до плеч волосы, отлично поработала над вечерним

макияжем и заморочилась над такими мелочами как серьги в виде висячих бледно-розовых роз и подвески в виде окольцованного дерева.

— Если честно, — скептически поморщила нос Сэм, — в таком «миленьком» прикиде скорее ходят на первое свидание, нежели в ночной клуб.

— Да, слишком по-домашнему уютненько, — поддержала Саманту я. — Так и хочется тебя потискать, а не закружить в страстном танце.

— Потискать меня хочется потому, что я до сих пор до конца не сбросила лишний послеродовой вес.

— Не носи чепухи! — упершись ладонями в бока, возмутилась Сэм. — Твой вес уже входит в норму с твоим ростом.

— И всё же у меня до сих пор есть животик.

— Животик — это нормально.

— До родов его у меня не было.

— До родов у тебя и груди-то толком не было, и молока, и ребенка... Мне составить перечень того, чего у тебя не было и что есть сейчас?

— Каким бы длинным этот перечень не был, животик, пусть даже и такой скромный как мой, будет на первом месте. Благо, это меньшее из всех зол, которые произошли со мной после родов... Ладно, Хелена уже подъехала, удачи.

— Удачи, — натянуто улыбнулась я. — Ты ведь не забыла — в час ночи ты будешь дома.

— Да-да, конечно.

— Она давно сняла обручальное кольцо? — поинтересовалась я у Саманты сразу после того, как Эмилия закрыла за собой дверь.

— В тот же день, когда узнала о предательстве недоумка.

Сэм ушла ровно в десять часов вечера, предварительно оказав мне помощь в кормлении малышки.

Нужно отдать Джессике должное — поначалу она вела себя превосходно и ни разу не заплакала. Уже около одиннадцати малышка успешно заснула, и я тоже решила прилечь на кровать. В итоге я проснулась от пронзительного детского плача лишь в начале второго. Джесс ревела напропалую, заставляя меня сломя голову носиться по дому с сосками, прежде чем я спросонья смогла, наконец, разобраться в том, какой именно смесью я должна на сей раз её напоить. Естественно на фоне сирены я забыла включить свет и естественно я ударилась мизинцем о комод с пеленальным столиком, что заставило меня корчиться у

кроватки ревущей племянницы. Наконец взяв ребенка на руки, я вставила в него затычку и посмотрела на часы — семнадцать минут второго. Эми должна была уже вернуться... Внезапно Джессика подавилась, и начала страшно закашливаться. Я перевела её в вертикальное положение и в итоге оказалась заплеванной смесью. Страшно прокашлявшись, малышка заревела с еще большей силой. Ни пустышка, ни песенка, ни покачивания не помогали, пока я снова не попыталась её покормить. На сей раз у меня это удалось. Для своих четырех с половиной месяцев Джесс выглядела и весила достаточно внушительно, чтобы заставить меня запыхаться (хотя всему виной был не вес племянницы, а его отсутствие у меня — нужно срочно начать входить в нормальную весовую категорию, если мне и дальше придется нянчиться с детьми). Сев на кровать вместе с трубкой телефона и смокчущим младенцем на руках, я набрала номер Эмилии. Впоследствии я проделала это трижды, но ответа не получила. Надеюсь, она просто поставила телефон на вибрацию и уже подходит к дому, а не забыла его на барном столике, до сих пор отплясывая сальсу на танцполе.

Лишь спустя пятнадцать минут после кормления, я уложила Джесс обратно в кроватку, все еще опасаясь, что она вздумает отрыгнуть (хотя Эми и предупреждала о том, что крошка больше этим не занимается). Подтянув мягкий пуфик к детской кроватке, я села на пол и, упершись локтем о пуфик, начала наблюдать за сопением малышки. Когда я снова набрала телефон сестры, настенные часы показывали ровно два часа ночи. Эмилия снова не поднимала трубку, что уже начинало меня беспокоить.

Не помню, как заснула, но проснулась я в пять часов утра, под занимающийся плач девочки, лежа головой на пуфике. У меня безумно затекло всё тело, особенно шея, и мне как никогда прежде захотелось воспользоваться берушами. Я снова покормила Джесс, снова покачала её и снова уложила в кроватку, на что у меня ушло сорок пять минут. Убедившись в том, что Джессика спит, я перешла из спальни в гостиную и, сев на диван, я снова и снова пыталась дозвониться до Эмилии, но она не отвечала. Откинув голову на спинку дивана, я начала дремать, когда через полчаса у входных дверей послышался шорох. Не поднимая головы, я повернула шею в сторону входа и следующие две минуты наблюдала за тем, как шатающаяся Эми стаскивает с себя туфли.

— Глория, как вы тут? — заплетающимся языком поинтересовалась моя старшая сестра.

— Полчаса назад я покормила Джесс и уложила её спать, так что советую не шуметь, если хочешь пару часов подремать.

— Ой, спасибо.

— Ты перебрала с алкоголем.

— И что? — начала оправдываться Эми. — Я больше не имею возможности кормить грудью, так что могу себе позволить один разочек...

— Только если один разочек, — уже одеваясь, выдохнула я. — До кровати дойдешь?

— Я ведь не совсем упившаяся в хлам. Естественно до-ой-иду.

— Ясно, — только и смогла выдавить я, мимолетно обняв сестру. — Ладно, я пошла. Поспи немного.

Естественно я не могла оставить Эми в таком состоянии наедине с Джессикой. Уже идя домой я позвонила Саманте и попросила её срочно проснуться, чтобы она с Дэвидом примчались на помощь, пообещав чуть позже прислать к ним маму.

Дома я оказалась в начале седьмого. Повалевшись на кровати пятнадцать минут, я с болью признала тот факт, что смысла засыпать нет, хотя и очень хочется, после чего отправилась в душ. Высушив волосы, я впервые за прошедший год начала перебирать свой гардероб — сплошное старье и дешевка. В итоге я выудила из шкафа темно-синие джинсы и хлопковую синюю футболку, которые были мне впрыток по размеру (спасибо за обновки во время путешествия Дэвиду), после чего натянула на себя белоснежную толстовку с цветочным принтом, которая сидела на мне словно на вешалке.

Спустившись вниз, я позволила маме заплести мне широкий рыбий хвост и, съев в компании двойняшек и папы порцию перловой каши, отправилась на остановку. На улице было холодно, тем более с отсутствием подкожного жира в моем организме, так что теплые вещи для меня оказались отличным выбором. В прошлом, когда я еще была счастлива, недосып почти не сказывался на моем организме, сейчас же мне хотелось просто упасть на тротуаре, скрутиться в комочек и сладко засопеть. На холм я взобралась на последнем дыхании, буквально умоляя свои ноги волочить моё жалкое тельце.

•
○ *

— Ужасно выглядишь, — откровенно сообщила я, застав Роланда в его кабинете за изучением какого-то документа. Для меня впервые его прическа была растрепана, рукава рубашки небрежно расстегнуты и под его серыми глазами красовались тени.

— Кто бы говорил, — оторвав взгляд от бумаг, отозвался Олдридж, начав тщательно изучать меня с ног до головы (в данный момент я походила на беленький помпончик, который раз двадцать уронили на землю, предварительно пнув к небесам).

— Эми задержалась в клубе, и мне пришлось сидеть с Джессикой до утра. А что с твоим состоянием? — поинтересовалась я, поставив сумку рядом с креслом, в которое пять секунд назад бухнулась.

— Она проснулась в два часа ночи с диким воплем. Ей приснилось, будто её медведя сожрал крокодил.

— Крокодил?

— Если слово «коколодил» можно считать крокодилом, тогда да — это был крокодил. Мне

пришлось битый час успокаивать её, глядя несчастного медведя по лапе и обещая защитить его в случае нападения экзотического животного, после чего она категорически отказалась спать одна, и всю оставшуюся ночь я боялся лишней раз пошевелиться, чтобы не придавить её своим телом... Мало того, она проснулась в семь утра и отказалась засыпать.

— Она протестовала?

— В том-то и дело, что нет. Я проснулся от того, что меня хлопали медведем по щеке. Таким образом она оповестила меня о том, что проснулась и что «телпеливо пододзед пока я тоза не захотю плоснуца». Кажется, я стал героем какого-то кошмара, в котором злой медведь не даёт мне нормально выспаться, — нахмурил брови Роланд.

— Чай из мяты с пустырником? — вяло улыбнулась я, наблюдая за тем, как он наливает мне чашку.

— Немного помогает.

— И где она сейчас? — продолжала устало улыбаться я.

— Погода плохая, так что после завтрака оставил её в гостиной смотреть какой-то бред в виде современных мультфильмов.

— Ты должен быть более ответственным и не позволять ей смотреть всякий бред. Я где-то слышала, что в этом возрасте дети подобны губкам — впитывают всё, что видят вокруг себя.

— Ну уж нет, уже твоя очередь...

— А вот и нет. До моей смены осталось еще ровно три минуты, — потягивая чай, вяло выдохнула я, мечтая о паре часов сна, которые в ближайшем будущем мне не светили. — Погоди, ты оставил её в гостиной совершенно одну? — наконец поняла я.

— Что тут такого?

— Двухлетний ребенок не может быть наедине с собой. Давно она там?

— С половины восьмого.

— То есть полтора часа?!

Через минуту мы стояли напротив гостиной и наблюдали за тем, как Софи, стоя коленями на пуфике, аккуратно раскладывает на стеклянном журнальном столе глянцевые журналы — от самого большого к самому маленькому.

— Поразительный ребенок, — заметила я, исподтишка смотря на незамечающую нас девочку.

— Она настолько тихая, что мне кажется, будто её тиранили.

— Ей определенно нужны игрушки. Нет, — оборвала я Роланда, успевшего набрать полную грудь воздуха, — только не говори, что выдашь мне на это денег. Сегодня я спала определенно меньше твоего. Да, знаю, ты мне за это платишь, но я, честное слово, не смогу сесть за руль в таком состоянии и тем более пойти в город пешком — я просто загнусь.

— Окей, — согласно выдохнул мой работодатель. — Займусь этим после обеда.

Я осталась наедине с Софи, которая, увидев меня, резко отпрянула от стола, словно испугавшись того, что я могу её наказать за её своевольность в виде перебирания никому ненужных журналов. Осмотрев девочку, у меня впервые за весь период знакомства с Роландом создалось впечатление, словно у этого парня руки растут не из того места — юбка на Софи висела накось, футболка не была заправлена, гольфы сползли... Если бы я не знала, что её одевал рукастый и мозговитый мужик, я бы подумала, что Софи одевалась сама.

Приведя свою подопечную в порядок, я принялась расчесывать её шикарные, густые локоны, усадив девочку на диван, перед этим включив нам старый-добрый диснеевский мультфильм, в который она погрузилась с головой. До обеда мы посмотрели два мультфильма в абсолютном молчании, отчего у меня создалось впечатление, словно Софи не то чтобы боится издать лишний звук — она попросту привыкла вести себя тише воды и ниже травы.

•
○ *

Сегодня на работу вышел повар и пара его подмастерьев, выписанные Роландом из Лондона, поэтому Софи могла наслаждаться идеально сбалансированным детским питанием.

— Пасиба, отень вкусно, — скромно пролепетала девочка, сидящая за столом между мной и Роландом, после чего отстранилась в свой мирок, начав играть с медведем. Мы же с Роландом обменялись ухмылкой, после чего продолжили обед. Откровенно говоря, мне было невыносимо сидеть на своем месте и видеть прямо перед собой пустующий стул Мартина, поэтому я поменялась с Софи местами: Роланд сидел на прежнем, центральном месте, Софи слева от него и я сбоку от девочки, и только... Только место справа от Роланда было пустым. Место, за которым сидел жизнерадостный, голубоглазый мальчик, строящий мне рожицы... Когда Роланда не было рядом, он кидался в меня комочками из салфеток... Мальчик, с нетерпением ждавший обеда, чтобы в очередной раз рассказать брату о моей тупости. Мальчик, который после приема пищи срывался с места, чтобы опередить меня и первым сесть в кресло-качалку. Это был мальчик, который перекроил всю карту моей серой жизни. Это был мальчик, который заставил меня задыхаться от отчаяния и захлебываться болью от его потери...

— Она начинает дремать, — шепотом произнес Роланд, аккуратно указав вилкой в сторону Софи, тем самым прервав мои горестные мысли о прошлом. Услышав его слова, Софи резко выпрямилась, словно ничего подобного она не планировала, после чего потеряла свои сонные глаза.

— Нужно устроить тихий час, да Софи? — улыбнулась я, погладив малышку по шелковой

головке, но она промолчала. «Слишком тихий ребенок», — настороженно пронеслось у меня в голове.

Мы с Софи отправились в комнату Роланда, а сам Роланд собрался посетить город, чтобы докупить необходимые вещи для девочки. Я сняла с Софи одежду, надела на нее легкую ночнушку в виде розового сарафана и еще минут пять искала по пакетам огромную книгу сказок, которую вчера приобрела, проходя мимо книжного прилавка. Такую декоративную книгу я бы ни за что не купила для Джесс, так как сиюсекундно бы разорилась, но так как Роланд разрешил не скупиться на покупки — я не скупилась. Огромная книга, украшенная камнями, резьбой и яркими картинками, была для меня всё равно, что дверью в иной мир. Если быть честной, скорее я купила её для собственного наслаждения, нежели для сугубого пользования Софи.

— Почитать тебе сказку? — сев рядом с кроватью и опершись спиной о прикроватную тумбочку из красного дерева, поинтересовалась я. Софи так сильно округлила свои голубые глазки, что я едва не рассмеялась в ответ на её реакцию.

— Ты потитаесь мне казку?

— Да.

— Ого, — удивилась девочка, даже не попытавшись улыбнуться. — Это настоящая книжка с казками?

— Да.

— Лозись лядом со мной, тебе зе там неудобно.

Я не задумываясь согласилась со своей подопечной и уже поднялась с пола, но вдруг замялась. Ложиться на кровать Роланда без его разрешения — было откровенно неловко. Но подумав о том, что он об этом не узнает (ни я, ни Софи не были болтушками), я всё же легла слева от девочки, перед этим для приличия сняв носки.

— Сказка о принцессе Рапунцель, — начала я, максимально повернув книгу к Софи, чтобы ей было удобно рассматривать картинки. Софи так сильно округлила глаза, рассматривая изображенную перед ней принцессу, что у меня сжалось сердце. — Софи, тебе когда-нибудь читали сказки?

— Да.

— Кто?

— Элик.

— Эрик?

— Да.

— Кто такой Эрик?

— Мой сталсый блатик. Ему целых девять лет, а мне только два. Он зыл со мной у бабушки, а потом бабушка улетела на небо и плиехала тётя. Она сказала, сто она наса мама и Элик узнал её, а я нет. Навелнае поэтому она его заблала, а меня нет.

— А бабушка тебе не читала сказок?

— Нет. Элик титал мне по-секлету.

— Почему по-секрету?

— Потому сто бабушка злилась, когда он титал мне казки.

— И часто она злилась?

— Нет, она холосая. Плосто Элика она любила, а меня нет. Это потому сто Элик холосый. Я тозе его любила, — тяжело вздохнула Софи, погладив волосы Рапунцель, явно давая понять, что хочет, чтобы я продолжила читать и я продолжила, с тяжелым сердцем обдумывая слова малышки. До конца сказки девочка ни разу не зевнула и я уже решила, будто спугнула её сон, однако как только я закрыла книгу, Софи, закрыв глаза, произнесла:

— Плинцесса была с белыми волосами, как у меня, да?

— Да, — зевнула я, поняв, что умудрилась саму себя укачать (бессонная ночь давала о себе знать).

— Ты не пелезывай. Плинцессы бывают и с такими волосами как у тебя. В следусей казке ты платитаес...

Девочка буквально вырубилась на ходу, потащив меня за собой в царство сна.

Глава 42. Кукла

Открыв глаза я увидела Роланда, стоящего в ногах у кровати с приложенным указательным пальцем к своим губам. Этим движением он давал установку Софи, чтобы та вела себя тихо, но я уже проснулась.

— Пффф... Кажется, я отключилась, — сонным голосом произнесла я. — Ты уже вернулся? Сколько время?

— Три часа.

Я прокашлялась, после чего села, поправляя растрепанные волосы, собранные в рыбий хвост. Кровать была достаточно высокой, поэтому мне пришлось помочь Софи спуститься с нее вниз. Под пристальным взглядом Олдриджа, я, перейдя на кресло, одела свою подопечную и начала её расчесывать, как вдруг Роланд присел на корточки напротив малышки, после чего

достал из бумажного пакета огромную фарфоровую куклу. Кукла была из разряда чего-то поистине сказочного — шелковое бальное платье, шляпа, сумочка, голубые глаза и изящные белокурые локоны. Она была словно копией самой Софи.

— Я дарю это тебе, — протянув куклу девочке, произнес Роланд, но Софи даже не шелохнулась, чтобы принять её. Тогда Роланд аккуратно вложил игрушку в руки девочки, и мы напряженно начали наблюдать за её реакцией. Софи буквально замерла, боясь даже моргнуть. Спустя минуту она, наконец, посмотрела на куклу в своих руках, затем на Роланда и потом только на меня. Неожиданно её губы задрожали и еще более неожиданно Софи начала плакать. Роланд напрягся, но, в отличие от меня, он не был шокирован её поведением, словно знал о ней больше, чем было известно мне. Я повернула девочку к себе и машинально начала гладить её по голове.

— Софи, что случилось? Расскажешь мне? Скажи по-секрету.

— Он подалил мне куклу, — прохлюпала она.

— Да.

— Она отень-отень класивая... Я её сломаю.

— Ты будешь играть с ней аккуратно.

— Да. Но она всё лавно мозет сломаться.

— Тогда мы починим её, — хмыкнул Роланд, переведя внимание девочки на себя.

— Ты сто, мой папа, да?

— Почему? — заметно напрягся Роланд.

— Только папы далят иглуски.

— Почему только папы?

— Так говолила моя бабуска. Она говолила, сто иглуски мне будет далить только папа, если найдется хотя бы кто-нибудь, кто захотет быть моим папой.

— Я твой, — положив руку на плечо девочки и тяжело вздохнув, начал Роланд, но осекся. — Братик.

— У меня узе есть блатик. Его зовут Элик. Лутсе быть моим папой.

— Софи, ты не хочешь поиграть с новой куклой? — решила разрядить обстановку я.

— Угу, — хлюпнула носом девочка. — Я подлузу своего медвезонка с ней.

Девочка пошла за медвежонком, а я отправилась за Роландом, уже вышедшим из комнаты.

— Подожди. Почему ты не сказал, что ты её отец?

— Потому что я в этом не уверен.

— Да, ты прав, — резко остыла я. — Будет несправедливо сначала объявить себя её отцом, а потом отдать её в интернат... Судя по её рассказам, бабушка у нее была еще той «миссис Завота».

— Я навел справки. Её бабушка была настоящей фурией и, судя по всему, накануне своей смерти попала в поле зрения правоохранительных органов на фоне избиения своей внучки, у которой были гематомы по всему телу. И это с учетом того, что эта женщина перед выходом на пенсию успела выстроить успешную карьеру политолога.

— Какой ужас, — тяжело выдохнула я. — Вот почему Софи ведет себя так тихо. Когда будут результаты ДНК-теста?

— Только в конце следующей недели.

— Прости, я заснула у тебя на кровати, — сконфуженно произнесла я.

— Да хоть в моей пижаме, — с сарказмом ухмыльнулся в ответ он, но его улыбка вдруг оборвалась. — Кстати, насчет этого... Так не может больше продолжаться. Софи придется жить в особняке полторы недели минимум и, будем честны, моя спальня не предназначена для ребенка. Тем более для девочки...

— Эй, что за деление по гендерному плану? — попыталась улыбнуться я, стараясь примять слишком серьезный тон собеседника.

— Комнаты для гостей тоже не подходят — они до сих пор находятся в заброшенном состоянии и даже если их разгрести, всё равно они не будут годны для маленькой девочки, — хмуро продолжал он, отчего мне почему-то становилось не по себе. — В общем, я хочу прибраться в домике Мартина, — наконец поднял на меня испытующий взгляд Роланд.

— Оу... Гхм... Что ж... Это... Это неплохая идея.

— Завтра здесь будет штат служащих, которые займутся этим делом. Не хочу укладывать его вещи по коробкам...

— М-м-мда... Правильно.

— Ты ведь сможешь работать... Там.

— Если ты... Сможешь там быть, тогда почему я не смогу? Тем более всего полторы недели, так?..

— Так, — уверенно кивнул головой Роланд. — Ладно, я ушел в кабинет — постарайтесь меня не беспокоить, окей? Вот, держи, — произнес он, словно сбросив со своих плеч тяжелый груз, после чего протянул мне бумажный пакет, из которого недавно вытащил куклу. — Здесь фломастеры и раскраски для детей дошкольного возраста, отдай ей их сама, хорошо? Не хочу больше и секунды наблюдать женского рёва.

— Не терпишь женских слез?

— Терплю, но только по предварительной записи.

Глава 43. Расфасовка боли по коробкам

На следующий день я увидела скопление народа на заднем дворе особняка и припаркованные фургоны у домика Мартина. При виде картонных коробок по моей коже пробежали мурашки, и я нервно сглотнула, зажмурив глаза и быстро пробежав в поместье, чтобы не думать о происходящем. «Мы все должны двигаться дальше», — пролетала бегущая строка у меня в голове. — «Прошло больше года. Год и... Нет, лучше не называть точное количество дней. Нужно наконец перестать их считать».

— Глория? — появился передо мной Роланд, когда я снимала с себя обувь. — С тобой всё в порядке?

— На себя посмотри, — буркнула в ответ я. Он был бледен, как простыня.

— Думаю, вам с Софи стоит сегодня провести время на улице. Я переберу бумаги у себя в кабинете...

— Нет-нет-нет, — запротестовала я. — Сам сказал, сам и делай.

— Что я сказал?

— Вместе, так вместе.

Мы напряженно переглянулись, и Роланд уперся руками в бока, как обычно делала я во время переполняющих меня эмоций. Он действительно выглядел подавленным.

— Ладно, проведем сегодня день на заднем палисаднике, — сдался он.

— Хорошая идея, — сразу же одобрила я, подумав о том, что оттуда не виден домик Мартина, однако тут же сжалась, случайно вспомнив, как в самом начале моего знакомства с Мартином я разбила свой телефон именно на заднем палисаднике, растянувшись на камне, предназначенном для новой клумбы. Однако я взяла себя в руки, после чего на одном выдохе отправилась в сторону заднего двора — в конце концов, в этом доме каждая комната, вещь и растение напоминали мне о недавнем присутствии здесь Мартина, так что мне просто необходимо было научиться справляться с этим. Как же Роланд умудрялся здесь жить, я вообще не представляла. Я бы на его месте точно свихнулась бы от горя.

Обедали и ужинали мы на крытой террасе, остальное время я с Софи играли у очищенного пруда с черепахами, пока Роланд зависал в своем ноутбуке по рабочим делам. Дважды за день он отлучался, чтобы проверить, как идут дела в домике Мартина, и оба раза возвращался с невозмутимым выражением лица, после чего монотонным голосом сообщал мне о том, что уже к вечеру всё будет закончено.

В восемь часов Джонатан сообщил нам, что ремонтные работы закончены и попросил мистера Олдриджа произвести расчет с рабочими. Роланд предложил мне пойти с ним, но я предпочла остаться на террасе, чтобы наблюдать за тем, как Софи аккуратно раскрашивает розовым фломастером лепестки огромной ромашки. Однако спустя пять минут после того, как Роланд удалился делать расчет, я повторно прокрутила слова Джонатана в голове. «Он сказал „ремонтные работы“? Разве Роланд не хотел просто вынести вещи? Хотя, не логично, ведь работники были в доме целый день...». В итоге я взяла Софи за руку и неохотно поплелась с ней в сторону дома Мартина, ступая по начищенному паркету ватными, от необоснованного страха, ногами.

Оказавшись в закрытом дворике, который соединял главный дом с детским, я судорожно сглотнула от нахлынувших воспоминаний. Мартин обожал скользить от дома к дому по отполированным деревянным доскам. Однажды даже губу разбил о дверной косяк, после чего мне пришлось обрабатывать её зеленкой. Он потом еще неделю ворчал по поводу того, что это можно было бы сделать и перекисью водорода, и тогда бы ему не пришлось ходить последующую неделю с зеленой губой... Похолодев от боли, я всё-таки дошла до входа в дом, прошла через темный коридор и открыла дверь. Роланд стоял посреди гостиной, упершись руками в бока, и рабочих уже не было — по-видимому, ушли через черный ход на кухню. Обернувшись, он сжато поинтересовался:

— Ну как?

С болью в области сердца я вдруг почувствовала, что ему было в десять раз хреновее, нежели мне. Я должна была его поддержать — это единственное, что я сейчас понимала. Именно это знание и заставило меня на несколько мгновений забыть о собственной боли.

— Весьма неплохо, — закивала головой я, тем самым показывая, что одобряю проделанную работу. Виниловые обои были переклеены из бледно-синих в бежево-темно-синие полосы с цветочным принтом. Больше в этой комнате ничего не изменилось — даже железная дорога, которую мы собирали... Втроем. Стояла за тем же диваном. Здесь была та же мебель, включая кресло-качалку, тот же камин, та же люстра и всё-таки одни только обои изменили комнату до неузнаваемости. С трещащим по швам сердцем я направилась в сторону спальни Мартина, делая вид, словно мне дается это с легкостью. Ни единого намека на предыдущего хозяина: детские винтажные обои; шкаф, комод, стол, стул, пуфик, софа, тумбочки и кровать из белого дерева с позолоченной резьбой; широкая детская кровать с хлопковым розовым бельем, молочным покрывалом из искусственного меха и роскошным белоснежным балдахинном. Под пристальным взглядом Роланда, я нарочито внимательно рассматривала всё, что попадалось мне на глаза, открывая буквально каждую полочку и ощупывая каждую ниточку, после чего я, наконец, обернулась к внимательно наблюдающему за мной Олдриджу и одобрительно произнесла:

— Отличная работа.

В ответ Роланд лишь повел плечами, словно мои слова позволили ему сбросить со своих плеч невидимый груз. В эту минуту моя непринужденность явно помогала ему справляться с мыслью о том, что он только что убрал из этого домика последние признаки существования Мартина.

— Софи, Роланд сделал этот домик для тебя, — обратилась я к стоящей возле кровати малышки, которая во все глаза рассматривала балдахин, нависающий над кроватью. — Тебе нравится?

Софи медленно повернулась к Роланду и, подойдя к нему вплотную, неожиданно обняла его. Со стороны это выглядело смешно, так как обнимала она его в силу возможностей своего роста — за колени.

— Спасибо, Лоланд.

— Не за что, — сдавленно улыбнулся Роланд. — Скажи мне — когда ты научишься выговаривать букву «р»?

— Не наю.

— Может быть, попросить её, чтобы она звала меня Тимом? — ухмыльнулся Роланд, переведя взгляд на меня. — По крайней мере в этом имени нет твердых звуков.

— Мне больше нравится Лоланд. Так классивее.

— Ну Лоланд, так Лоланд, — сдался Роланд. — Только не при деловых партнерах. И вообще пусть это будет нашей тайной, о которой кроме нас троих никто не будет знать.

— Есе нает медвезонок.

— И медвезонок, — тяжело выдохнул взрослый мужчина, после чего обратился ко мне. — Переселишь её сегодня из моей спальни?

— Без проблем.

•
○ *

— Мы ведь всё правильно сделали? — поинтересовался Роланд уже в гостиной, когда Софи отправилась рассматривать камин.

— Мы должны двигаться дальше, — нахмурила лоб я. — Это не значит, что мы его забудем. Мы не можем вынести Мартина из нашего подсознания, как вещи из его комнаты. Да — мы определенно никогда его не забудем.

— Никогда, — сдвинув брови и посмотрев куда-то вдаль, тихо выдавил Роланд.

— Он наверняка был бы счастлив узнать, что теперь в его комнате живет его тётя, о которой он даже не подозревал, — хотела продолжить ободряющую речь я, но голос задрожал и я замолчала.

— Да, — неоднозначно согласился со мной Роланд, явно не видя себя в роли папы, тем более папы Софи. — Давай помогу перенести её вещи.

— Это всё круто, но...

— Но?

— Ты ведь не признаёшь своё отцовство, верно? А если тест ДНК будет положительным?

— Тогда Софи останется со мной.

— Да, но если она не окажется твоей дочерью, тогда ты отдашь её в интернат. В таком случае зачем обставлять ей комнату?

— Поживем — увидим.

После его ответа я поняла, что обставить комнату Мартина новой мебелью — отличный предлог, чтобы, наконец, укомплектовать его вещи... Спустя год боли. Лучший предлог, который мог бы служить уважительной причиной для расфасовки боли по коробкам, едва ли можно было придумать.

Глава 44. Когда-нибудь нам станет легче

Домик Мартина всегда был для нас с Роландом нейтральной территорией. Если рисовать карту наших взаимоотношений, можно сказать, что именно этот домик соединял два разных мира — мой и Олдриджа. Мартин же был для этих миров связующим звеном, которого больше нет, как и увядшего палисадника за его домиком, над которым я с таким усердием работала прошлой весной.

Прошло ровно две недели с момента моего согласия помогать Роланду с Софи, но Олдридж всё ещё молчал о результатах теста на отцовство. Я же зачастую стала начинать свой рабочий день пораньше, так как неспособность Роланда понимать потребности Софи могла поразить даже спаниеля, который с большей ответственностью отнесся бы, например, к одеванию девочки (каждое утро малышка бегала по дому в косо надетом платье, которое я ей заранее готовила с вечера).

Сначала я думала, что если бы результаты пришли — Роланд сразу бы сказал мне об этом, но к пятнице моя уверенность начала таять, так как к этому времени результаты уже три дня как должны были быть. В итоге я решила поговорить об этом со своим нанимателем и для этого направилась к нему в кабинет. По дороге я наткнулась на Джонатана, поливающего декоративный розовый куст в глиняном горшке.

— Какая прелесть, — заметила я, улыбнувшись, подойдя к швейцару впритык.

— По-видимому, мистер Роланд с энтузиазмом воспринял Вашу идею озеленить поместье изнутри.

— Оу, Джонатан, мы ведь знаем, что это Ваша идея.

— Да, но мистер Олдридж не реагировал на это предложение, пока его не озвучили Вы. С Вашим приходом поместье словно ожило, как и его хозяин.

— Что Вы имеете в виду?

— Весь прошедший год я провел в этом доме, присматривая за пустотой комнат. Мистер Роланд приезжал пару раз, но всякий раз он был мрачнее тучи. Всего за год особняк с его прекрасными палисадниками пришел в запустение, больно было смотреть... Когда же мистер Роланд вернулся три недели назад, он выказал желание привести в порядок только основные комнаты. С Вашим же приходом он вычистил всё поместье, снова нанял штат, и бедняга Якоб снова получил возможность зарабатывать любимым делом. Не поверите, но я впервые после смерти Мартина увидел, как Роланд улыбается. Это произошло тогда, когда Вы привели сюда Софи и, заявили, будто она его дочь.

— Считаете, что это не так? — внимательно слушая Джонатана и кусая нижнюю губу, поинтересовалась его мнением я.

— Более чем уверен, мисс.

— Почему же?

— Для того чтобы убедиться в том, что девочка не является дочкой мистера Олдриджа, достаточно посмотреть портреты десяти поколений Олдриджей, которые размещены в библиотеке на втором этаже.

— И что же в них такого?

— Все потомки Олдриджей чистые брюнеты, мисс.

— А вдруг девочка похожа на свою мать?

— Позвольте отметить, что мать Альберта Олдриджа и мать мистера Роланда также были блондинками, однако их сыновья чистые брюнеты. Логично предположить, что дочь мистера Олдриджа не может носить столь белокурые локоны.

В ответ Джонатану я лишь пожала плечами и, сдвинув брови, продолжила свой путь в сторону кабинета Роланда. Если честно, за прошедшие две недели я так сильно привязалась к нежной, тихой, замкнутой, осторожной и чуткой Софи, что теперь мне откровенно хотелось, чтобы она оказалась биологической дочерью Роланда — тогда бы ее не ждал ужас в виде интерната. За прошедшее время она еще ни разу не пожаловалась хотя бы на

малейшее неудобство и даже не заплакала, когда разбила локоть, упав на дорожке в палисаднике. Казалось, будто эта девочка переживала и худшие неприятности в своей только начинающейся жизни. Через месяц ей должно было исполниться три года и мне совсем не хотелось, чтобы она встречала свой день рождения в стенах какого-нибудь приюта.

После трехкратного стука я зашла в кабинет, но, к моему удивлению, не смотря на то, что дверь была открыта, Роланда в кабинете не оказалось. Упершись ладонями в бока, я подошла к окну, чтобы посмотреть на белобровика [17], который врезался в окно и сейчас сидел на его выступе, глупо глядя в кабинет. Увидев меня, птица тут же упорхнула и я уже хотела уходить, когда мой взгляд остановился на конверте из Центра Генетической Диагностики с красно-синим гербом. Конверт был вскрыт канцелярским ножом в виде Жала Бильбо Бэггинса, который лежал на документе, торчащем из конверта. Секунду я колебалась, но любопытство взяло надо мной верх, в конце концов, Софи — это наша общая забота, ведь так? Я аккуратно вытащила из конверта торчащий документ и прочла слова, выведенные на нем черным по белому: «Родство между Роландом Брайаном Олдриджем и Софи Лесли Темплтон не установлено». Вложив документ обратно в конверт, я обратила внимание на то, что на его тыльной стороне была пометка, которая гласила, что результаты теста были вручены Роланду под роспись три дня назад. Я задумалась.

Переведя взгляд с конверта на правую часть стола, я вдруг замерла — там стояло селфи в фоторамке, которые я подарила Олдриджу на Рождество. На ней я, Мартин и Роланд весело улыбаемся, глядя в объектив мобильного телефона. Это селфи было сделано Роландом за полгода до смерти Мартина, сразу после того, как я обожгла палец, заваривая мелкому Олдриджу кофе. Больно... Смотреть... «...Держи, Роланд, фотографию с изображением меня, себя и Мартина, в самой дорогой рамке, которую я только смогла откопать в этом городишке, и самой дешевой в твоей коллекции серебряно-бронзово-золотых рамок!..» — Так думала я, даря этот подарок.

Идя назад к домику Мартина, я отходила от подступившей к горлу боли, размышляя о том, почему Роланд до сих пор не рассказал мне о результатах теста. Может быть, он открыл конверт только сегодня, боясь увидеть в нем результат, подтверждающий его отцовство? Нет, он точно был не из трусов, которые важные вещи прячут в шуфлядке стола, чтобы оттянуть момент открытия истины, как это делала я. Он наверняка вскрыл его сразу. Тогда в чем причина?

— Глория, я как раз тебя искал, — идя со стороны домика Мартина, заявил Роланд. — Софи еще спит, так что можем поговорить.

Для меня было очевидно, что он хотел рассказать мне о результатах теста. Я была в этом уверена, поэтому, зайдя в кабинет, я вытянулась в струнку, в ожидании оглашения им приговора Софи. Какой бы выбор он не сделал, я не могла его судить. Только не я. В конце концов, почему он должен воспитывать чужого ребенка? Интернат...

Сев в свое кресло, Роланд совершенно неожиданно для меня выдвинул верхнюю полку в столе и убрал в нее конверт, вместе с канцелярским ножом и еще парой бумаг. От удивления я захлопала округленными глазами: «Разве он не хочет показать мне результаты ДНК?!».

— Не присядешь? — поинтересовался Олдридж, встретившись со мной совершенно спокойным взглядом. Каждое мое утро начиналось с того, что я заходила к нему в кабинет, садилась в кресло слева от входа и интересовалась, что именно пропустила за прошедшие одиннадцать часов, параллельно выслушивая и рассказывая новости, не связанные с моей работой.

Я развернулась и, сделав два шага назад, опустилась на кресло.

— О чем ты хотел со мной поговорить? — напряженно поинтересовалась я.

— По поводу выходных.

— Что с ними?

— У тебя их нет. Тебя это устраивает?

— Ты платишь мне двадцать фунтов в час и здесь я полезнее, чем дома на диване. Тем более я работала всего одни выходные...

— То есть ты согласна работать и на этих выходных?

— Вполне. Это ведь не продлится долго, правда? Результаты ведь должны скоро прийти...

— Думаю, что они уже скоро придут.

«Он что, только что соврал?! Он решил утаить от меня результаты... Но почему? Еще не выбрал интернат или хочет оставить Софи у себя? Нет, он определенно не умеет и не знает как вести себя с девочкой. Скорее всего он даже чувствует дискомфорт в её присутствии», — застыла я от внезапно разбушевавшегося потока мыслей в моей голове.

— Глория?

— Да.

— Я только что спросил, почему Софи не играет с железной дорогой, которую мы построили для... Гхм... Мартина.

— Она обходит её стороной, потому что боится разрушить.

— Значит ей нужно объяснить, что игрушки для того и существуют, чтобы их ломать.

— Это хорошо объяснил бы Мартин, — криво улыбнулась я и вдруг почувствовала, как зияющая дыра внутри меня снова запульсировала.

— Мда... По поводу игрушек — кроме медведя, куклы и фломастеров у нее ничего нет. Держи карточку, сходи завтра в «Детский мир» и купи что-нибудь подходящее для её возраста, только не мелкое — мне хватило лего Мартина, которое впивалось в ступни.

— Не ты один страдал от этого лего, — скомкано улыбнулась я. — Раз уж мы целых три раза произнесли вслух имя Мартина... Гхм... Эммм... Когда я возвращалась из Австралии, я случайно встретила в аэропорту Дохи с Хьюго Бьянчи — доктором, который проводил осмотр Мартина в Швейцарии. Он передавал тебе привет и... Соболезнования.

— Ясно, — только и смог в ответ кивнуть головой Роланд, передав мне кредитную карточку, когда я подошла к его столу. Смотря на платиновую карту в своих руках, я всё еще ждала, что он сейчас расскажет мне о результатах теста, но он продолжал упорно молчать. Наше обоюдное молчание немного затянулось, как вдруг Роланд, встретившись со мной взглядом, задал вопрос, заставивший меня замереть. — Ты открыла мой подарок, который я отдал тебе три недели назад? Просто хочу узнать — ты не используешь его потому, что всё еще не открыла его, или осознанно игнорируешь?

— Я еще не открывала.

— Почему?

— Я пообещала Мартину, что открою его подарок в честь моей годовщины пребывания в должности его няни только после того, как ты подаришь мне свой. Кажется, я еще не готова узнать, что именно он мне подарил.

— Тебе стоит съездить к нему на могилу. Станет легче.

— Тебе легче?

— Нет.

— Тогда почему должно стать легче мне?

— Если что-то не помогает мне, это не значит, что это не поможет тебе.

— Когда-нибудь нам определенно станет легче.

— Да, но даже притупившаяся боль остается болью. Просто нужно научиться с ней жить.

Глава 45. Роланд Олдридж. Соломинка

— Боюсь, Ваша семья на меня влияет, но пока я не разобралась как именно: положительно или отрицательно.

— Надеюсь, что Вы успеете понять это прежде, чем мы облажаемся с Мартином.

— Мы не облажаемся.

— Мы не облажаемся.

Смерть констатировали спустя две минуты после приезда в больницу. Позже я узнал, что он

умер на руках у Глории, и я привез его в поликлинику уже мертвым. То есть всю дорогу до скорой помощи мы с Глорией разговаривали с его трупом.

Когда бестактная докторша сообщила о его смерти вопросом о кремации тела, у Глории случился нервный срыв, и её пришлось утихомирить при помощи вкалывания галоперидола[18]. Кажется, с дозой немного переборщили — сразу после её введения Глория стала похожа на овощ. Заторможенная реакция совершенно не позволяла ей не только не осознавать, что именно происходит — девушка даже выйти из больницы самостоятельно не смогла, из-за того, что её ноги безжалостно заплетались между собой. Уложив Глорию на заднее сиденье, где совсем недавно лежал Мартин, я отвез её домой, жалея о том дне, когда позволил ей впутаться в эту историю. По дороге она понемногу начинала приходить в себя, нервно икая и всхлипывая, когда я передал её мистру Дереку, который отвел её в спальню. Сидя на кухне с мистером и миссис Пейдж, я нервно пил чай, пытаясь держать себя в руках. Я еще не сказал им о том, что именно произошло, но судя по их лицам, они уже обо всем догадались.

— Присмотрите за ней? — поджав губы, через силу спросил я.

— Конечно, мы ведь её родители, — тяжело выдохнула миссис Пейдж, на глаза которой накатились слёзы. — А кто присмотрит за Вами?

Я прокашлялся, прочистив горло от колкого комка боли, посмотрел на срывающихся на слезы мистера и миссис Пейдж и, встав с места, бессвязно произнес:

— Мне еще... Нужно решить много... Много вопросов. До встречи.

Уже на выходе я пожал руку мистера Дерек, на что он ответил мощным похлопыванием моего правого плеча. По приезду в поместье я заперся в своем кабинете, влил в себя двойной виски и на протяжении оставшихся суток изо всех сил сдерживал желание напиться в стельку.

Похороны прошли спустя двое суток. Тело Мартина было погребено на родовом месте семейства Олдриджей, на кладбище Кинсел-Грин. Никакого пафоса и народа. Только мистер и миссис Белл, Ава, я, священник и пара копателей. Глория не смогла прийти из-за своего состояния, и отчасти я был рад тому, что она не присутствовала при этом ужасе. После того, как процесс был завершен, и все разошлись, я отправился в пустующий в этот день костел, который находился в пятистах метрах от выхода с кладбища. Спустя десять минут рядом со мной присела Ава.

— Эта девочка... Глория. Я видела её на дне рождения у Мартина. Почему она не пришла?

— Ей больно.

— Думаешь, ей больнее, чем тебе?

Я промолчал.

— Роланд, смерть — это тяжелое испытание. Оно способно разрушить всё, даже будущее. Я видела, как ты смотрел на эту девушку. Если она твоё будущее, ты ведь не хочешь видеть его разрушенным?

— Ты должна была сказать мне об этом раньше. Тогда бы я не втянул её в эту историю.

— Нет, я должна была произнести это для тебя именно сейчас, хотя я и хотела сказать эти слова раньше, но не тебе. Не смотри на меня так, мистер Роланд Олдридж. Да, я хотела сказать эти слова этой девочке, но она оказалась куда мудрее, чем я предполагала. Я спросила её, хочет ли она получить от меня совет, но в ответ она поинтересовалась, что именно изменится, если она его не получит. Не кривя душой, я ответила, что определенным образом всё, ведь она никогда не узнает, что именно я ей хочу сказать. Она предпочла не узнать моих слов.

— Почему?

— Она сказала: «Я знаю достаточно из того, что мне нужно знать и не знаю определенно ничего из того, чего мне знать не нужно. Не будем же нарушать эту тонкую грань золотой середины». После этих слов я призналась ей, что рада, что хотя бы у одной мозг оказался бóльшим размером, нежели у Гектора.

— Что значит «у одной»?

— Она тоже не поняла, но, в отличие от тебя, решила не уточнять, — тяжело вздохнула Ава.
— У одной из всех, на кого ты обращал внимание. Ты ведь знаешь, что мой муж был не только младше меня на двадцать лет, но и беден, как церковная мышь, особенно на фоне наследства, оставленного мне отцом. Я ежемесячно получала выплаты по дивидендам размером в сто тысяч долларов, в то время как он был обычным астрономом. Но как мы любили друг друга! В свои пятьдесят я впервые вышла замуж... Знаешь, в таких союзах, особенно с огромной разницей в возрасте, общество судачит о том, что брак заключен по расчету. На протяжении двенадцати лет все только и делали, что обсуждали желание Джошуа наложить руку на богатства старушки-жены, а он и копейки у меня не взял, обходясь своей мизерной зарплатой астронома. Не смотря на все сплетни, мы были счастливы, и знаешь почему? Потому что мы научились ставить своё счастье выше общественного мнения. Когда четыре года назад Джошуа умер, мой мир рухнул. Согласись, сорок один год — слишком маленький срок для здорового мужчины. Он мог бы прожить еще сорок лет, если бы не злосчастное дерево, обрушившееся на его автомобиль во время шпорма. Хотя, что это я... Заставляю тебя понять, как коротка жизнь сроком в сорок один год, когда ты хоронишь брата возрастом в десять лет. Прости присущий мне идиотизм.

— Сорок один год — это и вправду не много.

— Я едва не сошла с ума, — прижав к себе черный клатч, зажмурилась Ава и я внимательно посмотрел на нее. Для своих лет она выглядела откровенно хорошо. Возможно причиной тому была её короткая стрижка, которой она обзавелась после смерти мужа. Я знал Джошуа и присутствовал на его похоронах... Ава сидела справа от меня в траурной черной шляпе, и

её голос эхом разносился по пустующему костелу. — Но я нашла ту соломинку, которая меня спасла.

— И что же это? — сдвинул брови я.

— Не что, а кто. У Джошуа была дочь от первого брака. На момент его смерти ей исполнилось двадцать лет. Её мать умерла от передозировки наркотиком, когда девочке было всего три года. В своё время я отлично поладила с этой девочкой, да у меня и выбора не было — своих детей у меня нет, а девочка оказалась душкой. Это она откачала меня, когда я сразу после похорон напилась таблеток, желая свести счеты с жизнью. После я пообещала ей больше так не поступать, но с тех пор не расстаюсь с мундштуком, надеюсь, что никотин придушит меня раньше, чем я стану старой развалюхой. Девочка считает меня своей настоящей мамой, и мы живем с ней душа в душу — даже купили коттедж в провинции Парижа, чтобы иметь возможность проводить вдали от Лондонской суеты пару месяцев в году. Так к чему я всё это?

— К тому, что я должен найти себе соломинку? — постарался улыбнуться я, но у меня это вышло слишком криво.

— Ты не из тех мужчин, которые ищут соломинку, чтобы не захлебнуться в горе. Ты из тех мужчин, которые этой соломинкой становятся, чтобы спасая утопающего, спастись самому.

Глава 46. Роланд Олдридж. Даже притупившаяся боль остается болью

Первое время после перенесенного горя пытаешься заключить контракт с невидимыми силами, предлагая свою жизнь вместо жизни ушедшего человека, но уже через месяц понимаешь, что по ту сторону вселенной не так глупы, чтобы менять драгоценную детскую жизнь на посредственную взрослую.

Возвращаться в поместье после похорон было выше моих душевных сил, и я остался в своей Лондонской квартире. Следующие несколько дней я не выходил из запоя, глуша боль крепким бренди (выбора не было — в винном сейфе завалялось только три бутылки бренди). Наконец проспавшись, я перечитал с полсотни сообщений на тему соблезнований и в итоге решил связаться по видеозвонку с Риком, который буквально разрывался от того, что не мог перелететь через океан, чтобы поддержать меня (у его жены развился острый отит и, исходя из его сообщений, она сейчас даже жевать толком не могла). Я позвонил ему в три часа дня, совершенно не подумав о том, что у него сейчас глубокая полночь. Естественно он убеждал меня в том, что я его не разбудил, но было видно, что он еще не до конца разомкнул глаза. Наш разговор продлился около десяти минут. Я знал, что Рик меня понимает, ведь он сам потерял брата, вот только от этого никому из нас не было легче. На протяжении следующего года мы поддерживали связь, переписываясь в онлайн-режиме минимум один раз в месяц.

Как только я окончательно протрезвел, я вернулся в провинциальный городок, в надежде на то, что Глория успела к этому времени отойти от первичного шока. Её родители напоили меня чаем, а двойняшки попытались впихнуть в меня подозрительной консистенции кашу, которую не могли стрескать сами. Оказалось, что семья Глории решила пулынуть её на

континент, посчитав, что там она сможет быстрее прийти в себя. Неожиданно, во второй раз в своей жизни, я почувствовал себя брошенным, вот только на сей раз я сам был виноват в своей потере... Я не успел стать «соломинкой» и теперь не представлял, что мне делать дальше.

— Что делать, чтобы не утонуть? — набрав номер Авы, поинтересовался я, выйдя из дома Глории.

— Грести.

И я греб. Я греб днем и ночью с такой силой, и с таким остервенением, что уже спустя восемь месяцев подписал контракт, который умножил моё состояние вдвое, но моя боль не собиралась меня покидать. Она была со мной, как и луна, часть которой я подарил той, которую разрушил. Я смотрел на ночное светило каждую ночь и каждую ночь думал о том, гребет ли Глория или она утопает? Я тоже сбежал из Британии — три месяца в Китае, три в Испании и полгода в Дубае. Работа — тренажерный зал — работа. Миллионы и миллионы долларов, и ни пенни в копилке счастья. Никогда в жизни я не был настолько опустошен, чтобы начать путаться в датах. Я попросил Джонатана сообщить мне о возвращении Глории (на соседней улице с ней жил его племянник), но проходили месяцы, а она не возвращалась. Тогда я решил принять приглашение Рика. Тэмми была сестрой Глории, и я надеялся на то, что она сможет рассказать мне что-то о той, которая меня беспокоит. Я узнал, что Глория путешествует по Европе под чутким руководством Саманты, но уже около месяца не выходила на связь с родными. Такое уже случалось, когда она оказалась без электричества на пляже в Дании. Родственники Глории заранее были предупреждены о возможных перерывах в общении, поэтому никто из них не переживал. Я же боялся, что она утонула в пучине отчаяния, в которой я сам пытался барахтаться в одиночку.

На момент, когда я узнал от Доротей о возвращении Глории в город, после чего Джонатан подтвердил эту информацию, я уже думал, что собственноручно утопил эту девушку в горе. Спустя двенадцать часов я летел в Лондон эконом-классом, а еще через двенадцать часов наблюдал за тем, как неизвестный парень провожает Глорию к бару. Я наверняка увидел, как она ему улыбнулась и как позже отстранилась. В этот момент у меня перед глазами неожиданно всплыла Кэрол. Сначала я просто не обращал на блондинку внимания, а затем позволял ей к себе липнуть лишь потому, что хотел вызвать ревность у Глории. До этого момента я даже не представлял, какую боль может причинить ревность. Ощущение, будто твое сердце выковыривают из твоей груди голыми руками, после чего всаживают в него с десяток игл. Дождаясь пока парень уйдет, я нервно сжимал руль автомобиля. «Они не поцеловались (если бы поцеловались, у меня случился бы инфаркт), значит они просто друзья? Кому как не мне знать о том, что дружбы между мужчиной и женщиной не существует!».

Я зашел в бар вслед за Глорией и, сев за дальний столик, начал наблюдать за своей целью. Еще на парковке я заметил явные изменения в её внешности. Слишком сильно похудев, Глория буквально раскачивалась из-за малейшего сквозняка, при этом умудряясь оставаться самой красивой девушкой, которую мне когда-либо приходилось встречать.

Не прошло и десяти минут, как внимание Глории что-то привлекло. Я посмотрел в направлении, которое она сверлила взглядом — в двух столах от меня сидела пара, и я готов был поставить тысячу фунтов на то, что мужчина был мне знаком. Лишь спустя несколько секунд я, наконец, понял, что это Эмметт. За прошедший год он поднабрал в весе и изменил причёску, так что было неудивительно, что я не узнал его с первого раза. Сначала я решил, что сидящая ко мне спиной вульгарная девица в леопардовом платье — это Эми, но вспомнив о том, что она должна была недавно родить и сейчас выглядеть слегка иначе, я понял суть взгляда Глории, метаящего острые молнии. Зная Глорию, я предполагал, что она подойдет к Эмметту и потребует объяснений — за время работы с Мартином она ни разу не сорвалась, продемонстрировав своё умение выходить из конфликтной ситуации посредством диалога. Когда же она вылила на Эмметта пинту пива, я подавился своим. То же Глория проделала и с женщиной легкого поведения, сопровождающей её зятя, после чего она схватила Эммета за галстук и потащила к выходу. Я совершенно не ожидал подобного поворота событий. Увидев же, как Глория впечатляюще пользуется своим хуком справа, я понял, что определенно женюсь на ней. А если серьезно — я понял, что ей было точно не легче, чем мне. Подойдя ближе, я смог рассмотреть её физическое состояние подробнее — худая, бледная, в мешковатых штанах она выглядела испуганным подростком, которого неожиданно выбросили во взрослую жизнь и сказали: «Гребни», — даже не выдав ей вёсла. Из диалога конфликтующих сторон стало понятно, что Эмметт последний козел на фоне измены жене, которая сидит дома с их дочкой. Но монолог этого подонка заставил меня буквально затрещать изнутри: «...Для начала разобралась бы со своей жизнью! Ты год потратила на оплакивание какого-то мальчишки, в то время как подобной скорбью не наделила ни своего брата, ни даже бабушку! А ведь они тебе родные, кровь от крови твоей, а ты хнычешь по Мартину, который, по сути, был всего лишь твоей работой! Тебе за него круто платили, вот слезы и льешь. Забросила университет, подорвала здоровье, работаешь в вонючем баре. Думаешь, ты загибаешься от боли? Ты загибаешься от того, что не способна решить проблемы собственной жизни — только и делаешь, что сбегаете от них по всей Европе, но они всё равно тебя нагоняют! И никуда ты от них не денешься! На своей учебе и карьере ты уже поставила крест, будешь торчать в этом убогом городке, обслуживать пьяных мужиков в баре и хныкать о чужом мальчишке, воображая, словно он и вправду был тебе дорог, и ты была с ним не из-за денег». Я едва удержался от того, чтобы не прихлопнуть подонка на месте. Я даже не догадывался, что у Глории всё настолько плохо. Не догадывался, что она утонула. Однако знал, что обязательно попробую её откачать, чтобы потом грести за нее.

Дав ей возможность выпустить пар на этом идиоте, я, сквозь призму боли, изучающе смотрел на её трясущееся тело. «Интересно, она ненавидит меня за то, что я с ней сделал?» — мысленно терзал сам себя я.

— Тебе что-нибудь нужно? — даже не задумываясь о том, чтобы как прежде обратиться к ней на «вы», поинтересовался я.

— Пистолет, — глухо ответила Глория, не смотря в мою сторону и всё еще не узнавая во мне меня.

— Пристрелить?

— Застрелиться.

Моё сердце оборвалось.

- - *

— Всё еще носишь? — кивнув на моё запястье, которое огибала красная нить с её именем, глухо поинтересовалась Глория. — Глупая вещь... Не сработала. Ничего не сбылось.

— Еще сбудется, — уверенно ответил я, положив руку на рычаг, после чего мы встретились взглядами. Кажется, мы слишком много знали о боли друг друга. Глория молча вышла из машины, а я еще минуту стоял, тщетно убеждая себя в том, что она не соврала мне про своего «друга» — сына шерифа.

Уже возвращаясь домой, я вспомнил о её словах про работодателя-извращенца и мысленно улыбнулся.

- - *

Следующую неделю я, в компании Джонатана и Якоба, наводил порядок в поместье, стараясь избавиться от вьёвшейся пыли. Хорошо, что Джонатан догадался накрыть всю мебель чехлами, тем самым сохранив её в отличном состоянии. Нанимать персонал я не видел смысла — Джонатан сносно готовил пшеничную кашу, да и я умел жарить яичницу. Здоровое питание еще никому не вредило, тем более мужчине, ежедневно на утренней пробежке ломающему голову, по поводу налаживания общения с интересующей его девушкой. Приводя поместье в порядок, я пытался придумать, как именно навести мосты с Глорией и уже хотел просто сесть в машину и приехать к ней домой (её прежний номер телефона был заблокирован со дня смерти Мартина), когда она вдруг сама явилась на порог моего дома.

— Это... Твоя дочь, — тяжело дыша, заявила девушка.

Несколько секунд я смотрел на нее широко распахнутыми глазами, словно на прекрасную проекцию моего подсознания. Запыхавшаяся, с красными щеками, развивающимися волосами, в спадающих рваных джинсах... Всей прелести этой картины было не описать. Джонатан за моей спиной явно был в шоке.

— Тогда я обязан на тебе жениться, — заулыбался я, совершенно не задумываясь о том, что именно хочет донести до меня розовощекая девушка. — Я категорически не хочу, чтобы моя доченька росла без отца. Но ведь у нас с тобой последний контакт был около года назад — почему девочка выглядит старше? И почему она блондинка? Мы ведь с тобой чистые брюнеты... Хотя забудь — она прекрасна. Кстати, наша дочь больше похожа на тебя...

— Ты издеваешься?! — воскликнула Глория, даже не задумавшись о том, что в каждой шутке есть доля правды. — Это не наша дочь. Это твоя дочь.

«Жаль», — подумал я тяжело выдохнув и, не выдержав всей комичности нашего диалога, вслух рассмеялся.

С первого взгляда я определил, что Софи не моя дочь — отцовство было исключено. Я понял, что Глории просто подбросили ребенка, найдя отличное гнездо с обеспеченным и умеющим охотиться орлом, который вполне сможет стать наседкой для подкидыша (с учетом его прошлого с незнакомым ему братом). Глорию безжалостно развели, но она определенно этого не замечала, и я решил подыграть. В конце концов, даже если вероятность моего отцовства равнялась одному проценту из ста, её стоило проверить. Тем более я действительно пересекался с матерью девочки. Всё тщательно обдумав, я пришел к выводу, что сложившаяся ситуация как нельзя лучше сработает мне на руку — Глория сама будет ко мне приходить и мы ежедневно будем проводить время вместе. Поэтому следующую всю неделю я думал лишь о том, что будет после того, когда выяснится, что Софи не моя дочь. Наша договоренность с Глорией была заключена лишь на период до получения результатов ДНК-теста. Когда она же поймет, что я не являюсь биологическим отцом девочки, останется всего два варианта — отдать ребенка в интернат или взять опеку на себя. В любом случае Глория выполнила свою миссию — помогла мне благополучно дождаться результатов теста и теперь могла помахать мне ручкой, так как наша договоренность подошла к логическому завершению. Поэтому я решил утаить результаты на неделю-две, пока не составлю план дальнейших действий. «Далёкая Глория. Кажется, такой близкой и одновременно недосыгаема», — именно так я думал год назад и именно такого мнения по поводу этой девушки я придерживался и сейчас.

Разрушения, которые оставила смерть Мартина в наших душах, навсегда останутся внутри нас. Жаль, что я пытаюсь выстроить связь с Глорией именно на них. Даже притупившаяся боль остается болью. Даже затупившийся нож остается ножом. Я мог лишь надеяться на то, что этот нож не перережет всё еще слишком тонкую нить между мной и девушкой, которую я не уберег от боли.

Глава 47. Всем счастья

С утра пораньше я стала свидетельницей маминого счастья — у нашей Элис появился ухажер из параллельного класса. Тот факт, что мальчик поцеловал Элис в щечку, превозносил маму до небес, одновременно клоня папу к дивану.

— Передай своему «парню», — прокашлялся отец, — что я оторву ему его целовальник, если он еще раз...

— Дерек, немедленно прекрати своё старческое ворчание!

— Мне пятьдесят два года — в этом возрасте поздновато чувствовать себя молоденьким папашей, зато я прекрасно справляюсь с ролью деда.

— Да, прекрасно, — фыркнула мама, смазывая для отца тост маслом. — Вчера ты чуть не утопил Дина в ванной.

— Он сам поскользнулся, да Дин?

Дин многозначительно округлил глаза, явно давясь правдой.

— И потом, — продолжала мама, — детям нужен молодой и энергичный дедушка, который способен мыслить как современный папа, а не как дряхлый старик.

— Тогда, может быть, ты станешь «современной» бабушкой и позволишь Элис остричь и без того короткие волосы, и одеть школьную форму её брата?

— Я хочу подстричься, — подтвердила Элис.

— Вот еще! — моментально взъерошилась мама.

— Но я больше не хочу носить форму Дина. Я хочу новое платье.

— Платье?! — округлила глаза мама, явно довольная просьбой внучки.

— Да. Завтра в школе будет концерт, и Майкл будет там. Но там будет и противная Марджи. Она всегда ходит в самых красивых платьях. Её мама даже разрешает ей краситься в школу. Хочу завтра быть красивее её.

Мама настолько сильно просияла, что в столовой стало минимум на два тона светлее, чем на улице.

— Дорогой, давай деньги, — моментально потребовала она, протянув руку в сторону отца.

— Какие деньги?! — подавился тостом папа.

— Нам необходимо купить платье и не только платье. Мы превратим нашу Элис в принцессу. Элис, ты хочешь накраситься на концерт?

Теперь просияла Элис, которой прежде запрещали пользоваться косметикой. Я вяло жевала бутерброд с сыром, отстраненно наблюдая за эмоциями домочадцев. В этот момент, как зачастую и в другие, мне казалось, словно я из другой семьи, если вообще не из параллельной вселенной.

— Одри, ты с ума сошла?! У меня зарплата только послезавтра — у нас ни копейки нет!

— Я знаю, что у тебя есть заначка.

— Не смей посягать на деньги для дедушкиных ставок на скачки, женщина.

— А ты не смей посягать на счастье внучки...

Эти двое точно бы сцепились, если бы я не решила встрять.

— Всё в порядке, я дам деньги, — произнесла я, дожевывая бутерброд и, оставив чашку кофе, достала из левого кармана джинс аккуратно сложенные купюры, за которые хотела сегодня приобрести себе новые кроссовки (старые еле дышали). Накануне Роланд расплатился со мной за две недели, так как за это время у меня успела набежать достаточно приличная сумма.

— Дорогая, не стоит, я возьму деньги у твоего отца.

— Ничего страшного... — спокойно хмыкнула я, перелистывая купюры.

— Нет-нет, я дам деньги, — неожиданно произнес папа, и я подняла глаза на родителей.

— В чем причина? — настороженно поинтересовалась я.

— Мы знаем, каким трудом достаются тебе эти деньги, — начала мама.

— Софи достаточно смирная девочка, так что чтение сказок перед сном для меня не является чем-то колоссально тяжелым, — непонимающе пожала плечами я.

— Но последствия... — начала мама, но я её оборвала.

— Какие последствия?

— Твоя мама имеет в виду, что в прошлый раз ты слишком сильно пострадала от заработанных денег в том доме.

От услышанного в моей грудной клетке что-то заскрежетало, и я сделала глубокий вдох.

— Софи, в отличие от Мартина, ничего не грозит.

— Мартину что-то грозит? — охнула Элис.

— Мартин вернулся из Лондона вместе с Роландом? С ним можно встретиться? — Подавился чаем Дин.

Естественно двойняшек оберегали от тайны смерти их друга, отчего сейчас их слова вспороли мою рану изнутри. Я положила на стол пятьсот фунтов, встала из-за стола и, под всеобщее молчание, вышла из дома, пытаюсь не загнуться от очередного приступа боли.

•
○ *

День был теплым, с пряным, мягким ветерком и весело сияющим солнышком. У меня было поручение от Роланда зайти в «Детский мир» за игрушками, но по пути я хотела заскочить к Эми, поэтому вышла пораньше. Не смотря на то, что было всего девять часов субботнего

утра, Сэм уже находилась на кухне Эмилии, которая внезапно перестала выглядеть подавленной.

— Слишком мало времени прошло с момента их разрыва, а Эми уже вовсе и не выглядит разбитой, — заметила я.

— Думаю это всё Хелена. За прошедшую неделю Эмилия четыре раза выбралась из дома, чтобы провести с ней время. Общение с этой особой явно идет ей на пользу. Я рада, что она помогает нашей молодой мамочке выйти из депрессии.

— О чем вы болтаете? — поинтересовалась появившаяся на кухне Эми с Джесс на руках.

— О том, что твоя дружба с Хеленой идет тебе на пользу, — улыбнулась я.

— Хоть начала из дома выходить во внешний мир и вспомнила, как краситься.

— Кстати, по поводу этого, — замялась Эми. — Хелена пригласила меня сегодня в ночной клуб. Я хотела бы сходить, но если вы не сможете посидеть с Джесс, тогда как-нибудь в следующий раз.

— Никакого следующего раза, — довольно улыбнулась Сэм. — Сегодня на вечер я с Дэвидом абсолютно свободны.

— И я тоже, — подняла правую руку я. — Так что с удовольствием составлю вам компанию.

— Вы лучшие, — засветилась моя старшая сестра.

— Просто нам всем нужно счастье. Так что... Всем счастья! — раскинув руками, словно разбросав кусочки счастья по комнате, довольно заулыбалась Саманта.

•

○ *

Я купила сотню игрушек и к двенадцати часам дня была на рабочем месте.

— Ты хочешь, чтобы я посидел? — спокойно приподняв правую бровь, поинтересовался Роланд

— И вправду у тебя появился седой волосок, — улыбнулась я, наигранно прищурившись. — Ты ведь сам просил меня купить для Софи игрушек, поэтому я и задержалась. Что произошло?

— Она прищемила палец. Я думал, что мы скончаемся на месте. Она не просто ревела — она закатилась и посинела. Ноготь наверняка теперь слезет. Чего ты улыбаешься?

— Представляю, как ты носился по гостиной с Софи на руках. Ты убедительно выглядишь в роли заботливого папы. А ноготь — это пустое. У меня дважды в детстве слезал ноготь на

большом пальце правой ноги и всё благодаря меткости моего отца — сначала он уронил мне на ногу молоток, а через полгода зарядил утюгом.

— Выходит, не у одного меня было жесткое детство.

— Чего это ты не сопротивляешься по поводу того, что я назвала тебя папой? Может быть, уже пришли результаты ДНК-теста? — с надеждой заглянула в глаза своему работодателю я.

— Нет, — тяжело выдохнул Роланд, заставив меня снова напрячься. Почему он тянет?

— Отпустишь меня сегодня пораньше?

— Пораньше — это во сколько?

— В пять часов.

— Слишком рано.

— Ладно, в шесть. Хочу провести вечер в семейном кругу.

— Зная твою семью, ты явишься завтра либо с похмельем, либо с перемотанным большим пальцем правой ноги.

Глава 48. Мэрилин Пасс

Обычно Роланд проводил с нами три-четыре часа перед сном, после чего вызывался отвезти меня до дома, от чего я регулярно категорически отказывалась, не желая, чтобы родители подумали «о чем-то не том». Сегодня же Роланд провел с нами всё своё послеобеденное время, внезапно освободившись ото всех своих рутинных бумаг. Из его рассказов я понимала, что в его компании дела идут настолько хорошо, что он стал больше времени уделять своему благотворительному фонду, внимательно отслеживая передвижение денежных средств, которые в него вкладывались. На днях из любопытства я познакомилась с сайтом его фонда и поняла, что за прошедший год благодаря «Your chance» было спасено по меньшей мере, с три сотни жизней людей различного возраста, с различными типами заболеваний. Благотворительная компания занималась полной оплатой лечения и реабилитации тяжелобольных людей и, судя по благодарственным отзывам на различных форумах, деньги действительно шли на благое дело. За прошедший год к числу спонсоров фонда присоединились: олимпийская чемпионка в личном многоборье по гимнастике, лучший теннисист Европы, малоизвестный (однако я его знала) голливудский актер, известный во всем мире дирижер, британский кинорежиссер, модель, продюсер и хореограф. Вроде никого не забыла. Откровенно говоря, я гордилась проделанной Роландом работой, но делала это тайком, так как признаться в этом вслух для меня было всё равно, что обнять его — слишком стеснительно.

Вначале шестого мы пили чай из мяты с пустырником, когда Софи попросилась в туалет. Мне было лень, так что я чудом настояла на том, что теперь вести её писать пришла очередь Роланда, попросив его вычесть из моей зарплаты доллар за то, что он один раз выполнит

мои обязанности. Было видно, что Олдридж не в восторге от этой идеи, но я напомнила ему о том, что ему, как новоиспеченному папаше, нужно привыкать к подобным процедурам, после чего он сдался, при этом тяжело выдохнув. Почему Роланд не рассказывал мне, что не является отцом Софи? Если бы он хотел её удочерить — он хотя бы старался наладить контакт с малышкой, но он всячески пытался избегать неловких ситуаций, в которые регулярно попадал из-за этой девочки, тем самым сводя своё общение с ребенком к минимуму. Прежде я никогда не видела, как Роланд краснеет, но благодаря Софи и её призыву: «Лоланд-лоланд-лоланд, посмотри сто я нарисовала!» — Я впервые смогла насладиться северным сиянием на лице своего нанимателя. Мужчины вроде Роланда не любят выглядеть глупо, особенно на глазах у посторонних. В данном случае Роланд не хотел краснеть передо мной. Я знала, что Роланду некомфортно от того, что его при мне называют Лоландом, просят с ним пописать и мило целуют его в его выбритую щечку. Естественно! Мы ведь такие brutальные, сильные, непоколебимые, стойкие, мужественные и вовсе не Лоланды с обслюнявленными щеками!.. Так почему он терпел девочку? Я могла поставить сто долларов на то, что Роланд не хотел становиться молодым отцом-одиночкой. Ищет приличный интернат? Скорее всего...

Я взяла свой задребезжавший телефон — входящий звонок от Тайлера. Мы с ним не общались две недели, что дало мне хорошую фору, чтобы отдохнуть от его общества, поэтому сейчас я совершенно спокойно подняла трубку:

— Глория?

— Слушаю тебя, Тай.

— Мы не общались две недели, но мы ведь не враги, чтобы избегать общения друг с другом. Может бы встретимся?

— Можно, но только не сегодня — обещала присмотреть за племянницей.

— Отлично. Тогда позвонишь мне, когда сможешь, окей?

— Окей.

— Кто звонил? — раздался голос Роланда за моей спиной, заставивший меня вздрогнуть.

— Тайлер, — не успев подумать, мгновенно выпалила правду я, да и он наверняка уже успел всё услышать.

— О чем договорились?

— Да не о чем, — встряхнула плечами я, вдруг почувствовав себя на допросе, причем остро ощутив свою, совершенно необоснованную, вину. — Может быть как-нибудь пересечемся. Давно не общались просто... А где Софи?

— Я окунул её в унитаз...

— Что?!

— Не переживай, она жива и здорова, только промокла.

— Нужно было посадить её на горшок.

— Положа руку на сердце признаюсь, что не хотел вываливать её какашки в унитаз и потом мыть горшок. Переоденешь её?

— Кто накосячил, тот и переодевает.

— Пффф... Я вычту из твоей зарплаты пять долларов.

— Да хоть десять, — задорно улыбнувшись, скрестила руки на груди я. — Одежда в комод.

— Когда-нибудь я тебя уволю.

— Уже скоро, — продолжала весело улыбаться я. — Остались считанные дни до результатов теста, — с надеждой услышать правду, произнесла я, но Олдридж был не из тех орехов, которые легко раскалывались.

Спустя пять минут Роланд прокричал из гостиной, что ему срочно нужно отлучиться в свой кабинет, так как ему звонят из компании, но Софи он всё же успел переодеть. Еще через две минуты передо мной предстала сама красавица — платье надето задом наперед, колготки спущены, а трусов и вовсе не было в помине.

— Тебя одевал Роланд? — удивленно оглядывая девочку, поинтересовалась я.

— Не-а, я сама.

— Почему?

— Я каждое утро одеваюсь сама, только если ты не приходишь перед тем, как я плюнусь.

Теперь мне стала понятна регулярная утренняя растрепанность ребенка! Взяв Софи на руки, я уверенным шагом направилась в главный дом. В момент, когда я ворвалась в кабинет Олдриджа без стука, он разговаривал по телефону, но, как только он увидел нас, сразу же положил трубку. Поставив девочку на свободный от бумаг пятачок на столе, я уперлась руками в бока. Роланд же отстранился на своем кожаном кресле и недоуменно переводил взгляд с меня на Софи и обратно.

— Ладно, я поясню, раз ты не замечаешь, — выдохнула я. — Вот, смотри, видишь? У нее платье задом наперед одето. А вот это что? Она запугалась в колготках. И вообще, — на этом моменте я повернула Софи задом к Роланду и спустила с нее колготки, — где трусы?

Роланд сидел передо мной с широко распахнутыми глазами, когда в дверь постучались, и он буквально выглянул из-за голой попки Софи, чтобы посмотреть на вошедшего, после чего

его глаза еще больше округлились, после чего он неожиданно нахмурил брови.

— Конец света? — в никуда поинтересовался Роланд, и я не поняла связано ли его замечание со мной и голой попкой Софи, или всё-таки с вошедшим человеком. Я обернулась и замерла — передо мной стояла НАСТОЯЩАЯ Мэрилин Монро. От увиденного у меня сразу же отвисла челюсть. Издалека сходство было стопроцентным! Молодая женщина, с небольшим красным чемоданчиком из полипропилена, стояла в дверях. На ней была черная блузка с рукавами-фонариками, белоснежная юбка до колен и она стояла на таких тонких шпильках, на которые я бы даже встать не смогла, не то что передвигаться на них. Незнакомке было не больше тридцати трех лет и она буквально излучала роскошь. На фоне этой женщины я чувствовала себя оборванкой в дешевых джинсах. «Любовница Роланда?», — моментально пронеслась у меня в голове ассоциация. — «Не замечала за ним похождений по женщинам в течение этих недель... Что ж, на сей раз он выбрал шикарную», — почему-то с горечью признала я.

— Какого рожна? — неожиданно поинтересовался Роланд, обычно сдержанный и вежливый в общении. Он всё еще выглядывал из-за голой попки Софи, которую я уже принялась одевать.

— Я твоя мама

— Я знаю, кто ты такая, — грубо отозвался Роланд, вставая из своего кресла.

— Твоя мама Мэрилин Монро?! — округлила глаза я.

— Оу, нет, я Мэрилин Пасс, — кокетливо улыбнулась женщина, — мама этого мужчины. Это твоя жена и ребенок? — обратилась женщина к Роланду, пока я переваривала услышанное. Женщина даже голосом походила на знаменитую актрису! Я бесчисленное количество раз смотрела «В джазе только девушки» в оригинале, отчего сейчас могла утверждать, что голос этой женщины минимум на сорок пять процентов схож с голосом легендарной актрисы.

— Как ты удачно заметила, я уже давно мужчина и не нуждаюсь в... — начал Роланд, но вдруг резко перешел к вопросу. — Что тебе нужно?

— Я слышала историю о Мартине и приехала, чтобы наладить отношения со своим единственным сыном.

— Ты бросила меня больше двадцати лет назад и сейчас заявляешься ко мне со словами «хочу наладить отношения со своим единственным сыном»?! Пошла вон!

Не знаю как Софи, но я чуть не описалась от страха. При мне Роланд еще никогда не срывался на крик, тем более не повышал голоса на женщин — в своё время он победил Кэрол именно сарказмом, а не повышенным голосом. Кажется, последний год хорошенько пошатнул не только мою нервную систему.

— Джонатан! — из последних сил взяв себя в руки, громко позвал швейцара Роланд и тот синусекундно вынырнул из-за двери. — Проводи миссис Пасс, вместе со всеми её вещами, за двери моего дома и не вздумай впускать её даже на порог поместья.

В течение следующих пятнадцати секунд указание Роланда было исполнено. Миссис Пасс, быстро хлопая округлившимися глазами, была совершенно не в силах что-либо сделать в сложившейся ситуации. Неожиданно мне даже вдруг стало искренне жаль её. Сразу после того, как дверь за кукушкой захлопнулась, я передала Софи в руки Джонатана и отправилась за Роландом на второй этаж.

— Ты только что лишил Софи бабушки, — истерично хихикнула я, сама не понимая, что несу.

— У этой девочки нет ни бабушки, ни отца, — не оборачиваясь, твердо выдал Роланд, после чего завернул в коридор по направлению к своей комнате. Еще с минуту постояв на лестничной площадке, я всё же решила не идти за ним в спальню и вернулась к Джонатану с Софи. Судя по всему, мы скоро отдадим девочку в интернат. Если честно, мне было искренне жаль такого золотого ребенка, как Софи. От одной только мысли о том, что она может попасть в учреждение подобного типа, меня бросало в дрожь. Я даже готова была оформить на себя опеку над девочкой, вот только быть матерью-одиночкой, без жилплощади и работы — не лучший вариант будущего для нас обоих.

Глава 49. Новая подопечная

«Может быть, её удочерит какая-нибудь хорошая семья?» — думала я, выходя из поместья спустя полчаса после инцидента с матерью Роланда, поправляя сумку на плече. — «Интересно, он не забыл, что я отпросилась на сегодня? Надеюсь, Джонатан ему напомнит. Очень странная история с его матерью. Очень...».

Рой моих мыслей прервала необычная картина — Мэрилин Монро, сидящая на полипропиленовом чемодане, рядом с которой стояли еще две увесистые сумки. Она сидела на обочине, на границе забора поместья Олдриджа и его соседа-банкира, и задумчиво морщила лоб. Мэрилин уперлась локтями о колени и, положив подбородок на скрещенные ладони, смотрела куда-то вдаль. Я прошла мимо нее, сделав вид, будто совершенно её не замечаю, так как с головой ушла в свой мобильный телефон.

— Девушка! — вдруг очнулась кокетка, слашавым голосом обратившись ко мне, когда я уже прошла мимо нее, тем самым заставив меня обернуться. — Мисс, помогите мне.

— Чем же я могу Вам помочь? — с опаской посмотрев на окна поместья, чтобы убедиться в том, что за нами не наблюдают, поинтересовалась я.

— Для начала давай перейдем на ты, а-то я чувствую себя старухой.

— А сколько Вам... Тебе лет?

— Тридцать, — игриво улыбнулась Мэрилин, заставив меня улыбнуться ей в ответ. Поняв, что она расположила меня к себе, женщина продолжила. — Дело в том, что мне совершенно некуда идти.

Я с минуту в упор смотрела на женщину, пытаюсь понять, зачем мне эти мороки.

— Иди за мной, — снова посмотрев на окна особняка, неуверенно произнесла я, зашагав дальше по вымощенному тротуару. — Нам необходимо спуститься вниз по склону мимо сада... — начала говорить я, но вдруг остановилась, заметив, что Мэрилин замерла на месте, поправляя свой элегантный молочный плащ, на фоне которого моя короткая куртка из нью-йоркера выглядела просто убожески. — Что такое? — сдвинула брови я.

— Я не смогу спустить все свои вещи вниз по склону. Я приехала сюда на такси. Может быть, вызовем такси?

— У нас нет времени. Нужно срочно сваливать отсюда, — перекинув одну её сумку через плечо, а вторую установив на колесики (жаль, что у первой их не было), сдержанно ответила я. — Ваш сын наверняка меня уволит, если узнает, что я согласилась Вам помочь. А у меня, между прочим, замечательный оклад. Он платит мне двадцать фунтов в час.

— Это много? — бежа рядом со мной на своих шпильках, поинтересовалась Мэрилин и я поняла, что финансовые проблемы эту женщину едва ли касались в её идеальном розовом мире роскоши.

— Это более чем достаточно, чтобы позволить себе весело жить в этом сереньком городке. И когда я говорю весело, я имею в виду толстый слой масла на хлебе, а не яхту с элитным шампанским. Вы как, успеваете? — поинтересовалась я, наблюдая за тем, как Мэрилин ловко перебирает своими беленькими ножками на шпильках.

— Пожалуйста, только не на «вы», — гулко выдохнула уже успевшая запыхаться Мэрилин, после чего я поняла, что путь будет нелегким. Мэрилин была настоящей жеманницей, но её плохо скрываемый американский акцент делал из нее еще большую кокетку, чем она являлась на самом деле.

Мэрилин задыхалась из-за высоких шпилек, а я из-за тяжести дорожной сумки, висящей у меня на плече. Интересно, что она в нее положила? Во всяком случае всё могло быть и хуже. Например, мы могли подниматься со всеми этими вещами вверх по склону, а не спускаться вниз.

— Куда мы идем? — поинтересовалась блондинка.

— В отель.

— Оу, ваш отель закрыт на ремонт до конца июля, я уже проверяла, — совершенно спокойно произнесла Мэрилин, словно только что не упустила свой единственный шанс получить крышу над головой.

— Твою ж!.. — резко затормозив, захотела выругаться я, но вовремя сдержалась.

— Что такое?! — непонимающе захлопала ресницами Мэрилин.

— Он и вправду закрыт, как я могла об этом забыть? Хм-м-м-м... И что нам теперь делать дальше? — запрокинула голову я.

— Ты ведь не оставишь меня на улице? — испуганно округлила синие глаза Мэрилин, и я перевела взгляд на неё.

— Пффф, — выдохнула я, наконец опустив голову. Я только сейчас поняла, что Мэрилин — это взрослая модель Софи. Вот такой вот ребенок, застрявший в теле взрослой тётки. — Для начала спустимся с холма, — предложила я. — К тому времени что-нибудь придумаем.

К моменту, когда мы спустились вниз и перешли на противоположную сторону дороги, чтобы присесть на автобусной остановке, передо мной всё начало плыть. Для моего истощенного организма сумки оказались слишком тяжелыми.

— И что дальше? — тяжело дыша, поинтересовалась Мэрилин, совершенно не обращая внимания на группу мужчин, загружившуюся в только что подъехавший автобус. У них буквально слюнки текли при одном только взгляде на Мэрилин, так что я была рада остаться на остановке без лишних зевак.

— Для начала, хорошо, что на этой остановке только ты и я, — заметила я.

— Почему? — непонимающе поинтересовалась моя новая подопечная.

— Потому что у нас нет зонта от слюней.

— Зонта от слюней? По-видимому, я всё еще плохо ориентируюсь в британском английском.

— К себе домой я тебя не могу привести.

— Почему?

Я хотела отпустить шутку о том, что мой отец начнет издеваться над «свекровью», но решила не развивать эту тему, чтобы Мэрилин окончательно не запуталась в своей «ориентации в британском английском». В принципе, она могла бы переночевать до утра в одной комнате с Элис — за это время мы бы придумали, что делать дальше. В этой комнате как раз было достаточно места для двоих, но это было слишком «близко». Я не хотела, чтобы родная мама Роланда увидела в каком состоянии пребывает мой дом и, тем более, не хотела знакомить её с жаргонными шуточками отца. И почему я только ей помогала? Если честно, после смерти Мартина я не могла дать объяснения многим своим действиям.

— Эврика! — хлопнула себя по коленям я.

— Ты что-то придумала?

— У меня ведь до сих пор пустует дедушкина квартира... Но предупреждаю — это далеко не пятизвездочный отель.

— Замечательно, — заискрились глаза Мэрилин.

Хорошо, что я, сама не зная зачем, носила ключи от дедушкиной квартиры в одной связке с ключами от дома и сарая отца.

— Хорошо, едем туда, — тяжело выдохнула я, всё еще пытаюсь восстановить своё сбитое дыхание. — Наш автобус только что ушел. Следующий будет только через десять минут.

Глава 50. Винтажная обитель

Все в автобусе глазели на Мэрилин как на призрака. Это было неудивительно, вот только данный факт изрядно раздражал такую «тонкую» натуру как я. Невольно купаясь в лучах славы своей новой знакомой, которая даже не знала, что для проезда в общественном транспорте необходимо купить билет, я неизбежно попадала под излишнее внимание зевак. Однако саму Мэрилин столь пристальное внимание не то, что не раздражало — она его совершенно не замечала, улыбаясь неизвестным ей людям своей идеально белоснежной улыбкой. Наверное, со стороны, с тяжелыми чемоданами, я выглядела персональным носильщиком этой красотки или даже рабыней. Благо в автобусе было немного народу — всего человек двенадцать, девяносто процентов из которых составляли мужчины, млеющие при одном только брошенном на них взгляде улыбчивой Мэрилин.

До нужной трехэтажки мы добрались за мучительные пятнадцать минут — автобусная остановка от него была всего в двадцати шагах.

— Район очень тихий, — рассказывала я, поднимаясь по лестнице на третий этаж. — В твоём подъезде, насколько мне известно, на первом этаже живут сплошные пенсионеры, а на втором две матери одиночки, у каждой из которой есть по дочке, и гомосексуалист, над которым ты и будешь жить.

Мы, наконец, остановились напротив нужной двери, после чего я с облегчением сняла с себя тяжеленную сумку.

— Дверь металлическая, с семью замками и внутренней щеколдой-цепочкой, — открывая дверь квартиры, начала инструктаж я. — Воровать здесь нечего — личные вещи из квартиры давно вывезены, но после того, как обокрали квартиру уже известного тебе гомосексуалиста, мы решили на всякий случай перестраховаться и установить новую входную дверь. Коридора нет, вход сразу в гостиную, — войдя внутрь, продолжала я, уже разуваясь и проходя дальше. — Вместо шкафа — вешалка и тумба-табурет для обуви. В гостиной диван, старый, но хорошо сохранившийся (всю своё существование был накрыт покрывалом), в таком же состоянии кресло. Над старым электронным камином еще более старый телевизор — ему лет тридцать, пожалуй. Пол из лакированных досок, мягкий угол стоит на ковре из овечьей шерсти. Да, фортепиано бабушки, — словив взгляд Мэрилин, брошенный в правый угол от входа, отозвалась я. — На нем лет десять не играли. С того момента, как бабушка обзавелась

доброкачественным тремором[19] рук. Сразу слева за стеной с камином находится кухня. Она обустроена старым деревянным гарнитуром, которому минимум лет сорок, но он в настолько вычищенном и ухоженном состоянии, что грех жаловаться... Круглый стол, четыре стула, — буквально комментировала я всё, что только видела, — работающая плита, холодильнику лет пять от роду, новая микроволновая печь... Электронного чайника и прочей мелкой бытовой техники нет, но зато есть обычный железный чайник и посуда, которой хватит на пятерых. Найдешь всё в полках. Дальше спальня, — проведя рукой по разделенной надвое и собранной у своего основания занавеске из бусин и выйдя из кухни, я открыла старую деревянную дверь, находящуюся слева от кухни. — Двухспальная кровать, пятистворчатый комод и двухстворчатый шкаф с двумя выдвижными полками внизу. Вешалки можешь найти внутри. Мебель в спальню покупалась десять лет назад. Как видишь, мои бабушка с дедушкой были помешаны на дереве.

— У них замечательный вкус.

— Да-ну, — приподняла правую бровь я, слабо веря в то, что Мэрилин действительно нравится обстановка квартиры. Подойдя к двери, расположенной у входа в спальню возле шкафа, я продолжила экскурсию. — А здесь совмещенный санузел. Знаю, нестандартный подход к планировке квартиры, но с этим ничего не попишешь. Если гость захочет в туалет — придется вести его в спальню. Здесь ремонт сделан три года назад, так что всё в отличном состоянии, даже стиральная машина. Правда свет немного заедает — включается с опозданием в пять секунд, но это не страшно. Страшно было, когда из крана текла жутко хлорированная вода, но с этой проблемой разобрались буквально пару лет назад, так что теперь здесь настолько стерильная вода, что можно пить кружками.

— Замечательно, — одобрительно кивнула головой Мэрилин, почему-то не решаясь зайти внутрь. Она обняла дверной косяк, и посмотрела на меня заговорческим взглядом. — А где можно заказать еду?

— Заказать еду? — удивленно приподняла брови я. — Ну-у-у есть один сайт, я на нем заказывала продукты для Мартина, но придется ждать два-три часа, пока их привезут. Легче сходить в продуктовый магазин, находящийся на перекрестке.

— Я сегодня пережила слишком много потрясений, так что боюсь, что готовки я не переживу. Если у вас нельзя заказать нормальную готовую еду, тогда, может быть, закажем пиццу?

— Эммм, — я замаялась, начиная подозревать, что меня хотят задержать еще минимум на пару часов.

— Ты ведь составишь мне компанию? Ну пожа-а-алуйста. Ты ведь не хочешь, чтобы я подорвалась от спички, пытаясь поставить чайник на самый настоящий газовый огонь?

— Уговорила, — серьезным тоном согласилась я, представив ядерный гриб над крышей этого дома. Уже спустя минуту я через планшет Мэрилин выбирала пиццу на местном сайте (благо у блондинки был с собой интернет, так как ей еще только предстояло разобраться в

подключении wi-fi). Когда же выбор был сделан, Мэрилин отправилась в душ, а я начала рыться на кухне в поисках чая. Так его и не найдя, я, в ожидании своей новой знакомой, решила написать Саманте:

— Привет. Ничего страшного, если я задержусь или не приду вовсе?

— У меня надежная помощь в виде Дэвида. Он собрался всю ночь простоять у кровати Джесс, представляешь? Даже купил себе секундомер. У тебя всё в порядке?

— В полном. Расскажу позже.

— Окей. Отдохни.

— Всё-таки в магазин придется идти, — сидя на кровати, сообщила я только что вышедшей из душа Мэрилин. Она была в настолько белоснежном халатике, что буквально сияла на фоне тускло-бежевых штор и пожелтевших обоев с цветочным принтом.

— Почему? — надула пухлые губки блондинка, напоминая мне о том, что я общаюсь с ребенком.

— У нас нечего пить.

— А вот и есть, — игриво заявила блондинка и подскочила к своей сумке, которую я всю дорогу до дома тащила на своем горбу. Легким движением руки она достала из нее красивую бутылку и протянула её мне. — Белое полусладкое.

— Поверить не могу... Что еще я тащила в этой сумке?

— Бигуди, косметичку и пару бутылок лучшего белого-полусладкого, которое только можно найти в Нью-Йорке.

— Хочешь сказать, что у тебя бигуди свинцовые? Или это косметичка весит сорок фунтов?

•
○ *

Когда разносчик пиццы позвонил в нашу дверь, оказалось, что у Мэрилин нет ни единого фунта — сплошная заокеанская валюта. Я буквально наскребла из кучки пенни, заваливавшаяся в моей сумке, необходимую сумму на «Капричозу» и «Болгарскую» пиццы. Естественно я проинструктировала Мэрилин по поводу неизбежного обмена валюты в ближайшем банке, заранее предупредив о том, что если она захочет обменять баснословную сумму — пусть делает это маленькими партиями в разных точках, так как этот городок не привык к миллионерам, а с её внешностью и суммой на счету она способна быстро привлечь к себе внимание «мутных» личностей.

Не переев пиццей, мы перешли с кухни в гостиную и раскупорили бутылку вина дедовским винтажным штопором. Уже через полчаса мы открывали вторую бутылку, а еще через

пятнадцать минут после мы уже были пьяными в стельку.

— Качественное вино, — заплетающимся языком, заметила я.

— Я взяла его, чтобы отпраздновать воссоединение с Роландом, — вяло ворочая языком, ответила мне Мэрилин.

— Ты действительно надеялась на то, что Роланд вот так вот просто возьмет и пффф...
Примет тебя в свою жизнь?

— Да, — наивно кивнула головой Мэрилин и к её глазам внезапно подступили слёзы. —
Давай, скажи мне, что я плохая мать.

— Откуда мне знать, какая ты мать.

— Но я ведь... Пффф... Оставила Роланда, когда ему было всего шесть лет. Он еще даже в школу... Ой... Не пошел... Перед самой школой...

— Мало ли какие у тебя были на это причины...

— Подожди, не так. Ох... Ты меня обвиняешь, а я оправдываюсь, а не... Не наоборот. Давай, начинай меня обвинять.

— Но я не могу обвинять тебя в том, о чем совершенно ничего не знаю, — охмелевшим голосом заключила я.

— А ты начни обвинять и я всё-ё-ё тебе... Ой... Расскажу. Глория, ты такая странная, —
неожиданно засмеялась блондинка. — Ты первый человек, который меня не обвиняет в
отсутствии материнского инстинкта.

— Просто за прошедшие пару лет я убедилась в том, что есть вещи, которые... Гхм... Не
подвластны человеку и он, то есть человек, в этом не виноват и ничего не может с этим
поделать. Понимаешь?

— Понимаю, — надув губы, попыталась серьезно ответить Мэрилин, но это снова вышло
как-то слишком по-детски.

— Хорошо. А теперь давай я начну тебя обвинять. Ты виновата.

— Нет, не так, — запротестовала Мэрилин, откинувшись на подлокотник дивана, на
котором лежала старая подушка, и размахивая перед собой бокалом вина. — Ты должна
говорить мне в чем именно я виновата, а не просто говорить мне о том, что я в чем-то там
виновата.

— Мэрилин Пасс... — начала я, но мои мысли отвлеклись. — Кстати, а почему Пасс?

— Это моя девичья фамилия. Сначала я была Пасс, потом Олдридж, а потом я снова вышла

замуж, но не захотела носить фамилию мужа и снова взяла свою девичью.

— А какая фамилия у твоего мужа?

— Ионеску.

— Ну-да, странная... Итак, Мэрилин Пасс-Олдридж-Ионеску-Пасс, ты оставила своего маленького шестилетнего сына и из того, что я знаю, обменяла его на своего любовника, за которого впоследствии вышла замуж.

— Ты жестока, — надула губы Мэрилин, всерьез расстроившись от услышанного.

— Прости, — положила руку на её плечо я. — Ты же сама хотела...

— Ладно, — всхлипнула блондинка, после чего сделала еще один глоток вина и, собравшись с мыслями, продолжила. — Я расскажу тебе, как всё было на самом деле и ты увидишь другую сторону медали.

Глава 51. Другая сторона медали

— Не буду скрывать — я не была без ума от Альберта, когда выходила за него замуж, — начала с признания свой рассказ Мэрилин. — Он мне нравился, но не более того. Скорее, мне просто нравилась сама мысль о том, что кто-то может сходить от меня с ума. Когда мы познакомились, мне было восемнадцать, а ему двадцать восемь. Я тогда была студенткой педагогического университета... Уже через год после нашего знакомства мы поженились, и я бросила учёбу. Можно было бы утверждать, что меня прельщало внушительное состояние Альберта... Да, я не буду скрывать, что мне нравилось, что Альберт был богат, но я и сама была из весьма обеспеченной семьи. Я ведь дочь Бенджамина Пасса.

— Бенджамин Пасса?! — охнув, переспросила я. — Того самого архитектора?

— Того самого, — покачала головой Мэрилин. — Я родилась, когда моему отцу было пятьдесят лет. Матери я не помню — она умерла еще во время моего младенчества, а отец так больше и не женился. Он всю жизнь говорил мне о том, что я являюсь точной копией своей матери. Двадцать пять лет назад он умер, оставив мне в наследство пятьсот тысяч долларов и пентхаус в центре Нью-Йорка, пожертвовав остальные деньги в пользу голодающих в Африке.

— Неплохое такое себе состояньице, — присвистнула я.

— Да... На момент получения мной наследства Роланду было около трех лет, если я не ошибаюсь... Я родила его в двадцать, значит...

— Погоди, тебе что, сорок восемь лет?! — кажется, сегодня эта женщина хотела сразить меня новостями. — Ты выглядишь на пятнадцать лет моложе. Я думала, что моложе моей сорокалетней тети Сэм, которая на данный момент выглядит на все тридцать три, никто не может выглядеть.

— Твоя тётя делала пластические операции?

— Нет.

— Может быть, хотя бы подтяжки?

— Не-а.

— Я хочу с ней познакомиться! Не представляю, как в сорок выглядеть на тридцать три. По-видимому, у вас в семье хорошие гены.

— Нет, это у вас в семье хорошие гены. У Роланда вообще старинный род графов и прочей элиты со стороны отца, а со стороны матери дедушка Бенджамин Пасс.

— Зато у вас есть ген молодости.

— Саманта не из нашей семьи, так что это не в счет.

— Как это не из вашей? Ты же сказала, что она — твоя тётя.

— Нет, она, конечно, из нашей семьи и она, конечно, моя тётя, но она подкидыш, — ответила я и, увидев поднявшиеся в удивлении брови Мэрилин, я решила пояснить. — Дедушка с бабушкой удочерили рыжеволосую, когда она была еще в младенческом возрасте.

— Как всё запутанно... Кстати... Гхм... Я сама запуталась. На чем я остановилась?

— На своем муже.

— Ах, да. В общем он любил меня больше, чем я его и меня это вполне устраивало, пока я не застукала его с любовницей.

— Что-о-о?! У Альберта Олдриджа была любовница?! А я думала, что он благородных кровей...

— Даже породистые кабели похотливые, — с каким-то разочарованием и жестокостью отрезала Мэрилин. — Да, я не любила Альберта также сильно, как он меня, но я была ему верна на сто процентов. Я даже мысли не допускала о том, что у меня может быть кто-то кроме него. Однажды я проезжала мимо Лондонского офиса своего благоверного и решила зайти к нему... Так сказать — сделать сюрприз. Сделала. До сих пор помню, как он прижимал к себе секретаршу и целовал её у себя на столе... Хотя бы дверь закрыл! В таких ситуациях у женщины есть выбор: притвориться, что простила, либо уйти от неверного мужа. Другого не дано... Прощения не дано. Женщина не способна простить измену! Никому и никогда. Она может сказать, что простила, но не забудет и не простит. Если она не уйдет сразу, тогда пройдет день, неделя, месяц, год, десятилетие и она отомстит. Измена либо разрывает узы, либо отравляет их. Иначе никак. Гхм... Естественно Альберт уверял меня в том, что это была минутная слабость, что он никогда мне не изменял, что больше подобного не повторится... Он ползал передо мной на коленях, осыпал цветами и

бриллиантами, и я решила с ним помириться лишь из-за того, что у нас был пятилетний сын. Я была никудышной мамашей, не желающей больше рожать, потому что это ужасно больно и портит фигуру... Роланд в основном сидел с няньками, но он также не был лишен общения с обоими родителями, и я не хотела его лишать этой возможности... Первые полгода Альберт не отходил от меня ни на шаг, всячески доказывая свою любовь и преданность, вот только я не могла смотреть на человека, который хотя бы единожды посмел дотронуться другой женщины. Потом я уехала отдыхать на острова, а Альберт остался в Лондоне, решать какие-то жизненно важные вопросы для своей компании. На островах я познакомилась с Брэндонем и полюбила его. К тому времени я совершенно остыла к неверному мужу — всего одна его ошибка привела нас к разрушению всего, что мы успели построить за эти года. Брэндон не дарил мне бриллиантов, не осыпал цветами, не купал в шампанском... Он просто любил меня, и я полюбила его. Но это не значит, что я изменила мужу. Я поддерживала связь с Брэндоном три месяца, затем еще три месяца длился бракоразводный процесс с Альбертом и только после того, как Брэндон одел кольцо на мой безымянный палец, я легла с ним в постель. Поверь мне, это была самая бурная ночь в моей жизни. Я стала по-настоящему счастливой, но какой ценой... Альберт добился моего отказа от сына. Когда я сообщила ему, что уйду к другому, он буквально слетел с катушек. Он снова начал осыпать меня драгоценностями и цветами, целовал мои руки и даже плакал. Мне было жаль его, но я его не любила... Видя мою непоколебимость Альберт возненавидел меня. Так поступают все влюбленные — они либо любят, либо ненавидят того, кого любят. Я же просто его разлюбила, охладела к нему, стала как айсберг... Поэтому я не могла наделить своего бывшего возлюбленного даже крохотной частью той ненависти, которой он наградил меня. Альберт угрожал мне расправой над Брэндоном, если я не оставлю Роланда под его опекой. Брэндон был богат и влиятелен — его отец являлся крупным банкиром из США — однако я прекрасно знала о связях и возможностях Альберта. От силы ненависти он мог решиться на самые рискованные шаги. Я была в этом уверена. Он обещал, что даст Роланду всё, что не смогла дать ему я — любовь, образование, карьеру... За мной стоял выбор: оставить нашего сына с отцом и все будут невредимы, хотя и вдали друг от друга, либо Альберт обязательно найдет способ исполнить своё обещание и расправиться с Брэндоном. Я не могла жить в постоянном страхе, потому и выбрала первый вариант. Да, я могла встретиться со своим сыном сразу после его совершеннолетия, но я боялась осуждения. Так сильно боялась, что наша встреча произошла спустя десять лет после его восемнадцатилетия и в итоге Роланд меня из своего дома. Я бы тоже себя выгнала...

— Не говори так, — к моим глазам подступили слёзы. — Я бы тебя не выгнала.

— Правда?

— Честное слово.

— Я приехала лишь потому, — спустя минуту, продолжила Мэрилин, — что узнала о смерти Мартина. А ведь это произошло год назад. Где я была всё это время? Нет, я слишком легкомысленная и, к тому же, эгоистка... Я говорю, что не встретила со своим сыном прежде потому, что боялась его осуждения, но на самом деле была занята лишь собой и собственным счастьем, а когда раз в месяц — всего двенадцать раз за год! — я спрашивала

себя, как и где живет мой сын, я брала в руки ноутбук и искала по нем информацию в интернете. Видя его на ковровых дорожках, презентациях и концертах, я убеждалась в том, что он жив-здоров и не нуждается в деньгах, после чего делала вывод, что он счастлив, и закрывала ноутбук. Какая нормальная мама так поступает?

— Просто ты необычная мама, — чуть не произнесла слово «ненормальная» я. — Ты мама-ребенок, которая не способна на заботу и которая сама остро нуждается во всяческом внимании и всесторонней опеке, — пожала плечами я, пошатнувшись из-за захмелевшей головы.

— Ты добрая. Ты снова меня оправдываешь.

— Я говорю как есть. Ты ведь даже спички зажигать не умеешь, а винишь себя за то, что не смогла воспитать ребенка. Смотрю на тебя и поверить не могу, что твой ребенок уже давно взрослый мужчина. И причем како-о-ой мужчина!

— Какой? — с детским любопытством вытянулась Мэрилин. — Роланд — он какой?

— Вот такой — показала большой палец правой руки я. — Щедрый, великодушный и любит шахматы. Шикарный мужчина.

— Он тебе нравится?

— Пффф... Не больше, чем может нравиться работодатель.

— Жаль... Ой, — хихикнула Мэрилин, постепенно переходя на смех. — Представляешь, ты могла бы стать моей невесткой, а я ведь еще даже не готова стать свекровью, не то что бабушкой.

— Не переживай, — заулыбалась я. — Твой сын и твой статус бабушки находятся под семью печатями. На сколько я знаю, у Роланда никого нет, а я на него не посягаю. И даже если бы посягала, всё равно бы... Нет.

— Почему? — разочарованно надула губы Мэрилин. — У него есть недостатки, да? — вдруг кокетливо поморщила носик блондинка.

— Я пока их не заметила...

— И не заметишь, — прервала меня откровенно пьяная собеседница. — Потому что Роланд — это улучшенная копия Альберта.

— Улучшенная? — идиотски хихикнула я.

— Угу, — активно закивала головой блондинка. — Он похож на своего отца: высокий, широкоплечий, мощный... Такие же скулы, серые глаза... Пятьдесят процентов внешних данных он перенял у Альберта, пятьдесят у своего деда по отцовской линии. Я его не видела, но могу судить по портрету, который у нас раньше висел в библиотеке. Роланд — чистый

представитель Олдриджей, и всё-таки... Он мой сын и определенно перенял что-то от меня. Вот эту манеру слегка приподнимать правую бровь, например — продемонстрировала свою приподнятую бровь Мэрилин. — Или, к примеру, он ведь совершенно не умеет кричать...

— Я тоже так думала, пока он не накричал на тебя... По правде говоря, в этот момент я внутри себя упала в обморок.

— Дорогая, он определенно не умеет кричать, — засмеялась Мэрилин. — Видно, что у него совершенно нет практики в этом деле. Вот у его отца — это да-а-а... Альберт любил прикрикнуть на штат прислуги, на сотрудников своего ювелирного бизнеса... Как же дико он кричал, когда я сообщила ему о том, что ухожу к Брэндону!.. Даже разбил свою любимую вазу, стоимостью в триста штук... А Роланд... Пфффф... — снова засмеялась Мэрилин. — В жизни на меня так ласково не кричали. Он душка.

— Не хотела бы я, чтобы эта «душка» когда-нибудь так «ласково» накричала на меня... Именно поэтому будет лучше, если Роланд пока не будет знать о том, что я тебя приютила...

— Без проблем, — развела руками Мэрилин. — Еще вина?

Мы выпили еще по бокалу, после чего окончательно расклеились.

Глава 52. Подружки

Часы показывали всего начало десятого, а мы уже были в стельку пьяные.

— Я плохая мать, — начинала срываться на слёзы Мэрилин. — Я бросила своего сына... Думала, что он богат, значит счастлив...

— Но ты же оставила его с отцом, значит не бросила... Вот мать Софи, она... Гхм-м-м... Бросила девочку мне — незнакомой тетке в разбитом состоянии.

— Какой ужас, — с неподдельным ужасом в голосе, ахнула Мэрилин и по-детски пробубнела. — А почему ты в разбитом состоянии?

— Мы познакомились с Роландом на собеседовании. Он искал няню для своего брата, над которым недавно взял опеку... Гхм... После смерти их общего отца. Представляешь, Роланд ведь совершенно не общался с отцом... Мистер Альберт запер его в пансионе и всю оставшуюся жизнь делал вид, будто его сына не существует... Даже не познакомил его со своей новой женой и его новорожденным братом... И всё равно после этого Роланд согласился взять на себя опеку над мальчиком, представля-йешь? Это ведь такая ответственность... И вот — я стала няней. Мартин был отвратительным подопечным, — криво улыбнулась я. — Он откровенно меня тиранил. Один раз даже чуть не утопил. Но я его полюбила, а он... Умер... Мартин умер, — поджала губы я, поставив бокал с вином на коленку ноги, растянувшейся на диване в сторону Мэрилин. — Ему поставили диагноз — неоперируемая аневризма головного мозга. То есть как неоперируемая... У нас был выбор. Мы могли позволить прооперировать его, но шансы на то, что он после операции не станет

овощем, сводились к нулю. Мы выбрали дать ему прожить несколько счастливых оставшихся месяцев, а потом... Умереть, — звучно хлопнула носом я. — Я вот о чем в последнее время всё чаще думаю... Что если бы мы попробовали его прооперировать?.. Да, если бы он выжил после операции, он стал бы на всю жизнь инвалидом, но он бы жил...

— Это если бы он выжил, — сделав акцент на «если бы», Мэрилин прикусила губу и под села ко мне впритык, явно пытаюсь меня поддержать. — Если бы он умер на операционном столе, вы бы всю жизнь корили себя за то, что не дали ему прожить несколько счастливых месяцев... И потом, представь состояние Мартина после того, как он стал овощем... Не видит, не слышит, не передвигается... Вы выбрали лучшее из двух зол... Вы запомните его улыбающимся мальчиком...

— Он умер у меня на руках, — не выдержав, в голос заревела я. Я спустила ноги на пол, оперлась локтями о колени и подперла ладонями лоб, чтобы не подавиться слезами. — У меня на руках, Мэрилин. Я держала его в последние секунды его жизни и говорила ему... Говорила, что всё будет хорошо... Я врала ему... В последние секунды его жизни я врала ему...

— Нет, ты не врала ему, — обняв меня, прижалась к моему правому плечу Мэрилин. — Слышишь? У него сейчас всё хорошо... Он на небесах смотрит на тебя...

— Значит он видит, что его смерть искалечила мою жизнь.

— Какой ужас! — еще сильнее прижав меня к себе, воскликнула Мэрилин. — Не говори так!.. Какой ужас... Мальчик умер у тебя на руках... Это такая... Психологическая травма...

— Мне кажется, что я скоро загнусь от боли... Она гложет меня... Душит изнутри, — продолжала хлопать я. — Огромная зияющая дыра в области... Сердца. Она пульсирует... Я задыхаюсь... Иногда я просыпаюсь посреди ночи от неопишуемого страха... Мне давно ничего не снится — сплошной мрак. Я всё чаще просыпаюсь в холодном поту, иногда даже с криком... Мне кажется... Я уверена, что боюсь прошлого... Я боюсь того, что уже произошло.

— Дорогая, тебе нужно еще выпить, — протянув мне свой бокал, обняла меня обеими руками блондинка, и я, всё еще плача, сделала глоток, зацепив вином волосы, прилипшие к моим губам от слез. — Какой ужас... — продолжала Мэрилин. — Какой ужас... Хотя бы кто-нибудь знает в каком ты состоянии? Ведь прошел целый год...

— Это был самый ужасный год в моей жизни... Представь, каково должно быть Роланду.

— Роланд — мужчина.

— И что? Хочешь сказать, что раз он мужчина, значит ему не больно?

— Больно. Очень больно. Только мужчины умеют глушить свою боль лучше, чем с этим справляются женщины. Ты посмотри на Роланда... Судя из того, что я читала в интернете —

он умножил своё состояние, прокачал мышцы... У него в душе кавардак, но он круто его глушит посредством работы и спорта... Он виртуозно отвлекает себя от беспорядка в своей душе и пока он отвлекается, время идет... Идет-идет и... Притупляет боль, понимаешь? А ты... Посмотри на себя. Ты ведь совершенно тощая. На тебе штаны висят как на недоделанном рэпере из Манхэттена... Нет, честное слово, джинсы на тебе рэперские... А твои волосы слишком густые, отчего в растрепанном состоянии они походят на дреды... На тебя посмотришь и сразу скажешь, что с тобой не всё в порядке...

— Со мной и есть не всё в порядке...

— Нужно это исправлять, — похлопала меня по коленке Мэрилин и вдруг заглянула в мои глаза испуганным взглядом. — Ты ведь не оставишь меня здесь на ночь одну? В одиночку на новом месте всегда страшно спать...

— Хорошо, переночую с тобой... Тем более, даже если я и попаду в дверной проем выхода — всё равно не смогу спуститься с лестницы не покалечившись...

— Подружки, — весело улыбнулась Мэрилин, вдруг протянув мне мизинец.

— Подружки, — подхватив детский задор блондинки, улыбаясь пожала мизинец мизинцем я.

— Ой, а кровать не заправлена, — уже зайдя в комнату, констатировала Мэрилин.

— В шкафу есть новый набор постельного белья, — отозвалась я, подойдя к шкафу. — Я чувствую, что в тот момент, когда решила тебе помочь, я стала... Гхм... Ой... Няней для мамы Роланда, — истерично хихикнула я. — Это уже диагноз. Неужели я вечно буду нянчиться с семьей Роланда Олдриджа? — скорее себе, нежели Мэрилин, адресовала последние пару замечаний я.

Глава 53. Созревание плана

Мы проснулись в одиннадцать часов из-за сигнализации, которая вовсю разоралась прямо под нашим окном. Если бы не она — мы бы проспали без задних ног еще часа три минимум.

— Пффф... Я везде и всюду опоздала, — выдохнула я, глядя на свой разряженный мобильный.

— Куда можно спешить в воскресное утро? — потирая затылок, морщась спросила Мэрилин.

— На работу. Нужно торопиться, — пытаюсь поднять своё резко отяжелевшее тело, пояснила я.

— Работаешь даже на выходных? Всё-таки мой сынок тиран. Ой, лучше не называть его сыном, — тяжело выдохнув, хихикнула Мэрилин. — А-то чувствую себя мамашей в возрасте. Лучше буду звать его по имени. погоди, лежи, — придавила меня своей беленькой ручкой блондинка. — Раз опоздала — значит опоздала на весь день.

— Хорошая мысль, — улыбнулась я. — Ты определенно плохо на меня влияешь. На меня вся ваша семья плохо влияет.

— И что тут такого? Ты ведь живой человек и у тебя может быть выходной.

— Нет, я так не могу... Я обещала прийти сегодня.

— Обещала — значит придешь. Вот только полежишь часок, отдохнешь, позавтракаешь и пойдешь к этому тирану... Он даже не обнял меня!

— Неужели и вправду надеялась? — улыбнулась я, взглянув на наивную блондинку.

В итоге мы провалялись до двенадцати, после чего Мэрилин отправилась в душ, а я продолжила лежать на кровати, глядя на пожелтевший от старости потолок.

— Всё, теперь ты, — выйдя спустя двадцать минут из душа, заявила блондинка.

— Что я? — непонимающе перевела взгляд на Мэрилин я.

— Ты идешь в душ.

— Я не планировала...

— Даже не вздумай отпираться, иначе я стащу тебя с кровати за ногу. Ты идешь на работу, а значит идешь в нормальном, нет — в идеальном! — виде.

— Я в похмелье — о каком идеальном виде идет речь?

— Чистое полотенце я оставила для тебя на стиральной машинке, — совершенно не слушая меня, констатировала моя новая подруга.

— У меня нет чистого белья.

— Вот, возьми моё, — спокойно произнесла моя собеседница, вытащив из своей дорожной сумки упаковку комплекта и бросив его в меня. — Оно совершенно новое.

— Я не могу...

— Перестань, у меня целая сумка такого. Нижнее белье — это очень важный атрибут женщины. Оно делает тебя более уверенной в себе.

— Вот уж не думала, что нижнее белье поднимет мою самооценку.

И оно не подняло. Даже опустило. Вымывшись содержимым разнообразных флакончиков Мэрилин и протеревшись махровым полотенцем, я обнаружила, что её лифчик минимум на два размера больше моей груди.

— Ну вот, — вручая мне силиконовый бюстгальтер, вздохнула Мэрилин, — ты разделила такой замечательный комплект. И что мне теперь делать с бюстгальтером, который тебе не подошел? Придется выкинуть.

— Выкинуть?! Он ведь совершенно новый!

— Я ношу исключительно комплектное белье. Терпеть не могу, когда верх не совпадает с низом.

— Мне бы твои проблемы, — в изумлении приподняла брови я.

— По-моему, на данный момент у нас одна общая проблема — похмелье. И голод... И похмелье...

Пока я мылась, Мэрилин успела накрутить себе локоны, накрасить губы и нарисовать стрелки. Она снова стала киношной знаменитостью всех времен и народов, и даже не смотря на очевидное похмелье выглядела превосходно. Следующие полчаса она сушила мои волосы, пытаясь завить их широкой, круглой расческой, и заставляла меня воспользоваться хотя бы тушью, карандашом и помадой натурального цвета. Сопrotивляться было бесполезно, да и не было сил. Я просто сидела на кровати и позволяла над собой издеваться, лишь бы только не совершать лишних телодвижений.

Мы пришли к выводу, что похода в магазин нам не избежать и уже через полчаса разменивали в банке на соседней улице семьсот долларов. Был теплый день, и я бы с радостью им насладилась, если бы нежное, теплое солнышко не выедало мне глаза. Хорошо, что Мэрилин заставила взять вторую пару её солнцезащитных очков, которые в буквальном смысле спасали мне зрение, если не жизнь. Купив два пакета самой необходимой еды, мы поплелись обратно в квартиру. Еще через час мы ели рис с помидорами черри и пили малиновый чай без сахара.

— Что-то не легчает, — вслух озвучила наше обоюдное мнение Мэрилин. — Я никогда так не напивалась, потому что это вредно для цвета лица и способствует появлению преждевременных морщин. Я вообще очень осторожна с алкоголем. Пью только шампанское и не больше бокала в неделю. Пффф... Но сейчас нам определенно необходимо опохмелиться. Посмотри, в бутылке что-нибудь осталось?

Я встала из-за стола и направилась в гостиную, где на полу возле дивана стоял раскупоренный бутыль.

— Целая половина, — довольно заключила я.

Мы выпили по бокалу, после чего решили допить оставшееся и влили в себя еще по полбокала.

— Кажется, мы немного перебрали, — заметила я.

— Совсем чуть-чуть, — хихикнув, согласилась Мэрилин. — Послушай, я ведь не вчера

родилась. Ты наверняка думаешь, что я завела с тобой дружбу лишь потому, что ты близка к моему сыну... Знай, что это не так. Я не могу тебе этого доказать, но это не так...

— Да брось ты, я в курсе. У тебя всё на лице написано, не то что у Роланда.

— А что с его лицом?

— Я еще вчера рассказала тебе всю эту историю с Софи, — явно заплетающимся языком начала я, еще больше осознавая, что мы точно перебрали с «опохмельем». — Так вот, результаты ДНК уже пришли.

— И что? Роланд — отец Софи? Только не говори мне, что я стала бабушкой... Я еще так молода.

— Поздравляю — не стала. Я случайно узнала результат. Он отрицательный, но Роланд почему-то скрывает это от меня. Даже обидно... Мы ведь в одной лодке, так почему он так поступает?

— Без понятия, — нахмурила лоб Мэрилин. — Может быть, он ищет подходящий интернат для девочки?

— Я тоже так считаю, — пожала плечами я. — Ты даже не представляешь, как мне жаль Софи. Она необычный, очень добрый, заботливый и душевный ребенок. Не представляю, какое будущее её ждет в интернате...

— Ой, — икнула Мэрилин и снова весело захихикала. — Прости... Послушай, за какую цену ты сдаешь эту квартиру?

— Тебе бесплатно.

— Погоди. Мы ведь подруги?

— Вообще-то у меня никогда не было настоящих подруг, не считая Сэм. Но я постараюсь...

— Замечательно. Значит сколько? Пятьсот долларов?

— За эту халабуду?! Здесь ведь стены рушатся. Не больше трехсот.

— Нет, пятьсот и точка. Вот, — вытащила из кошелька две пятьсот долларовые купюры Мэрилин.

— Здесь тысяча.

— За вчера и за сегодня.

— Ты издеваешься?! Посуточно пятьсот?! Максимум триста за месяц!

— Странные у тебя расценки... Ладно, как скажешь. Пятьсот в месяц и ни долларом меньше. Не хочу чувствовать себя неблагодарной. И вообще с таким ценником может создасться впечатление, будто я тебя обворовываю.

— Прекрати нести чепуху.

— Я хочу доказать тебе, что наша дружба никак не связана с тем, что ты дружишь с моим сыном. Только не вздумай подумать, что я хочу через тебя найти лазейку к Роланду. Я сама справлюсь.

— А зря — именно через меня ты и можешь к нему подкатить. Возможно я — твоя единственная надежда. Да! Я помогу тебе, — видимо градус алкоголя слишком сильно ударил мне в голову, отчего я неожиданно охрабрела, совершенно забыв думать о том, что Олдридж может меня уволить.

— Нет, я сама... — начала Мэрилин, но я резко её оборвала.

— Ну и что ты можешь сама? Сидеть на чемоданах напротив его дома? Роланд приказал Джонатану не впускать тебя в дом, так что у тебя шансы попасть внутрь нулевые.

— Что ты предлагаешь?

— Я предлагаю несанкционированное проникновение на территорию поместья мистера Олдриджа.

Глава 54. Добрый, заботливый, понимающий...

Мы вышли из квартиры в начале пятого, а к моменту, когда, наконец, оказались у финала холма, уже было начало шестого. Солнце лишь изредка прорывалось через густые облака, напоминая нам о своём существовании. Мы шли медленно, словно улитки, только следа из слизи за собой не оставляли.

— Ты уверена... Уф... Что знаешь, что делаешь? — тяжело дыша, поинтересовалась Мэрилин, идя справа от меня и поддерживая моё хрупкое тельце за предплечье.

— Нет, — тяжело выдохнула я. — Всё зависит от ситуации. Дверь иногда открывает сам Роланд, а не Джонатан.

С каждым шагом вверх по холму мы бледнели всё сильнее, словно накануне объелись поганками. Мэрилин куталась в свой плащ, постоянно поправляя солнцезащитные очки формы кошачьих глаз, и убирала с носа надоедливый густой локон. Я же оттягивала на себе куртку из нью-йоркера и надеялась на то, что не склею ласты на самом верху холма, если вообще смогу до него добраться.

— В конце концов, не ты одна виновата в том, что ты не смогла стать хорошей мамой, — тяжело дыша, продолжала наш нелепо-заплетающийся диалог я.

— Оу, ты слишком добра ко мне, — дыша едва ли не тяжелее меня, отозвалась Мэрилин.

— Нет, я серьезно. У каждого человека должен быть повторный шанс.

Наконец добравшись до вершины холма, мы остановились, после чего нас окончательно разморило. Если прежняя прохлада немного отрезвляла наше пьяненькое состояньице, то сейчас, запыхавшись и подняв температуру тела, мы явно покачивались, глядя на раскрасневшиеся лица друг друга. Я не считала себя пьяной, но мне было далеко до трезвого состояния, причем Мэрилин до него было еще дальше.

Дойдя до входной двери дома под номером десять, я установила Мэрилин справа от входа, заставив прислониться её спиной к стене и ждать, пока я её не позову. К нашему общему облегчению, дверь открыл старый-добрый Джонатан. Нервно улыбнувшись швейцару, я зашла внутрь поместья, гулко закрыв за собой дверь.

— Джонатан, добрый день, — как можно более непринужденно и «неподдельно» весело поздоровалась я.

— Мы думали, что Вы сегодня не придете, — не скрывая удивления, констатировал Джонатан.

— Оу, я просто забыла свою сумочку — в ней все мои деньги... А где Роланд?

— Мистер Олдридж в своем кабинете.

— Здорово, — хитро ухмыльнулась я, радуясь удачно сложившейся ситуации, но вовремя спохватилась. — Джонатан, не могли бы Вы сделать для меня одолжение?

— Кажется, Вы немного пьяны.

— Совсем немного, Джонатан.

— Вы подозрительно часто произносите моё имя. Вам определенно что-то нужно от меня, мисс.

— Только хочу Вас попросить принести мою сумочку.

— Конечно. Где Вы её забыли?

— В домике Мартина. Я подожду Вас здесь.

— Я скоро вернусь.

— Оу, можете не торопиться, Джонатан. Я не помню где именно её оставила. Может быть в спальне Софи или на кухне, или даже в палисаднике. Поищите как можно лучше. Она мне срочно нужна.

Джонатан с подозрением посмотрел на меня, после чего, наконец, отправился в нужном для меня направлении. Дождавшись, пока он окончательно скроется из виду, я открыла входную дверь и впустила Мэрилин внутрь.

— Диверсия[20] удалась, — возбужденно-радостным шепотом сообщила я. Мы слишком поспешно начали раздеваться, из-за чего в итоге обе споткнулись, пытаясь снять с себя обувь. Мне даже пришлось придержать блондинку, чтобы она не растянулась пьяненькой на полу.

— Соберись, — прошептала я, испуганно глаза по сторонам. — Предстоит серьезный разговор. Джонатан вернется через минут десять, когда не сможет найти мою сумку, так что у нас мало времени.

— Хорошо, — округлив глаза, согласно кивнула головой Мэрилин.

— Хорошо, что мы не пьяные.

— А какие же мы?

— Слегка подвыпившие. Это даже делает меня увереннее, — призналась я.

— А меня наоборот.

— Ладно, тихо, — уже подходя к кабинету, попросила я. — Я сейчас зайду, но дверь не до конца прикрою за собой. Ты стой здесь и жди знака. Когда я его тебе подам — только тогда заходи. Понятно?

— Понятно, — быстро закивала головой Мэрилин, и я вдруг почувствовала себя разбойницей, подстрекающий ребенка на шалость. Сделав пару глубоких вдохов и выдохов, я, наконец, постучала в дверь.

— Да, — послышался знакомый баритон, неожиданно заставивший меня ступешаться. — Ну кто там мнется?

— Привет, — наконец открыв дверь, зашла в кабинет я, стараясь придерживать твердость прежде расшатавшейся походки. За окном сильно потемнело, из-за пришедших с севера, свинцовых туч, отчего сейчас кабинет был освещен теплым светом люстры. Роланд находился в шаге от своего стола. Держа папку на уровне груди, он слегка присел на высокий выступ книжной полки и оперся спиной о стеллаж с книгами. Если бы я присела на этот выступ — мои ноги болтались бы в воздухе.

— Что читаем? — кивнула я на черную папку, которую он держал раскрытой в руках. Роланд был одет в темно-синюю рубашку, рукава которой были закатаны до локтя, и черные джинсы. Весь этот темный цвет никак не позволял мне расслабиться. «Уж лучше бы он был одет во что-нибудь желтенькое и дружелюбное. В костюме цыпленка, например», — пронеслось у меня в голове, отчего я нервно улыбнулась.

— Бухгалтерский отчет за квартал, но это навряд ли тебе интересно, — внимательно наблюдая за моим выражением лица, ответил Роланд. — Ты сегодня какая-то... Странная. Вообще я не ожидал тебя сегодня увидеть.

— Я просто проспала.

— Полдня? — совершенно спокойно уточнил он, после чего вдруг сдвинул брови. — Погоди... Ты что, напилась?!

— Я всего лишь чуть-чуть пьяненькая. Совсем немного, — начала оправдываться я.

— Так и знал, что тебя нельзя было вчера отпускать пораньше. Я сейчас попрошу Джонатана довести тебя до дома... — начал Роланд, положив справа от себя папку.

— Погоди, — резко прервала его я, после чего Роланд улыбнулся и скрестил руки на груди.

— Ты сейчас забавно выглядишь, знаешь? — продолжал искренне улыбаться Олдридж.

— Возможно. Но сейчас не об этом...

— И, кстати, лучше, чем в трезвом виде.

— Не перебивай. Послушай... Ты мне кто?

— Так, — напрягся Роланд. — Кто?

— Ну вот кто ты мне? Я тут шла и думала... Сначала ты был моим работодателем, но потом мы столько пережили вместе... Мы даже общаемся друг с другом на «ты». Значит, ты мне уже не просто работодатель, так?

— Так, — утвердительно кивнул головой Олдридж, явно ожидающий подвоха.

— Но мы и не друзья. Потому что у друзей нет секретов друг от друга, а у тебя секреты есть. Значит мы хорошие знакомые...

— Погоди-погоди... О каких таких секретах ты говоришь?

— Это отдельная тема.

— А у тебя, значит, секретов от меня нет?

— Ни одного. Давай, спроси у меня что-нибудь, — с вызовом слегка притопнула ногой я.

— Сколько раз за прошедший год ты целовалась?

— Ни разу. Вот видишь — нет у меня секретов. А ты?

— Ни разу. Выходит и у меня секретов нет.

— Тот факт, что за прошедший год ты ни разу не целовался, совершенно не означает, что у тебя нет от меня секретов. Подожди, мы отклонились от темы... Послушай, если мы хорошие друзья, значит мы можем бескорыстно выручать друг друга, так? Я ведь выручаю тебя с Софи... Хотя нет, это не бескорыстно, ты мне платишь за это... Но я ведь не бросила тебя с ребенком на руках и всё такое... Хотя мне и больно от того, что я снова переживаю всё заново. Словно прыгаю на граблях, понимаешь? Но я согласилась тебе помочь, потому что думала о тебе больше, чем о себе... Так?

— Приятно, если так.

— Это так. Теперь... Гхм... Можешь мне помочь?

— Без проблем.

— У меня есть друг... Подруга. Ей нужна работа. Тебе даже не придется ей платить, потому что у нее достаточно денег... Она будет работать за еду.

— Подожди, — нахмурился Роланд. — Что-то не связывается. Твоей подруге, у которой достаточно денег, нужна работа, на которой её будут кормить? Она что, готовить не умеет?

— Я знаю, у тебя уже укомплектован штат, но... Мне нужна помощница, — неожиданно для самой себя, заявила я.

— Помощница?

— С Мартином мне помогала Доротeya, но Доротей сейчас нет и её место пустует. Если бы у меня была помощница, я могла бы спокойно проводить свои выходные вне этого дома, и тебе не пришлось бы присматривать за Софи пока меня нет рядом.

— Неплохая идея, — вроде бы задумался Роланд. — И кто эта твоя подруга?

— Ой, она очень хорошая, — взъерошено замахала руками я. — Ты будешь ей доволен.

— Ты так её хвалишь, что я начинаю сомневаться.

И тут я внезапно чихнула! Сразу после моего чиха за моей спиной заскрипела дверь, и я испуганно обернулась. Мэрилин украдкой заходила в кабинет, скромно махая Роланду ручкой и мило нам улыбаясь.

— Ты зачем зашла?! — прошептала я, по-пьяни считая, будто Роланд меня совершенно не слышит.

— Ты ведь чихнула, — таким же достаточно громким шепотом ответила мне Мэрилин.

— И что?! — продолжала шипеть я.

— Я подумала, что это знак.

— Перестаньте шептаться, я вас слышу, — нахмурился Роланд, после чего встал со своего места. — Всё ясно...

— Нет, — мгновенно встав перед Олдриджем, я правой ладонью уперлась в его грудь, тем самым заставив его снова сесть обратно на полку. — Ничего не ясно.

— Глория, не вмешивайся в семейные отношения...

— Вот именно — в семейные. Она твоя мама, понимаешь? Это значит, что Мэрилин — единственный родственник, который остался у тебя после смерти Мартина, и теперь ты не один на этом белом свете...

— Ей не место в моем доме, — непоколебимым, холодным тоном произнес Роланд, после чего снова встал. — И я не собираюсь потворствовать твоим детским выходкам.

— Почему сразу детским?! Мне двадцать четыре и потом... Ты ведь даже не попытался её выслушать! Вот ты думаешь, что она тебя бросила, а на самом деле история запутанная... Твой отец ей изменил, после чего она его разлюбила и влюбилась в другого человека, которого он угрожал прикончить... И вообще ты сам должен всё узнать от Мэрилин, а не я тебе должна рассказывать. Вот.

— Я сказал нет. Вот видишь, никаких тайн у меня от тебя тоже нет. Я говорю то, что думаю и не скрываю от тебя своих мыслей.

— Роланд, — шепотом произнесла Мэрилин, скромно подняв руку, словно прося право голоса, после чего тем же шепотом продолжила, приставив ладонь к правому уголку своих губ, словно желая рассказать Роланду что-то очень важное по-секрету. — Глория имела в виду, что ты скрываешь от нее результаты ДНК-теста. Она случайно увидела документ, в котором говорилось, что Софи не твоя дочь и теперь обижается на тебя, потому что думала, что находится с тобой в одной лодке, а ты взял и скрыл от нее этот факт.

— Зачем ты рассказала ему об этом?! — рассерженно прошипела я на Мэрилин. Мы втроем словно общались в скрытом чате, который случайно видели все и сразу.

— Нельзя было, да? — скорчила извиняющуюся рожицу Мэрилин. — Прости. Ты так ярко заступалась за меня, что я решила не отставать.

— У тебя жуткий Американский акцент, когда ты пьяненькая, — вдруг заметила я.

— Да-а-а, — заулыбалась мне в ответ Мэрилин, и я снова посмотрела на Роланда, стоящего всего в шаге от меня.

— Вы обе пьяненькие, — уже более мягко заметил Роланд. — И я не собираюсь объяснять причину своего поступка пьяненькой девушке.

Я была уверена в том, что не пьяна, хотя определенный градус в моей крови всё-таки присутствовал. Именно он делал меня сейчас такой храброй. Роланд смотрел прямо в меня

своими серыми, серьезными глазами и я вдруг поняла, что нахожусь всего в паре сантиметров от победы, но мой оппонент вдруг снова скрестил руки на груди, словно пытаюсь выстроить между нами баррикаду из своих стальных мышц.

— Нет-нет-нет, — неожиданно для самой себя, начала расцеплять его руки я, чем привела Роланда в абсолютное замешательство. — Только не скрещивай руки. Так ты подсознательно пытаешься защититься от моих нападков.

— Я не устрою её в свой дом, — Роланд смотрел на меня удивленным взглядом, и я, поняв, что, наконец, начинаю пробивать брешь в его броне невозмутимости, вдруг окончательно осмелела.

— Роланд, ты ведь такой хороший, — внезапно произнесла я и, неожиданно даже для самой себя, обняла Олдриджа, положив голову ему на грудь. — Ты такой добрый, заботливый, понимающий... Ты всегда-всегда помогаешь всем. Помнишь, как ты помог нам с двойняшками? И Джесс родилась благодаря твоим стараниям. И фонд твой спасает миллионы жизней. Ты щедрый, хороший, заботливый, чуткий, добрый... Ой, — улыбнулась я и подняла голову, чтобы посмотреть в серые глаза своей жертвы. — Что ты добрый и хороший, я уже говорила.

Роланд окаменел. Я же смотрела на него улыбаясь и наслаждалась тем эффектом, который смогла произвести на столь непреклонного, твердого и властного мужчину. Естественно будь я трезва, я бы никогда в жизни не поступила бы подобным образом, и определенно позже мне будет стыдно за своё поведение, но в данную секунду мне было весело наблюдать за тем, как Роланд Олдридж смотрит на меня сверху вниз смущенным взглядом, совершенно не зная, куда деть свои разведенные руки.

— Ладно, — наконец признав своё поражение, выдавил Роланд, отчего я вдруг на несколько секунд сжала его еще сильнее, после чего выпустила жертву из своих объятий.

— Спасибо, — засияла я, почувствовав прилив крови к щекам. — Мы придем завтра.

— Ты молодец, — прошептала мне Мэрилин, когда я, весело размахивая руками по сторонам, приблизилась к ней.

— Я думала, что он меня уволит, — шепотом произнесла я.

— Обязательно уволю, если Мэрилин под твоим началом где-нибудь накосячит, — отозвался Роланд, и я резко обернулась. По-моему, цвет его лица стал розовым.

— Не накосячит, — довольно улыбнулась я.

— Не накосячу, — скромно заметила Мэрилин.

— Я позабочусь о том, чтобы накосячила, — словно пытаюсь вернуть себе хладнокровие, нахмурился Роланд, когда мы уже выходили из кабинета.

— Ты милашка, — улыбнулась в ответ своему работодателю я и захлопнула за собой дверь, мельком заметив, что он снова опешил. — Видела? Всё получилось!

— Ты кру-у-утая... — протянула блондинка. — У меня бы так не вышло.

Мы уже сидели на полу и одевали обувь (стоя мы смогли надеть только куртки, так как нагибаться было выше наших возможностей), когда перед нами возник Джонатан.

— Боюсь предположить, что Вы меня обманули, мисс Пейдж, — наблюдая за тем, как пыхча застегивает ремешки на своих туфлях Мэрилин, произнес швейцар.

— Джонатан, только не обижайтесь, — поправив солнцезащитные очки Мэрилин у себя на голове, попросила я, завязав последний шнурок на правом кроссовке и довольно облокотившись о стену. — Я Вас вовсе не обманывала. Я просто... Вас обхитрила. Без обид?

— На Вас невозможно обижаться...

— Джонатан, — оборвал швейцара появившийся Роланд, явно строящий из себя серьезного и холодного мужика. — Возьми машину и развези этих двух пьянчужек по домам.

— Мы не пьяные, — подняв голову, кокетливо-скромно улыбнулась Мэрилин.

— Такие же не пьяные, как ты не сын Мэрилин, — парировала я.

— С тобой у меня будет отдельный, серьезный разговор, — попытался нахмуриться Роланд.

— Ой-ой-ой, — скорчила «серьезную» рожицу я, упершись ладонями в бока. — Уже начинаю тебя бояться. Завтра приду в рваных джинсах. Ты как-то говорил, что в них мне всё прощается...

Роланд снова начал розоветь, явно не зная, что ответить на мою иронию, и уже спустя несколько секунд я, с полной уверенностью в своей победе, вышла из поместья вслед за Джонатаном и Мэрилин. На улице сгустились черные тучи и на землю начали падать первые, крупные, ледяные капли воды.

Сначала мы завезли Мэрилин, а когда подъехали к моему дому, к мощному ливню примешался еще и снег. Внезапно стало настолько темно, что казалось, будто наступила ночь.

Поздоровавшись с родителями, я отправилась наверх, легла в кровать и, скрутившись в позу эмбриона, обхватила себя руками. «Мартин — Мартин — Мартин... Как же мне больно без тебя! Прости, что не смогла стать для тебя лучшей няней... Лучшей подругой...»

Прежде чем погрузиться в глубокий сон, я проплакала около получаса.

Глава 55. Активное утро

Проснувшись в шесть утра, я посмотрела в окно. По-видимому, ночная буря была слишком сильной, о чем свидетельствовала пара сломанных веток соседского дерева, лежащая посреди дороги.

Я приняла душ, высушилась, заплела хвост, потом расплела его и надела персиковую толстовку на молнии, и потертые джинсы с модно-рваной правой калошей. Слегка подкрасившись, я села на кровать и заглянула в мобильный — без пятнадцати семь. На экране высвечивалось три сообщения, последнее из которых было получено пять минут назад. Все сообщения были от Мэрилин:

05:55 Ты ведь не забыла о том, что ты зайдешь за мной?

06:15 Мне совершенно нечего надеть! В чем ты ходишь на работу?

06:40 Обязательно позвони мне, когда проснешься. Кажется, у меня паника.

— Хочу сообщить тебе, что я проснулась, — выдохнула я, стоя посреди столовой и дожевывая свой бутерброд с ветчиной.

— Можешь сейчас ко мне приехать?

— Что-то случилось?

— Кажется, я сломала газовую плиту.

•
○ *

Уже спустя полчаса после нашего созвона я стояла на дедушкиной кухне и в очередной раз убеждалась в том, что связалась с ребенком. Мэрилин просто не воткнула розетку и, оставшись голодной, урчала желудком мне прямо на ухо, пока я не приготовила ей овсяную кашу на молоке. Да, это был не императорский завтрак и свалившейся на мою голову миллионерше пришлось морщить нос во время приема пищи, однако её голод был сильнее её прихотей.

Без десяти восемь мне позвонила Сэм и попросила подъехать к Эмили. Я решила взять Мэрилин с собой, так как времени возвращаться за ней по пути на работу у меня могло попросту не остаться.

— Что случилось? — с порога поинтересовалась я.

— Я отравила Эми, — испуганным голосом сообщила мне Саманта, после чего перевела взгляд на стоящую рядом со мной Мэрилин и еще больше округлила глаза. — Мэрилин Монро?!

— Мэрилин Пасс, — улыбнулась блондинка, протянув руку рыжеволосой.

— Моя новая... Подопечная. Что с Эми? — уже войдя внутрь, поинтересовалась я.

— Я приготовила пирог из консервированного тунца, но кроме Эми его никто не пробовал, так как все объелись индейкой твоей мамы... Я осталась ночевать с Эми, а наутро её вывернуло моим пирогом. Похоже, консерва была просроченной...

— Эй, ты как, — опустившись на колени рядом с Эми, сидящей у унитаза, поинтересовалась я.

— Уже лучше... Монро?! Похоже, мне стало хуже... У меня начались галлюцинации.

— Я не галлюцинация, — заулыбалась Мэрилин. — Меня зовут Мэрилин Пасс...

— Случайно не дочь Бенджамина Пасса? — тяжело выдохнула Эми.

— Именно, — скромно улыбнулась Мэрилин, после чего Эми вывернуло. — Нужно дать ей активированный уголь. У вас есть аптечка? — обратилась Мэрилин к Сэм.

Через полчаса мы втроем сидели в гостиной и пили крепкий зеленый чай, нервно глядя на бледную Эмилию, которой стало лишь немногим легче.

— Сэм, Глория мне рассказывала о тебе, — улыбнулась Саманте Мэрилин.

— Правда?

— Да, она хвалилась твоей молодостью. Хочу признать, что она не преувеличивала. В свои сорок ты выглядишь на тридцать.

— Глория, тебе следует меньше гулять по Б***-стрит — ты цепляешь там странных личностей, — обратилась ко мне тётя.

— Это комплимент? — непонимающе захлопала густыми ресницами Мэрилин.

— Определенно, — ответила Сэм, и они улыбнулись друг другу, после чего я поняла, что эти двое поладили.

— А почему ты решила, что я с Б***-стрит?

— Потому что ты пользуешься Шанель № 5 и в ушах у тебя бриллианты.

— Ой, — довольно заулыбалась Мэрилин. — Какая прекрасная у тебя индукция.

— Которая совершенно не позволила мне обратить внимание на срок годности тунца...

— Если вы не прекратите говорить о тунце, меня снова вывернет, — простонала Эмилия.

— Прости, — поморщилась Сэм, после чего снова обратилась к Мэрилин. — Почему ты так

похожа на Монро?

— При рождении мне дали имя Мэрилин, что впоследствии и сформировало мою чрезмерную симпатию к этой великой актрисе. Я с детства была на нее похожа, а после развода с Олдриджем и вовсе решила изменить внешность. Пришлось сделать пластику носа и губ, осветлить волосы и вуаля... Почти точная копия, если сильно не присматриваться.

— Что ты сказала? — округлила глаза Эми.

— Что я не точная копия. Скорее семьдесят процентов...

— Ты сказала, что ты развелась с Олдриджем, — пояснила Сэм, отодвинув от себя чашку с чаем. — Ты бывшая жена Олдриджа?! Я думала, что Роланд убежденный холостяк... погоди — ты мать Софи?!

— Саманта, остановись, пока твой мозг не взорвался, — уставшим голосом попросила я рыжую.

— Я мама Роланда, — кокетливо засмеялась Мэрилин, прикрыв рот белоснежной ручкой с бриллиантом на указательном пальце.

— Мама?! — всё. Сэм потеряла контроль над реальностью. — Но тебе ведь не больше тридцати трех. Ты родила его в пять лет?!

— Мне сорок восемь, — улыбнулась Мэрилин и добавила. — Чудо подтяжки, плюс активное занятие спортом.

— Ты старше меня на восемь лет?! — не прекращала охать Саманта. — Я думала, что я старше тебя лет на пять... погоди — мама? Ты ведь, вроде как, его...

— Бросила, — выдохнула Мэрилин. — Да.

— Там запутанная история, — решила вступить за блондинку я. — Сложно сказать, кто кого и как заставил бросить... Вы посмотрите на нее. Она ведь не то что воспитать ребенка не сможет — она сама ребенок. Роланд рядом с ней выглядит как взрослый мужик на фоне трехлетней соплячки. Кстати о детях... Мэрилин, нам сию же секунду нужно выходить, если ты не хочешь опоздать в свой первый рабочий день.

— О какой работе идет речь? — поинтересовалась Сэм, начинающая постепенно приходить в себя и здраво всё переваривать.

— Оу, мой сын согласился принять меня к себе на работу.

— Пффф... — только и смогла выдохнуть Сэм.

— Это долгая история, — кокетливо улыбалась блондинка. — Если хочешь, можешь прийти ко мне в гости, и я всё в подробностях тебе расскажу. Я уверена, что мы подружимся и нам

будет интересно пообщаться. Я в этом городе никого не знаю, поэтому с меня — суши, с тебя — уши.

— Неплохая идея. Где ты живешь? — Мэрилин назвала адрес своего местожительства, и Сэм, услышав адрес своих родителей, в очередной раз опешила. — Где?!

— Я сдала ей дедушкину квартиру, — пожала плечами я. — Неплохо платит. Пятьсот долларов.

— В сутки, — улыбнулась Мэрилин, заставив всех нервно захихикать.

Глава 56. Вызов принят!

В поместье мы пришли минута в минуту и, к моему облегчению, с Роландом мы не пересеклись. До обеда я объясняла Мэрилин принцип работы с Софи: игры — общение — обед — сказка — дневной сон — рисование + досуг — ванная — сказка — сон. На первый взгляд ничего сложного, если не учитывать того факта, что Мэрилин запуталась в колготках, в итоге надев их задом-наперед на глазающую на нее Софи, которая явно находилась под впечатлением от новой тёти.

На обеде Роланд не появился и я уже начала думать, что он нарочно игнорирует наше общество, но позже Джонатан сообщил мне, что Роланд вынужден был отправиться с утра в Лондон, чтобы решить возникшие в его компании вопросы. Не знаю почему, но эта информация позволила мне выдохнуть с облегчением.

Я пыталась втянуть Мэрилин в процесс воспитания девочки, надеясь в будущем меняться с ней выходными, поэтому именно она сегодня читала Софи сказку перед сном. Если честно, она замечательно поладила с девочкой. Порой даже создавалось впечатление, словно эти двое разговаривают на неведомом мне языке, который способны понять только блондинки. Пока Мэрилин укладывала Софи спать, в гостиной появился Джонатан и сообщил мне, что мистер Олдридж вернулся и просит меня явиться к нему в кабинет.

•
○ *

— Привет, — войдя в кабинет поздоровалась я, стараясь вести себя как можно более непринужденно, и уже хотела сесть в свое кресло, когда Роланд молча указал на стул перед своим столом, и я поняла, что Олдридж без настроения. Сев на стул и закинув ногу на ногу, я осторожно взглянула на своего работодателя.

— Я не рассказал тебе о результатах ДНК-теста потому, что судьба Софи зависит от тебя.

— В смысле?

— Я согласен взять опеку над девочкой, но только в том случае, если ты согласишься быть ей постоянной няней, так как я заниматься воспитанием чужого ребенка не горю желанием и не имею времени, как и не жажду нанимать в свой дом постороннего человека, для

постороннего ребенка. Замкнутый круг. Увольняешься ты из этого дома — увольняется и Софи.

— Жестко.

— Лучшего варианта предложить не могу.

— Почему я должна беспокоиться о судьбе чужого ребенка?

— Тот же вопрос я могу задать и тебе. Я готов обеспечивать этого ребенка, но не буду заниматься самообманом и обманывать окружающих по поводу того, что смогу уделять своё время на его воспитание. Либо я обеспечиваю эту девочку, а ты за ней присматриваешь и мы втроем в одной лодке, либо мы кидаем вёсла и каждый гребет сам за себя.

— Ты прав, — собравшись с мыслями, спустя минуту наконец произнесла я. — В конце концов, это чужой ребенок нам обоим и, по сути, его подкинули не тебе, а нам... Так что... Да.

— Да?

— Да. Я согласна быть её няней на неопределенный срок. Будем честны — ты хорошо платишь, а Софи замечательная девочка. Лучшей работы в этом городе мне не найти, так что я согласна работать нянкой, пока не определюсь со своим будущим.

Внимательно выслушав меня, Роланд молча протянул мне контракт и чернильную ручку-перо.

— Всё-таки у тебя не роспись, а клякса, — заметил он, принимая документ обратно, и я вспомнила, что прежде он уже говорил мне что-то подобное, когда я подписывала контракт на сопровождение Мартина за границей.

— Проблемы на работе? — отложив ручку, поинтересовалась я, на сей раз потому, что мне действительно было интересно, а не для отвода темы.

— Уже нет. Но могли быть крупные, если бы я вовремя не обратил внимания на подозрительную активность в квартальном отчете.

— Послушай, по поводу Мэрилин...

— Я сам принял решение взять её на работу — сам с этим и разберусь.

— Во-первых, не сам — я на тебя надавила, а во-вторых — что значит «разберусь»?

— Это значит, что с завтрашнего дня у твоей подруги каждый день в этом доме будет пыткой, пока она сама не сбежит отсюда. И зная её — она сделает это быстро.

— Она не сбежит.

Следующий день наступил незамедлительно и Роланд не стал откладывать в долгий ящик своё обещание, данное мне накануне.

— Оу, Мэрилин, Вы решили отличиться пунктуальностью? — спускаясь с лестницы вниз в прихожую, поинтересовался Роланд, закатывая рукава своей рубашки, пока мы переобувались у входа.

— Не называй меня на Вы, а-то я чувствую себя старухой.

— Как пожелаете, миссис Пасс, — спокойно произнес Роланд и, до локтя закатав последний рукав, с невозмутимым видом отправился в сторону домика Мартина. Мы с Мэрилин переглянулись и быстрым шагом последовали за ним. Остановившись возле камина, Роланд придирчиво провел пальцем по его выступу. — Это что?

— Пыль, — непонимающе ответила я.

— Я не у тебя спрашиваю.

— Пыль, — захлопала ресницами Мэрилин.

— Что делает пыль в комнате, в которой проживает моя подопечная? Чем ты вчера весь день занималась? Я взял тебя на официальную работу...

— Ты не подписал со мной контракт, — продолжала испуганно хлопать глазами Мэрилин.

— Потому что у тебя испытательный срок, и ты рискуешь с треском его провалить. Я плачу тебе двадцать фунтов в час не для того, чтобы ты прохлаждалась.

— Роланд, здесь всегда прибиралась горничная... — робко вступилась за Мэрилин я, но он мгновенно оборвал меня.

— Нет, изначально здесь прибиралась ты, хотя и состояла в должности няни. Даже чуть дыру не проделала шваброй на месте, на котором я сейчас стою, из-за чего я и не передал эту обязанность горничной. Той горничной больше нет, а пыль сама себя не уберет. На сегодня я освободил целый день для того, чтобы контролировать твою работу, — вдруг перевел взгляд на Мэрилин Роланд. — Пыль должна отсутствовать, пол блестеть и так во всем доме. За мной, — уверенно скомандовал Олдридж, и мы отправились за ним в ванную. — Вот здесь расположены моющие и чистящие средства. Швабры нет, но тебе вполне хватит пары рук, тряпки и таза с теплой водой. Глория.

— Да, — захлопала глазами я, боясь, что сейчас прилетит и мне.

— Уже девять часов — пора будить Софи.

Обычно Софи в такое время уже просыпалась и ждала меня, сидя на своей кровати и играя с куклой, но сегодня она всё еще спала. Я разбудила девочку, сводила в туалет (мы как можно тише прошли мимо сидящего на диване и почтывающего журнал Роланда), умыла её и начала одевать, когда со стороны кухни раздался треск. Я отреагировала молниеносно — взяв Софи на руки, я добежала до места преступления быстрее, чем это успел сделать Роланд. Мэрилин стояла с округленными глазами и разведенными руками над разбившейся напополам, фарфоровой пиалой. Медленные, размеренные шаги Роланда были уже близко — у нас оставалось не более десяти секунд до его заявления на кухню. Любопытная Софи подошла к пиале и взяла две её половинки в свои маленькие ручки, после чего я инстинктивно подхватила девочку и засунула её под раковину, в нижнюю полку гарнитура, прислонив к своим губам указательный палец, тем самым прося девочку о тишине, на что Софи положительно закивала головкой, еще сильнее прижав к себе две половинки разбитой чаши. Роланд как раз зашел в тот момент, когда я закрыла дверцу и сделала шаг в сторону от шкафчика, в котором затаилась малышка.

— Что разбито? — твердым тоном поинтересовался Роланд.

— Ничего, — машинально соврала я.

— Совершенно ничего, — положительно закивала головой блондинка.

— Где Софи? — перевел взгляд на меня Олдридж.

— Эм... Гхм... Она в ванной.

— Я шёл мимо ванной — её там нет.

— Правда? Значит в комнате для гостей. Просто мы играем в прятки...

Сделав непроницаемо-холодное лицо, Роланд подошел к той самой дверце, за которой сидела девочка, и резко её открыл. Софи, с самого начала понявшая, что от Роланда необходимо прятаться, аккуратно поставила разбитую пиалу рядом с собой и мгновенно закрыла глаза ладошками. Я подавилась смешком, отчего Роланд бросил на меня свой ледяной взгляд, заставив меня смутиться.

— Ах, Софи, вот ты где... А я тебя ищу, — начала я, наклонившись к девочке. — Иди ко мне на ручки.

— Минус сто фунтов из зарплаты, — строго посмотрел на Мэрилин Роланд.

— Сто?! Это слишком много для пиалы, — запротестовала я

— В таком случае не советую разбивать блюдца для чашек — они стоят гораздо дороже.

— В прошлом году я разбила вазу, и ты не вычел её стоимость из моей зарплаты. А Дин разбил креманку...

— Ни ваза, ни креманка не нравились мне так, как нравилась мне эта пиала. Сто фунтов. В гостиной до сих пор лежит пыль.

До обеда Мэрилин буквально вычищала гостиную. Из-за пасмурной погоды, выход на террасу был закрыт, да я и не могла бросить Мэрилин в беде. Я молча взяла щетку для сбора пыли и начала умело ей орудовать, пока Мэрилин вычищала камин. Она успешно испачкала в сажу свою газовую блузку от Диор, отчего выглядела маленькой девочкой, копошащаяся в грязи.

Протерев всю пыль я не выдержала мук блондинки, наряженной в брендовую одежду, и забрала у нее принадлежности для чистки камина. Уже спустя полчаса камин был кристально чист, а Мэрилин всё еще развозила сырость тряпкой по паркету. Убрав все ненужные принадлежности в ванную, я уже хотела заняться полом, когда терпение Роланда треснуло:

— Глория, кто смотрит за Софи?

— Эмм...

— Правильно, никто. Я тебе плачу за то, чтобы ты присматривала за Софи. То есть если она спит — ты будешь смотреть, как она спит, а не вымывать в это время полы. Задачи же Мэрилин остаются задачами Мэрилин. Возьми Софи и отмой ей маникюр, который она так яростно нанесла коралловым маркером. И не позволяй ей больше так делать.

Подойдя к Софи я едва не охнула. Она раскрасила не только руки до запястья, но и пальцы ног, сделав себя похожей на маленького вампирчика. Следующие полчаса я отмывала девочку от маркера, после чего села с ней на ковер напротив Роланда, чтобы помочь малышке разобраться в детской головоломке. В это время Мэрилин, сидя на полу, вяло дергала тряпкой, еле переползая с места на место и подтягивая за собой таз с посеревшей водой. Роланд же, с отстраненным лицом, перелистывал страницы очередного бизнес-журнала, временами заменяя журналы старыми газетами. Наконец наступило обеденное время и вошедший Джонатан, с неподдельным удивлением посмотревший на сидящую на полу Мэрилин с тазом у колен, сообщил, что обед готов.

Во время обеда Мэрилин села на место Мартина, но это, странным образом, меня никак не задело. Мы отобедали в полном молчании, после чего всё началось по новой.

— Я домыла, — радостно сообщила Роланду Мэрилин, поднявшись с пола и взяв таз с водой в свои раскрасневшиеся руки как раз в тот момент, когда я выходила из комнаты только что уснувшей Софи.

— Я сказал вычистить пыль и помыть полы во всем доме, а не конкретно в одной комнате, — хладнокровно перевернул страницу журнала Роланд. — Можешь продолжать.

В ответ Мэрилин лишь тяжело выдохнула и отправилась в сторону кухни. Я же, сев напротив Роланда, постучала по его журналу.

— Ты бы хотя бы выслушал её.

— Ты попросила устроить её на работу, и я устроил. О большем для нее ты не можешь меня просить.

— Ты невыносим, — встала со своего места я и хотела отправиться за Мэрилин, но Роланд меня оборвал.

— Твоя работа — присматривать за Софи, — твердо произнес он, приподняв бровь, но даже не взглянув на меня.

Я развернулась и нарочито сердитым шагом отправилась в комнату спящей Софи.

Весь день так и прошел: Роланд читал журналы и выходил в интернет через планшет, Мэрилин драила полы, а я играла с Софи. В десять часов вечера Роланд поднялся с дивана, проверил каждый уголок в доме, при этом ни к чему не придравшись и ничего не похвалив, после чего холодным тоном распрощался с нами и ушел в главный дом, хладнокровно закрыв за собой дверь. Мы еще с минуту стояли посреди гостиной и смотрели на дверь, в которую он вышел, после чего отправились в ванную, чтобы отмыть от сажи блузку Мэрилин.

— Так не пойдет, — кусала губу блондинка, когда мы уже спускались с холма. — Ты не должна за меня заступаться, поняла? Мой сын думает, что я не выдержу и сбегу, но нет... Я докажу ему, что колючая тряпка для меня не проблема! Я сдеру весь свой маникюр и обмажусь сажей, но я завоюю его уважение к себе. Не мешай ему выдавать мне задачи. Я хочу выполнить самые тяжелые из них! Завтра я буду в лучшей форме. Не мешай мне делать мою работу — сиди рядом с ним и попивай чаек. Вызов принят, Роланд Бернارد Олдридж! Вызов принят!

Глава 57. Гипервентиляционный синдром

На следующий день Мэрилин и вправду выглядела иначе: хлопчатобумажные штаны шоколадного цвета, темно-синяя футболка с рукавами фонариками и никаких украшений. Она была полным энергии бодрячком, пахнувшим Шанель № 5, с минимумом косметики на лице. Когда Роланд вошел в гостиную Мэрилин, уже во всю драила палубу. Увидев это, Олдридж лишь вздернул брови, что определенно не могло означать удивление или восторг, и отправился на террасу. После того, как я сводила Софи в туалет, я присоединилась к нему, сев за стол из эпоксидной смолы. Начав заплетать волосы девочки, я решила начать непринужденную беседу:

— Какое у тебя сегодня настроение?

— Хочешь снова меня о чем-то попросить? Только не говори, что у Мэрилин аллергия на моющие средства, иначе я воспользуюсь ситуацией и обработаю им всё поместье.

— Не смешно, — сощурила глаза я.

— Конечно не смешно — ты ведь толкаешь меня на преступление.

— Нянетька, мозна я поиглаю лядом с Мэлилин? — поинтересовалась Софи. В основном она называла меня Глолией, но иногда прибегала к слову «нянетька».

— Можно, — отпустила девочку я.

— Это её «Мэлилин» ласкает уши, — ухмыльнулся Роланд.

— Всё равно это не сравнится с «Лоландом».

— Ты о чем-то хотела со мной поговорить? — встретился со мной взглядом собеседник.

— Раз уж я согласилась на эту работу, я хочу, чтобы она была застрахована.

— Ты о чем?

— Нужно произвести полную диагностику здоровья Софи, — напрягшись, заключила я. — Я не хочу, чтобы это были грабли. Я знаю, что она здорова, но... — я осеклась. — Если вдруг выяснится, что с ней что-то не так... Я уйду. Гхм... Это эгоистично, ведь у Софи никого кроме нас нет, но... Я не... Не хочу повтора, — я хотела сказать «не выдержу повтора», но решила сгладить острые углы.

•

○ *

В этот же день, после обеда, я, Роланд и Софи оказались в коридоре поликлиники, в которую прежде мы привозили Мартина. От нахлынувших воспоминаний у меня сдавливало горло. Именно здесь мы узнали о том, что Мартин обречен. Я тогда потеряла сознание в кабинете у терапевта. Хорошо, что сегодня мы были на другом этаже, на приеме у другого доктора. Я наверняка была уверена в том, что Роланд позаботился о том, чтобы избежать лишних дежавю, поэтому он специально записался на прием в другом крыле поликлиники.

Когда все анализы и сканирования Софи были завершены, я вдруг похолодела, посмотрев в её голубые глаза. «Как у Мартина», — подумала я, вспоминая цвет глаз своего друга, после чего резко встряхнула головой, чтобы прекратить бредить. Спустя пятнадцать минут после завершения последнего обследования девочки, из соседнего кабинета вышел доктор, который должен был озвучить нам результаты. По его лицу невозможно было определить, хорошие новости он несет или плохие, отчего меня вдруг бросило в мелкую дрожь. Кажется, я слишком сильно переволновалась, отчего сейчас начинала впадать в панику.

— Ваши результаты готовы, — протяжно сообщил доктор, протягивая Роланду бумажный конверт, аналогичный тому, в котором когда-то нам вручали снимки с роковой аневризмой Мартина. Я судорожно сглотнула и вдруг поняла, что у меня всерьез трясутся колени. — Ваша девочка больна, — внезапно произнес доктор, и я в одно мгновение забыла дышать. Снова... Это происходит снова... — У нее детский авитаминоз, — вдруг продолжил человек в белом халате. — Это не страшно. Я прописал вам витамины, которые ей необходимо

пропить, после чего потрескавшиеся уголки губ, шелушение кожи и ломкость ногтей пройдут всего за несколько недель.

Внезапно мое сердце бешено заколотилось в ушах, и я поняла, что мне нехорошо. Пожав руку Роланда, доктор ушел в неизвестном направлении, а я на ватных ногах отправилась к полупустому кулеру. Дрожащими руками я подставила одноразовый стаканчик не под тот кран, отчего мне в итоге пришлось пить теплую воду с противным привкусом.

— Всё в порядке? — наливая себе воды, поинтересовался остановившийся рядом со мной Роланд, при этом делая вид, будто он всего лишь тоже хочет пить. Я же знала, что на самом деле он перепроверяет меня.

— Да... Да. Мне нужно в туалет. Я сейчас приду, — рассеянно ответила я.

Спустя пару минут я завернула за угол и сразу же нашла дверь с надписью «Общий общественный туалет». Мне показалось странным то, что в таком месте не было отдельного туалета, однако у меня не было сил заострять на этом внимание.

Кажется, в какой-то момент мой мозг начал незаметно отключаться. В нем роилась хренова куча мыслей, ни за одну из которых я никак не в силах была зацепиться. Пару раз умыв лицо, стараясь не цеплять область глаз, чтобы не смыть тушь, я начала вытираться огромными бумажными салфетками. Воспоминания о том, как нам демонстрируют снимки черепа Мартина, как Мартин смотрит на меня своими большими голубыми глазами, как он умирает у меня на руках — проносились яркими вспышками у меня в голове, заставляя меня жмуриться изо всех сил. Кажется, на меня с новой силой, подобной цунами, нахлынул приступ паники.

Стиснув руки в кулаки, я оперлась о раковину и, жмурясь, начала глубоко вдыхать и выдыхать, словно заядлый астматик. Необъяснимый приступ удушья накрыл меня с головой, и я никак не могла ему противостоять. Открыв глаза, я встретилась взглядом со своим отражением в зеркале и поняла, что моё лицо бледнее салфетки. Дышать становилось всё сложнее, и я снова зажмурила глаза... Снова вспышки: Мартин режет себе палец, я дарю ему Гектора, мы едем на велосипеде, он называет меня тупицей, я бегаю за своим подопечным по саду... Если бы кто-то сейчас был со мной рядом, он бы подумал, будто я умираю от удушья. Лично я так и решила, когда моё горло внезапно начало конвульсивно сжиматься и меня вдруг стошнило прямо в раковину. Сначала из меня полилась недавно выпитая вода, при следующем рвотном рефлексе из меня начал выходить обед. Я стояла над раковиной около двух минут, пока меня полностью не вывернуло наизнанку.

Наконец ополоснув рот, я почувствовала, как на меня снова накатывает нечто необъяснимое. Вспышки: Мартин разбрасывает легиона, я распутываю его воздушного змея, мы весело смеемся над его старшим братом, Мартин едва не утопил меня на Виргинских островах... Очередной приступ удушья навалился на меня с новой силой. Я отстранилась от раковины и, прислонившись спиной к стене напротив, сползла по ней вниз. Я выдыхала без проблем, но совершенно не могла сделать вдох. От внезапно навалившегося на меня страха я затряслась, и моё дыхание вдруг превратилось в прерывистый, громкий хрип. Неожиданно входная дверь

сбоку от меня открылась, и передо мной остановились чьи-то ноги в докторских брюках. Я схватилась за горло, тем самым пытаюсь объяснить, что мне не хватает воздуха.

— Мисс, — раздался обеспокоенный голос молодой женщины, и её лицо вдруг возникло прямо передо мной. — Мисс, вы меня слышите?!

В ответ я лишь положительно кивнула головой.

— Сейчас я Вам помогу! Всё будет в порядке, — доктор аккуратно подняла меня за локоть и вывела в коридор. Я сразу же облокотилась правым боком о стену и согнулась пополам, всё еще держась за горло и пытаюсь вдохнуть в себя как можно больше воздуха, но у меня ничего не выходило.

— Что с ней?! — раздался обеспокоенный голос Роланда, возникшего из ниоткуда.

— Приступ удушья. Мисс!.. Мисс, Вы меня слышите? Сложите ладони и дышите в них, слышите? Я сейчас приду!

Женщина куда-то поспешно ретировалась, а я сползла на пол и сложила руки в ладони, старательно дыша только в них. Неожиданно моего правого плеча коснулись, и я вздрогнула, вспомнив о том, что Роланд видит всё это убогое зрелище. Я снова расцепила руки и, зажмурившись, схватилась за горло. Сделать вдох было нереально. Лицо Мартина мелькало у меня перед глазами, ослепляя меня, словно молния. Роланд что-то говорил, но из-за громкости своей одышки я не слышала его слов. Дыхание превратилось в хрип, и я со страхом поняла, что теряю сознание. Перед глазами было темно, словно я ослепла, но я всё продолжала слышать и чувствовать. Люди с громкими голосами меня положили на каталку и куда-то увезли, после чего я окончательно отключилась.

•
○ *

Когда я очнулась, мне сообщили, что из-за паники у меня случился приступ удушья, на фоне которого произошла гипервентиляция легких, приведшая к потере сознания. Иными словами — я только что успешно пережила гипервентиляционный синдром.

Глава 58. Психотерапия

Я осмотрела присутствующих: доктор, сидящий напротив меня и проверяющий мои зрачки с горлом, и Роланд с медсестрой, стоящие над ним. В течение следующего часа я сдавала анализы, проходила компьютерную томографию и, как истинный псих, доказывала психотерапевту, что со мной всё в полном порядке. В конце концов, я, с абсолютной уверенностью в собственном здоровье, оказалась в кабинете терапевта и ожидала прихода доктора.

Вместе с доктором в кабинет вошел и Роланд. Доктор сел слева от меня за свой стол, а Олдридж, скрестив руки на груди, облокотился о подоконник. Я сидела лицом к окну и мне

не очень нравилось, что Роланд преломляет собой и без того тусклый свет. Убрав левую руку со стола врача, я нахмурилась.

— Значит, мисс Пейдж, Вы утверждаете, что с Вами всё в полном порядке.

— Именно.

— И что приступ удушья с Вами случился впервые.

— Впервые.

— Однако приступы паники для Вас не впервой. Вы признались, что уже больше года не видите снов и практически каждую ночь просыпаетесь от необъяснимого чувства страха, порой даже кричите во сне. Как же можно после этого утверждать, что Вы в порядке?

Мне стало не по себе от того, что доктор вот так вот просто взял и раскрыл мои тайны перед посторонним человеком, отчего я еще сильнее нахмурилась.

— На самом деле Вы в ужасном состоянии, мисс Пейдж. У Вас диагностировали затяжную депрессию на фоне стресса, которая и привела Вас к вегетососудистой дистонии. Иными словами — к паническим атакам, сопровождаемым удушьем. Мистер Олдридж утверждает, что Вашей психологической травме больше года и, следуя из того, что у Вас признаки удушья проявились только сейчас, я с уверенностью могу утверждать, что Ваше состояние только ухудшается. Вы в запущенном эмоциональном состоянии, мисс Пейдж. Вы можете этого не понимать, не признавать и откровенно отрицать, но это так. Ваша депрессия плохо сказывается и на Вашем физическом состоянии. Я предполагаю, что пониженный гемоглобин в Вашей крови напрямую связан с Вашим резким похудением. И дело не только в пониженной гемоглобине — у Вас в принципе не самые лучшие результаты анализов... Я обязан поставить Вас на учёт.

— На учёт?!

— Вы должны будете подписать бумагу, тем самым соглашаясь на добровольное посещение сеансов психотерапии...

— Вы хотите сказать, что я псих?!

— Я хочу сказать, что Вы нуждаетесь в психологической помощи...

— Нет-нет-нет... Я не собираюсь сидеть на пластмассовом стуле в кругу душевно-травмированных личностей и рассказывать о... — я замолчала.

— О смерти Мартина, — помог мне доктор, за что я хотела его казнить на месте. — Мартин умер у Вас на руках...

— Прекратите! — встряхнула волосами я, зажмурившись.

— Позвольте Вам помочь...

— Я не хочу, чтобы мне помогали! — уверенно шлепнула ладонью по столу я.

— Тогда нам придется против Вашей воли...

— Насильно запихнуть меня в психушку?! — я снова почувствовала это. Горло начало судорожно сжиматься, не позволяя мне сделать глубокий вдох. Машинально я обхватила правой рукой свою шею и попыталась дышать через нос.

— Мисс Пейдж, я попрошу Вас успокоиться.

— Так, всё, хватит, — Роланд расцепил руки, скрещенные прежде на груди, и подошел к нашему столу, пока я пыталась подавить очередной приступ удушья. — Мы ведь с Вами договорились, что если она не захочет, значит ничего не будет. Дайте сюда пакет.

Спустя секунду Роланд присел напротив меня на корточки и протянул мне бумажный пакет, попросив дышать в него. Через пару минут мне полегчало, а еще через несколько секунд окончательно отпустило.

— Едем домой, — положив руку мне на плечо, произнес Роланд, и меня вдруг накрыла теплая волна спокойствия. Сама мысль о том, что на меня не будут натягивать смирительную рубашку, заставляла меня дышать полной грудью.

•
○ *

Софи, оставшаяся из-за посещения поликлиники без дневного сна, отключилась сразу после того, как Роланд пристегнул её к автокреслу. Я хотела сесть на заднее сиденье, чтобы избежать лишних разговоров, но Роланд сказал мне садиться спереди и мне это сразу не очень понравилось.

— Почему ты не хочешь посетить хотя бы один сеанс психотерапии? — как только мы тронулись с места, начал он.

— Всё не так плохо, как описал доктор...

— Всё именно так плохо.

— Я справлюсь сама.

— Ты уже больше года пытаешься справиться сама, и что в итоге? Ты запустила своё психологическое состояние, доведя себя сначала до истощения и необоснованных панических атак, затем развив их в приступы удушья. Я отмазал тебя от этих сеансов, хотя правильнее было бы привести тебя туда за ручку.

— Спасибо, — нервно сглотнула я, почувствовав подступающие к глазам слёзы. — Что

отмазал...

— Как я мог этого не замечать? Твои родные знают?

— Знают.

— Не ври мне.

— Роланд, я пытаюсь, честно... Не делай... Я справлюсь.

— Хорошо, — совершенно неожиданно сдался Роланд, наверняка почувствовав, что я нахожусь на грани срыва на слёзы. — Мы что-нибудь придумаем. Справимся без психотерапии. Забудь.

Я хотела сказать, что не «мы» справимся, а «я» справлюсь, но если бы попыталась выдавить из себя эти слова, тогда слёзы точно бы вырвались из меня наружу.

•
○ *

— Ты ужасно выглядишь, дорогая, — прямо мне в лоб выпалила Мэрилин, стоящая с пыльной щеткой посреди гостиной и с весьма милой повязкой на голове. Сразу за мной шел Роланд, несший в руках автокресло — он не желал оставлять спящую Софи в машине.

— Завари ей чай из мяты с пустырником, — произнес Олдридж безо всяких эмоций, и Мэрилин сразу же отправилась на кухню. Немного помешкав, я последовала за ней.

— Что случилось? — наконец поинтересовалась у меня блондинка, когда мы остались наедине. — Софи больна?

— Нет, — вяло отозвалась я, садясь на барный стул и наблюдая за тем, как она насыпает заварку в сито. — У нее всего лишь авитаминоз. Прописали витамины.

— Тогда почему ты такая бледная, а Роланд такой напряженный?

— Я упала в обморок.

— Какой ужас! — не выходя из шепота, воскликнула Мэрилин, любящая всё преувеличивать. — С тобой всё в порядке?

— Да, — тяжело выдохнула я. — Но я бы была не прочь немного поспать.

— Я как раз прибралась в комнате для гостей. Кстати, я нашла там пакет со сменными вещами. Наверное, они твои.

— Да, — нервно сглотнула я, вспомнив о том, что в прошлом году так и не забрала этот пакет. — Я оставляла здесь сменные вещи на случай если... Мартин обольет меня или что он

там обычно делал, — постаралась без лишней дрожи в голосе произнести имя мальчика я.

— Конкретно сейчас он назвал бы тебя тупицей и облил бы кетчупом за то, что ты с собой сделала, — сообщил вошедший на кухню Роланд.

— А что она с собой сделала? — округлила глаза Мэрилин и вдруг охнула от своих же догадок. — Ты что, совершила попытку суицида?!

— Если бы она совершила подобную попытку, я бы сам её прикончил на месте, за подобную выходку. Мэрилин, расстели ей кровать в спальне для гостей. Сообщишь мне, когда она проснется. Нажмешь на стационарном телефоне единицу и дозвонишься мне в кабинет.

— Хорошо, — кивнула головой Мэрилин, наблюдая за тем, как Роланд со злостью выходит из кухни. Лишь после того, как он развернулся и направился к выходу, я оторвала глаза от стоящего на столе стакана с водой, который крепко сжимала в своих руках во время всего монолога Олдриджа.

Не знаю почему, но я определенно чувствовала себя виноватой перед Роландом Олдриджем. Не допив заваренный Мэрилин чай, я отправилась в спальню для гостей.

— На что он так злится? — наконец решила уточнить у меня блондинка.

— На себя.

— Почему?

— Помог мне избежать психотерапии, а другого способа помочь мне не видит. А мне его помощь не нужна, понимаешь? Мне вообще ничья помощь не нужна.

С этими словами я закрыла перед Мэрилин дверь и легла на кровать, с головой зарывшись под подушки.

Глава 59. Начало

Я проснулась от собственных всхлипов ровно в восемь часов вечера. Кажется, мне снился Мартин, но я не могла точно вспомнить. Сев на кровать, я тяжело вздохнула, потеряла глаза и, спустя минуту, вышла в коридор. Было темно и, судя по блуждающим огонькам, доносившимся из гостиной, кто-то решил разжечь камин. Я зашла в ванную, смысла с себя остатки туши и тяжело выдохнула. «Просто тяжелый день», — подумала я, посмотрев на себя в зеркало и, после того как смогла убедить себя в том, что мой нос не такой уж и покрасневший, отправилась в гостиную. Роланд сидел на диване, перебирая что-то в планшете, а Мэрилин с Софи, судя по голосам, находились в бывшей спальне Мартина.

— Я думала, ты работаешь, — заметила я, приближаясь к Роланду.

— Постоянно, — ответил он, подняв взгляд на меня.

Подойдя к креслу-качалке, я пододвинула его к Роланду и расположилась напротив своего работодателя, всего в паре дюймов от его ног.

— Послушай, — наклонившись вперед, при этом упершись локтями в колени, сложив ладони вместе и прислонив их к губам, и носу, начала я, наблюдая за тем, как причудливые световые формы, отбрасываемые огнем из камина, танцуют на ковре. — Было бы эгоистично доказывать тебе, что со мной всё в порядке, с учетом того, что доктор при мне всё рассказал тебе. Да, мне было бы куда проще, если бы я могла сказать себе и тебе, что со мной всё в порядке, — перевела взгляд на внимательно смотрящего на меня Роланда я. — Как настоящий псих, я с полной уверенностью могу говорить, что я нормальный человек и считать себя вполне нормальной, но ты-то всё слышал... Теперь, после услышанного, ни за что не поверишь в то, что я в порядке. Я просто пытаюсь поставить себя на твоё место и понимаю, что тоже переживала бы, если бы подобное случилось с тобой. Мы ведь не просто знакомые — мы с тобой товарищи по несчастью. Поэтому нам обоим будет проще, если я буду делать хотя бы семимильные шаги в сторону своего душевного спокойствия. Для того чтобы ты не беспокоился по поводу того, что принял неправильное решение, избавив меня от сеансов психотерапии, я буду сообщать тебе о своих достижениях. Так ты не будешь думать о том, что принял неверное решение... Не будешь мучаться мыслями о том, чем заменить, пресловутую всем душевнобольным, психотерапию. Это ведь будет честно? — выпрямившись, поинтересовалась я, решив подытожить свой монолог честным вопросом.

— Хорошо, — тяжело выдохнув, согласился Роланд. — С чего начнешь?

— Пожалуй, я уже знаю, с чего начать.

•
○ *

Мы шли с Мэрилин мимо начинающего зацветать сада и изо рта у нас струились рваные потоки холодного воздуха. Май в этом году отличался резкими перепадами температуры.

— Вы общались с Роландом? — поинтересовалась я.

— Нет. Он пришел из главного дома за полчаса перед твоим пробуждением и сказал мне идти с Софи в спальню, — ответила Мэрилин и, задумавшись, добавила. — Он еще не готов меня выслушать.

— Когда-нибудь станет готов.

— Когда-нибудь, — заключила женщина, и мы замолчали, глубже вжимая голову в плечи, чтобы спрятаться в шарфах от ночного мороза.

Придя домой я еще сомневалась в том, что готова «это» сделать и в течение следующих десяти минут убеждала себя в том, что пора пришла и я действительно должна...

Наконец собравшись с духом, я достала из-под кровати два подарочных свертка, синий и

белоснежный, и села на стул у широкого подоконника, который служил мне столом.

«— Вот, держи, — протянув мне нечто напоминающее книгу в белоснежной обертке, улыбнулся Мартин. — Я знаю, что годовщина твоего рабства под моим игом наступит только завтра, но я хочу подарить тебе свой подарок раньше, чем Роланд успеет преподнести свой. погоди! Не открывай. Праздник ведь только завтра, вот завтра и откроешь. Просто сам факт того, что я хоть в чем-то опередил старшенького, меня воодушевляет, — наигранно злорадно заулыбался мальчишка.

— Твой подарок определенно понравится мне больше, чем подарок Роланда, — похлопала по плечу своего подопечного я.

— Не будь столь самоуверенной. Наверняка он преподнесет какие-нибудь бриллианты в виде сапфировых сердец или кольцо с алмазом в десять карат... Ну или что там еще дарят мужчины женщинам и наоборот, за исключением красных нитей на запястье?

...

— Откроешь после того, как Роланд подарит тебе свой подарок. Хорошо?

— Договорились».

Значит, первым открыть подарок Роланда... Я взяла в руки синий сверток, подаренный мне Роландом при первой нашей встрече спустя год, и раскрыла его. Знакомая резная коробочка... Я точно её уже где-то видела. С любопытством открыв её, я замерла, внезапно всё вспомнив. Именно в этой коробочке я подарила Роланду красную нить со своим именем, которую он с тех пор не снимая носит. Сейчас же в этой коробочке лежала аналогичная красная нить, только с его именем. Отставив подарок, я тяжело сглотнула и замерла, пытаясь словить хотя бы одну пролетающую мысль у себя в голове, но ни единой мысли у меня не было. Лунный свет освещал подарок, охлаждая пространство вокруг меня. В голове было только одно гулкое «Хмммм... Хмммм... Хмммм...» и ничего больше. Странное чувство. Спустя минуту, так и не поняв своей реакции, я взяла в руки белоснежный обертки Мартина и аккуратно, с какой-то особой заботой и нежностью развернула его. С момента получения этого свертка в руки я ожидала увидеть в нем коробку, в которой будет лежать подарок, но моё предположение на протяжении всего прошедшего года было неверным. В свертке не было ничего, кроме подарка. Отложив его, я замерла, давясь слезами, еще не начавшими скатываться по моим щекам. Это был тот самый блокнот, в котором, на протяжении всего моего года работы с мальчиком, с первого и до последнего дня нашего знакомства, Мартин что-то украдкой от меня рисовал. Он скрывал от меня содержимое блокнота, и я никогда не настаивала на его просмотре, и вот он в моих руках... Последним, кто прикасался к нему, был именно Мартин. Мальчик даже нашу поездку в Диснейленд отложил на неделю, потому что настаивал на том, что хочет сначала завершить свой подарок мне. Побоявшись того, что от слез у меня начнется очередной приступ удушья, я на всякий случай взяла в руки пакет, заготовленный мной заранее, и начала его мять.

Прошло не менее получаса, прежде чем я решилась снова дотронуться до потертого

блокнота. Последующий час я смеялась через слезы, пролистывая рисунки своего друга:

- 1) Я лежу в палисаднике на кирпиче с разбитым телефоном и кричу. Подпись: «Начало приключений. Я точно её изведу. Как два пальца об асфальт».
- 2) Я высаживаю палисадник, а за моей спиной стоит Роланд с пузырьком яда. Подпись: «Сегодня брат признался Глории, что не прочь использовать на ней яд. Я рад его очевидному прогрессу».
- 3) Я проигрываю в шахматы Роланду. Подпись: «Жаль, что я этого не видел и жаль, что Джонатан с Якобом не захотели поставить на Глорию — я срубил бы крутой куш благодаря этой тупице».

В этом блокноте была изображена вся наша жизнь на протяжении года. Наша жизнь в особняке от момента с моей невкусной готовкой и удара моим мизинцем о вход в палисадник, до инцидента с доберманом с подписью: «Жаль, что он её не сожрал. Так и знал, что она не съедобна. Даже собака боится заразиться её тупостью... Когда её сбила машина, я уже хотел обвести её тело мелом, но Роланд решил откачать тупицу». Наше путешествие в Швейцарию и Оттаву, все дни рождения и все подарки (особенно ярко был прорисован сшитый бабушкой для Мартина шарф с его именем). Причем эти рисунки были талантливыми, а не обычной детской мазней. А я ведь даже не подозревала, что Мартин умел так красиво рисовать.

Кажется, я залила слезами весь подоконник, прежде чем добралась до последней страницы, на которой были изображены сова, с моими инициалами на груди, и ворон, с инициалами Роланда. Они протянули друг к другу по крылу, а под ними были слова, выведенные знакомым почерком: «Однажды я сказал тебе, что ты навсегда останешься совой, в то время как Роланд всегда будет вороном...». Прочтя это я задумалась и вспомнила, что именно Мартин имел в виду, говоря мне эти слова. Он имел в виду, что хотя сова и считается символом мудрости, всё же ворон является самой умной птицей. Захлопав мокрыми ресницами, я перевернула страницу. Рука Мартина продолжала писать:

«Дорогая Глория! Хотя будем откровенны — тебе далеко до дорогой... Сегодня, в этот прекрасный день, когда исполнился ровно год со дня нашего знакомства (кстати, я тогда впервые выразил свою неприязнь к тебе, чем очень горжусь) я хочу подарить тебе этот блокнот. Честно говоря, я не ожидал, что ты продержишься так долго. Я понял, что ты сильный соперник, когда подсыпал тебе в чай слабительное, но на тебя оно не подействовало. Только не злись, хорошо? Я всего лишь проверял твой кишечник на прочность, кэп. Признаю, твоё терпение было бы достойно моей похвалы, если бы не было результатом твоей тупости. Прошел год, а ты всё еще тупица, Глория! Тупица! Это не поддается никаким логическим объяснениям... И как ты живешь, совершенно не пользуясь серым веществом в своей черепушке?

Ты наверняка думаешь, что этот блокнот и есть подарок, потому что ТЫ ТУПИЦА, Глория, так что это вполне нормально... (Кстати, я рисовал последний рисунок целую неделю, так что зацени))). Моим подарком тебе, как умственно отсталой, будет протрение твоих очей.

На протяжении последнего полугодия мне так и хотелось подойти к твоему уху и прокричать: „Ты совсем тупая, да?!“. Но Роланд отодрал бы мне уши за это. Итак, мой тебе подарок и заключается в этих словах... Пффф... Ты наверняка ничего не поняла, да? Ну ты ту-у-у-и-и-ица... Перечитай. Я говорю о том, что Роланд оторвет мне уши, если я тебя обижу, а ведь я его любимый и единственный брат, так почему он тронет мои уши из-за какой-то сопливой няньки? Давай, пошевели своим серым веществом, надеюсь, у тебя там есть парочка извилин. Вот у моего братца то ли извилины при тебе отказываются шевелиться, то ли он шевелит не теми извилинами и не в том месте.

Что я хотел сказать? Сейчас первый час ночи и завтра мы поедем в Диснейленд. Сегодня я уже говорил, что люблю тебя и Роланда, но поправился, сказав, что Роланда я люблю больше. Я соврал, чтобы ты не подумала, что я размяк и чтобы ты окончательно не зазвездилась. Я люблю вас обоих одинаково, просто разной любовью. Также как и Роланд любит нас разной. Тупица. Какими бы птицами вы оба не были, я хочу, чтобы вы летали по вашему общему небу. Так что давай, становись уже вороном, пока Роланд не отупел из-за тебя в корень и не превратился в сову. Будьте счастливы, и я буду счастлив.

Официально одобряю ваши отношения, дети мои!».

Я откинулась на кровать, пытаюсь сдержать рыдания, чтобы не разбудить Дина, спящего за стеной. Кажется, я не была готова. Я не была готова к общению с Мартином спустя год после его смерти.

Глава 60. Что чувствуешь?

За окном разразился шторм, и мне не пришлось придумывать повода, чтобы отпроситься у Роланда на этот день.

08:05 Привет. Можно я сегодня возьму выходной?

08:10 Без проблем. Передай Мэрилин, чтобы сегодня ноги её не было в моем доме. За Софи присмотрит Джонатан. 08:15 У тебя ведь всё в порядке?

08:17 Да. В полном.

08:19 Хорошо, отдыхай.

08:20 Роланд дал выходной на сегодня, так что можешь не собираться на работу.

08:22 Вот блин! Зря только красилась. Пойду отосплюсь. Погодка жуткая. До встречи.

08:23 До встречи.

Я посмотрела в окно — дождь лил как из ведра. Отличный предлог не вылезать из постели — погода сама оправдывает мою меланхолию перед родителями. Я лежала в кровати, прокручивая слова Мартина, адресованные мне год назад: «...Какими бы птицами вы оба не были, я хочу, чтобы вы летали по вашему общему небу...». Мартин произнес эти слова за

несколько часов перед тем, как стал единственным жителем нашего общего с Роландом неба.

- - *

Латка, поставленная бабушкой на носках из верблюжьей шерсти, подаренных мне Линдой, продырявилась, что окончательно вдавило меня в апатию. Опираясь о кухонный гарнитур, я наблюдала за тем, как Элис красит себе губы детской помадой, а Дин, сидящий напротив нее, кривиться от происходящего. Стоит отдать должное маме — её старания, вырастить из Элис стопроцентную леди, начали окупаться.

— Брат, ты предал меня, — морща нос, простонал Дин.

— Просто моя гендерная принадлежность взяла надо мной верх. Так бабушка говорит, — пожалала плечами Элис. — Мне идет лиловый цвет помады?

— Определенно. Выглядишь, как переспевшая слива.

— Ты просто завидуешь.

— Мне точно никогда не захочется обмазаться какой-то хренью.

— Если бабушка узнает, что ты говоришь плохие слова, она не пустит тебя на футбол.

— Просто нет других слов, чтобы описать, чем именно ты занимаешься. Ты похожа на размалеванного клоуна.

— Сам ты клоун! — вскочила со своего места Элис, захлопнув увесистую косметичку. — Просто ты привык, что я всегда повторяла за тобой и поддакивала тебе. Знаешь что, я горжусь тем, что родилась не тупоголовой мальчишкой! Да! Иначе была бы такой же заторможенной, как все вы.

— Кто мы? — ошарашенно захолопал своими длинными ресницами Дин.

— Вот видишь — ты дурак. Вы все дураки, — всхлипнула Элис, после чего убежала вверх по лестнице.

— У нее что, ПМС? — уставился на меня Дин.

— Что?! — удивленно усмехнулась я, отстранив от губ кружку с теплым какао.

— Дедушка Дерек говорит, что у всех женщин, когда они нервные, настроение Придирчиво-Мрачно-Стервозное. Он называет это ПМС. Но на самом деле Элис так расстроилась из-за Майкла. Он поцеловал позавчера другую девочку. После уроков мы подкараулили его, и Элис врезала придурку в печень, а я наступил ему на ногу. Он до сих пор прихрамывает, однако не побежал жаловаться мамочке, так что я его уважаю. Но если он еще раз тронет

Элис, я оторву ему бубенцы.

— Не слишком ли ты резок для своих лет?

— Я мягок словно хлебный мякиш, дорогая, — неожиданным тоном дона Корлеоне заявил мне мой племянник. Я ошарашено смотрела на Дина, собирающего мозаику, и думала о том, что определенно пропустила один из этапов его взросления. Ему ведь только восемь должно исполниться — когда он успел?..

Я присоединилась к дедушке с родителями и мы, шелкая арахис, около двух часов просмотрели ВВС. После обеда за окном распогодилось и засветило яркое солнце. Дедушка отправился на кладбище, взяв с собой плетеную корзину с пледом, чтобы было удобнее сидеть на промокшей лавке, а родители с детьми пошли на день рождения к однокласснику двойняшек. Все кое-как двигались, и мне вдруг тоже захотелось двигаться. Не успела я подумать об этом, как у меня зазвонил мобильный.

— Тайлер, привет, — постаралась улыбнуться я.

— Мы ведь договорились, что будем общаться без обязательств, и ты позвонишь мне, как только освободишься.

— Прости, — только и смогла выдавить я.

— Итак, просто общение. Раз ты не предлагаешь, тогда... Может быть сходим в субботу вечером в клуб? Ты как-то говорила, что любишь «Крик скрижалей». Они приезжают с концертной программой — будет ажиотаж.

«Крик скрижалей» были моей любимой поп-рок группой, и я была в курсе их приезда. Однако все билеты на концерт уже давно были раскуплены — их разобрали в течение трех дней после поступления в продажу и я, на фоне своей депрессии, снова всё успешно прозевала.

— Отличное предложение, — довольно заулыбалась я. — Да, будет круто. Где ты достал билеты?

— Ты не поверишь, если я скажу, что купил?

— Нет, — засмеялась я.

— Вчера отец арестовал двух дебоширов, которые устроили разгром в баре «У руля», из которого ты недавно уволилась. Им грозило недельное заключение, но они, в счет компенсации, предложили хозяину бара и шерифу билеты на концерт. Чувак сразу отозвал заявление, и отец ушел с двумя билетами.

— Да ла-а-адно, — протянула я. — Наверное Том сейчас латает свой бар. Вовремя я оттуда уволилась.

— Кстати, как дела на новой работе?

— М-м-м... Да нормально, даже и рассказать нечего. Ладно, Тай, тогда до субботы?

— До субботы.

Я не успела положить трубку, а меня уже вызывала Сэм.

— Замечательная погода, чтобы испортить себе настроение, племяшка. Погнали потусим в мрачном царстве Эмилии? Твои родители сказали, что у тебя внеплановый выходной.

— Почему в мрачном?

— Всё еще отходит от отравления. Похоже, сильно я издевулась над её желудком. Ну так что?

— Буду через полчаса.

— Бери с собой Мэрилин, а-то бедняге после Нью-Йорка наверняка печально в этой провинциальной глуши.

•
○ *

В итоге мы решили встретиться в парке, чтобы посидеть на мокрых скамейках.

— А где Мэрилин? — поинтересовалась Эми, катя перед собой коляску с Джесс.

— Наверняка заблудилась в трех соснах, — пожала плечами я. — Должна скоро подойти. Я договорилась встретиться с ней у входа, так что давайте далеко не отходить.

— Как у тебя дела на личном фронте? — поинтересовалась у меня Саманта, погладив свой округлившийся животик. В последнее время она частенько его поглаживала, довольно улыбаясь, словно дотрагивалась до пироженки.

— Таковой отсутствует.

— То есть ни с Роландом, ни с Тайлером... Может быть, с Мэйсоном Уильямсом?

— Только не перегибай палку, — криво улыбнулась я. — Ну, я с Тайлером договорилась об общении без обязательств и в субботу мы идем с ним на «Крик скрижалей».

— Воу-воу-воу... «Крик скрижалей» — это конечно круто, но, девочка моя, разуй глаза. Общение без обязательств? Серьезно? А с Роландом у тебя тоже общение без обязательств?

— Мэрилин идет, — хмыкнула я. — Давайте не будем при ней разговаривать о её сыне.

Запыхавшаяся Мэрилин обдала нас шлейфом элитного парфюма, после чего эмоционально извинилась за свое опоздание. Весь путь до нашей лавочки мы слушали её историю о том, как соседка блондинки, в виде матери-одиночки, помогала подключить Мэрилин вай-фай.

— ...Но, мы справились, — довольно заключила Мэрилин, при этом победоносно подняв правую руку вверх, когда мы остановились напротив нашей лавочки. Эми достала из-под коляски плед и расстелила его поверх намокших балок лавки.

— Как у тебя продвигается с Роландом? — поинтересовалась Саманта у Мэрилин, когда та села напротив коляски — по-видимому, Сэм любила у всех узнавать, как у них дела с Олдриджем. Эми разместилась рядом с Мэрилин, достав из коляски Джесс, я села слева от Эми, а Сэм предпочла стоять над нами.

— Я уже говорила Глории, что он душка. Мой мальчик определенно хочет выжить меня из своей жизни, но он еще не знает, что если деловая хватка ему досталась от отца, тогда упорство точно от меня. Я ему еще покажу, как нужно бороться за поставленную перед собой цель. Кстати, Глория, как ты после удушья?

— Что?! — выпучила глаза Сэм и Эми тут же открыла рот от удивления.

— Вы не знали? У Глории периодически случаются панические атаки на фоне депрессии, вызванной стрессом... Сами знаете каким, — прошептала Мэрилин, словно меня не было рядом. — Она так сильно запустила своё состояние, что у нее во время панических атак начали появляться мощные признаки удушья.

— Откуда ты это знаешь?! — возмутилась я.

— Роланд рассказал...

— Но ты ведь говорила, что не общалась с ним после нашего возвращения из поликлиники.

— Я с ним и не общалась. Просто когда я ему сказала, что познакомилась с Сэм и Эми, он приподнял бровь и вдруг одним предложением рассказал мне, что именно с тобой произошло. А потом добавил, что он не может рассказать это твоим родным, потому что пообещал тебе и сказал мне отправиться с Софи в спальню... Ой, я, кажется, слишком много рассказала, да?

— Роланд, — запрокинула голову я. — Хитрый ход. Он специально это сделал.

— Что? — непонимающе захлопала ресницами Мэрилин.

— Он знал, что ты всё разболтаешь моим близким, поэтому и рассказал тебе.

— Как ты могла скрыть от нас подобное?! — возмутилась Саманта.

— Я ничего не скрывала...

— Тебе нужна психотерапия, — оборвала меня Эми.

— И ты туда же! Ничего подобного мне не нужно. Я просто... Всё! Я решила постепенно закрывать эту дверь. Я уже начала вчера, только я не хочу это обсуждать.

— Раз ты отказываешься от психотерапии, — начала Мэрилин, — тогда ты должна хотя бы заняться своим физическим состоянием.

— А что с ним не так?

— Сэм, скажи ей, что не так.

— Тебе минимум десять кило нужно набрать, чтобы вернуться к прежнему весу и обрести румянец. Ты ведь бледнее Дракулы.

— Итак, девочки, я организовываю команду под моим началом, — заявила Мэрилин. — Я и Глория уже вступили в нее.

— Что еще за команда? — заинтересованно посмотрела на Мэрилин я.

— Команда утренней пробежки. Да, я сделала две пластические операции и да, я пользовалась подтяжками. Но моей последней подтяжке семь лет, а я всё еще не старею. Это потому, что я слежу за своим питанием, делаю маски из малины со сметаной и регулярно занимаюсь утренними пробежками. Последнюю неделю я прожила без них и сейчас у меня буквальная ломка на этом фоне. На протяжении последних двадцати лет я регулярно бегаю по утрам. Правда, раньше моё утро начиналось в десять часов, поэтому сейчас, когда я работаю (в жизни не могла подумать, что когда-нибудь буду работать!), пробежки будут совершаться с шести до семи утра. Затем душ, подбор гардероба и выход на работу. Кто с нами на пробежки?

— Я умываю руки, — сразу же отклонила свою кандидатуру я, скрестив руки на груди.

— Детка, тебя никто не спрашивает, — ухмыльнулась Мэрилин. — Нам срочно нужно вернуть тебя в строй. Мы подтянем тебе бицепс, организуем намек на пресс и сделаем твою попку орешком. Я покажу тебе, как нужно приседать, чтобы за месяц стать секс-символом этого города. Параллельно займемся твоим питанием, и к началу июня ты будешь выглядеть как здоровая, сексуальная девушка, а не как анорексичный подросток.

— Замечательная идея и жаль, что я не могу вступить в вашу команду, — пожалала плечами Сэм. — Однако я с радостью присоединюсь к вам месяцев через десять, когда родится малыш. Пока могу одолжить вам Дэвида, который частенько совершает вылазки на утренние улицы этого городишки, чтобы стереть до дыр очередные кроссовки.

— Я тоже присоединюсь, — поджала губы Эми и сощурилась. — Мне необходимо поддерживать форму после родов. Но только со следующей недели, хорошо?

— Классно. Итого нас уже четверо, — улыбнулась белоснежными зубами Мэрилин.

— У кого еще какие новости? — тяжело выдохнула я.

— Вы ведь в курсе того, что после родов у меня были проблемы с менструальным циклом, — вздохнула Эми. — Он буквально пару месяцев назад восстановился, но, из-за исчезнувшего молока, с менструацией снова начались проблемы. В субботу думаю поехать в Лондон к своему гинекологу, у которого я наблюдалась в течение всей беременности и весь послеродовой период. Нужно проконсультироваться по поводу молока и месячных, чтобы, наконец, приструнить свои гормоны. Кто-нибудь сгоняет со мной? Пожалуйста.

— Я не могу, — нахмурилась Сэм. — Мы с Дэвидом назначили встречу с организатором свадьбы. Кстати, мы окончательно утвердили дату — третьего сентября. Никогда не думала, что когда-нибудь выйду замуж и тем более сделаю это с огромным животом. Свадьба будет в стиле бохо[21], в загородном особняке, который расположен посреди леса. Кстати, вы все приглашены, — обведя нас указательным пальцем, утвердительно кивнула головой Сэм.

— И я?! — и округлила глаза Мэрилин.

— Конечно. Ты ведь помогаешь моей племяшке.

— Круто! — воскликнула Мэрилин, пока я пыталась понять, чем именно она мне помогает, ведь я думала, что этот процесс работает в другую сторону — помогаю ей я.

— Глория, Мэрилин, а вы как по поводу субботы? — поинтересовалась Эмилия.

— Я бы с радостью, — выдохнула вознесенная от счастья Мэрилин, — но у меня всё еще не продвигается дело с Роландом. Я не могу упускать ни единого дня.

— Тогда будет неплохо, если с тобой поеду я, — поморщив нос, улыбнулась я. — Мы просто не скажем Роланду, что я не приду, иначе он велит и тебе не являться. Когда же он обнаружит моё отсутствие, будет слишком поздно, и ты ему всё объяснишь. Может быть хотя бы так вы начнете общаться.

•

○ *

Домой я вернулась в начале одиннадцатого, предварительно проводив Мэрилин до её дома и пообещав ей завтра в шесть утра быть перед её подъездом как штык. Запершись в своей комнате и накрывшись одеялом, я впервые задумалась о своих чувствах к Роланду, которые со дня нашего знакомства ежедневно отрицала. Уже спустя минуту я впервые призналась самой себе, что тогда, в далеком прошлом, когда Мартин еще был с нами, Роланд действительно мне нравился. После указаний Мартина, адресованных мне год назад и прочитанных мной только вчера, я пересмотрела ряд поступков Роланда по отношению ко мне и признала, что он тоже когда-то мог ко мне что-то испытывать. Проанализировав прошлое, я застопорилась на настоящем. Я хотела понять, что именно на данный момент Роланд может или не может чувствовать по отношению ко мне: «Красную нить, которую он мне подарил несколько недель назад, он купил еще перед смертью Мартина, значит её

нельзя расценивать как знак нынешней симпатии... Однако он до сих пор носит нить с моим именем. Почему? И почему он вернулся в город сразу после того, как узнал, что я здесь?.. Нет, всё равно концы с концами не сходятся. Нить он может хранить как воспоминание о прошлом и вернуться в город он мог по той же причине или вовсе безосновательно. С ним непонятно... Тогда что со мной? Я не хочу, чтобы он грустил, мне нравится его улыбка и серые глаза, но... Всё равно что-то не так. Со мной еще больше непонятно».

Глава 61. Три буквы

Четверг, шесть часов туманного утра, я стою на тротуаре и дрожу от утренней прохлады. И чем я думала, когда соглашалась на это безумие? Мэрилин вышла из-за своего дома в белоснежном, идеальном, спортивном костюме в виде толстовки и леггинсов. На лбу у нее была белая повязка, а на лице растянулась сияющая улыбка. Я стояла, кутаясь в старую, серую толстовку и, перебирая ногами, чтобы окончательно не замерзнуть, думала о том, как же мои рваные кроссовки и потертые спортивные штаны убого выглядят на фоне белоснежного одеяния Мэрилин. В лучах её славы меня вообще можно было не заметить в этом густом тумане.

Мы побежали в сторону перекрестка, решив сделать круг — свернуть на соседнюю улицу, добежать до её конца и в её тупике свернуть на нашу, чтобы вновь оказаться возле дома Мэрилин. Моя спутница что-то весело трещала, обгоняла меня, останавливалась на месте и подпрыгивала, размахивая вверх и вниз руками, ожидая, пока я, наконец, подползу к ней. Казалось, будто Мэрилин светится жизненной энергией, в то время как я перегораю. Спустя десять минут мы добежали до тупика соседней улицы и уже сворачивали направо, чтобы снова выбежать на нашу улицу, когда в Мэрилин врезался какой-то спортсмен-камикадзе, выбежавший нам на встречу. Я думала, что сумасшедшими в этом городе являемся только мы, но нет, есть еще кто-то.

— Парень, аккуратнее, — кокетливо улыбнулась Мэрилин.

— Глория?!

— Тай? — я подняла глаза и увидела вспотевшего Тайлера. Город спал, погрузившись в туманную дымку, но это не помешало Тайлеру врезаться в нас посреди улицы. Конечно у меня сразу же создалось впечатление, будто он следил за нами (конкретно за мной). — Что ты тут делаешь?

— Оу, он живет неподалеку от меня, — улыбнулась Мэрилин. — Из окна спальни я каждое утро вижу, как он выбегает на пробежку. Вы знакомы?

— Я не знала, — выдохнула я, бежа на месте, тем самым подражая Мэрилин (неужели и вправду случайность?). — Это мой... Знакомый.

— Мэрилин Пасс, — протянула руку парню Мэрилин.

— Тайлер Купер, — улыбнулся Тайлер. Я выглядела ужасно на фоне Мэрилин, но

осознавала, что даже не смотря на этот прискорбный для меня факт, всё внимание Купера было сфокусировано на мне. — Можно составить вам компанию? — продолжал улыбаться Тайлер.

— Пожалуйста, — улыбнулась Мэрилин и дальше мы побежали втроем.

— Вы часто здесь бегаєте?

— Первый день и, не смотря на отдышку Глории, далеко не последний.

— Мы можем бегать втроем, не против? — скорее у меня, нежели у Мэрилин, поинтересовался Тай.

— Оу, конечно не против, — отозвалась Мэрилин и уже через десять минут мы финишировали у подъезда, от которого стартовали.

— Шесть часов, тридцать три минуты, — констатировала я. — Мне нужно принять душ, так что лучше уже сейчас начать выдвигаться в сторону дома.

— Ты здесь живешь? — поинтересовался у блондинки Тайлер, бросив взгляд на трехэтажку.

— Да, — улыбнулась Мэрилин.

— А я живу с отцом вон в том доме, — он указал рукой на частный дом, находящийся слева через дорогу. — Приглашаю вас обоих в гости.

— Как-нибудь соберемся, — улыбнулась Мэрилин, после чего я, махнув рукой, отправилась в сторону автобусной остановки.

•
○ *

— Доброе утро, — зайдя в кабинет Роланда, поздоровалась я, в то время как Мэрилин отправилась в домик Мартина, чтобы разбудить Софи.

— Не ври. По твоему лицу видно, что утро у тебя отвратительное, — оторвавшись от чашки кофе, ответил мне Роланд, отойдя от окна.

— Зачем ты рассказал Мэрилин о моих приступах удушья?

— А зачем ты приблизила её к себе и своей семье, не смотря на то, что я ясно дал понять, что не хочу её знать?

— Ладно, я не собираюсь сегодня спорить с тобой. Я зашла отчитаться по проделанной работе.

— Хочешь сказать, что сделала первый шаг, чтобы отпустить Мартина?

— Да. Я открыла его подарок.

— Хммм... — тяжело выдохнул Роланд. — И что же там было?

— Блокнот с его рисунками.

— Я видел его. Мартин показывал мне все карикатуры, которые рисовал на тебя.

— Все?

— Кроме последней, над которой он работал неделю перед... Отъездом в Диснейленд. Что он изобразил?

— Секрет, — прикусила губу я. — Кстати, твой подарок я тоже открыла, — приспустив рукав приталенного пуловера из толстой пряжи молочного цвета, попыталась улыбнуться я, продемонстрировав своё запястье, на котором красовалась красная нить с именем моего работодателя.

— Глория, ты меня поражаешь, — сев на край стола, выдохнул Олдридж, притянув меня за рукав. — Давай снимай.

— В смысле? — опешила я.

— Ты ведь сама говорила о том, что этот подарок должен завязывать дарящий, — уже развязывая нить на моем запястье, пояснил Роланд, словно объясняя простые вещи законченной идиотке, после чего начал завязывать нить заново. — Итак, семь узлов для тебя от меня: первый — здоровье, чтобы я мог подольше пользоваться твоими услугами няни; второй — понимание, чтобы ты могла понимать меня с первого слова; третий — преданности, себе и своим близким; четвертый — любви, чтобы ты, наконец, нашла «того самого»; пятый — взаимности, тут всё понятно; шестой — чтобы три буквы из имени твоего возлюбленного совпадали с тремя буквами из твоего; седьмой — проницательности, чтобы ты, наконец, научилась видеть дальше своего носа и мне не пришлось тебе объяснять, почему именно три буквы.

— Снял вопрос с языка. Пока проницательность меня не поразила молнией, почему именно три буквы?

— Да, похоже, нить и правда не работает... Хотя, думаю, нужно немного подождать, — улыбнулся Роланд, опершись руками о стол.

— Подождем, — взаимно улыбнулась я, стараясь не думать о том, что именно Роланд пару минут назад сказал мне. Он ведь прозрачно намекнул, да? Кажется, я начинала краснеть и глупо улыбаться, поэтому решила немедленно ретироваться из кабинета, прежде чем безобидная улыбка Роланда не переросла в саркастический смех.

•

○ *

На следующее утро я опоздала на пробежку на три минуты, но Тайлер с Мэрилин терпеливо ждали меня на автобусной остановке, весело болтая о чем-то своем. Завидев их издали, я поняла, что Тайлер конкретно вцепился руками в эту возможность видиться со мной. Следующий час парень только и делал, что пытался вытащить меня на диалог, чему я активно сопротивлялась. Я и так задыхалась от бега, и мне совсем не хотелось расходовать кислород на пустую болтовню. Оказывается, Тайлер устроился в местный спортивный клуб тренером по баскетболу для подростков и сейчас пользовался популярностью у визжащих девчонок-семнадцатилеток. Для меня его популярность у малолеток была не удивительной — не смотря на свой невысокий рост, у него были неплохо высушены мышцы и он пребывал в отличной физической форме. Этаким миниатюрный аполлончик. Мэрилин с радостью болтала с ним о всяком бреде вроде протеиновых коктейлей (она заставляла пить меня эту гадость, таская за мной бутылку и утверждая, что это позволит мне прокачать мышцы!), пока я сгибалась в хвосте колонны от нехватки кислорода в легких. Жаль, что сейчас не было ни единого дуновения ветерка, который еще в начале пробежки я терпеть не могла за то, что он треплет мой туго заплетенный хвост. Сейчас я была бы ему искренне рада.

На сей раз, мы пробежали вполтину больше вчерашнего, после чего я отправилась к Мэрилин, чтобы принять душ и переодеться. Еще вчера я поняла, что будет куда удобнее занести ей свою одежду, чтобы иметь возможность не идти после пробежки домой. С этих пор половина моего гардероба была в шкафу у Мэрилин.

Давясь протеиновым коктейлем из сельдерея, я всячески пыталась сдержать рвотный позыв и всё-таки смогла выпить его до дна, после чего мы отправились на работу.

Роланд всё еще измывался над Мэрилин, но она так сильно вошла во вкус противостояния, что начала получать удовольствие от происходящего, словно бросая своему сыну вызов. Всё, чем она занималась в поместье, она делала впервые в жизни и с неприкрытым удовольствием: мыла полы, протирала пыль, подокучивала грунт в палисаднике, таскала ящики с рассадой, поливала цветы из десятилитровой лейки, драила ванную комнату... Впоследствии всё это она проделывала почти каждый день, иногда меняя местами поставленные перед ней задачи. Конкретно сейчас она мыла окна, в то время как Роланд что-то печатал в своем ноутбуке. После поступления Мэрилин на должность разнорабочей в поместье Олдриджа, Роланд перешел работать к нам в домик, чтобы иметь возможность тиранить блондинку по даже незначительным пробелам и контролировать меня, вернее следить за тем, чтобы я не помогала его новой работнице. Я могла делать абсолютно всё — один раз я даже вздремнула на шезлонге, совершенно позабыв о том, что мой работодатель находится передо мной, а моя подопечная грызет лего. Роланд словно не замечал моих промахов. То, что он мог простить мне и даже позволить повторить, он ни за что не прощал Мэрилин, делая ей выговор даже за согнувшийся в горшке цветок. За пять полноценных рабочих дней она не продвинулась ни на миллиметр к сердцу Роланда, а Роланд не сделал ни единого шага в её сторону.

Глава 62. Секретная жизнь

Наконец наступила суббота — день, когда Мэрилин останется наедине с Роландом. Откровенно говоря, мы с Мэрилин ставили на этот день даже больше, чем он мог нам

принести. Майское утро было солнечным и даже теплым, и на сей раз с нами на пробежку вышел Дэвид — мы подобрали бегуна возле его дома, отодрав его от целующей жены.

Это был третий день моей утренней беготни, и он был лучшим в моем скудном опыте. Теплая погода и щебетание птиц располагали к общению, и даже не смотря на то, что мы пробежали вдвое больше обычного, я была приятно возбуждена. То ли потому, что сегодня Мэрилин останется с Роландом наедине, то ли потому, что я еду в Лондон с Эмилией и, наконец, выберусь хотя бы на пару часов из этого городка, то ли потому, что сегодня я во второй раз в своей жизни попаду на концерт своей любимой группы (первый раз я посещала их концерт четыре года назад, выиграв билет в университетском конкурсе. Тогда в их группе была другая солистка, которая на сегодняшний день уже успела выстроить успешную сольную карьеру). Этим утром я даже мило общалась с Тайлером, который еще шире улыбался от того, что я, наконец, перестала быть бурчащей фурией. На фоне Дэвида мы выглядели дилетантами в спорте (он изо всех сил пытался смириться с нашим медленным бегом, который больше походил на быструю ходьбу). Да, это утро было действительно замечательным. Впервые за долгое время мои дни начали приобретать цвета (и это совсем не из-за диалога с Роландом, который состоялся во время завязывания им красной нити с его именем на моем запястье!!!).

После того, как я вышла из душа, Мэрилин указала мне на разложенный на кровати спортивный костюм, состоящий из черных леггинсов с линиями на ягодицах, которые обычно делают задницу визуальнее красивее, и розовой майки с глубоким декольте.

— Это твой костюм, — серьезно констатировала блондинка.

— Что за бред? Я не могу его принять...

— Умоляю, не выпендривайся. Всё. Это твой костюм. Считай, что это в счет разбитого мной старого дедушкиного торшера в гостиной. Завтра оденешь его. Я посмотрела прогноз погоды — будет пятнадцать градусов тепла, так что смело можно бежать в одной майке. Хватит бегать в толстовке и потертых штанах. На пробежке ты должна чувствовать себя королевой красоты, понятно? Тем более завтра важное утро.

Нет, я, конечно подозревала, что выгляжу в своем университетском спортивном костюме убого, но чтобы настолько, что в итоге мне безвозмездно подарили новую форму...

— Я что-то упустила? — поинтересовалась я, имея в виду неизвестную мне важность завтрашнего утра.

— Не важно, главное чтобы ты завтра сияла, понятно?

— Не совсем...

— Мы накрутим тебе на ночь бигуди, — продолжила Мэрилин, совершенно не слушая меня, — и нужно сделать тебе натуральный макияж.

— И пахнуть я должна розами?

— Ландышем. Ты будешь пахнуть ландышем.

Я сдалась — она абсолютно меня не слушала и не хотела объяснять, что именно должно было произойти завтра утром. Важно было только одно — сегодня ночью я должна была ночевать у нее, чтобы блондинка смогла подготовить меня к какому-то супер-важному событию.

•

○ *

В двенадцать часов дня я сидела под кабинетом гинеколога в ожидании Эмилии и предвкушала поход по магазинам — Эми накопила денег, чтобы сменить гардероб матери-одиночки на что-то более легкое и яркое. А пока моя сестра разбиралась с потерянными молоком и сбившимся менструальным циклом, я решила разузнать обстановку в поместье.

11:55 Как отреагировал Роланд на моё отсутствие?

11:57 Никак. Он просто сложил свой ноутбук и ушел в кабинет.

12:00 Он что, не контролирует твою работу?

12:03 Похоже, он стал мне доверять.

12:05 Я думала, что вы пообщаетесь.

12:09 Еще не вечер! Кстати, он сказал: «Пожалуйста, не протери дыру в столе», когда я протирала стол на террасе перед ним. Он впервые сказал «пожалуйста»!!! И еще сделал это не с обычной холодностью, а скорее с отстраненностью. Кажется, он сменил хладнокровие на безразличие. Это прогресс.

12:11 Определенно. — Ответила я, хотя руки так и чесались написать, что навряд ли подобный момент можно счесть за прогресс.

Прошло больше получаса, а Эми всё еще не выходила из кабинета. От этого мне стало даже как-то не по себе: «Вдруг у нее что-то серьезное? Нет, скорее всего у меня просто паранойя».

Эмилия вышла от врача в тридцать пять минут первого, и я сразу же забыла о своих переживаниях. Она подошла к стойке регистратуры, оплатила посещение, и мы молча зашли в пустой стальной лифт.

— Ну, что тебе сказали по поводу молока?

— Как и предполагалось, — тяжело выдохнула Эми. — Молоко перегорело на фоне стресса.

— Ясно, — с облегчением выдохнула я.

— Зайдем в кафе? — поинтересовалась сестра выйдя из лифта и, не дожидаясь моего ответа, направившись к кафешке, расположенной на первом этаже. Кафешка не входила в мои планы, так как я надеялась вернуться домой без задержек, чтобы подготовиться к концерту, но Эми так уверенно зашагала в её направлении, что даже не дала мне шанса на сопротивление. Мы сели за дальний столик у панорамного окна и заказали по чашке кардамонового чая. Я огляделась вокруг — посетителей почти не было, только я с Эми, пара с маленьким ребенком и ухоженный пенсионер. Наконец я перевела взгляд на Эми, водящую указательным пальцем по лежащей перед ней салфетке, и только сейчас отметила её бледность.

— Гхм... Всё в порядке? — положив предплечья на стол и нагнувшись ближе к сестре, поинтересовалась я.

— Я беременна.

— Что? — то ли чихнув, то ли хихикнув, ошарашено выдала я.

— Я беременна, — подняла голову Эмилия, и мы встретились с ней взглядом. Наверное, глаза у меня полезли на лоб.

— Эммм... Что ж... Поздравляю, — постаралась сказать хоть что-то я, всё еще не успев осознать услышанное.

— Спасибо.

— Ты ведь оставишь ребенка? — наконец собралась с мыслями я.

— Конечно.

— Круто, — попыталась улыбнуться я. — Круто, Эми. Ты самостоятельно зачала. Ты ведь так об этом мечтала... Вернее не сама, тебе в этом помог... Ты ведь не собираешься восстанавливать отношения с Эмметтом из-за своей беременности?

— Он не имеет никакого отношения к моей беременности.

— Подожди, а вдруг это будет мальчик? Он так хотел мальчика... Хотя на опыте Мэрилин могу утверждать, что простить мужчину за измену — это нереально...

— Я не собираюсь его прощать. Тем более не он отец ребенка.

Снег на мою голову буквально сходил лавинами. Услышав от Эмилии Пейдж очередную «нереальную новость», я криво заулыбалась, откинулась на спинку твердого стула и посмотрела на сестру отупевшим взглядом. Через минуту вот такого вот взгляда в никуда, с кривой ухмылкой на лице, я очнулась, посмотрев идиотским взглядом на официанта, принесшего наш заказ. Налив свою чашку чая, я сделала глоток.

— Прости, — прокашлялась я. — У тебя будет ребенок не от Эмметта? А от кого же тогда?

— В первый раз, когда Хелена пригласила меня в клуб, я познакомилась с отличным парнем и переспала с ним, из-за чего в итоге опоздала домой, и тебе пришлось сидеть с Джесс до пяти утра.

— Ты залетела с первого раза?

— Не с первого.

— Тогда когда ты успела? Подожди... Ты ведь всё это время ходила к Хелене в гости и в клубы с ней... Пффф... Это не так, — констатировала я.

— Хелена давно уехала в Швейцарию. Я договорилась с Джейком... Его зовут Джейк. Я договорилась с ним, что у нас будут отношения без обязательств. Мы пересекались на нейтральной территории, чтобы переспать — больше ничего.

— Подожди... Вы не пользовались презервативами?

— Я думала, что бесплодна... Какой же я была идиоткой, — признала своё поражение Эмилия, проведя руками по волосам. — Доктор только что сказал мне, что после успешного ЭКО гормональный фон женщины меняется и, зачастую, впоследствии она способна зачать без медицинской помощи. Как я могла не подумать об этом?

— Подожди, а это точно не ребенок Эмметта?

— После рождения Джессики Эмметт ко мне не притрагивался, из-за чего я даже начала себя чувствовать уродиной. Поэтому я искренне удивилась тому, что Джейк обратил на меня внимание, даже не посмотрев на красотку Хелену. Бли-и-ин... Я не хотела говорить Джейку о том, что дефектна, поэтому он думал, что я принимаю противозачаточные. Выходит, я его обманула.

— Эми, ему необходимо сказать, — уверенно подняла бровь я, поняв, что она не собирается этого делать.

— Нет. Это не честно по отношению к нему. А ведь он хотел со мной серьезных отношений, это я настаивала на сексе без обязательств... Он такой хороший... Я не могу так. Я обманула его.

— Он должен знать, — настаивала на своем я.

— Ведь я уже на третьей неделе беременности — как я могла не заметить? Задержка в четырнадцать дней... Дура!

— Эми, всё будет хорошо.

— Для начала давай не рассказывать никому, хорошо?

Мы с Эмилией полдня просидели в кафе, попробовав все три вида чизкейка, после чего, наконец, решили отправиться домой. Было решено, что тайна беременности Эмилиии останется между нами до тех пор, пока она не решит, что делать с Джейком. Как по мне, всё было прозрачно очевидно — парень хотел с ней серьезных отношений и вот, огреб ими по самые... Уши. Эмилия рассказала мне, что этот парень был на шесть лет младше Эмметта, соответственно на три года старше её — то есть ему было двадцать девять лет. Он работал мужским тренером в местном тренажерном зале и, со слов Эми, обладал неплохими... Размерами. Больше я о нем ничего не узнала, так как всё остальное время пыталась убедить растерянную сестру в том, что всё будет хорошо.

По возвращению в город Эмилия отправилась к себе, чтобы подменить родителей, присматривающих за Джессикой, а я к себе, чтобы успеть подготовиться к концерту. Дин с Элис объясняли деду принципы работы старого планшета, который Дэвид отдал им за ненадобностью, поэтому, убедившись в том, что дети заняты, а собаки накормлены, я поднялась вверх.

Приняв душ, я больше часа потратила на прическу. Именно во время её создания я впервые заметила, как сильно отросли мои густые волосы. Сделав мощный начес и накрутив крупные локоны-волны, я, наконец, выдохнула, железобетонно зафиксировав всю эту прелесть лаком. Сначала я хотела сделать рок-макияж, но в итоге решила ограничиться серебристыми тенями и черной подводкой, аккуратно прокрасив нижние веки, а на верхних пустив идеальные стрелки. Губы я наредила матовой помадой натурального оттенка и обвела контур губ аналогичным карандашом. Давно на мне не было столько косметики и давно я не чувствовала себя такой красивой. В одежде мой выбор остановился исключительно на черных тонах: обтягивающие, рваные джинсы, короткая майка, слегка оголяющая поясницу и низ живота, и короткая кожаная куртка, заканчивающаяся чуть выше пупка (её лет пять назад подарила мне Сэм). Ремень с шипами и пряжкой в виде орла я заранее одолжила у Дэвида, и сейчас он идеально подчеркивал мою талию. Рокерские же ботинки с ремешками, усеянными звездочками и шипами, остались у меня еще со времен первого курса, когда я увлекалась рок-стилем.

Я не могла на себя насмотреться, крутясь у зеркала в полный рост, встроенного в шкаф в комнате Элис. С идеальным макияжем, прической и шикарно подобранном гардеробом, я больше не выглядела анорексичным подростком, как любила называть меня Сэм. Теперь я была по-настоящему сексапильной, обворожительной девушкой (по крайней мере, моё самолюбие превознесло мой образ до подобных терминов). Еще бы пять минут у зеркала, и я бы сама в себя влюбилась, но во входную дверь вовремя раздался звонок, заставивший меня спуститься вниз, по пути надевая на левое запястье рок-браслет, так как на правом у меня красовалась красная нить. Я думала, что это пришел за мной Тайлер, но это оказались родители, забывшие свои ключи и вернувшиеся от Эмилиии.

— Дорогая, смотри, твоя дочь ошалела, — округлил глаза отец. — Ты выглядишь просто... Превосходно!

— Спасибо, — довольно улыбнулась я, крутанувшись на низком каблуке ботинок вокруг своей оси.

— Дорогая, — хлопнула в ладоши мама, — ты что, решила ожить?

— Когда я вырасту, я хочу стать такой же красивой как Глория, — сообщила своему брату Элис.

— Внучка, ты куда собралась? — поинтересовался у меня дед, вышедший из столовой.

— Тайлер достал два билета на «Крик скрижалей».

— Ты и так глуховатая, хочешь вообще лишиться перепонки? — с сарказмом поинтересовался отец.

— Только много не пей, — начала мама.

— Надерись в хлам, — встрял дедушка.

— Поосторожнее с этим Тайлером... — продолжала мама.

— Предупреди его, что я, как твой отец, лично оторву ему... Уши. Если он к тебе полезет.

— А я оторву ему яйца, — задорно поднял кулак в воздух Дин.

— Дин! — воскликнула мама и в эту секунду в дверь раздался звонок.

— А вот и он, — оглянулся папа на дверь. — Одри, может быть, нам стоит для начала выпустить нашего внука и лишь потом дочь?

— Пап, прекрати, — засмеялась я, уже направляясь к двери. — Тайлер просто знакомый, даже не друг. И еще сегодня я ночую у Мэрилин — я уже вас предупреждала.

— Точно у Мэрилин? — сощурила глаза мама.

— Ди-и-ин, — призвал внука отец. — Фас!

— Честное слово, — положила руку на сердце, ответила я. — Можете перепроверить позвонив на стационарный телефон. Думаю, что около часа или двух часов ночи уже буду там.

•

○ *

В половину девятого мы стояли в нереально длинной очереди, мучительно ожидая пока нас пропустят. В итоге мы попали внутрь в девять ноль три, когда группа уже во всю горланила свою первую песню. Клуб был достаточно большим — было продано семьсот билетов и это если не учитывать vip-мест. Вообще столь популярная рок-группа решила выступить в этой

глуши лишь потому, что невеста барабанщика, с которой он обручился в начале года, и которая уже была на первом месяце беременности, являлась уроженкой этого города.

Сдав куртки в гардероб, мы продрались через бурлящую толпу в центр зала и следующие три часа, словно обезумевшие, танцевали, подпрыгивая на одном месте и поднимая руки вверх, чтобы показать знак хэви-метал или просто ударить кулаком в воздух. Давно я не чувствовала такого притока адреналина. Все присутствующие были словно одной сплошной волной, ритмично колыхающейся в такт кричащей музыке. Пару раз Тайлер сделал попытку ко мне прижаться, и мне пришлось его оттолкнуть, тем самым явно высказывая своё недовольство. Однако, под наркотическим действием общего экстаза, я быстро забывала о неприятном и уже спустя несколько секунд весело прыгала вместе с Тайлером, словно жаждая проломить пол в общем прыжке. Всё гудело, свистело, светилось и кружилось. Впервые после смерти Мартина я забылась на сто процентов. На сто! Я словно растворилась — не было ни меня, ни Мартина, никого и ничего. Была только музыка, общие крики и безудержный ритм. Кажется, я сорвала голос, выкрикивая слова из любимых песен.

Около полуночи, когда мои ноги начали гудеть спустя три часа непрерывных танцев и прыжков, и уже едва могли выдерживать собственный вес, мне вдруг захотелось плакать. Неожиданно на меня словно вылили чан ледяной воды. Мне стало не по себе от того, что я забылась. В голове промелькнули слова отца Рика, сказанные им на свадьбе Рика и Тэмми: «Время притупляет даже самую сильную боль, чтобы после мгновениями напоминать тебе о том, что прежде ты страдал сильнее. Это заставляет тебя стыдиться того, что, в какой-то промежуток твоей потускневшей жизни, в потоках ежедневной рутины, ты забыл о своей утрате... Подобным образом время словно издевается над твоим, и без того надломленным, сознанием, заставляя тебя проживать остатки своих дней в тупой боли». К моим глазам подступили слёзы, и мне захотелось на воздух — куда-нибудь подальше от клубных огней и едкого запаха кальяна, который курили наверху в vip-зоне. Как вообще можно сидеть и курить кальян в атмосфере общей эйфории? Боясь приступа удушья, я начала протискиваться через толпу, бросив забывшегося Тайлера позади себя. Забрав куртку в вестибюле, я застегнулась до груди, оставив декольте открытым, явно чувствуя, что мне не хватает воздуха.

Я буквально вырвалась наружу, сделав пять размашистых шагов вперед, после чего согнулась, чтобы упереться ладонями в колени. Совершенно не обращая внимания на тех нескольких людей, которые стояли по две стороны от входа в клуб, я попыталась собраться с мыслями и дышать как можно глубже, и уже спустя полминуты поняла, что только что успешно избежала приступа удушья.

— Эй, красотка, не хочешь закурить, — послышался в пяти шагах за моей спиной громкий мужской голос, прорезающий ночную тишину. Я разогнулась и посмотрела через плечо направо, в сторону говорившего. Слева от входа в клуб, прямо под ярко светящейся лампой, стояли три амбала, явно находящиеся навеселе. Справа от входа в клуб тоже кто-то стоял, но я стояла спиной к этой второй компании, поэтому не обратила на них никакого внимания.

— Хорошая тусовка, да? — подхватил друг первого заговорившего со мной парня, обратившись ко мне еще более громким голосом. — Пошли... В честь такой тусы бесплатно

угощаю травкой, — обкуренный голос амбала эхом разносился по ночному воздуху. Тяжело выдохнув, я направилась к клубу, еще не решив — иду ли я к курильщикам за травкой или возвращаюсь обратно на подходящий к концу концерт. Как раз в этот момент из клуба выбежал Тайлер.

— Глория! — так громко обратился он ко мне, что в воздухе раздалось тройное эхо. — Что-то случилось? — я лишь успела отрицательно мотнуть головой, как вдруг он схватил меня за руку и буквально потащил обратно в клуб. — Пошли назад.

— Так что, ты не будешь курить? — затянувшись, поинтересовался самый тощий из трех незнакомцев.

— Она не будет, — ответил за меня Купер, что еще сильнее меня подмыло, и я вырвала свою руку из его хватки.

— Во-первых — я не хочу внутрь, а во-вторых — я сама способна решить, хочу я выкурить косяк или нет.

— Ты не будешь курить эту гадость, — самоуверенно заявил Тайлер. Я самоуверенно подняла правую бровь, начиная входить в азарт.

— Теперь точно буду, — заявила я и, назло своему знакомому, пошла в сторону курящих. — Значит угощаете? — засунув руки в высокие карманы куртки, начала налаживать диалог я.

— Такой красотке невозможно отказать в бесплатном косячке, — улыбнулся рыжий мужчина с отросшей бородой.

— Если я сказал, что ты не будешь курить, значит, ты не будешь курить, — обошел меня со спины Тайлер, встав между мной и рыжим.

— С чего ты взял, что можешь решать за меня? Я тебе таких полномочий не выдавала.

— Ты пришла сюда со мной.

— И что? Теперь я должна выполнять всё, что ты мне прикажешь?

— Я бы приказал, — ехидно ухмыльнулся один из мужчин, встряв в наш диалог на повышенных тонах.

— Хотя бы до конца вечера ты можешь вести себя со мной более сдержанно? — начинал всё больше злиться Тайлер. — Хватит всё время меня отталкивать.

— Если травка тебя отталкивает, тогда прошу отойти от меня подальше — иначе сильно отпружинит, — ответила я, принимая из рук рыжего мужчины самокрутку.

— Ты не будешь это курить! — срываясь на крик, перешел на приказывающий тон Тайлер.

— Буду! — машинально притопнула правой ногой я (моя вредная привычка во время всех ссор).

— Отдай сюда, — еще больше злясь, протянул руку парень.

— Остынь, — послышался мужской голос за моей спиной, от которого по моему телу пробежали мурашки. — Если девушка сказала, что хочет курить, значит, она хочет курить.

— Роланд? — округлила глаза я, увидев перед собой Олдриджа в потертых темных джинсах и черной рубашке, рукава которой, по обыкновению, были закатаны до локтя. Выходит, это он стоял с кем-то справа от входа в клуб и, выходит, он видел всё с самого начала!

— Значит Роланд, — поджал губы Тайлер. — Замечательно. Прекрасно. Ты хотя бы имя другого парня с запястья снимала, когда идешь на свидание с другим, — с этими словами Тайлер обошел Роланда, нарочито задев его плечом, и отправился обратно в клуб. «Свидание?! Он сказал свидание?! Совсем с катушек съехал?! Мы ведь договорились, что мы просто знакомые!» — сверлила злостным взглядом спину Тайлера я, пока он не скрылся за клубной дверью.

— У кого есть зажигалка?! — с вызовом обернулась я к трем амбалам, и все сразу же начали копаться в своих карманах, как вдруг Роланд выхватил из моей руки самокрутку и, метким движением руки, швырнул его в урну.

— Что... — хотела возмутиться я, но вдруг встретилась с улыбающимся взглядом Олдриджа.

— Ты не будешь курить эту гадость.

— И ты туда же?! Буду!

— Эй, чувак, девушка же ясно сказала... — неожиданно начали наступать мужчины, уже имеющие на меня необоснованные виды.

— Роланд, — послышался незнакомый мужской голос за моей спиной и я обернулась. За нами стоял высокий блондин в белом деловом костюме, явно являющийся частью «элитной прослойки». — Возникли проблемы?

Не знаю как Тайлеру, но Роланду точно можно было не бояться трех обкуренных мужиков.

— Нет, Майкл, передавай привет Августе, — больно взяв меня за правый локоть, выдохнул Роланд.

— Эй, отпусти меня...

— Хорошо, — улыбнулся Майкл и, развернувшись, отправился в сторону парковки.

— Никто кроме меня не может решать, буду я курить или нет!

— Да-да, конечно, — таща меня к своему джипу, подозрительно соглашался со мной Роланд.
— Только позволь посоветовать тебе что-то более качественное.

— То есть ты дашь мне закурить? — прекратив сопротивляться от услышанного, я позволила продолжать тащить себя за локоть.

— Тебе ведь из вредности хочется, так что дам, чтобы ты не треснула по швам от осознания собственной «взрослости».

Глава 64. С хорошими парнями не дружат

Мы выехали за Б***-стрит, в противоположную сторону от особняка Олдриджа, и остановились на поле у забора из тесаных, круглых камней, предназначение которых было никому неизвестно. По-видимому, здесь кто-то когда-то что-то строил, но уже давно забросил это дело.

— Итак, значит на травку потянуло, — произнес Роланд, после чего заглушил мотор и посмотрел на меня. — Что ж, — полез он во внутренний карман своей кожаной черной куртки, — угощайся.

— Ты куришь травку?!

— Майкл отобрал у своего младшего брата как раз перед твоим выходом из клуба. Если верить этому парню, после нее на утро нет побочных эффектов.

— Замечательно, — взяла из рук Олдриджа самокрутку я и, спустя несколько секунд, затянулась от его зажигалки, предательски поморщившись от резкой горечи во рту.

— И часто ты куришь? — усмехнулся Роланд, явно веселящийся моим неумением курить.

— Второй раз. Первый из любопытства... Я хотела в Амстердаме, но из принципа сдержалась. Хорошо, что моё любопытство в итоге утолил Дэвид — парень Сэм. Фактически, он уберег меня от гадости, которую я могла не лучшим способом попробовать самостоятельно. Второй же раз сегодня. Как ты выразился — из вредности.

— Значит, ты прошедший год путешествовала? — поинтересовался он, закуривая вторую самокрутку, и я слегка напряглась, так как прежде мы с ним не обсуждали прошедший год.

— Да, — округлила глаза я, удивляясь тому, что всегда благоразумный Олдридж тоже решил побаловаться этой гадостью. — Может ты не будешь втягивать в себя эту мерзость?

— Только я могу решать, буду я курить или нет, — процитировал недавно произнесенные мной у клуба слова Роланд.

— Один-один, в твою пользу.

— Так что там с путешествием? — затянувшись, он аккуратно толкал меня на продолжение

начатой темы.

— За год я побывала во Франции, Германии, Нидерландах, Дании, Австрии, Чехии, Польше и Австралии, — загибала пальцы я. — Итого семь стран.

— Восемь.

— Ой, да, — странно захихикала я. — Восемь... Видимо эта штука сильная.

— Не из слабых, — нахмутив брови, выпустил дым Роланд. — Не помогло? Путешествие.

— От себя не сбежишь... Ты... Ты когда-нибудь жалел о том, что взял опеку над Мартином? Я имею в виду... Ты когда-нибудь хотел повернуть время вспять, чтобы отменить своё решение?.. Чтобы не гореть сейчас в чане боли.

— Нет, — твердо ответил Роланд, и я заметила, как глухо звучат наши голоса в салоне автомобиля. Словно мы заперлись в бункере, в котором могли говорить друг с другом на любые темы — нас никто кроме нас не услышит. Это придавало нашему диалогу странное ощущение безопасности.

— Даже если бы знал, что всё так выйдет? — у меня дрогнул голос. — Даже если бы знал заранее обо всём?

— Даже если бы.

— А я иногда жалею о том, что появилась на пороге твоего дома, — спустя полминуты, произнесла я, гулко сглотнув. — Но только иногда. В основном я убеждаю себя в том, что... Всё сделала правильно, вот только, — я потерла бровь большим пальцем правой руки, в которой держала сигарету. — От этого не легче.

— От этого не должно быть легче.

— Душно, — спустя несколько секунд выдохнула я, после чего открыла дверь и вышла наружу. В итоге сделав всего пару затяжек, я выбросила целый косяк себе под ноги и облокотилась о каменный заборчик, запрокинув голову назад. Небо было невероятно звездным, а ночь настолько теплой, что можно было подумать, словно сейчас не начало мая, а середина июня.

— А ты как провел этот год? — улыбнулась я, почувствовав, что травка начинает слегка на меня действовать.

— Несколько дней я не выходил из запоя. Проспавшись я вернулся в город, но тебя здесь не оказалось. Потом три месяца в Китае, еще три в Испании и полгода в Дубае.

— Что значит, «тебя здесь не оказалось»? Ты что, искал меня? — нервно хихикнула я.

— Кажется, ты уже обдолбалась, — заулыбался Роланд и, судя по тому, что ему так легко

удалось отвлечь меня от интересующего меня вопроса, он был прав.

— Пффф... Ни капельки... Их... Ой, — икнув, я посмотрела на небо. — Какое сегодня звездное небо. Звезднее только на берегу моря в Дании.

— Звезднее? — засмеялся Роланд, который, в отличие от меня, выкинул свой косяк уже после первой затяжки.

— Звезднее, — засмеявшись, повторила я. — Ты бы видел наши с Сэм приключения!

— Ты про трансвеститов в Амстердаме?

— Откуда ты знаешь?! — пошатнувшись, отстранилась от заборчика я, чтобы посмотреть в лицо рядом сидящего Олдриджа, опирающегося руками о тесаные камни.

— Неделю назад наткнулся на инстаграмм твоей тётки. Ты там почти на каждом фото в черной бейсболке... Кстати, если листать эти фотографии с задю наперед, можно увидеть, как ты набираешь вес, — засмеялся Роланд, и я прыснула смехом.

— Каким было самое незабываемое событие в твоей жизни, за прошедший год? — отсмеявшись, спустя минуту поинтересовалась я.

— Коачелла[22], — выдохнул Роланд. — Ездил туда всего на один день, больше фальшиво веселиться не получалось.

— У меня не было средств и возможностей так грустить... Моим самым запоминающимся моментом стал момент, когда я смогла принять душ в фургоне Дэвида. Никогда не чувствовала себя такой чистой, — снова захихикала я и Роланд широко заулыбался, наблюдая за моим весельем.

— Тебе точно нельзя курить. Пообещай мне, что больше не будешь.

— Обещаю, — серьезно покачала головой я, но снова не сдержалась и улыбнулась, ответив на веселую улыбку Роланда. — Роскошно выглядит, — махнула рукой в сторону Б***-стрит я, где величественные особняки были освещены диковиной подсветкой.

— Всего лишь роскошь.

— Имеешь что-то против роскоши?

— Ко мне всегда относились через преломляющую призму роскоши.

— Это как? — обернулась на своего собеседника я.

— Представь меня не миллионером, а продавцом булочек из лавки на соседней улице.

— У меня странное чувство дежавю. Будто где-то я это уже слышала, но вот только не могу

вспомнить где... Хорошо, допустим ты булочник с соседней улицы, и что?

— Мы бы дружили?

— Мы и сейчас дружим.

— То есть дружба между мужчиной и женщиной, по-твоему, существует?

— А по-твоему нет? — удивленно вздернула брови я.

— Естественно нет.

— Ну, тогда бы мы с тобой не дружили.

— Да, было бы хорошо, — выдохнул Роланд, запрокинув голову назад.

— Эй, ты только что сказал, что не хочешь со мной дружить, идиот, — пнула его ногой я.

— Пффф... Это не я идиот — это ты тупица.

— Но сейчас же мы дружим!

— Только потому, что между нами деньги.

— Эй, ты точно сегодня косячишь, — снова пнула его я. — Хочешь сказать, что я дружу с тобой из-за денег?!

— Я хочу сказать, что деньги изначально являлись сдерживающим фактором.

— Сдерживающим фактором чего или от чего?

— Если бы между нами не было денежной прослойки, мы бы не дружили.

— Да не дружу я с тобой из-за денег!

— Так. Тупик, — начинал сердиться Роланд. — Почему ты со мной дружишь?

— Ну, ты хороший.

— Всё?

— Нарываешься на комплименты? Не дожدهшься. Да, это всё.

— С хорошими парнями не дружат.

— Да почему?! — не выдержала я и, подойдя к нему впритык, топнула ногой, явно выказывая своё недовольство его умозаключениями. Он сидел облокотившись о каменный забор, скрестив руки на груди, и его серьезное лицо было всего в четырех дюймах от моего.

— С ними встречаются, — неожиданно выдал мой оппонент, испытывающе глядя мне прямо в глаза и не шевеля ни единой мышцей своего серьезного лица. Я поняла, что как только отведу взгляд — мгновенно потерплю поражение в этой битве.

— И дружат тоже, — напряглась я.

— Только встречаются, — не сдавался Роланд.

— Ну, значит мы бы с тобой встречались! — психанула я, взмахнув рукой. Из-за накала эмоций, от незначительного эффекта травки не осталось и следа. Кажется, моё сердце пыталось выпрыгнуть через декольте.

— И когда бы мы начали встречаться? — приподнял бровь Олдридж.

— Ты издеваешься? Теперь я должна рассказывать тебе о Роланде-булочнике, с которым встречалась бы Глория-терапевт?

— Окей, на каком бы свидании мы поцеловались?

— Что?

— Значит на первом.

— Эй...

— На втором?

— Нет!

— Значит всё-таки на первом, — хитро прищурился Роланд, едва улыбнувшись.

— Мы не... — я уже хотела отстраниться, но лишь едва отшатнулась, когда Роланд резко схватил меня за локоть и, подтянув к себе, поцеловал. Я ошеломленно смотрела в его серые глаза, внезапно почувствовав его приятное, теплое дыхание у себя на лице. Лишь спустя пять секунд я глубоко выдохнула и, закрыв глаза, ответив ему взаимностью. С Роландом было приятно целоваться, если нечто столь сильное можно назвать просто «приятным». Спустя минуту Роланд медленно убрал свою левую руку с моего предплечья и положил правую на мою талию. Его ладонь, коснувшаяся оголенного участка моей поясницы, была безумно горячей, отчего я едва вздрогнула, и по телу пробежали мурашки. Мне безумно не хотелось обрывать этот момент — хотелось застыть в нем навечно. Поцелуй становился всё более страстным, Роланд прижимал меня к себе всё сильнее, и мне всё больше хотелось его обнять, однако здравый смысл всё же смог заставить меня остановиться. Мы стояли упершись лбами друг в друга и наслаждались ароматом наших сплетающихся дыханий.

— Почему в имени моего парня должно быть три буквы из моего имени? — спустя несколько секунд пульсирующего молчания, спросила я.

— Потому что имена Мэйсон и Тайлер не содержат заветное количество букв. Зато твоё имя вполне подходит по этому параметру к моему.

Я совсем чуть-чуть отстранилась, чтобы посмотреть в глаза стоящего передо мной Роланда Олдриджа.

— Давай мы пока никому не расскажем? — полусшепотом предложила я.

— Давай.

Полминуты мы молчали: Роланд внимательно смотрел на меня, а я задумчиво смотрела на его губы.

— Мистер Олдридж, — сделав серьезное выражение лица, обратилась к своему работодателю я, встретившись с ним взглядом.

— Да, мисс Пейдж, — наигранно-серьезно нахмурил брови Роланд, не убирая своей руки с моей поясицы.

— Сегодня ночью я должна ночевать у Мэрилин, чтобы она смогла подготовить меня к какому-то супер-важному событию, покрытому тайной. Судя по всему, она заметила симпатию Тайлера к моей персоне и теперь хочет меня с ним свести на утренней пробежке.

— Какой ужас.

— Если она меня не выдаст замуж с утра пораньше, тогда я обещаю завтра вовремя явиться на работу.

— Она определенно плохо на тебя влияет.

— Будь с ней терпеливее.

— Только сегодня.

— Доставите меня до пункта назначения, чтобы мне не пришлось идти пешком по ночному полю?

— У меня дорогая такса.

— Вычтите из зарплаты.

— Боюсь, Вы не рассчитаетесь со мной до конца жизни.

•

○ *

Уже через пятнадцать минут Роланд остановил машину напротив дома, в котором временно

ютилась Мэрилин.

— До завтра, — произнесла я и, отстегнув ремень и открыв дверь, уже хотела выпрыгнуть из машины, как вдруг Роланд подтянул меня к себе за запястье моей левой руки. На секунду встретившись со мной взглядом, он задорно улыбнулся, словно веселясь чему-то мне неведомому, после чего нежно поцеловал меня в губы.

— До завтра, — выдохнул он, и я уже с меньшим желанием вышла из его джипа.

Глава 65. Паническая пробежка

— Кто бегает покрашенным и с распущенными волосами? — возмутилась я, глядя на себя в зеркало. Черные леггинсы буквально обтягивали мою задницу, делая её едва ли не секс-символом нашего города. Майка розового цвета обтягивала талию меньше, но слишком сильно выпячивала подтянутую грудь, на которую струящимися потоками спускались локоны, ради завивки которых Мэрилин стащила меня с кровати в шесть часов.

— Не ворчи. Макияж у тебя водостойкий, так что не потечет от пота, и выглядит он натурально, словно ты и не покрашена вовсе.

— А с волосами что? Они будут лезть мне в лицо...

— Вот, — бросив в меня тонкую спортивную повязку белоснежного цвета, улыбнулась Мэрилин. — Наденем тебе это на голову, и волосы не будут мешать. Но подобие челки всё же оставим — оно у тебя шикарное.

•

○ *

— Почему мы вышли на час позже? — ворчала я, когда мы уже ехали в автобусе. — Ты что, не собираешься сегодня на работу? Уже семь часов... Мы точно опоздаем.

— Мэрилин что-то затеяла, — заметил держащийся за поручень Дэвид, буквально нависающий надо мной своим громадным телом. — Почему сегодня мы изменили маршрут и где Тайлер?

— Это секрет, но Тайлер сегодня придет.

— У нее сегодня всё секрет, — надула губы я. — Из-за нее мы на работу опоздаем и вообще... Я вернулась после концерта в начале второго и мне пришлось просыпаться в шесть, ради того, чтобы она меня покрасила, представляешь?!

— Кстати, как прошел концерт? — поинтересовался у меня Дэвид, стараясь разрядить обстановку.

— Замечательно. Они исполнили свои лучшие хиты, — заулыбалась я и, совершенно забыв о секретных секретах Мэрилин, начала рассказывать Дэвиду о лучших моментах концерта.

Я удивилась, когда мы вышли у противоположного конца холма, ведущего на Б***-стрит, и встали на тротуаре, справа от ограждения сада, ведущему вверх.

— Эми ведь хотела к нам сегодня присоединиться, — заметил Дэвид. — Мы ждем её?

— Она не сможет. У Джессики режутся зубы, так что никак, — пожала плечами я, решив соврать и наблюдая за тем, как Дэвид энергично бежит на месте.

— Отлично, значит бежим наверх?

— Наверх?! — воскликнула я. — Нет-нет-нет... Без меня. Я загнусь от такой дозы пробежки. Давайте лучше в противоположную сторону?

— Дэвид, сколько время? — поинтересовалась Мэрилин.

— Ровно семь, — выдохнул наш бегун, посмотрев на свои спортивные часы. — Во сколько Тайлер должен быть на месте?

— В семь тридцать, — невозмутимо пожала плечами блондинка.

— Во сколько?! Так, девочки, я побежал. Успею и подняться, и спуститься, пока вы будете зависать в режиме ожидания.

И он успел. В семь двадцать он уже был перед нами.

Мэрилин активно растягивалась, выглядывая из-за забора на соседний тротуар, в надежде увидеть Тайлера, а я сидела на корточках, рассматривая свои новые белоснежные кроссовки и мирно пощипывая траву у своих ног. С каждой прошедшей минутой ожидание становилось всё более нудным, что даже Дэвид вдруг взгрустнул.

— Семь тридцать, — посмотрев на часы, констатировал наш спутник. — Где он?

— Уже должен быть, — прикусила нижнюю губу Мэрилин, в очередной раз выглянув за угол.

— Семь тридцать один, — спустя минуту произнес Дэвид.

— Всё еще нет, — отозвалась Мэрилин.

— Семь тридцать два. Может он не придет?

— Должен прийти. У меня достоверная информация.

— Достоверная информация? Ты что, не с ним лично договаривалась? Я удивляюсь вам, женщинам.

— Глория, поднимись и приведи себя в порядок. Он уже скоро будет здесь.

— Я в полном порядке.

— И всё же.

— Ты что, сватать её за Тайлера собралась? — широко заулыбался Дэвид.

— Да, собралась, — открыто призналась Мэрилин, отчего у него округлились глаза, и он вдруг замолк.

— Сумасшедшая, — всё еще сидя на корточках, буркнула я себе под нос, не желая делиться со всеми подробностями нашей с Тайлером ссоры, состоявшейся накануне. В конце концов, я сходила на концерт за его счет, так что мне хотелось бы извиниться перед ним за вчерашнее, отчего сейчас я и не сопротивлялась.

— Тридцать три, — посмотрев на часы, констатировал Дэвид.

— Бежит! — радостно сообщила Мэрилин, в очередной раз выглянув из-за ограды и резко метнувшись назад к нам.

— Ну наконец-то, — облегченно выдохнул Дэвид.

— Глория, вставай, — подняла меня за руку Мэрилин, начав тормозить меня за плечи. — Давай спустим тебе волосы на грудь, так красивее...

— погоди, — снова начав подпрыгивать на месте, едва не срываясь на бег, вдруг хмыкнул Дэвид. — Где ты видела Тайлера? — Дэвид был высоким и при прыжках хорошо видел тротуар, расположенный за забором. — Его нет.

— Нет он есть, — настаивала на своем Мэрилин.

— Зуб даю, что его там нет. Ты перепугала его с другим бегуном. Как вообще можно так ошибиться? Он ведь совсем не похож на Тайлера — волосы длиннее, он высокий и гораздо крупнее...

— Что?! — воскликнула я, наконец догадавшись, что именно затеяла Мэрилин. — Я убегаю!!! Дэвид, он далеко?!

— Будет здесь через минуту — убежать незамеченной точно не успеешь, да и некуда. А кто это?

— Глория, не смотри на меня так! Мне необходимо наладить отношения с сыном, так что подыграйте мне оба.

— А при чем здесь моя грудь к вашим отношениям?! — перешла на кричащий шепот я, боясь, что приближающийся Роланд меня услышит.

— Это что, тот самый Роланд? — ухмыльнулся Дэвид, всё еще подпрыгивая на месте, явно

всмаатриваясь в приближающуюся фигуру Олдриджа.

— Я узнала у Джонатана его маршрут, — шипела на меня Мэрилин. — Роланд его никогда не меняет и, по моим подсчетам, он должен быть на этом месте как раз около половины восьмого.

— То есть, пристрастие к спорту — это у вас семейное, — снова ухмыльнулся Дэвид.

— Это у него от меня, — довольно улыbnулась в ответ Мэрилин. — Правда он еще не знает об этом...

— Я отказываюсь во всем этом участвовать! — развела руками я и топнула ногой, словно это способно было меня телепортировать домой, и как раз в этот момент из-за угла прямо на нас выбежал Роланд. Он смотрел себе под ноги, а к его ушам были подтянуты наушники, в которых на полную мощность гремел рок, и сначала он нас не заметил, решив просто оббежать очередное препятствие. Он был потным, в зеленой майке с широкими плечами, свободных хлопковых штанах серого цвета и черных кроссовках. Пробегая мимо нас, он поднял взгляд на холм и, боковым зрением зацепив нашу группку, сделал еще два шага вперед, после чего резко остановился, снял наушники и обернулся, бросив на нас недоуменный взгляд.

— Приве-е-ет, — заулыбалась Мэрилин. — А мы тут мимо пробежали...

Мне хотелось плакать от того, как глупо я выглядела со стороны. Я ведь еще вчера ему рассказала о том, что Мэрилин собирается меня свести с Тайлером на пробежке, а Тайлером оказался он сам. Что он сейчас подумает?!

— Дэвид, — пожав протянутую руку Роланда, представился Дэвид.

— Роланд, — гулко выдохнул лже-Тайлер. — Все вместе? Пробежали мимо.

— Мы всегда бегаем втроем, — кокетливо хихикнула Мэрилин.

— Значит, бегаете втроем, а за троих потеет только Дэвид?

Мэрилин хлопала глазами, поняв, что прокололась, Дэвид засмеялся, а я начинала краснеть то ли от негодования, то ли от стыда.

— Я на это не подписывалась, — наконец психанула я и, развернувшись, отправилась в противоположную ото всех сторону.

— Глория, — подбежал ко мне Дэвид, весело смеясь. — Ну, Глория. Мэрилин ведь так старалась, а ты вот так вот просто возьмешь и уйдешь? Мы ведь битых полчаса его ждали.

— Я не знала, что мы ждали его, — злилась я.

— Но если бы она тебе сказала, ты бы сразу ушла, — улыбался бегущий лицом ко мне Дэвид.

Меня злило всё: то, что я сразу не догадалась о затее Мэрилин; то, что у нее всё получилось; то, что Роланд сейчас всё это видит и слышит.

— Глория, — наконец остановившись рядом со мной, взял меня за плечи Дэвид. — Уже ничего не изменишь. Посмотри какие они счастливые, — повернув меня к людям, находящимся в десяти шагах за моей спиной, попросил Дэвид, и я увидела округлившиеся глаза Мэрилин, и Роланда, изо всех сил сдерживающего смех. — Побежали с нами наверх. Да, я знаю, что у тебя хиленькие легкие, но если ты загнешься, я обещаю дотащить твоё бездыханное тельце к порогу родительского дома.

— Всё нормально, — проглотив смешок, улыбнулся Роланд и замахал рукой, подзывая нас к себе.

— Правда? — еще шире распахнув глаза, поинтересовалась Мэрилин.

— С тобой я мириться не собираюсь, если ты об этом, — серьезным тоном, но всё равно мягче обычного, ответил Роланд, после чего мы начали взбираться на холм. Дэвид и Роланд бежали впереди нас, я бежала в пяти шагах за Роландом, а Мэрилин, с опущенной головой (что означало, что ей очень стыдно передо мной и она извиняется), бежала справа от меня.

— Мэрилин, ты молодец, — улыбался Дэвид.

— Правда? — тоном побитого котенка поинтересовалась блондинка.

— Конечно. Кто рискует — побеждает!

— Девиз SAS, — заметил Роланд. — Военный?

— В отставке. И как военный могу тебе сказать, что ты попал. Советую тебе драпать прямо отсюда на всех парах и запирать засовы на окнах своего дома, если не хочешь вляпаться в семейку Пейдж, потому что твоя мать серьезно настроена тебя в нее вплести. Поверь мне как человеку, состоящему в этой коалиции — семейка у них сумасшедшая.

— Я в курсе, — заулыбался Роланд.

— Хватит издеваться надо мной, — простонала я. — Я ведь всё слышу.

Дэвид гулко засмеялся.

— А ты как себя чувствуешь после вчерашнего? — не оборачиваясь, обратившись ко мне, ухмыльнулся Роланд. — Голова не болит?

— Почему она должна у меня болеть? — настороженно спросила я.

— Концерт должен был быть громким, — заметил Дэвид, стирая пот со лба тыльной стороной правой ладони.

— Ха! Если бы концерт! — гулко выдал Роланд, отчего моё сердце вдруг екнуло. — Она вчера травку курила.

— Что?! — воскликнула Мэрилин. — Это ведь жутко вредит цвету лица и вызывает морщины!

Фух. Он не рассказал им о...

— Зачем ты это рассказал? — начинала злиться я.

— Если Дэвид не расскажет Сэм, тогда об этом обязательно проболтается Мэрилин. Слушок дойдет до твоих родителей, и они обязательно тебя покарают за твою легкомысленность.

— Но ты тоже вчера курил травку.

— И что?

— Пусть твоя мама знает, чем ты занимаешься.

— Я не боюсь преждевременных морщин и нездорового цвета лица, и вообще моей матери глубоко наплевать на то, чем занимается её сын.

— Не говори так при мне, — поморщилась Мэрилин.

— Прости, Мэрилин. Только не передавай эти слова моей матери, вдруг они её заденут?

— Уже задела.

— Чудо беспроводной передачи информации... Дэвид, не против ускориться?

— Только за, — ухмыльнулся Дэвид, и они бросили нас на середине холма, и уже спустя минуту оказались на его вершине. Стоя на вершине, они о чем-то разговаривали, оглядываясь на нас, в то время как мы могли оказаться рядом с ними минимум через три минуты.

— Как ты могла так со мной поступить? — задыхаясь, простонала я.

— Прости... Но ведь всё неплохо вышло, правда?

— Нет, всё вышло отвратительно...

— Прости-прости-прости... — умоляюще задыхалась Мэрилин. — Но ведь Роланд впервые со мной поговорил, ведь так?

Я резко остановилась, пытаясь перевести дыхание, и Мэрилин остановилась напротив меня.

— Ты не должна была так поступать! Ты как Мартин! Он тоже делал всё, чтобы столкнуть

меня лбом с неприятной ситуацией. Он тоже так относился ко мне...

— Глория...

— Мартин делал много неприятного, но он никогда не плевал на моё мнение...

— Глория...

— Он всегда выслушивал моё мнение и всегда им интересовался, пусть даже для того, чтобы сделать всё наперекор или пренебречь им, но он слушал меня... Мартин... Он...

Я слегка согнулась, упершись руками в бока. Вспышки воспоминаний о том, как мы с Мартином хоронили Гектора в саду, мимо которого сейчас пробежали, начали мелькать перед моими глазами, словно ослепляющие молнии. Это была паническая атака — я знала это наверняка! Как её остановить?! Как?.. Мартин несет Гектора в коробке из-под своей дорогой обуви, он улыбается мне, я догоняю его, он расплывается с Якобом за потерянную нами в саду лопатку, чтобы Роланд не узнал об этом... Как это остановить?! Я не успела... Горло начало судорожно сжиматься. Я схватилась за шею и начала задыхаться, смотря в испуганные глаза Мэрилин.

— Глория, — растерянно положила руку мне на плечо блондинка.

— Я не могу... Вдохнуть, — прохрипела я, начиная сгибаться от приступа удушья. Похоже со мной сыграли злую шутку не только мои больные воспоминания, но и предательская одышка.

— Роланд! Дэвид! — закричала Мэрилин, зовя на помощь.

— Нет, — прохрипела я, желая сказать, чтобы она не вздумала их звать, но они уже обратили на нас внимание, хотя еще и не поняли, что именно происходит. Меня начало душить еще сильнее, и я согнулась. Сев на корточки, правой рукой я обхватывала пульсирующее горло, а левую руку зажимала между коленями, касаясь тротуара кончиками пальцев.

— Дэвид! — снова истерически закричала Мэрилин, отойдя от меня на шаг, словно боясь того, что я могу скончаться у нее на руках. В момент, когда она завопила, я окончательно села на пятую точку, прислонившись спиной к забору, ограждающему эту сторону сада от тротуара. «Смысл ставить забор всего с одной стороны?» — Подумала я — девушка, задыхающаяся под дурацким садовым забором. Я прижала колени к груди и, обняв их, начала судорожно дышать в сложенные ладони, как учил меня доктор.

— Что с ней? — поинтересовался вдруг нависший надо мной Дэвид.

— Приступ удушья на фоне панической атаки, — раздался голос Роланда прямо у моего правого уха. Я так сильно жмурилась, что могла только предполагать, кто из них где находится. Лицо Мартина мелькало в моем мозгу, словно опасная кнопка, издающая душераздирающую сирену.

— Она сказала, что я как Мартин, пытаюсь усложнить ей жизнь, а потом она начала говорить о нем... Говорить и... Потом схватилась за шею.

— Мэрилин, замолчи, — рассерженно попросил Роланд, и я ощутила тяжелую руку на своей спине, но это рука не принадлежала Роланду.

— Соberись, — сказал прямо в моё левое ухо Дэвид. — Представь, что ты в лодке и гребешь веслами. На моменте, когда будешь подтягивать к себе вёсла — вдыхай, а когда будешь их отстранять — выдыхай. Гребь.

Удивительно, но мне это помогло. Уже спустя пару минут я раскрыла глаза и посмотрела по сторонам, всё еще тяжело дыша.

— Зрачки расширены, — словив мой взгляд на себе, констатировал Дэвид. — Ну что, малявка, я обещал дотащить тебя в случае, если твои легкие слипнутся.

— Ты обещал... Дотащить моё бездыханное тело, — вставая, постаралась улыбнуться я, осознав, что температура моего тела резко упала, а по побледневшей коже бегают мурашки. — Так что хочу дойти сама.

— Отлично, — выдохнул Дэвид. — Не хочу рассказывать Сэм о том, что не смог спасти её любимую племянницу во время пробежки.

— Мэрилин, — встав, при помощи Дэвида, посмотрела на бледную блондинку я, после чего приобняла её. — Ты лучшая подруга, не считая Сэм.

— Это что, — нервно улыбнулась Мэрилин, — значит, что я прощена?

— Ты ни в чем и не виновата, — отстранилась от нее я. — Кроме того, что в свои сорок восемь развита всего на восемь лет.

— Сколько тебе лет?! — округлил глаза Дэвид.

— Двадцать восемь... Глория сказала двадцать семь, — замахала руками Мэрилин.

— Всё верно, — подтвердил Роланд, тяжело выдохнув. — Ей двадцать восемь. Ровно столько же, сколько и её сыну. Так, Мэрилин?

— Я ведь говорила, что развита она только на восемь, — улыбнувшись, пожала плечами я.

На холм мы взобрались размеренным шагом, после чего дошли до перекрестка и попрощались с Дэвидом, который медленно начал спускаться вниз с холма по тому самому тротуару, по которому мы с Мэрилин обычно возвращаемся домой после рабочего дня.

Оказалось, что Мэрилин заранее принесла нашу одежду в поместье, чтобы нам не пришлось спускаться с холма вслед за Дэвидом, всего лишь затем, чтобы принять душ. Я обрадовалась тому, что хоть об этом она смогла позаботиться, после чего мы втроем зашли в поместье, на

входе поздоровавшись с удивленным Джонатаном. Следующие пять минут Роланд пытался узнать у него, откуда Мэрилин узнала о маршруте его утренней пробежки, но старик не кололся. Было ясно, что Роланд не собирается менять своего отношения к Мэрилин, однако что-то в его поведении всё же изменилось. Что-то едва уловимое, что заметила, пожалуй, только я.

Глава 66. Дочерняя компания

Я приняла душ не помыв голову — Мэрилин категорически запретила мне портить прическу, над которой она колдовала всё утро — после чего отправилась будить Софи, которая к моему приходу уже сидела в постели и играла со своим медведем.

Из-за недосыпа и изнурительной пробежки, на протяжении оставшегося дня я только и делала, что зевала. Мне еще повезло, что Мэрилин устранила всю пыль в нашем домике, иначе, всего за пару часов непрерывного зевания, я втянула бы её всю.

До обеда мы просидели во внутреннем дворике, где я успешно победила сон, поливая лаванду и вербену, которую неделей ранее высадил Якоб.

Во время обеда я чувствовала себя настолько изнуренной, что забывала думать о том, что Роланд пристально наблюдает за процессом кормления мной Софи, которая расчихала по столу пюрежку. Пару раз встретившись с ним взглядом, я улыбнулась, но, боюсь, это выглядело слишком вяло или даже натянуто.

Как же я радовалась тихому часу! Так младенцы не радуются смене памперсов! Растянувшись на кровати вместе с Софи и включив на проигрывателе аудио-сказку о Золушке, я отключилась одновременно со своей подопечной и проснулась лишь в пять часов, с неприятной болью в висках. Софи рядом со мной не было, зато я обнималась с куклой этого милого ребенка и была накрыта хлопковым пледом молочного цвета. Встав с постели, я заглянула в свой мобильный и с ужасом поняла, что проспала целых три рабочих часа.

Выйдя на террасу, я с удивлением лицезрела, как Роланд играет с Софи в пирамидку, а Мэрилин, сидящая на деревянном поддоне у ступенек, в широкой улыбке рассаживает последние луковицы тюльпанов. Потерев виски, я ощутила дежавю, вспомнив о том, как два года назад занималась посадкой цветов добровольно-самостоятельно, сидя на таком же деревянном поддоне. Тогда еще Роланд пошутил о том, что прикончит меня при помощи яда... Или не пошутил?

— Наша Золушка проснулась, — ухмыльнулся Роланд.

— Это сарказм? — поморщилась я, сев за стол напротив него.

— Нет, плосто ты забыла выключить казку пло Золуску, но не бойся, её выключила Мэлилин. Мы накльли тебя пледом и полозили тебе под луку куклу, стобы тебе не было стласно без меня спать, потому сто я посла пописать.

— Скорее она спящая красавица, — разогнувшись, подала голос Мэрилин. — Что, голова болит, да? — словив мой взгляд, поморщилась блондинка. — У меня тоже так бывает после дневного сна. Сейчас заварю тебе чай из мяты, должно помочь, — кряхтя сказала блондинка, после чего ретировалась по направлению к кухне.

— Благодаря тебе она научилась заваривать чай, — обратившись к Роланду, улыбнулась я, наблюдая за серьезной Софи, которая с серьезным видом кэпа разбирала пластмассовую пирамиду.

— Благодаря тебе, она узнала, что такое чайник, — усмехнулся Роланд, и мы встретились взглядом. Боясь, что начну краснеть, я снова перевела взгляд на Софи.

Спустя минуту, передо мной стояла чашка с мятным чаем, а еще через пять минут мне действительно полегчало. Вышедший на террасу Джонатан сообщил нам о том, что пришел мистер Майкл и сейчас ожидает Роланда в гостиной главного дома.

После того, как мы остались на террасе втроем, нам всем неожиданно полегчало: Мэрилин могла расслабиться и поиграть с Софи, Софи больше не мучилась от того, что её говор не понимает взрослый мужчина, а я, растянувшись на шезлонге, просто почему-то с облегчением выдохнула. Это совершенно не означает, что общество Роланда меня нагнетало, наоборот, без него мне стало как-то «пусто» и захотелось, чтобы он немедленно очутился передо мной, однако мне нравилось не заботиться о глупости своего выражения лица и каждые пять минут не поправлять свою прическу. Да и вообще, чувствовать себя идиоткой — это та еще мука.

●
○ *

К разочарованию Мэрилин и к еще большему моему, Роланд так и не вернулся. Я уже стояла справа от выхода, закутанная в широкий клетчатый шарф (к десяти часам на улице резко похолодало, а у меня как раз со времен Мартина остался шарф в комнате для гостей), и наблюдала за тем, как Мэрилин обматывается тонким кашемировым палантином, когда со стороны кабинета хозяина дома послышались мужские голоса и гулкие шаги.

— Быстро сматываемся, пока Роланд не вспомнил, что я не вымыла сегодня полы, — прошипела на меня Мэрилин и буквально вытолкнула моё тело за дверь. Она уже почти захлопнула за нами дверь, но опоздала буквально на одну секунду.

— Мэрилин, — окликнул блондинку Роланд и Мэрилин, сделав глубокий вдох, снова приоткрыла дверь, широко заулыбавшись. — Где Глория? — поинтересовался он.

— Оу, она здесь, — еще шире распахнула дверь Мэрилин, демонстрируя меня. Я неловко приподняла правую руку и пошевелила пальцами, поджав губы, так как узнала блондина, берущего из рук Джонатана пальто. Это был тот самый Майкл, который вчера с Роландом был у клуба и травку брата которого мы с Роландом вчера успешно перевели.

— Глория, я попрошу Вас задержаться, — нахмурил брови Роланд, после чего пожал руку Майкла, который, спустя несколько секунд, прошел мимо меня и Мэрилин, пожелав нам хорошего вечера и обдав нас шлейфом дорогого мужского одеколona. Роланд развернулся и отправился в свой кабинет, а Мэрилин, смотря на меня, захлопала глазами, явно сочтя, будто я взяла основной удар на себя и мне определенно теперь прилетит вместо нее.

— До завтра, — произнесла я и вошла обратно в особняк, оставив Мэрилин позади себя. Дойдя до кабинета, я остановилась, увидев перед собой Роланда, держащегося за косяк открытой двери.

— Заходим, — серьезно произнес он, и я буквально протиснулась в приоткрытую им дверь, после чего он надавил на нее, заставив её гулко хлопнуть за моей спиной и, не опуская с двери своей правой руки, нависшей над моим левым виском, он посмотрел мне в глаза серьезным взглядом.

— Мисс Пейдж.

— Да, — отозвалась я, решив тоже напустить серьезность в свой голос и сделать соответствующее выражение лица. Между нами было всего несколько дюймов и тот факт, что Роланд, упираясь рукой в дверь, буквально нависал надо мной, заставлял меня терять ориентацию в нашем общении.

— Вы ничего не хотите мне сказать? — приподняв бровь, поинтересовался он.

— Эммм... Я проспала сегодня три рабочих часа, поэтому прошу вычесть из моей зарплаты по всей строгости трудовой конституции.

— И, конечно же, оштрафовать.

— Само собой.

— Я рассмотрю это предложение завтра утром, в трех тысячах метрах над уровнем моря.

— Ты уезжаешь? — сдержанно спросила я, предательски сорвавшись на «ты» и округлив глаза.

— Необходимо завтра в восемь утра вылететь в Дубай, если я хочу сохранить свою дочернюю компанию, которую создал три месяца назад.

— Серьезные проблемы?

— На месяц хватит. Полетишь со мной?

— Н-нет.

— Не убедительный отказ.

— Определенно нет, — более уверенно произнесла я.

— А если мы возьмем с собой Софи?

— И Мэрилин?

— Нет.

— Слишком подозрительно и я определенно буду тебя отвлекать, что не лучшим способом может сказаться на твоей дочерней компании.

— Ты ведь меня дождешься? — на выдохе спросил мой работодатель, обдав меня своим пряным дыханием, отчего мне стало неожиданно хорошо и я машинально замерла, боясь спугнуть сладкий момент.

— А куда я денусь?

— Если узнаю, что ты возобновила общение с Тайлером, мне придется потратиться на киллера, а это лишние расходы.

— Можно обратиться к Джонатану. Уверена, что по дружбе он недорого возьмет.

Роланд испытывающе на меня посмотрел, после чего слегка наклонился. Губы у него были поразительно мягкие и теплые... И нежные. Правда, дольше десяти секунд насладиться поцелуем не получилось, так как в дверь кто-то прерывисто постучал и уже хотел войти, но рука Роланда, всё это время придавливающая дверь, помешала этому.

— Роланд, отпусти девочку. Это я вчера разбила ту вазу, конца девятнадцатого века, — послышался обеспокоенный голос Мэрилин, на что Роланд удивленно изогнул бровь. — И вообще ты сам виноват. Да! Потому что дорогие вещи нужно хранить за стекляннным навесом, а не в части дома, где разгуливает ребенок.

— Или Мэрилин, — шепотом улыбнулась я.

— Что еще за ваза? — тем же шепотом поинтересовался у меня Роланд.

— Та, на которой была изображена пастушка, — улыбнулась я.

— У меня их с полсотни, — непонимающе продолжал шептаться Роланд.

— На ней еще ручки были в виде амуров.

— А-а-а... Та вульгарная штука, — протянул Роланд, убрав руку с двери и, отодвинув меня вправо, открыл её. — Это была моя любимая ваза, — напустив сердитость в голос и нахмурившись, произнес Роланд, стоя перед Мэрилин. — Я уже даже успел сделать за нее выговор Глории и вычел с её зарплаты. Но так как ты благородно призналась в своей оплошности, я удваиваю свой штраф по отношению к вам обоим.

— Что? — округлила глаза я.

— За то, что скрыли этот факт и за то, что ты её покрывала, — холодно пояснил Роланд. — Все свободны. Доброй ночи.

— Ой, — спохватилась Мэрилин и отошла в сторону, чтобы поговорить по-своему вибрирующему мобильному.

— На улице холодно, — шепотом заметил Роланд, наполовину прикрыв дверь. — Давай я тебя подвезу.

— Нет-нет, я дойду сама, — хитро улыбнулась я, после чего буквально протиснулась на коридор через своего работодателя. Интересно, во что выльется вся эта история? Я потеряю работу прежде, чем успею ему надоесть, или всё-таки после?

Глава 67. Отдать штурвал

— Что-то произошло? — залепетала Мэрилин, как только мы вышли из поместья. — Он впервые при мне обратился к тебе на Вы, когда вызвал тебя к себе в кабинет.

— Это из-за того, что с ним был Майкл и он придерживался рабочего этикета, — ловко вывернулась я. — Завтра он улетает в Дубай и просто проинструктировал меня по поводу работы с Софи.

Тот факт, что Роланд уезжает и сможет вернуться только через месяц, сильно огорчил Мэрилин, которая почти весь путь до дома только и делала, что грустно вздыхала.

Родители давно хотели познакомиться с человеком, которому они сдают квартиру, тем более, со слов Саманты и Эмили, они уже достаточно наслушались о диковинной матери Роланда Олдриджа, отчего последние несколько дней их так и подмывало самостоятельно навестить её. Чтобы избежать этого, уже в автобусе я предложила Мэрилин провести вторую половину завтрашнего дня в компании моей семьи, отчего у блондинки резко стабилизировалось настроение.

Еще с утра я договорилась с Эмилией о том, что сегодня я буду ночевать у нее. В конце концов, нам было что обсудить — она всё-таки решилась рассказать Джейку о своей беременности и сейчас, по пути к ней, я едва ли не сгорала от предвкушения новостей.

•

○ *

— Так и сказал?! — от услышанного у меня отвисла челюсть, когда я разливала по чашкам чай и тихо радовалась тому, что Джесс пять минут назад самостоятельно убаюкалась в колыбели.

— Только еще поморщил носом...

Оказывается парень, от которого Эми по глупости залетела, был не таким простачком, как Эмметт. Выслушав историю Эмилии о бесплодности и сразу же узнав, что она беременна, этот парень почесал затылок и, цитирую — неловко улыбнувшись и поморщив носом, сказал: «Наконец-то я стану папой. Как назовем ребенка? И, кстати, нужно определиться с датой свадьбы...»

— И что ты ему ответила?

— Я не знаю, — обняла себя сзади Эми.

— В смысле?

— Я не уверена в том, что готова впустить в свою жизнь еще одного мужчину, который снова разрушит мой мир. Неделю назад я рассказала Джейку о Эмметте и его... Любовнице.

— То есть он знал о том, что ты мать-одиночка и всё равно настаивал на серьезных отношениях с тобой?!

— Да.

— Либо ты тайфун в постели, либо он чокнутый. Так на чем вы остановились?

— Я сказала, что еще не готова и мне нужно подумать...

— Пффф... Сестра, не глупи. У тебя два ребенка, а ты воротишь нос от парня, который согласен не только на тебе жениться, но и стать отцом для Джессики.

За ночь мы всего дважды просыпались, чтобы покормить малышку. В половину восьмого, всего спустя пятнадцать минут после того, как мы в очередной раз укачали Джесс и сами легли спать, в дверь раздался монотонный звонок, который наш отец специально приглушил, чтобы не раздражать спящую внучку. Звонок повторился, и мы с Эми одновременно поднялись с постели. Эмилия направилась к двери, в то время как я осталась в проходе между спальней и коридором, из которого наблюдала за входной дверью. Сначала я решила, будто у меня спросонья начались галлюцинации, но вскоре я поняла, что в дверях действительно стоит огромный, розовый, плюшевый слон, высотой в полтора метра. Его ширину сложно было точно оценить, из-за не влезающих в дверной проем очертаний его туловища.

— Привет, — раздался мужской голос и из-за слона показался неизвестный мне парень. Он отставил медведя чуть в бок, после чего я, наконец, смогла его рассмотреть: выше Эми примерно на дюйм, широкоплечий, подсушенный качок со смуглой кожей, темными густыми волосами, подстриженными под ежик, пухлыми губами и ярко-черными бровями, под которыми красовались глубоко посаженные, черные глаза. Еще у него были широкие скулы и интересная манера прищуриваться.

— Привет, — шокировано произнесла Эми.

— Ну что, ты подумала?

— Подумала.

— Мы женимся, — улыбнувшись белыми зубами, ткнув указательным пальцем сначала на себя, затем Эми, сообщил мне парень.

— Поздравляю, — растерянно улынулась я.

— Что? Нет, — заторможено запротестовала Эмилия.

— Брось, мы определенно женимся. Ты меня любишь?

— Пффф... Ты мне нравишься.

— Замечательно. У нас есть девять месяцев, чтобы притереться друг к другу. В конце концов, я готовлюсь стать отцом ребенка, которого ты родишь, и еще одной замечательной девочки по имени Джесс, которой я купил этого слона. Не поверишь, но я еле достал розового — все исключительно синие или серые.

— Джейк, — кажется, заулыбалась Эми, — ты невыносим.

— Да. И тебе придется терпеть это всю свою жизнь.

Уже спустя пятнадцать минут после того, как мы с Эми переоделись, а Джейк всё-таки умудрился затолкать в дом слона, мы втроем сидели на кухне и, распивая чай, знакомились с биографиями друг друга.

Джейк Картер — двадцать девять лет, мужской спортивный тренер в местном тренажерном зале, метис — по отцовской линии имеются корни индейцев племени потаватоми и испанцев, по линии же матери чистый британец. Его матери шестьдесят девять лет — Джейк поздний ребенок, которого она родила от мужчины, с коим проживала долгое время в гражданском браке. Отец умер в пятьдесят лет, когда Джейку было всего шесть месяцев от роду, так что он его не запомнил. Долгое время жил в Вашингтоне — сначала там учился, затем работал, но два года назад вернулся в Британию, чтобы присматривать за престарелой матерью, у которой случился сердечный приступ. Сейчас вместе со своей старушкой живет в небольшой двухкомнатной квартире. Братьев и сестер не имеет, даже двоюродных, поэтому всегда мечтал о большой семье. Долгое время у него были плохие взаимоотношения с матерью, но её болезнь заставила его пересмотреть своё отношение к ней. Когда он рассказал ей о Эмилии, она расплакалась от счастья, потому что прежде была уверена в том, что не доживет до того дня, когда родится её внук или хотя бы когда она сможет познакомиться со своей невесткой. Вывод: отличные отношения со свекровью гарантированы, осталось только наладить отношения с семьей невесты.

— Моя мать всю жизнь мечтала о дочке, даже до пяти лет наряжала меня в платья, отчего у меня до сих пор мурашки по телу. Благо я отлично взбунтовался в пятилетнем возрасте и поджег одно из своих нелепых нарядов, чем избавил себя от вечного позора. Дочь у нее так и

не родилась, а мечта осталась, так что когда она узнала о том, что я собираюсь привести в квартиру сразу двух девочек, она едва не сошла с ума от восторга.

Услышав это, я невольно улыбнулась от того, как хорошо складывается ситуация — обычно свекрови ведут себя немногим иначе, особенно по отношению к невесткам, у которых уже есть ребенок.

— В смысле приведешь меня в квартиру? — замерла Эмилия.

— У меня небольшая квартира, но нам хватит места.

— Стоп-стоп-стоп... Я не собираюсь переезжать.

— Переезжать откуда? — непонимающе улыбнулся Джейк.

— Отсюда.

— Ты ведь говорила, что арендуешь жилье.

— Нет, это мой дом. Его подарили мне на свадьбу, и сейчас он находится в моей собственности. Согласись, в доме жить куда удобнее, нежели в небольшой квартирке, особенно с детьми.

Задумчиво улыбнувшись, Джейк почесал бровь, явно не ожидая такого поворота событий.

— Согласен. Но я не собираюсь жить в обстановке, в которой жил мой предшественник. Не хочу, чтобы о нем хоть что-нибудь напоминало. Мы поступим так... Я продаю свою квартиру и за эти деньги делаю капитальный ремонт в этом доме, чтобы в нем ни единый угол не остался прежним. Я ярко выраженный собственник, поэтому настаиваю на этом.

— У меня еще осталась машина от мужа...

— Продать немедленно. Хватит и моего подержанного пикапа. Замечательно, на том и решили — у тебя Джесс, у меня мать. Будем жить впятером. Ты ведь не против?

— Эммм... Смотря какая у тебя мать.

— После сердечного приступа она тихая, много молчит и двигается при помощи ходуль для инвалидов. Да, ты права, сегодня же вас познакомлю. И всё же тебе придется пожить с нами некоторое время. Я возьму отпуск до начала июня... Думаю, этого времени хватит на капитальный ремонт этого дома.

— Может быть, не нужно? Он ведь абсолютно новый. Ремонту, как и ему самому, не больше двух лет.

— Как я сказал, так и будет, — нежно хлопнул ладонью по столу Джейк, заставив глаза Эми засветиться. Ей определенно нравился напор этого парня. По сравнению с Эмметтом, он

решал все проблемы одним своим словом и не собирался подстраиваться под капризы со стороны. «Интересно, что выйдет из этой пары», — думала я, глядя на них со стороны. — «Ведь Эми привыкла быть капитаном и вдруг вот так вот просто отдает штурвал кому-то еще. Странно... Может быть, она и вправду влюблена?».

Глава 68. Смотрины

— Мать моя женщина, — схватился за голову отец.

— Поверь мне, — вздохнул дед, — твоя мать была самой лучшей женщиной на земле.

— Одри, дорогая, ты что-нибудь скажешь? — ошарашенно спросил папа у мамы, которая еще минуту назад хлопнула в ладоши и так и замерла, словно окаменев.

— Тогда скажу я, — гулко выдохнул отец, и мы с Эми практически одновременно поморщили носы, предвкушая мощную взбучку. — Дочь, ты крута!

— Что? — застыла Эми. Я тоже не поверила своим ушам.

— Так ему и нужно, этому козлу! Пусть катится окончательно и бесповоротно, мы и без него будем жить счастливо! А что за парень твой Джим?

— Джейк, — неловко улыбнулась Эми.

— Дорогой, я стану бабушкой, — шокировано сообщила мама.

— В четвертый раз, жена, в четвертый раз! — схватив маму за талию и начав ошалело её крутить, буквально прокричал отец.

— Он что, издевается? — поинтересовалась Эми, встретившись со мной растерянным взглядом. Если честно, я тоже так думала.

— Пап, я только что сказала тебе, что залетела от малознакомого парня, которого считаю душкой...

— Ой! — внезапно вскрикнул папа, резко выпустив маму из объятий, и схватился за поясницу.

— Дерек, держись, я сейчас принесу мазь, — пролепетала мама, побежав в сторону кухни, пока мы с Эми садились на пол возле кресла отца. — Вообще-то, это и вправду подозрительная новость, — вернувшись с аптечкой под мышкой, констатировала мама, выдавливая вонючую мазь из тюбика на бинт. — Эми, ты ведь рассталась с Эмметом всего несколько недель назад и у тебя пятимесячная Джесс на руках...

— Не произноси имя этой розовой сопли в моем доме, — попытался выругаться папа, но лишь простонал от боли.

— Имя Джессики? — непонимающе округлила глаза мама.

— Эмметта! — прикрикнул отец.

— Джейк пообещал попытаться сделать всё, чтобы стать хорошим отцом для Джесс... — глядя папу по колену, говорила Эми. — Мы решили пока не расписываться, попробовать притереться друг к другу. Если всё пойдет хорошо — поженимся после рождения ребенка.

— Да, это хорошо, — нахмурила лоб мама. — А ты не думала, что он с тобой из-за денег?

— Каких денег? — истерично хихикнула Эми. — Я бедна как мышь.

— Но у тебя есть дом и дорогая машина.

— Он узнал об этом только сегодня утром. Прежде он думал, что берет в жены бесприданницу с маленьким ребенком на руках.

— Благородный парень, — поморщился папа, почувствовав холодную мазь у себя на поянице. — Но я всё равно его расколю. Как грецкий орех... Наверняка у него есть недостатки.

— И потом, у него у самого есть двухкомнатная квартира и машина, — словно не слыша папу, продолжала отвечать на «странный» вопрос мамы Эмилия. — Мы решили продать его квартиру и машину Эмметта, чтобы сделать капитальный ремонт в доме...

— Какой ремонт? — непонимающе посмотрела на Эмилию мама. — У вас ведь новый дом.

— Как и говорил папа, у этого парня всё же есть недостатки. Он собственник, поэтому не желает жить в доме своего предшественника. Мы распродадим всю мебель, кардинально переделаем внутренности дома и заживем новой жизнью.

— Рисковый парень, — хихикнул отец. — А вдруг он узнает, что ты у нас та еще ведьма, но это произойдет после того, как он продаст свою квартиру, чтобы вложиться в твой дом?

— Я постараюсь быть менее стервозной.

— Да уж постарайся, — на полном серьезе попросил у моей старшей сестры отец.

•

○ *

Оставшийся день мы носились по дому, словно нам хвосты подожгли. На семь часов вечера были назначены смотрины — должны были прийти Джейк с его мамой и Мэрилин с Софи. Мэрилин отпустила меня на сегодня, так как слишком сильно хотела, чтобы я встречала её у себя дома, как взрослую женщину, а не вела её под ручку, словно маленького ребенка. По-моему, она слишком близко к сердцу восприняла мои слова о том, что я считаю её взрослым ребенком.

А тем временем в доме был настоящий хаос: дедушка протирал пыль, папа протирал дедушку, я мыла окна, мама в компании Дэвида и Сэм готовила ужин, а Эми возилась с разбушевавшейся Джесс. И только двойняшки умудрились избежать всего этого ужаса — взяли Балто и Герду, и свалили в парк с друзьями.

От скорости развития отношений Эми и Джейка все были в шоке, чего никто не скрывал. Сэм вообще не могла представить, каково это — рожать погодок. И только Дэвид отстраненно молчал, режа укроп и что-то подпевая себе под нос. Откуда у него такой талант к приготовлению пищи и нереальное самообладание?! Сэм, например, даже пельмени переваривает, после чего непременно срывается на брань.

И вот, без десяти семь на пороге нашего дома стояли первые гости — Мэрилин с Софи на руках.

— Я охреневаю, — признался отец, исподтишка смотря на Мэрилин округленными глазами и дергая деда за рукав. — Вот нам и живая тема для общения на весь вечер.

— Хорошо, что успели переодеться, — шептала мама, наблюдая за тем, как Мэрилин хихикает с Самантой. — Сколько, ты говоришь, ей лет? — покосилась на меня женщина.

— Сорок семь, — коротко ответила я.

— Твою ж... — охнула мама, но вовремя сдержалась. — Я ведь всего на два года старше нее.

— Это ведь сколько пластических операций, — выдохнул папа, не заметив за своей спиной подошедшую Мэрилин, отчего мне резко стало не по себе.

— Оу, всего две, — кокетливо улыбнулась Мэрилин, совершенно пропустив мимо ушей папину нетактичность. — Изменила нос и губы. Еще парочка подтяжек, но я давно ими не пользуюсь, отдавая предпочтение маскам из сметаны с малиной. После них кожа становится бархатной. Да, и волосы еще пришлось осветлить. Больше ничего, честно.

— Что ж, этого Вам вполне хватило, — заметил дедушка.

— Оу, обращайтесь ко мне на ты, а-то я чувствую себя старушкой, — кокетливо улыбнулась Мэрилин, на что дед истерически хихикнул.

Поразительно, но всего за каких-то пятнадцать минут Мэрилин так слилась с моей семьей, как мне не удалось с ней слиться за свои двадцать четыре года. Она бегала в старом мамином фартуке между задним палисадником и кухней, перенося еду из холодильника на улицу и параллельно успевая всем искренне улыбаться. На секунду мне даже показалось, будто это она родилась в этой семье, вот только в роддоме её перепутали со мной.

Джейк опаздывал, чем сильно подпитывая всеобщее волнение. Его пикап, которому было не меньше пяти лет от роду, остановился на тротуаре возле нашего дома в семь минут восьмого и все мгновенно прилипли к окну в гостиной (что было самое поразительное в этой ситуации — это то, что возглавляла этот отряд обезумевших родственников невесты именно

Мэрилин).

— Оу, у него такая старенькая мама, — выдохнула блондинка.

— Ой, он смотрит на нас! — воскликнула мама, отпрянув от окна в момент, когда Джейк бросил на дом мимолетный взгляд, параллельно помогая своей матери передвигаться при помощи ходуль-четырёхножек.

Молли Картер была слегка худоватой, наполовину седой брюнеткой, с распущенными волосами длиной до плеч. У нее были добрые, тёмно-синие глаза и тихая улыбка болезненного человека. Медленно передвигая впереди себя четырёхножку, она шла чуть-чуть сгорбившись. На Молли был длинный кардиган серого цвета, который словно обволакивал её старческое тело. И всё же лицо у этой женщины было молодым, только вокруг добрых глаз красовалась россыпь из тонких морщинок.

К восьми часам вечера все незнакомые между собой персонажи так передружились, что смеялись во всё горло, словно наших соседей, обожающих тишину и уныние, вовсе не существовало. Даже Софи, тихая пай-девочка, весело возилась с двойняшками, параллельно тискающая замученных псов. К концу вечера Миссис Уотсон, наша соседка слева, так сильно разозлилась на наш громкий смех, что с грохотом закрыла дверь на свой балкон, после чего натянула все жалюзи на окнах, выходящих на наш палисадник.

Глава 69. Чат

Наевшись и насмеявшись вдоволь, я почувствовала легкую усталость и решила, что если тихонько удалюсь — никто ничего не заметит. Собрав грязную посуду, я на цыпочках вошла в дом, составила тарелки в посудомоечную машину и поднялась в свою спальню. На фоне удачного знакомства, моё настроение было отличным, но я была бы не я, если бы не захотела его сама себе подпортить. «В конце концов, я ведь обещала Роланду, что буду закрывать за собой эту дверь», — подумала я, включив ноутбук и, впервые за прошедший год неопишуемой душевной боли, зашла в социальную сеть через свою страницу. Приняв заявки в друзья от Дэвида, Мэрилин и Джейка (когда он успел её подать?), удалив Эмметта Бланкара и отклонив пару фейковых добавлений, я зависла над фотографией Тайлера, который постучался ко мне в друзья еще около полугода назад. Всё-таки решив игнорировать его заявку, я, на глубоком выдохе, нашла среди двести семнадцати друзей фотографию Мартина. Сердце сжалось. На аватаре у него стояло только имя на белом фоне — больше ничего. Я помнила, что за неделю перед смертью, Мартин поспорил с Якобом о том, что удалит все фотографии из соцсетей и не будет добавлять новых минимум в течение одного месяца. Так он отреагировал на замечание садовника о том, что Мартин помешан на инстаграме. Что ж, можно считать, что Мартин официально выиграл спор.

Боль...

Я знала, что у него на стене должны были развернуться скорбные речи, потому в течение года и избегала просмотра его страницы. Открыв его ленту, я замерла — фотография, на которой Мартину шесть-семь лет и он обнимает огромного тибетского мастифа,

превышающего мальчика в своих размерах минимум в два раза. Я бы не то что не обняла бы такую собаку, я бы на километр к ней не смогла подойти. А Мартин смог. В свои детские годы он мог куда больше, чем я в свои два десятка. Эту фотографию выложил бывший одноклассник Мартина, с которым он еще до гибели родителей учился в Лондоне. Фото было подписано словами: «Я помню твоё бесстрашие. Ты всегда был для меня примером для подражания. Спасибо, что заступился за меня в первом классе». Комментариев к фото было +100. Я прочла все. В основном слащавые речи писали молодежавшие мамочки, откровенно срывающиеся на ваниль. Одна же особа так сильно увлеклась приношением соболезнований Роланду и в частности самим Роландом, что в итоге так ни разу в своем высказывании и не упомянула имени Мартина. Создавалось впечатление, будто толстосумы пытались переплюнуть друг друга более красивым словом, только чтобы Роланд обратил на них своё внимание. Однако меня действительно поразили комментарий от сына Шейлы Хиггинз, который два года назад натравил на нас с Мартином добермана, из-за которого я тогда получила сотрясение мозга, и укус на ноге:

— Мартин, прости, что задираю тебя. Просто ты был круче меня на празднике в честь открытия приюта для собак. Ты пришел туда со старшим братом, и я завидовал тому, как вы легко общаетесь между собой. Мне тоже хотелось иметь старшего брата... Прости.

Еще комментарий от старшеклассника, который задираю Мартина в местной школе:

— Ты сломал мне левую руку, после чего я получил освобождение от физкультуры и смог подтянуть математику, благодаря чему поступил-таки в университет. Спасибо. Ты был и останешься крутым.

Сразу под этим комментарием замечание от какой-то девчонки:

— Брось, Кевин, все были в курсе того, что ты задираю Мартина из-за его няни, которая отфутболила твоего дядю.

— Ничего подобного, Мэйсон здесь ни при чем. И перестань засорять эфир своими дурацкими замечаниями. Я высказал своё уважение по отношению к Мартину и прошу уважать тему нашего обсуждения.

Я перевела взгляд на фамилию парня — Уильямс. Так вот откуда ноги растут! Мартина задираю племянник Мэйсона Уильямса! От этой информации на душе стало тошно. Мартина обижали в школе из-за меня...

Отдышавшись от поступивших к глазам слез, я проскролила комментарии немного ниже и наткнулась на короткий комментарий от Леонардо Аддингтона (внук Доротеи):

Твой зодиак, моё имя. Братья-львы. Не забуду тебя.

Остальных детей, оставивших свои сообщения, я не знала. Наконец покинув страницу Мартина, я потеряла глаза, смахнув пару повисших на ресницах слезинок. Чтобы отвлечься от мыслей о том, что Мартин был куда круче, чем о нем писали, я начала просматривать

новости друзей. Однокурсники выпустились из университета, и фотографий с выпускного было так много, что рябило в глазах. Я могла быть среди них, но, глядя на эти счастливые лица, радовалась тому, что не была с ними. Три однокурсницы вышли замуж, одна в начале года взяла на себя опеку над тремя малолетними племянниками, что повергло меня в глубокий шок. Один однокурсник был помолвлен, еще пятеро переехали в США по какой-то программе обмена молодыми докторами-терапевтами. Самого одаренного послали в Альбукерке, отчего он был в глубоком восторге. Несколько одноклассниц вышли замуж, и я как раз просматривала свадебные фотографии одной из них, когда меня вызвали в чат. Сначала я не могла понять, кто именно меня вызывает, пока не кликнула на миниатюрную фотографию и не оказалась на странице Роланда Бернарда Олдриджа. На аватаре он был изображен полубоком, в дорогом черном костюме, улыбающимся куда-то вдаль. По-видимому, фото с какого-то светского мероприятия. Я открыла его сообщение.

— Удивлен, тебя здесь видеть. Тебя не было в онлайн больше года. Как раз думал, как связаться с тобой)

— Привет) Решила заняться психотерапией и зашла на страницу Мартина. Как погода в Дубае?

— Эммм... У меня ночь, но судя по звёздам, тепло.

— Я и забыла, что у тебя +3 часа. Когда возвращаешься?

— Я только сегодня приехал) Но мне приятно знать, что ты уже хочешь, чтобы я вернулся. Думаю, что к середине июня буду дома.

— Плохо. Кстати, у тебя слишком мало фотографий.

Написала я, заново пересматривая все его восемь фотографий, последняя из которых была опубликована в начале апреля. Все его фотографии были идеального качества, что заставляло меня чувствовать себя убогой, так как у меня на странице было всего три фото и те не самого лучшего качества. Да, это были мои лучшие фотографии, на которых я была настоящей королевой красоты (на одной даже королевой подчеркнутого бюста), но они были сделаны на мобильный, так что качество оставляло желать лучшего.

— Кто бы говорил — у самой всего раз, два и обчелся.

— Раз, два, три и обчелся. Не мне учить тебя математике) И всё же. Можешь выслать мне компрометирующую фотографию, которой я смогу шантажировать тебя до конца твоих дней?

— Оу, я как раз без трусов. — Всё, готово, сделал. Лови.

Спустя пару секунд ответил Роланд и тут же отправил фотографию. Следующую минуту я давилась смехом. Это было селфи, изображающее его по грудь. Он лежал в махровом халате на белоснежной подушке и, прикрываясь рукой, словно изображая стеснение, смотрел

одним глазом в объектив.

— А где же «без трусов»?)))

— Тебе лишь бы обнаженка, извращенка. Включи фантазию) Теперь фото с тебя.

В течение следующих пяти минут я сделала с полсотни селфи на веб-камеру, распустив свои густые волосы, после чего замучалась выбором.

— Эй, только не говори, что решила кинуть меня на фото.

— Просто выбираю одно из пятидесяти, которые только что сделала.

— Ты серьезно? Бери пример с меня — бросай первое, что сфоткала, пусть это даже будет судорожное лицо пингвина.

— Тебе легко говорить со своей фотогеничной внешностью — до судорожного пингвина тебе еще расти и расти.

Я еще раз посмотрела на идеальное селфи Роланда, на которое у него ушло не больше пятнадцати секунд. Его черные волосы на белоснежной подушке выглядели роскошно. Было заметно, что за прошедшие сутки он успел подстричься, укоротив длину на сантиметр... Кажется, я снова влюбилась в своего работодателя, на сей раз через его фото.

Наконец, я всё же выбрала своё «самое» красивое селфи, которое действительно было весьма неплохим.

— Ладно, лови. Но больше не получишь. Слишком много мук ради одного селфи.

— Миленько)

— Так и вижу твою растянувшуюся ухмылку)

— Знай, что если я хотя бы заподозрю намек на то, что ты общаешься со своими ухажерами, я казню вас всех одной маленькой группкой в городском сквере.

— То есть — прилюдно?

— У меня от людей секретов нет)

— Тогда, может быть, фото без трусов?)

— Уж лучше как-нибудь тет-а-тет. Может всё-таки приедешь? Я оплачу перелет.

— Начинаешь бредить) Ложись спать, завтра у тебя трудовой день.

— Ладно, давай признавайся, что скучаешь по мне, и я пойду спать.

— Пффф...

— Окей. Я первый. Я скучаю по тебе.

— И я.

— Не прокатит) И вообще так не честно. Что значит «и я»?

— Ла-а-адно. Я скучаю по тебе. Честно) Спокойной ночи.

— Спишемся завтра вечером. Целую.

Я раз сто перечитала его «целую». Наконец закрыв ноутбук, я вдруг поняла, что моё лицо залилось пунцовой краской.

Следующие полчаса я просто лежала на кровати и, смотря в потолок, глупо улыбалась самой себе. Зайдя снова на свою страницу через мобильный, я обнаружила, что Роланда уже нет в онлайн, и осталась довольна тем, что не задержала его на подольше, тем самым предоставив ему возможность нормально выспаться после перелета. Обратив внимание на количество его друзей и количество подписчиков, я улыбнулась — двести десять друзей и пять тысяч восемьсот девяносто три подписчика. У меня подписчиков всего было двадцать два и те неизвестного происхождения, а у Роланда даже известный рэпер с диджеем висели в подписке (и это только в первой десятке — остальные пять с лишним тысяч было лень просматривать). Я начала листать список его друзей: министр культуры, «звёздный» фотограф, пару поп-певиц и тройка певцов, актёр, известный искусствовед Британии, лучший повар Европы, «звёздный» спортивный тренер, Мартин, Рик с Тэмми и я. Среди его друзей была я. Семьдесят процентов известного всем бомонда, двадцать процентов неизвестного широкому кругу бомонда и десять процентов обычных людей, в число которых мне повезло попасть. Моя улыбка, навеянная бабочками в животе, постепенно начала спадать. Интересно, как долго я смогу продержаться в друзьях Роланда Бернарда Олдриджа, прежде чем попаду в его персональный черный список?

Глава 70. Май

Все, за исключением Эмилии и Сэм, влили в себя по несколько бокалов клюквенного пунша и к концу вечера были на сильном веселе. Мэрилин вызвала такси и я долго сомневалась по поводу того, стоит ли отпускать Софи с её веселой «подружкой», но блондинка заверила, что с Софи ей поможет Джонатан. Вечер прошел на ура. Еще никогда в нашем доме так весело не прощались с гостями. Мэрилин вообще словно стала младшей сестрой обоим моим родителям, у которых порозовели щеки от лишней порции «секретной» настойки. Когда же все ушли, и я уже собиралась подняться к себе наверх, отец задержал меня у подножья лестницы, серьезно нахмутив свои густые брови.

— Дочь моя, до меня дошел слухок, что ты курила травку.

Я прикусила губу — Роланд! Он знал, что его мать проболтается моей семье.

— Еще раз узнаю, что ты балуешься подобным — использую против тебя чудодейственную силу ремня.

— Ты никогда не воспитывал нас подобным образом.

— И до сих пор об этом жалею, — обняв подошедшую к нему маму, серьезным тоном признался отец.

- - *

Вторая половина мая в этом году отличилась своими солнечными днями и теплыми вечерами. Именно вторая половина месяца стала для меня совершенно новой страницей в истории моей серой жизни и не только из-за внезапно возникших отношений с Роландом. Мэрилин так сильно сдружилась с моей мамой, что стала ежедневно у нас «зависать». На почве маминых курсов визажистов и отличного вкуса Мэрилин, эти две женщины буквально нашли новую цель своего существования — привести меня в порядок. Каждое утро я вставала в шесть часов, чтобы отправиться на пробежку, покрутить хулахуп, поприседать в стойке Плие со старыми гантелями Дэниела и позавтракать чем-нибудь «невероятно полезным», после чего влить в себя омерзительный протеиновый коктейль из сельдерея с яйцом (я предпочитала не смотреть на то, как его готовит Мэрилин, вкладывая в блендер едва ли не всё, что было указано в ведьмовской книге рецептов с душещипательным названием «Приобретение секс-формы»). Иногда мне казалось, будто я пью соплю тролля из крыльев летучих мышей и передних лягушачьих лапок. Однажды меня даже чуть не стошнило, после чего Мэрилин начала добавлять щепотку корицы в этот безжалостный коктейль Молотова, словно миниатюрная щепотка пряности была способна заглушить то зловоние, которую издавало это месиво.

Мэрилин так сильно втянула во всё это дело маму, что со второй половины мая она тоже начала с нами бегать! У папы глаза на лоб полезли, когда он увидел маму в обтягивающих леггинсах — прежде она никогда не занималась спортом (благо у нее не было проблем с фигурой). Дэвид стал нашим официальным тренером, который буквально ушатывал нас в хлам. К концу тренировок с ним я составляла список из трех частей своего тела, которые разрывались от боли, и всякий раз в него попадала задница, грудь и пресс, только ежеутренне они менялись местами.

Однако стоит отдать должное этим троице. К концу месяца я уже не мучилась глубокой одышкой во время пробежки (бегала почти как заводской спортсмен) и в итоге, за май я и вправду стала выглядеть лучше. Я прибавила в весе и больше не выглядела анорексичным подростком. Что больше всего радовало — это то, что прибавка в весе неплохо сказалась на размере моего бюста и на моем животе впервые появилось что-то отдаленно напоминающее кубики пресса. Мэрилин говорила, что мои бедра, наконец, «превратились» из острых в округлые, но я явно чего-то не замечала в этом «превращении». До моих прежних сочных форм, которые обычно принадлежат секс-символам местного разлива, мне нужно было расти еще минимум месяц. Но в целом, у Мэрилин всё же удалось привести меня в порядок, как в физический, так и внешний. Она настояла на том, чтобы всю свою зарплату, которую

Роланд перечислил нам в конце мая, я потратила на обновление гардероба и закупку косметики, к которой у меня никогда не было особого пристрастия. Во время же походов по магазинам она отобрала у меня мою кредитку, чтобы иметь возможность самостоятельно расплачиваться за все покупки. Я лишь тогда начала подозревать, что блондинка мухлюет с оплатой, когда она отказалась показывать мне чеки. Мысленно я начала подсчитывать стоимость тонны вещей, которые мы приобрели, и сотни косметических средств, после чего я вскоре убедилась в том, что у меня не было столько денег на счету, даже с учетом лишних ста фунтов, которые я положила на кредитку из заначки. Проверив карточку и увидев на ней остаток размером в десять фунтов, я метнула зрительную молнию в Мэрилин и она во весь голос начала убеждать меня в том, что не оплачивала мои покупки со своей платиновой карточки. На этом наш шопинг был окончен. Последующие пару дней я злилась на блондинку, однако я прекрасно понимала, что у нее денег больше, чем бюджет нашего города, и ей наверняка было приятно делать мне подарки. В итоге я помирилась с ней, высказав большую благодарность за столь богатый гардероб, после чего вернула ей её пятьсот долларов, которые она отдала мне вначале месяца в счет аренды квартиры. Естественно она злилась тому, что я вернула ей «эти копейки», однако мне, с уверенностью в том, что я сама оплатила свои масштабные покупки, спокойнее спалось.

Джейк и вправду успевал завершить ремонт к началу июня. Новоселье уже было назначено на четвертое число, на семь часов вечера. До тех пор он никого не впускал внутрь. Парень работал в тренажерном зале с восьми до четырех без обеда, после чего мчался домой на своем подержанном пикапе, забитом стройматериалами, иногда прихватывая с собой пару-тройку друзей, которые с удовольствием за банку пива ему помогали с ремонтом. По дороге к Дэвиду и Саманте я проходила мимо улицы Джейка и Эми, и частенько заворачивала, чтобы поговорить с вспотевшим парнем во дворе, так как внутренности дома оставались под строгим секретом. Он распродал всю мебель, от кроватей до чайных ложек, и продал мазерати Эмметта, за счет чего сейчас и делал ремонт. Также он нашел покупателя на свою квартиру — какого-то мужчину с двенадцатилетним сыном — и сделка по её продаже должна была состояться уже в первой половине июня. Однако, не смотря на работу и ремонт, Джейк нашел возможность уделять достаточно внимания Джессике, Эмили и отдельно её животу. Он так грамотно распределял своё время, словно знал тайну владения им. Джейк с Эми ходили в кино, гуляли в парке, посетили шоу мыльных пузырей — в общем у них был отлично налажен досуг. Всё это время Эми с Джесс жили в квартире Джейка, вместе с его мамой. Квартира и вправду была маленькой для четверых — гостиная и небольшая спальня с устаревшими обоями — однако Эми была так счастлива новой жизнью и довольна своим новым избранником, что всё чаще начала произносить фразу «в тесноте, да не в обиде». Я же пользовалась всеми прелестями подруги беременных женщин, ежедневно испытывая экстаз от поглаживания растущих животов Сэм и Эми, в которых жили мои племянники. Саманта уже подходила к концу четвертого месяца беременности, что означало, что скоро в её округлившемся животике начнется шевеление. Было назначено первое УЗИ плода, но, к всеобщему разочарованию, пол ребенка так и не удалось установить — он всё время пролежал попкой вверх, но Дэвид утверждал, что такая попка может принадлежать только настоящему мужику. Он всё еще был не прочь стать «популечкой» для принцессы, но пятьдесят один процент он всё же отдавал предпочтению стать «отцом» настоящего мужика.

Всё это время мы с Роландом ежедневно переписывались в онлайн-режиме, так как я категорически отказалась от видеозвонков, чтобы не чувствовать себя краснеющей идиоткой. Правда, я ему сказала это другими, более мягкими словами, однако он всё равно остался недоволен моим отказом. Кажется, если бы он имел возможность телепортироваться, он бы устроил мне хорошую встряску за подобную дерзость. Ему определенно не нравился тот факт, что на расстоянии он не мог на сто процентов влиять на мои решения. В реальной жизни он одним щелчком мог оттащить меня от амбалов с травкой, в виртуальной же даже на видеозвонок не мог меня уболтать. Он злился. Хотя и скрывал это, но я это чувствовала.

Если говорить о роде нашей переписки, тогда её можно было отнести к саркастически-романтической. Роланд не забывал мне напоминать о том, что вздернет меня, если я начну смотреть налево или хотя бы восстановлю «дружеские» отношения с Тайлером (почему этот человек до сих пор у тебя в подписчиках?), а я смеялась с того, что изменю ему в последний день перед его приездом. Олдриджа подобные шутки не забавляли, зато меня заставляли улыбаться до ушей.

Из неприятных новостей было то, что Роланд не сможет приехать на свой день рождения и задержится в Дубае минимум до десятого числа. Зато у меня было больше времени для того, чтобы подумать над подарком.

Глава 71. Сюрприз

Утро тридцатого мая было самым обыкновенным. Мы завершили утреннюю пробежку и убийственные для бедер занятия с Дэвидом, после чего приняли душ и сейчас на кухне попивали чай. Папа был на работе, двойняшки в школе, а дедушка с утра пораньше отправился навестить бабушку. С приходом погожих майских деньков он уходил на кладбище с утра пораньше и проводил там всё своё время до обеда. Он так сильно страдал без своей второй половины, что мама уже и не знала, как отвлечь его от горя. Она перепробовала все способы — от похода на скачки, до выгуливания собак в компании таких же одиноких пенсионеров (дед сказал, что больше ни ногой не ступит на тротуар, на котором Льюис Финч выгуливает своего дряхлого лабрадора, страдающего диареей). Однако дед с энтузиазмом воспринял идею с шахматным клубом и уже третий вечер подряд пропадал в нём.

Сидя за столом в столовой, я наблюдала за тем, как мама с Мэрилин подбирают банты для Софи. Ежемесячно Роланд выделял на свою подопечную достаточно средств, чтобы прокормить местную футбольную команду, что позволяло Мэрилин разгуляться на её нарядах и всякой чепухе вроде бантов, и ленточек. Последние пару недель мы с Мэрилин просили Джонатана по утрам привозить Софи ко мне домой и, до возвращения папы и двойняшек, мы проводили время в гостиной или в заднем палисаднике, после чего отправлялись на прогулку в парк или возвращались в поместье, в котором, с наступлением теплых дней, нас редко можно было застать.

Наши утренние чаепития стали своеобразной традицией, которую никто и ничто не нарушало, поэтому, когда в дверь раздался звонок, я едва не подавилась ромашковым чаем от

неожиданности.

— Вот видишь, пришли гости, — обращаясь ко мне, довольно заулыбалась Мэрилин. — А ты не желала приводить себя в порядок.

Под «приводить себя в порядок» Мэрилин имела в виду ежедневный натуральный макияж и еженощные бигуди. В это сложно было поверить, но, под натиском со стороны двух женщин с навыками визажистов, я в итоге сдалась и мама каждый вечер, за час перед сном, накручивала мне бигуди, чтобы с утра их расправить и залить лаком. Да, результат был шикарным, но, кажется, я перестала высыпаться из-за этих дурацких шуток у себя на голове.

— Сюрприз! — весело прокричал мужской голос из прихожей, но я, всё еще сидя в прихожей, не смогла сразу понять, кому он принадлежит, пока не услышала радостное мамино: «Рик, Тэмми-дочка!»

В очередной раз подавившись чаем, я уже спохватилась, чтобы выйти из-за стола, но Тэмми забежала в столовую прежде, чем я успела сдвинуться с места. Она обхватила меня руками как раз в тот момент, когда я приподняла на дюйм от стула свою пятую точку, ноющую после утренней тренировки.

— Тэмми! — всё еще откашливаясь от чая, попыталась улыбнуться я, но снова занялась кашлем. Неожиданно Тэмми запищала, и я словила её взгляд, брошенный на Мэрилин. С детства Тэмми была поклонницей Монро, в девятом классе она даже примерила её образ на Хэллоуин, совершенно не задумываясь о том, что её выбор не соответствует событию.

— Классная! — затопав ногами словно пятилетняя девочка, воскликнула Тэмми, прислонив ладони к губам.

— Ты тоже! — кокетливо спародировав Тэмми, отозвалась Мэрилин. С этого момента вопросов по поводу того, кто с кем поладит, у меня не возникало. Узнав о том, что Мэрилин является мамой Роланда, Тэмми округлила глаза, но Рик изначально знал с кем общается. Позже он по секрету сказал мне, что «гуглил» мать Роланда, когда учился с ним на третьем курсе Кембриджа. Делал он это из чистого любопытства к тому, на кого же Роланд больше внешне похож — на отца или на мать — однако он до сих пор так в этом и не разобрался.

До возвращения остальных домочадцев у Тэмми только и было разговоров, что о Большом Рифе с почтовым ящиком, откуда нам должна была прийти весточка от нее (еще два года назад Рик рассказывал моей младшей сестре об этом рифе, гуляя с нами по парку, а уже совсем недавно он показал его Тэмми) и о том, что в июле-августе должна состояться выставка её картин, на которую она нас упорно приглашала, делая акцент на том, что у двойняшек на это время года как раз выпадают каникулы.

Оживленную Тэмми было не узнать. Эта розовощекая, загоревшая девушка больше не была похожа на ту испуганную, запутавшуюся, бледную девчонку, которую Рик полтора года назад увез из родительского дома. Откровенно говоря, у меня было два варианта подобного

преображения сестры: либо Рик действительно отличный муж, либо отличный ювелир, подменивший мою меланхоличную сестру на постоянно улыбающегося, цветущего и пахнущего двойника. Тэмми улыбалась безудержно и почти непрерывно! Моя мимика подобной нагрузки точно бы не выдержала и в итоге к концу дня я бы не смогла пошевелить ни единым мускулом своих, ноющих от нагрузки, щек.

Вечером, после того как праздничный ужин был завершен и я осталась с сестрой наедине, я в очередной раз убедилась в том, что она счастлива. Мы сидели в нашей детской спальне и вспоминали наше бурное детство, пока Рик, Мэрилин и родители копошились на кухне.

— Помнишь, как Дэниел сломал Эми указательный палец, когда она просунула его через дверь? — улыбнулась Тэмми, когда мы перешли на воспоминания о брате.

— Еще бы! Она редела даже после возвращения из больницы, зато весь последующий месяц радовалась тому, что ей не нужно выполнять письменные домашние задания.

— Хорошее было время, — выдохнув, задумчиво улыбнулась сестра.

— Да, — еще тяжелее выдохнула я.

— Мне иногда бывает страшно, когда я думаю о том, что бы со мной произошло, если бы в моей жизни не появился Рик. Я бы окончательно свихнулась. Моё будущее в этом городке было ужасным — это правда. Когда я вспоминаю последние пять лет своей жизни здесь, у меня по спине пробегает холодок. Да, это мой дом и всё такое... Но навряд ли я выдержу здесь больше недели. Я уверена в том, что если мы здесь задержимся, я снова начну сходить с ума. Вернуться сюда — страшный сон. То, что я вырвалась из этого места — чудо. Рик — моё самое настоящее чудо.

— Повезло тебе, — улыбнувшись, поджала губы я.

— Мама говорила, что ты снова работаешь у Роланда... — спустя несколько секунд молчания, как-то слишком неуверенно произнесла Тэмми.

— Да, — только и смогла выдавить в ответ я.

— А ведь это благодаря тебе у нас с Риком всё сложилось. Помнишь, как ты сказала: «Просто дай ему шанс. Он очень хороший и ты очень хорошая. Вдруг это судьба и вы созданы друг для друга?»

— Если честно, я смутно это помню, — с извиняющейся улыбкой посмотрела я на сестру.

— Те же слова сейчас хочу сказать тебе я. Просто дай ему шанс. Он очень хороший и ты очень хорошая. Вдруг это судьба и вы созданы друг для друга?

Я приподняла бровь и улыбнулась, решив не уточнять, о ком именно говорит сестра, и, думая о том, что шанс уже дан. Только кто из нас кому его дал — не понятно. И как его не проморгать тоже не понятно. И не понятно, шанс ли это вообще или очередная подножка

жизни.

Глава 72. Секретное возвращение

Новость о том, что Рик с Тэмми собираются провести у нас всего несколько дней, никого не порадовала, однако парочка удачно на фоне этого надавила на чувства родителей и взяла с них обещание, что этим летом они обязательно приедут к ним в Австралию.

За эти несколько дней Рик с Тэмми успешно наверстали всё, что с таким успехом прежде пропустили: познакомились с Дэвидом, погладили округлившийся живот Сэм, оценили их дом, познакомились с Джейком и его мамой, впервые увидели и подержали на руках Джессику, поздравили новоиспеченную пару с ожидающимся прибавлением, послали Эмметта на куличкины горы, побывали с дедом на могиле бабушки, пришли в поместье Олдриджа, чтобы повидаться с Джонатаном и познакомиться с Софи. На несколько дней Элис переехала в гостиную, любезно освободив для Рика и Тэмми свою спальню. По утрам, когда двойняшки уходили в школу, папа на работу, а бабушка на кладбище, Рик с Тэмми уже ожидали меня, маму и Мэрилин с утренней пробежки, угощая нас менее гадкими протеиновыми коктейлями, нежели знаменитые коктейли Мэрилин. Однажды Тэмми поразила мои вкусовые рецепторы, сделав молочный коктейль из банана, клубники, малины и голубики — я чуть не плакала, медленно заглатывая это чудо!

К девяти часам утра Джонатан привозил к нам Софи, и мы все дружно начинали её заплетать, кормить, веселить, водить в туалет и далее по списку, ожидая её дневного сна, после которого мы отправлялись в парк, прихватив с собой Дэвида с Самантой и Эми с Джесс. Всего за три дня у нас сложилась такая веселая компания, что зияющая дыра внутри моей груди впервые за прошедший год ни разу не дала о себе знать, словно забыв пульсировать.

Второго июня настроение было немного опущено на фоне того, что уже завтра будет день рождения Роланда, а в этот важный для меня день его не будет рядом. Хоть как-то утешал лишь тот факт, что день рождения Софи тоже был завтра, что означало, что праздник всё же состоится.

Сегодня мы с Мэрилин решили провести день в поместье, так как блондинка решила организовать праздник для Софи за счет своего сына: гелиевые шары, банты, цветы, подарки, фуршет с тортом... Я не вмешивалась в это дело, предпочтя отдать штурвал в руки настоящего капитана.

Так как друзей у Софи не было, за исключением моей семьи и Мэрилин, долго ломать голову над списком приглашенных не пришлось. В шесть часов вечера мы с Мэрилин, оставив Джонатана в домике Мартина, присмотреть за именинницей, принимали в главном доме торт и шары, проверяя их качество.

Курьер как раз уходил, когда к поместью подъехал знакомый автомобиль, из которого вышел уже знакомый нам Майкл.

— Добрый день, — улыбнулся парень в идеально выглаженном сером костюме, заставив нас своей лучезарностью улыбнуться ему в ответ.

— Весьма, — заулыбалась Мэрилин.

— Я проезжал мимо и решил лично завести Роланду вот этот вот сертификат...

— Оу, но Роланд еще не вернулся из Дубая.

— Ничего страшного, просто передайте ему сами.

— Но мы не знаем, когда он приедет, — захлопала пышными ресницами Мэрилин.

— Бросьте, я знаю, что вы его раскусили. Я видел шары и торт, которые только что убирала горничная, — усмехнулся Майкл, заставив нас с Мэрилин переглянуться. — Он искренне думал, что сможет вас обвести вокруг пальца, а в итоге вы обвели его — в голос засмеялся парень. — И где его хваленая деловая хватка? Он только с утра успешно решил последний вопрос по дочерней компании в Дубае и купил билет до Британии на завтра, а об этом секрете уже знают все.

Я напряглась, словно натянутая струна. Сегодня утром я списывалась с Роландом, но он ни слова не сказал мне о том, что собирается вернуться в Британию.

— Оу, в подобных вещах он такой невнимательный, — неожиданно решила подыграть собеседнику Мэрилин. — Вот только, Вы не подскажите, во сколько он завтра приезжает? Просто хотим вовремя зажечь свечи на торте, — еще более кокетливо заулыбалась блондинка, пытаясь выдать из себя стопроцентную милоту.

— Эммм... Рейс прибывает в Лондон в пять, — интуитивно посмотрев на часы, совершенно ничего не заподозрив ответил Майкл, — так что можно предположить, что здесь он будет в шесть, если вдруг не захочет остаться в Лондоне. Он ведь не в курсе того, что вы знаете о его возвращении, так что вполне может быть, что он приедет лишь на следующий день.

— Конечно не знает, — нервно улыбнулась Мэрилин. — Но он обязательно приедет в поместье.

•
○ *

Мэрилин носилась по дому, делая дополнительные заказы: шампанское, от которого прежде отказалась, дополнительный торт и шары, но на сей раз не розовые, а синие и побольше, и цифру двадцать восемь из гирлянд... И всё это за те наличные, которые Роланд оставил «на всякий случай».

Обычно я заходила в онлайн в девять часов вечера, когда у Роланда была глубокая полночь, но сегодня у меня была веская причина для исключения. Если честно, я не надеялась на то, что застаю его в онлайн-режиме, поэтому удивилась и искренне обрадовалась тому, что на

его странице мигала зеленая точка.

— Привет! Как твой день? Как погода в Дубае? — Начала непринужденный диалог я.

— Буду считать раннюю переписку результатом твоего сильного скучания по мне, — сиюсекундно ответил Роланд. — Погода отличная, у нас уже ночь. Как дела в Британии?

— Нормально, вот только она по тебе скучает.

— Будем считать, что только Британия по мне и скучает.

— Я серьезно. Когда ты вернешься?

— На следующей неделе.

— Жаль. А я так хотела, чтобы ты провел свой день рождения с нами.

— Нет-нет-нет... Никаких подарков, лже-мам и дерганий за уши. Хорошо, что в этом году я избегу всего этого цирка.

— Не хочешь праздновать свой день рождения?

— Не хочу давать повод Мэрилин вспоминать о том, как она произвела меня на свет.

— Но ведь это так — она действительно произвела тебя на свет.

— Чтобы затем бросить. Давай не будем развивать эту тему.

— Может быть, ты постараешься простить Мэрилин в честь своего дня рождения?

— В честь своего дня рождения я сам себе еще что-то должен?) Например, наступить себе на горло, да?))

— Роланд, ты ведь такой хороший...

— Продолжай.

— Милый.

— Угу.

— Любимый...

— Ладно-ладно, я понял всю серьезность твоей просьбы. Я постараюсь быть к ней помягче, но ничего не обещаю. Давай всё-таки опустим эту тему. Что тебе привезти из Дубая?

— Ты ведь еще не скоро возвращаешься.

— И всё же.

— У меня еще есть время подумать) Может быть, ты прилетишь хотя бы послезавтра?..

— Предпочитаю пропустить в этом году этот праздник.

— Вредный!

— За это ты меня и любишь.

— Вот еще!

— Не за это?! Тогда за что?

— Всё-ё-ё... Мне пора, Софи начинает жевать пенопласт.

— Только не говори, что ты к ней присоединишься.

— Почему ты не называешь дату своего возвращения? Ощущение, будто ты её скрываешь...

— Не нужно было шутить о том, что изменишь мне за сутки перед моим приездом.

— Но это ведь сарказм!)))

— Тебе придется за него ответить по всей строгости любовных отношений.

Глава 73. Тайный праздник

Третье июня — день икс, к которому никто не был готов. Все заранее были приглашены на день рождения Софи, но никто не предполагал, что объявится и второй именинник. Я купила свой подарок только час назад и сейчас стояла посреди гостиной Олдриджа, поправляя свечи на торте. Еще раз списавшись с Роландом вчера вечером, я убедилась в том, что он не хочет сообщать о своем возвращении. Мало того — он разрешил мне с Мэрилин взять выходной в честь праздника, на что я сразу же согласилась сказав, что день рождения Софи будет праздноваться у моих родителей, чтобы он был уверен в том, что нас не будет в поместье, когда он вернется. Он ведь вернется?.. Не захочет же он отпраздновать свой двадцать восьмой день рождения в Лондоне, в компании... Кого?..

День рождения Софи активно праздновался с двух часов дня, и теперь проголодавшиеся гости ожидали приезда того, чье появление будет равняться праздничному ужину. В список приглашенных были внесены только члены моей семьи, и я несколько раз возвращалась к мысли о том, правильно ли это. С одной стороны — мы могли бы пригласить кого-нибудь из друзей Роланда, а с другой стороны — его друзья птицы не нашего полета, так что это могло бы выглядеть достаточно странно. И потом, Роланд ведь знаком со всей моей семьей (за исключением новобранца в лице Джейка), и он сам виноват в том, что скрыл факт своего возвращения, так что теперь ему придется праздновать двадцативосьмилетие в неординарном собрании разношерстных личностей. Все с замиранием сердца ожидали

шести часов, напялив на себя дурацкие колпаки, снарядившись свистульками и тренируясь в один голос кричать «С днем рождения, Роланд!». Джонатан был заранее проинструктирован по поводу того, что обязан сопроводить именинника в гостиную под предлогом срочного телефонного звонка, так что нам было спокойнее от того, что кто-то согласился постоять на стрёме.

Мэрилин так сильно переживала по поводу того, приедет ли её сын или предпочтет нам лондонскую тусовку, что к шести вечера умудрилась влить в себя три бокала шампанского, а ведь она следит за морщинами!

Если честно, я безумно переживала из-за того, что Роланд захочет провести свой день рождения в неизвестной мне компании, в которой наверняка будут сексуальные девушки из высшего общества с грудями пятого размера и ногами от ушей. Поэтому, когда часы показали десять минут седьмого, а Роланд всё еще не являлся, я едва не запаниковала от мысли о том, что он променял свой день рождения со мной на день рождения с какой-нибудь секс-дивой (которая, исходя из моих дурацких умозаключений, более достойна его, нежели я — серая мышь-провинциалка!). В итоге я не удержалась и последовала примеру Мэрилин, залпом проглотив бокал шампанского. Все решили придерживаться до ужина сухого режима, поэтому после того, как я опрокинула в себя шампанское, отец многозначительно на меня посмотрел, что остановило мою руку, протянувшуюся за дополнительной порцией игристого напитка.

Стрелки часов неумолимо бежали вперед, и Мэрилин сорвалась, не выдержав напряжения. По её расчетам, Роланд уже должен был быть здесь, а раз его нет, значит можно выпивать по одному дополнительному бокалу каждые пять минут. В половину седьмого все уже были уверены в том, что Роланд не приедет, но всё равно решили подождать его до семи, после чего начать ужин. Когда без пятнадцати семь Джонатан быстрым шагом вошел в гостиную и сообщил нам о том, что «мистер Роланд паркуется у дома», у всех глаза на лоб полезли, так как никто уже не надеялся его увидеть. Особенно округлились глаза у успевшей захмелеть Мэрилин, которая тут же подскочила со своего места и начала командовать парадом, указывая присутствующим где, кто и как должен стоять. По её плану, я должна была стоять за дверью и после того, как Роланд зайдет в гостиную, выстрелить огромной хлопушкой-конфетти над его головой.

Спустя примерно минуту все неожиданно затихли, старательно прислушиваясь к тому, что происходит за пределами гостиной: хлопок дверью, Джонатан здоровается, Роланд отвечает приветствием, Джонатан что-то говорит и, после короткой паузы, Роланд идет в нашу сторону. Звук приближающихся знакомых шагов заставлял моё сердце биться чаще, словно я ожидала не именинника, а маньяка, и в руках у меня была не хлопушка, а топор.

— Джонатан, можешь предоставить мне мою корреспонденцию? — совсем близко раздался голос Олдриджа.

— Вся ваша корреспонденция в кабинете, сэр.

— Замечательно, — тяжело выдохнул Роланд, после чего отпихнул тонкие двери в гостиную

и-и-и... Бум! Хлопушка в моих руках так громко бахнула, что я едва не взвизгнула от страха. Роланд, смотрящий в этот момент в свой телефон, медленно, не поднимая повернул в мою сторону голову, усыпанную цветным конфетти, и буквально пронзил меня насквозь своим колким взглядом. В этот момент он был похож на волка, притаившегося в конфетти, который спустя пару секунд нападет на овечку и, если не растерзает на месте, то определенно вопьется своими острыми клыками прямо в её тонкую глотку. Интуитивно вжав голову в плечи и прищулив один глаз, я попыталась, как можно более мило улыбнуться, словно говоря: «Извиняюсь, но ты должен пройти эти муки».

Спустя десять секунд после разорвавшейся хлопушки все, наконец, пришли в себя и хором прокричали: «С днем рождения, Роланд!». Правда каждый кричал на свой лад и каждый по-своему, хотя все и репетировали перед этим раз двадцать. От подобной какофонии у меня неосознанно поморщился нос, и скривились губы.

— Спасибо, — сдавленно выдавил Роланд, после чего я поняла, что он точно меня прикончит.

Присутствующие начали обступать именинника со всех сторон, протягивая ему свои коробки с подарками, обнимая и тряся его за плечи. За последующие пару минут Роланд слегка расслабился и даже начал улыбаться, когда очередь подошла к концу, и настало время подарка от пьяненькой Мэрилин.

— Дорогой Роланд, — начала блондинка, не выпуская полупустой бокал с шампанским из своих беленьких рук, — в этот замечательный день, ты родился. Хотя, чего я вру, это было самое ужасное утро в моей жизни! Ты так больно рождался, что я думала, будто распрощаюсь с жизнью, честное слово. Ты разбудил меня в три часа ночи, а родился только в семь утра, все четыре часа мучая меня ужасными болями, негодяй, но я тебя давно простила. Я была отвратительной матерью не только после твоего рождения, но и до, так как я вообще даже не планировала заводить детей — это всё Альберт с его жадной иметь наследника... В общем, после того как ты заплакал и присосался к моей груди, я поняла, что больше никогда... Никогда не буду рожать! Это ужасно больно, — поморщившись, захихикала она, смотря на улыбающихся присутствующих, — и потом, дети портят фигуру. И еще они на всю жизнь! С ними по-любому рано или поздно придется мучиться... Пффф... Вон как мне сейчас с Роландом мучаться приходится! Бррр... В общем, прими от меня подарок, — в очередной раз хихикнула Мэрилин, протянув Роланду миниатюрного, серебряного пегаса.

— Эмм... Трогательно, — выдавил Роланд, прокрутив в руке статуэтку.

— Оу, я просто увидела в зале своего бронзового пегаса, которого прислала тебе два года назад...

— Я не убрал его лишь потому, что до некоторых пор не знал от кого именно этот презент и потому, что он нереальных размеров, из-за чего необходимо нанимать целую эскадрилью, чтобы вытащить его за пределы поместья.

— Не будь таким букой, — кокетливо надула губки Мэрилин. — Ты до пяти лет был помешан на пегасах. Альберту даже пришлось прикрепить к спине твоего пони крылья, чтобы ты не считал его обычной лошадкой.

— Спасибо за заботу, — неожиданно порозовел Роланд, еще раз поблагодарив блондинку за подарок, чтобы замаять неловкую для него тему, после чего отставил серебряного пегаса на журнальный стол. Он впервые при мне так очевидно смутился, что заставило меня улыбнуться до ушей.

— Лоланд, ты сто, лодился со мной? — округлила глаза Софи, заставив Роланда еще больше смутиться от слова «Лоланд».

— Лоланд, — обратившись к сыну, захихикала Мэрилин, — давай ужинать, а-то мы треснем от голода. Весь день тебя ждали и уже думали, что вовсе не приедешь. Пошли, сегодня будут замечательные лангусты... И вообще ты должен попробовать всё! В конце концов, праздник организован за твой счет, так что угощайся.

Глава 74. Воздержание

Весь праздник, включая ужин, прошел в палисаднике главного дома и походил на сборище жужжащих пчел. С учетом того, что самой жужжащей я всегда считала Мэрилин, мне было забавно наблюдать за тем, как её умело обходит Тэмми, прежде отличавшаяся тихим нравом. Моя младшая сестра, неожиданно для всех, стала активно принимать участие в обсуждении предстоящей свадьбы Дэвида и Саманты, на которую Роланд автоматически был приглашен, с просьбой не дарить ничего, что нельзя было бы перевезти в доме на колесах.

За весь вечер мы с Роландом пересеклись всего пару раз, и я искренне надеялась на то, что никто не замечал того, как мы оба буквально трещали по швам, пытаюсь не сорваться и не впиться друг в друга ногтями. Наши то и дело пересекающиеся взгляды мог заметить любой из присутствующих, если бы двое из них не страдали токсикозом, а остальные не налегали на шампанское.

Гости начали расходиться в десять часов. Джейк усадил в свой пикап Эми с Джесс, остальных Роланд попросил развести Якоба, который, из-за проблем с печенью, за весь вечер не выпил больше ста грамм пунша. Впервые за последние пять лет родители так сильно напились, что постоянно срывались на дурацкие смешки, от которых мне было неловко, зато Олдриджа они изрядно повеселили. Под предлогом укладывания Софи спать, я ретировалась в домик Мартина как раз в тот момент, когда Якоб усаживал в джип Роланда родителей, деда и покачивающуюся Мэрилин, которая, в итоге, выпила больше всех (Дэвида с Сэм, и двойняшек Якоб уже отвез предыдущим рейсом). По-моему, родители даже не обратили внимания на то, что я изъявила желание задержаться.

Софи отключилась у меня на руках еще до того, как я открыла дверь во внутренний дворик, разделяющий главный дом с домиком Мартина. Мне пришлось переодевать её уже спящей и трижды вытаскивать указательный палец из её рта. Уже выходя из её спальни, я выключила ночную лампу и, тихо попятившись, закрыла за собой дверь.

— Привет, — раздался его голос сразу за моей спиной, отчего моё сердце пробило паркет через пятку.

— Фух! — испуганно обернувшись, выдохнула я, поняв, что тревога ложная. Опустив скрещенные на груди руки, Роланд подтянул меня к себе за предплечье, и я отключилась на следующие полминуты. Моё сознание снова заработало лишь после того, как он, прижав меня к себе сильнее, приподнял меня за талию и, развернув, начал постепенно передвигаться со мной в сторону спальни для гостей. Кажется, у меня зазвенело в ушах от мощного всплеска эмоций. Мы еще никогда так сильно не впивались друг друга, словно желая стать одним целым. Я поняла, что мы начинаем раздевать друг друга только после того, как Роланд, запутавшись в пуговицах моей блузки, дернул последние три и они, издавая тонкий треск, разлетелись по паркету — к этому моменту я уже успела расстегнуть его рубашку до середины. Только звук слетевших с меня пуговиц смог включить рубильник моего помешанного сознания.

— Подожди, — слегка задыхаясь, отстранилась я и, к моему удивлению, Роланд сразу же остановился. В лунном свете его серые глаза казались серебристыми и обладали таким гипнотизмом, что мне снова захотелось наплевать на всё и на сей раз раздеть его до гола.

— Слушаю, — приподнял бровь Роланд, пытаюсь восстановить дыхание.

— Ты ведь говорил, что перед тем, как заняться «этим», заставляешь выпивать партнершу контрацептив, которого у нас нет...

— Родишь мне ребенка, — невозмутимо ответил Роланд, после чего хотел снова меня поцеловать, но я слегка отстранилась.

— Ты серьезно?!

— Абсолютно, — всё тем же серьезным тоном произнес Олдридж.

— Нет, я не готова...

— Ладно, у меня есть презерватив, но я всё равно придерживаюсь мнения о том, что он нам не нужен.

— Эммм... После того, что я скажу, ты поймешь, что я тупица, но... Давай не сейчас? — через силу произнесла я, едва удержавшись от того, чтобы сразу же не наброситься на прижимающегося ко мне парня.

— Хорошо, — поразительно спокойно ответил Роланд, словно всё в полном порядке и вообще он полностью со мной согласен.

— Я не знаю наверняка, но слышала, что в подобные моменты мужчины обычно психуют... — прикусив нижнюю губу, с подозрением заметила я.

— Только если они не в курсе того, что их девушка пытается преодолеть порог страха перед

своим первым половым актом, — приподняв правую бровь, невозмутимо произнес Роланд, смотря на меня сверху вниз.

— Что?! Откуда ты знаешь?!

— Ты второй раз динамишь меня в этой комнате. В предыдущий раз это было, когда ты напилась с Риком перед нашей поездкой в Швейцарию. Мы тогда едва не переспали. Я был уверен в том, что этого не произойдет, так как не хотел брать тебя пьяной, но остановиться смог лишь после того, как ты от меня шарахнулась и сообщила о том, что являешься девственницей и не собираешься отдавать её первому попавшемуся. И, на сколько я знаю, второй попавшийся тебе за это время так и не подвернулся, так как ты, когда в подвыпившем состоянии просила меня принять Мэрилин на работу, неосознанно призналась в том, что в течение прошедшего года ни с кем не целовалась.

От услышанного я замерла и моё лицо залила настолько яркая краска, что даже в темноте можно было заметить, что я стала пунцовой.

— Это ужасно, — сев на кровать и, закрыв лицо ладонями, на выдохе прошептала я.

— Наоборот, я считаю, что это прекрасно, — сорвался на смешок Роланд.

— Ты всё это время знал, что я убогая двадцатичетырехлетняя девственница.

— Ты не убогая, — улыбнулся Роланд, откинувшись на подушку за моей спиной, — ты просто женщина одного мужчины.

— Оу, тогда ты рискуешь разочароваться в моих сексуальных способностях.

— Не устану повторять, что я в тебе не разочаруюсь. И у меня способности настолько круты, что их вполне хватит на нас двоих, — нагло улыбнулся Олдридж.

— Ты себе явно льстишь, — улыбнулась в ответ я. — Хочешь сказать, что когда добьешься своего, не бросишь меня?

— Поверь мне, я определенно добьюсь своего и определенно тебя не брошу. Максимум задущу за измену.

— Пффф... — тяжело выдохнула я, застегнув на своей рубашке верхние пуговицы до пупка, так как остальные разлетелись по полу.

— Да не парься ты так, — вновь заулыбался Роланд, подтянув меня к себе за правую руку. — Ложись рядом и старайся свести свои телодвижения к минимуму, чтобы увеличить свои шансы остаться девственницей до рассвета.

— Что значит «до рассвета»? — поинтересовалась я, посмотрев Роланду прямо в глаза сразу после того, как легла на его правую руку. — Мне нужно вернуться домой, чтобы родители не заметили моего отсутствия.

— Брось, они хорошенько выпили и вряд ли что-то заметят.

— И правда, — с легкостью согласилась я, решив поддаться желанию лежать на руке своего короля вечно. — Кстати, они с подозрением смотрят на красную нить с твоим именем на моём запястье. Я говорю, что её подарил мне Мартин, а папа говорит, что я тупая, как кухонный нож, который он никак не может заточить в течение последнего десятилетия...

Роланд пытался внимательно слушать мою улыбчивую речь, но в конце не сдержался, и мы снова начали целоваться. На сей раз поцелуй начался более нежно и даже трепетно, но уже спустя минуту мы снова начали срываться и резко остановились, тяжело вдыхая запах друг друга.

— Сложно, — улыбнулась я. — Больше не буду оставаться с тобой на ночь.

— Скоро только и будешь, что оставаться со мной на ночь.

— Не скоро, — хитро ухмыльнулась я, давая понять, что не собираюсь быстро сдаваться.

— Мне необходимо срочно подумать о чем-нибудь отстраненном, — сделав глубокий вдох, признался Роланд.

— Поговорим о Дубае?

— Только не о нем.

— Ты что, изменял мне и теперь стыдишься?

— Ничего подобного, просто за прошедший месяц это место порядком мне надоело. Давай лучше поговорим о том, что у тебя за это время нового произошло.

— Мы ведь регулярно переписывались, так что ты в курсе всех моих передвижений. У меня точно ничего нового не происходило: физкультура, здоровое питание, Софи и переписка с тобой. Так проходили все мои дни. А вот у Эми, как видишь, крутые изменения в строении семьи. Как тебе Джейк?

— М-м-м... Нормальный. Я не могу судить наверняка, так как общался с ним в целом не больше пяти минут, но мне кажется, что он будет благоразумнее Эмметта.

— Я тоже так думаю, — оставшись довольной ответом Роланда, улыбнулась я. — Ты ведь примешь его приглашение и придешь завтра на новоселье? Он весь май работал над перестройкой гнезда Эмметта в своё. Заодно отпразднуем новую беременность Эмили.

— Конечно я приду, там ведь будешь ты, — поцеловав меня в нос, как-то особенно интимно произнес Роланд.

— Не представляю, каково это — рожать двух детей подряд. Эми ведь еще не до конца отошла от предыдущих родов. Думаешь, они справятся?

— Восемьдесят процентов успеха зависит от мужчины, который находится рядом с матерью своего будущего ребенка. Когда ты забеременеешь, я перенесу тебя совершенно в иной мир заботы и ласки...

— Стоп-стоп-стоп... Я еще девственница, а ты уже сделать мне ребенка планируешь? — засмеялась я.

— Ты еще слишком маленькая. Дождусь, пока ты повзрослеешь.

— Боюсь, что тебе придется ждать вечность.

— Кто сказал, что я не готов?

Глава 75. Новая жизнь новой семьи

— Дорогой, ты не можешь так говорить, — спросонья послышался мне знакомый голос Мэрилин. — Ты ведь прекрасно знаешь, что я здесь ради сына... Да... Да... И вообще, было бы здорово, если бы...

Её голос удалился, и я резко села на кровати. Лежавший передо мной Роланд уже не спал, но всё еще не собирался шевелиться.

— Это Мэрилин, — панически прошептала я, — она нас застанет!

— Ну и что?

— Мы ведь договорились держать наши отношения в тайне! — продолжала шепотом паниковать я.

— Ладно-ладно, встаю, — уже поднимаясь, совершенно спокойно произнес Роланд. — Я уведу её в главный дом.

После этих слов он обошел кровать, подошел ко мне, поцеловал и медленно вышел из комнаты. Тот факт, что он совершенно не торопился, заставлял меня нервничать еще сильнее. Прищурившись от прямых солнечных лучей, попадающих в спальню, я достала из шкафа джинсовые шорты с высокой талией, хлопковую майку и тонкий, полупрозрачный кардиган, мысленно радуясь тому, что Мэрилин заставила меня принести новую запасную одежду в этот дом, на случай очередного внезапно измененного маршрута нашей пробежки.

Спустя пятнадцать минут после того, как я очутилась в гостиной, из главного дома вернулась Мэрилин

— Глория, ты уже здесь. Я ждала тебя с утра и даже звонила твоим родителям, но они сказали, что тебя нет. Почему ты пошла на работу без меня? — по-детски надув губы, поинтересовалась Мэрилин.

— Я просто... Думала, что ты не придешь.

— Я?! Почему?!

— Ты вчера сильно напилась, вот я и решила, что сегодня работаю одна, — не смогла ничего более толкового придумать я, но, судя по всему, мой ответ оказался вполне вразумительным для этой пятилетней девочки.

— Ой, я и вправду себя не очень хорошо чувствую после вчерашнего, — скривилась Мэрилин, подмигнув Софи, сидящей напротив меня на пуфике, которой я заплетала косичку. В итоге весь день прошел для нас обоих как в тумане: одна мучилась покалыванием в висках, вторая воспоминаниями о минувшей ночи. Я пыталась заново воспроизвести каждую секунду этой ночи, чтобы повторно насладиться улыбкой Роланда, которая была предназначена только для меня, или вновь прочувствовать тепло его губ на своих губах, чтобы в очередной раз прикрыть глаза от наслаждения.

Роланд не давал о себе знать вплоть до половины седьмого, когда пришедший Джонатан попросил нас собираться на новоселье к Джейку и Эми, на которое нас подвезет мистер Олдридж. Услышав имя своего сына, Мэрилин словно что-то вспомнила и, подойдя ко мне впритык, заговорчески прошептала:

— Роланд был сегодня в той же одежде, что и вчера.

— И что? — непонимающе посмотрела на блондинку я.

— Глория, не заставляй меня начинать подозревать тебя в том, что ты глупее меня. Это значит, что он ночевал вне своей постели, — с какой-то досадой произнесла блондинка.

— И что? — нервно сглотнула я.

— Что «и что»? — сердито нахмурилась кокетка. — Подруга, неужели тебе совершенно всё равно где он ночует?

— А почему мне должно быть не всё равно?

Мэрилин набрала воздух в легкие, явно желая мне что-то ответить, но вдруг передумала и отправилась обувать Софи, а я с облегчением выдохнула, остро ощутив преодоление опасного рубежа.

•
○ *

Джейк превзошел все наши ожидания. Я не была возле этого дома около недели, но не могла его узнать даже снаружи. В прежде пустынном палисаднике появились небольшие деревца, которые через пару лет угрожали перерастить дом, под окнами дома красовались розовые кусты и в отдельных местах на газоне были установлены декоративные клумбы в виде чаш. Снаружи штукатурка дома была перекрашена из белого в нежно-персиковый цвет, а слева от двери нависла кованая десятка, обозначающая номер дома. Внутри Джейк переделал абсолютно всё, даже сменил паркет. Новая спальня пары была перенесена в детскую,

детская перенесена в кабинет (огромный кабинет с двумя окнами превратился в две небольшие комнаты — одна для Джессики, вторая для матери Джейка), а бывшая спальня Эми была почти полностью укомплектована к новому младенцу, оставалось только докупить колыбель (спальня была выполнена в бежевых и нежно-оранжевых тонах, так как будущий папаша еще не знал, кто именно у него родится). Вообще весь дом, от кухни до туалета, был выполнен в стиле прованс, что весьма подходило для уютной семейной жизни. Резкая смена кухни меня очень порадовала — прованс куда более уютно смотрелся для молодой семьи с младенцами, нежели прежний модерн. Все внутренности дома от мебели и до последней шторы были заменены, но больше всего мне понравился новый искусственный камин.

Мы приехали самыми первыми, позже подтянулись папа с двойняшками, Рик с Тэмми и Дэвид с Сэм. Мама осталась дома с дедом, который впал в такое глубокое уныние, что даже отказывался есть. Наблюдая за его муками, вызванными потерей любимого человека, я боялась полюбить кого-то так же сильно и умереть лишь после того, как смерть заберет у меня «нечто более важное, чем жизнь». Мы все пытались вытянуть деда из депрессии, Мэрилин даже смогла уговорить его сходить с ней в поэтический кружок, но это едва ли ему помогло. По-моему, дедушке уже ничто не успеет помочь, даже если ему осталось жить еще двадцать лет — эти года будут неизбежно наполнены мучительной болью в области его разорванного сердца.

Пока счастливая Эмилия показывала новшества своего дома, а Джейк играл в гостиной с Джесс, я пыталась понять, как сильно я могу влипнуть с идущим рядом со мной, улыбающимся, сероглазым парнем, который, как мне иногда казалось, смотрел на меня словно на добычу. Я понимала, что глуплю, но мысль о том, что Роланд со мной ради моей девственности, со вчерашнего дня пронеслась в моей голове минимум трижды. Я стыдилась того, что я могу допускать подобную мысль, однако я ничего не могла с собой поделать. Также я знала, что у Роланда за спиной был весьма нескромный список девиц, которых он попробовал, и это еще больше заставляло мои коленки трястись от переживания. Я прекрасно знала, что мужчины обожают быть первыми и даже соревнуются по количеству девственниц в своих списках, а зная, что Роланд больше своего первенства любит только шахматы, в которых также стремится к первенству, я могла предположить, что он бросит меня сразу после того, как станет первым. Первую половину дня, которую я провела без него, я убеждала себя в том, что все мои умозаключения — это банальная глупость. Вторую половину дня, когда я чувствовала его запах, наслаждалась его улыбкой, ловила на себе его сероглазый взгляд, я даже не задумывалась об этом — я просто хотела быть с ним и быть его. Больше ничего.

Джейк и Эмилия были одеты в символические футболки — у него на торсе было написано «В прошлом обычный парень, в настоящем любящий муж, в будущем лучший отец», а у нее на животе была изображена тень ребенка с надписью «Пузожитель. Здесь уже живет моё счастье».

По мере прибытия гостей прибывали и подарки. Я попросила захватить папу сверток, оставленный мной на шкафу в моей спальне, и от меня паре достались большие песочные часы с надписью «Время будет работать на вас». Папа от себя, мамы, двойняшек и деда

подарил роскошный чайный сервиз, Дэвид и Сэм преподнесли декоративную ключницу, от которой Эми пришла в полный восторг, Рик и Тэмми презентовали мангал с оригинальными шампурами в виде кинжалов, Мэрилин одарила пару шикарным серебряным коллажем из фоторамок, который стоил несколько тысяч долларов, а Роланд вручил Джейку бронзовую фигуру лебедей, как символ вечной любви. Эта фигурка была по длине как мой ноутбук и весила не меньше пятнадцати кило, и что-то мне подсказывало, будто я уже где-то её видела. Я была более чем уверена в том, что Роланд, просто проходя мимо своего стеллажа с бронзовыми изделиями, ухватился за самую подходящую фигурку и отправился с ней в гости. Он частенько передаривал действительно дорогостоящие, но совершенно ненужные ему вещи. Подозреваю, что он, идя к кому-нибудь на день рождения, просто цеплял локтем первую попавшуюся вазу или статуэтку, совершенно не задумываясь о её стоимости. Удобно — даже голову ломать не приходится над подарком, всё что он ни подарит — всё отлично, всё замечательно. А я ему вчера подарила медальон со своим локоном и до последнего момента не могла понять, угадала ли с выбором, пока он перед сном не вытащил его из кармана.

— Лучшего подарка на день рождения я не получал, — улыбнулся он, посмотрев мне в глаза.
— Честно. Но носить его я не буду.

— Слишком вычурный?

— Да, но тебе я скажу, что он для меня слишком дорог, поэтому я буду хранить его в сейфе,
— с озорством заулыбался Олдридж. — И это будет недалеко от правды.

•

○ *

Вечер прошел в тихой семейной обстановке. Во время ужина папа только и делал, что говорил о том, что Роланд стал частью нашей семьи и пора бы ему либо определиться со мной, либо дождаться восемнадцатилетия Элис, до которого еще целых десять лет (Джессика ждатель вообще не вариант, так как ей еще расти и расти). Вообще этим вечером отец отличался юмором — то у него появлялось ощущение, будто Эмилия беременна двойней, так как «ест больше, чем мама по ночам во время строгой диеты», то он хочет обнять Дэвида, чтобы доказать, что он чистый гетеросексуал (будто наличие четверых детей ни о чем не говорит!), то он заявляет Роланду, что букет Эми, который прилетел ему в голову на свадьбе, по-видимому, слишком сильно врезался, из-за чего Роланд немного начал «тормозить», отчего не спас даже повторный букет от Тэмми.

— Твой отец определенно считает меня ломающимся подростком, — заявил Роланд, когда мы остались на кухне наедине. — А я считаю себя полным идиотом. Почему мы не можем рассказать твоей семье о наших отношениях?

— По сути, у нас было всего два свидания, три поцелуя и романтично-саркастическая переписка — разве это повод заявлять об отношениях? — прошептала я.

— Сегодня ночью я могу организовать весомый повод для заявления, — приподнял бровь

Роланд.

— Пожалуй, я воздержусь от столь заманчивого предложения, — улыбнулась в ответ я «той самой улыбкой», после которой Мартин обычно объявлял меня тупицей, и мы вернулись в гостиную.

Элис разбила Дину нос входной дверью, поэтому папа с двойняшками решил удалиться домой пораньше. Дэвид с Сэм и Рик с Тэмми тоже ушли, так как у Сэм в последнее время стала часто кружиться голова, а Рику необходимо было созвониться с компаньоном по скайпу. Мы тоже хотели уйти, но Эми настояла на том, что девять часов — это слишком рано и хоть кто-нибудь должен дожидаться назначенных десяти часов. Я никуда не торопилась, у Роланда, по-видимому, тоже был свободный вечер, так что мы приняли приглашение, отослав Софи домой вместе с Мэрилин, которой всё еще было не очень хорошо после вчерашнего празднования двойного дня рождения. Эми сидела справа от меня на диване, прикрыв живот диванной подушкой, Роланд расположился на кресле напротив меня, а Джейк сел на кресло, слева от Роланда. Все весело включились в разговор о декоративной лепнине, которой Джейк планировал позже украсить оконные рамы, и лишь я пыталась собраться с мыслями, заставляя себя не смотреть на Роланда, от улыбки которого я таяла словно свеча. Поразительно, но познания Джейка в строительных материалах были настолько глубоки, что он едва ли смахивал на спортивного тренера.

— Дюрополимер — это одна из модификаций пенопласта, — говорил Джейк, — относительно новый стройматериал. Его преимущества: влаго и ударостойкость, стойкость к гниению, простой монтаж, а также отсутствие синтетического запаха. Этим материалом можно украшать даже пороги — он выдержит любые механические воздействия.

— Да, но лучшим искусственным материалом для выполнения сложных рельефных узоров является полиуретан, отличающийся прочностью и износостойкостью, — заметил Роланд.

— А можно лепнину в виде ангелочков? — заулыбалась Эмилия, пытаясь разогнать мужское занудство.

— Боюсь, мы обойдемся карнизами, плинтусами, молдингами и парочкой розеток, — ответил Джейк, протянувшись к Эми, чтобы взгромоздить на её голову искусственный венок из васильков и ромашек, который служил приложением к декору гостиной. — Завтра займусь перевозкой вещей из квартиры в местный магазин барахла. Я заранее договорился о цене, так что необходимую сумму выдадут на руки сразу. Послезавтра у меня заканчивается отпуск, а еще через пару дней мы продадим квартиру и погасим долг, в который влезли у Тима во время ремонта. Всё идет по плану как нельзя лучше.

Да, этот парень был из тех, у которых всегда был план запасного плана и еще три варианта возможных планов под всевозможные непредвиденные ситуации, поэтому у него всегда всё шло как по маслу. И, судя по частым улыбкам сестры, Эми была довольна Джейком не только в постели. Правда она всё еще с болью переживала разрыв с Эмметтом, но проведенный месяц с Джейком явно благоприятно повлиял на её отношение к себе. Она стала чувствовать себя красивой и желанной, а разве есть что-то лучшее, нежели чувствовать

себя идеальной в глазах своего избранника?

Внезапно в дверь позвонили, и я уже хотела встать, чтобы открыть дверь, но она сама распахнулась и Эми вспомнила, что, провожая Мэрилин, забыла закрыть её. Несколько секунд я не могла понять, что именно передо мной предстало, как вдруг осознала всю реальность приведения Эмметта, остановившегося всего в трех шагах от нас.

— Добрый вечер, — самоуверенно заявил призрак из прошлой жизни.

— Был, — сразу же нахмурилась Эмилия.

— Эми, я знаю, что между нами пробежал черный кот...

— Кошка. И она была выкрашенной в белый.

— Я знаю и признаю свою ошибку. Я был не прав.

Мы все смотрели сначала на Эмметта, затем на Эмилию и снова на Эмметта. Похоже, Джейк не понимал, кто именно перед ним стоит, а Роланд, опершись локтем о подлокотник кресла и прислонив указательный палец к виску, а большой к подбородку, пытался предугадать, чем именно обернется сложившаяся ситуация. Я же просто пыталась не взорваться от негодования, параллельно решая, стоит ли нам с Роландом ретироваться.

— Но мы ведь люди, — продолжал свою безумную заготовку Эмметт, — и мы способны как совершить ошибку, так её и искупить, и простить... Я имею в виду... У нас ведь дочь, мы должны попытаться ради нее.

— Если ты для кого-нибудь и пытаешься, — откинув подушку и встав на ноги, ткнула указательным пальцем в своего бывшего Эми, — то только для себя. Ты только и можешь, что пектись о собственной шкуре, переживать о собственном желудке и отличаться отсутствием мужской силы воли, Эмметт Бланкар!

— Эми, — ошарашено охнул Эмметт, словно его осенило, отчего всем вдруг стало не по себе и все перевели взгляд на Эми, с которой, судя по тону Эмметта, было «что-то не так». Эми на мгновение сконфузилась, как конфузятся люди, у которых в зубах застряла ветчина. — Ты беременна? — наконец выдавил он.

И тут я поняла, что как только Эмилия встала, Эмметт смог лицезреть надпись на её животе: «Пузожитель. Здесь уже живет моё счастье».

— Да, — каким-то неожиданно сломленным голосом ответила Эми, неосознанно сделав полшага назад.

— Я стану отцом, — нервно улыбнулся Эмметт, словно только что получил джек-пот в руки. Очевидно, по только что возникшей теории в его крошечном мозгу, теперь ему не нужно было придумывать причин, чтобы вернуться в семью, ведь с животом Эмилия примет его с распростертыми объятиями. — Я ломал голову, что за смена дизайна дома и в честь чего

здесь праздник. Ждал, пока уйдут гости, не знал, что Роланд и Глория еще у тебя... У нас будет еще один ребенок, дорогая! Это ли не повод...

— Не повод, — не выдержал Джейк, встав со своего места и скрестив руки на груди.

— А ты вообще кто такой? — резко нахмурился Эмметт.

— Пошевели мозгами, — дрожащим голосом попросила Эмилия. — У нас с тобой не было секса больше года.

Эмметт ошарашено переводил взгляд с Эмилии на Джейка, потом на Роланда, на меня и снова на Эми. Судя по степени округления его глаз, мозаика в его миниатюрном мозгу начинала складываться.

— Не прошло и двух месяцев, а ты уже с другим, — наконец выдал бывший радиоведущий охрипшим голосом, после чего прокашлялся.

— Не прошло и девяти месяцев моей беременности, а ты был уже с другой, — со слезами на глазах ответила Эмилия.

— Хочешь сказать, что он лучше меня?

— Он просто не ты, что автоматически делает его идеальным.

— Но ты же... Ведь ты бесплодна.

— Пошел вон, — не выдержал Джейк.

После того как Джейк вытолкал Эмметта за порог и захлопнул за ним дверь, Эмилия отправилась в спальню в расстроенных чувствах, совершенно забыв о гостях. Джейк отправился за ней, и было件нятно, что вечер завершен не лучшим образом. Я сразу же последовала за Джейком, но, подойдя к двери их спальни впритык, остановилась. Я никогда преднамеренно не подслушивала, но сегодня было то самое исключение, когда любопытство надавило мне на горло.

— Эй, ты чего, — сев на кровать, погладил по голове Эмилию Джейк. — Только не плачь, слышишь?

— Потому что это отразится на нашем ребенке?

— Потому что я не хочу, чтобы ты плакала.

— В последнее время я чувствую себя инкубатором. Сначала неисправным, но потом в меня подкладывают оплодотворенную яйцеклетку, я рожая Джессику, потом моя яйцеклетка предательски самостоятельно справляется с задачей, поставленной ей природой...

— Эми... Ты меня любишь?

Эми на мгновение замерла, заставив меня сжать кулаки.

— Да, — наконец выдохнула она. — Сейчас, увидев этого подонка, я могу с уверенностью сказать тебе, что я тебя люблю.

— Я тоже тебя люблю, — ответил Джейк и, судя по тону его голоса, он широко улыбался.

Дальше я не стала слушать. Попятившись на цыпочках назад в гостиную, я, взмахом руки, приманила к себе Роланда, и мы незаметно ретировались из дома, в котором теперь точно должно было поселиться счастье.

Глава 76. Два месяца счастья

Первое августа, теплый вечер и приятная выпивка в виде двух банок дорогого холодного пива. Роланд только что вернулся из Лондона, где провел последнюю неделю, и мы сейчас сидим в его кабриолете за пределами Б***-стрит, возле каменного заборчика, у которого впервые поцеловались. Он рассказывает мне подробности невероятно успешной продажи отцовской коллекции автомобилей от Morgan Motor Company²³, деньги от продажи которой уже пущены в его благотворительный фонд, а я смотрю на него и понимаю, что влюблена.

Прошедшие два месяца мы маскировались, словно тушующиеся подростки, встречаясь только по ночам или выезжая на выходных за пределы города. Наша маскировка давала положительные результаты — пока никто ничего даже не заподозрил, а Мэрилин вообще считала, что у Роланда появился кто-то на стороне, так как регулярно по утрам видела его во вчерашней одежде. Наши отношения омрачали только частые отлучки Роланда в Лондон, из-за которых я чувствовала себя брошенной, хотя мы и переписывались едва ли ни каждый час.

Не смотря на то, что Сэм была на шестом месяце беременности, и её живот уже во всю толкался — у нее определенно будет шустрый ребенок! — пол малыша всё еще оставался секретом. На УЗИ ребенок словно прятался, не давая даже шанса узнать «подробности» о себе — Дэвид утверждал, что там будут «крутые» подробности, так как подобным образом защищать свои права на «индивидуальность» может только настоящий мужчина. Пара вовсю готовилась к свадьбе, которая должна была состояться через месяц, и Саманту изрядно забавлял тот факт, что она до сих пор не выбрала платье, из-за своего регулярно растущего живота. Она не раз смеялась, говоря о том, что никогда не предполагала, что будет выходить замуж на восьмом месяце беременности, а Дэвид смеялся с того, что не думал, что вообще когда-нибудь захочет жениться.

У Эмилии тоже начал округляться живот. Джейк за это время успел зарекомендовать себя с лучшей стороны, и пока он вполне справлялся с ролью любящего папулечки Джессики, который умеет строить смешные рожицы и не брезгует менять памперсы своей принцессе. Этот парень совершенно не походил на стандартного отчима! И всё же прошедшие два месяца были тяжелыми для этой пары. Эмметт зубами вгрызся в то, что променял на мимолетное увлечение. Бракоразводный процесс был тяжелым и закончился лишь десять дней назад. Эмметт надеялся на то, что сможет вернуться к Эмилии, которая опомнится и поймет, что не права, но всё закончилось официальным расторжением брака, разрешением

биологическому отцу один раз в неделю видется с дочкой и принудительным выплачиванием алиментов со стороны отца. Мы переживали, что теперь Бланкар будет еженедельно вторгаться в жизнь Джейка и Эми, чтобы навести в ней хаос, но, неожиданно для всех, он вернулся назад в Колумбию, громко заявив о том, что ноги его больше не будет в этом «затхлом городишке». После подобного завершения столь бальной истории все вздохнули с облегчением. Джейк и его мама так сильно пеклись о здоровье беременной Эмилии, что буквально разгрузили её, перенея семьдесят процентов заботы о Джесс на себя. Эмилия стала высыпаться, лучше питаться и больше гулять, однако нервы у нее откровенно шалили на фоне всей этой кутерьмы с Эмметтом и повторной беременности после недавних родов. Она иногда просто хотела поплакать или посмеяться. Однажды она нешуточно сильно врезала Джейку в торс из-за того, что он забыл взять с собой на прогулку бутылочку Джесс, и сразу же сказала, что он лапочка. Гормоны у нее явно скакали, но Джейк умело сглаживал все заскоки моей старшей сестры одной лишь своей улыбкой. Судя по его стойкости, он был готов к тому, что через полгода станет отцом сразу двух младенцев, и параллельно будет нянчиться с женщиной, у которой будет сносить крышу от кормления грудью и желания понюхать ежа. Не знаю почему, но в Джейке я была куда более уверенной, нежели изначально была уверена в Эмметте.

Отношения Мэрилин и Роланда хотя и не наладились, но стали более терпимыми. Роланд стал меньше гонять Мэрилин по дому, позволяя ей тихонько посидеть с нами в палисаднике и даже однажды сыграл с ней в шахматы, после чего отказался повторять «игру с пятилетним ребенком». Блондинка стала более уверенно вести себя в доме, и я даже не заметила, как основную опеку над Софи она взяла на себя. Эти две девочки так сильно сдружились друг с другом, что в последнее время я начала чувствовать себя третьей лишней в их компании. Со стороны казалось, будто Софи родная дочь Мэрилин — так сильно они были похожи между собой, только одна была кокеткой, а вторая тихоней. Из-за очевидной паранойи я один раз в месяц таскала Софи в поликлинику, чтобы проверить состояние её здоровья, и всякий раз с замиранием сердца ожидала результатов, которые регулярно оказывались хорошими. Заботами Мэрилин, Дэвида и мамы, за эти два месяца я вошла в весовую норму и теперь обладала даже более красивым телом, чем прежде. Так что к началу августа я уже чувствовала себя секс-символом нашего города, как и обещала мне Мэрилин, когда она только начинала организовывать наши пробежки.

Мои незначительные приступы удушья окончательно сошли на нет. Подозреваю, что это напрямую связано с волшебными бабочками в моем животе, которых оживляли взгляды и прикосновения Роланда. К началу августа я уже знала на все сто процентов, что влюблена в этого мужчину, вот только всё еще боялась, что эта сказка закончится быстрее, чем я смогу ей насладиться.

Сегодня, после недельного пребывания Роланда в Лондоне и его долгожданного возвращения, мы почти не отрывались друг от друга, целуясь словно заведенные. Я сидела у него на руках, упиравшись спиной в руль и удивляясь тому, как до сих пор умудрилась сохранить свою девственность с этим мужчиной. Кажется, еще чуть-чуть и я сдамся, совершенно забыв думать о том, чем это может для меня обернуться.

И всё-таки Рик с Тэмми уговорили родителей погостить у них до сентября вместе с двойняшками. Папа купил билеты, оформил отпуск и даже обновил с мамой гардероб, но они всё равно до последнего сомневались в своем решении, пока Тэмми не напомнила им о том, что выставка её картин закончится буквально через пять дней. Было решено, что дедушка с собаками поживут некоторое время у Сэм, так как у Эми хватало забот с Джесс, а я постоянно пропадала на работе и не могла позаботиться о регулярном питании деда. Дэвид и Сэм весьма неплохо восприняли эту идею, желая, наконец, отправить родителей за океан, и настаивая на том, что деду на диване в их гостиной будет более чем удобно — они организуют ему тепличные условия. Правда Саманту настораживала шерсть от щененхундов, однако Дэвид утешил её, заверив, что он справится как с шерстью, так и с выгулом собак — всё равно ему делать было нечего, а он терпеть не мог собственного безделья. В последнее время он уделял много времени выбору машины, но после её покупки совершенно не знал, куда распихать всё своё свободное время, кроме как на занятия в тренажерном зале и заботу о Сэм. Таким образом родители впервые в жизни решились на отдых за пределами Британии (за исключением того случая, когда десять лет назад они отправились в Париж, чтобы навестить попавшего в реанимацию крестного отца Дэниела, оставив нас на попечение дедушке с бабушкой).

— Значит, они уезжают, — отложив газету, посмотрел на меня Роланд. Мэрилин играла с Софи в палисаднике, а я удалилась в кабинет к своему парню, под предлогом обсуждения с мистером Олдриджем устройства Софи в детский сад. На самом же деле мы просто заранее договорились остаться сегодня наедине.

— Да, завтра, — выдохнула я, наблюдая за тем, как Роланд медленно обходит стол, чтобы присесть на него, после чего он взял свой правый локоть в левую ладонь и потер висок указательным пальцем правой руки. — Так что по ночам мне теперь не придется тайком сбегать из дома, чтобы встречаться с тобой.

— Хммм... — многозначительно выдохнул Роланд, после чего притянул меня к себе за предплечье. Когда его колени оказались у меня между ног, я мысленно перепроверила, точно ли закрыла дверь. — Замечательно, — вдруг произнес он.

— Что именно? — прищурилась я, чмокнув своего работодателя в губы.

— Завтра ведь суббота?

— Угу, — снова чмокнув его, отозвалась я.

— Наконец-то мы переспим, — серьезно заявил он, и я замерла, глядя ему в глаза.

— А если я не хочу?

— Хочешь, — самоуверенно ответил Роланд, положив руки мне на бедра. — Мы переспим, даже если это придется сделать в добровольно-принудительном порядке. Я еще никого не

лишал девственности, но слышал, что это болезненный процесс, поэтому решил предупредить тебя заранее о том, что кое-кому придется пострадать этим субботним вечером. Я заеду за тобой в семь часов.

— Но рабочий персонал поместья...

— Мы отправимся в Лондон, на мою квартиру.

В этот самый момент, когда я поняла, что тянуть время больше некуда, в моем животе закружилось нечто в виде вихревой воронки и продолжало кружиться все следующие сутки.

Придя домой, я вспомнила слова Мэрилин о том, что женщина должна носить исключительно комплектное белье и уже спустя пятнадцать минут обшаривания шкафа я поняла, что у меня есть только несовместимые лифчики с трусами. Проводив родителей к такси, я впервые отужинала в нашем доме в полном одиночестве, но мне было не до чувства одиночества. Всю ночь я ворочалась на своей раскладушке, и заснуть мне удалось только под утро, когда часы пробили пять часов.

Проснувшись в десять, я умылась, позавтракала и неожиданно ощутила давящую тишину родительского дома, который всегда отличался своим шумом. Пересчитав свои деньги, я обрадовалась тому, что Роланд дал мне сегодня выходной. Мэрилин же и вовсе была на седьмом небе от того, что сегодня останется наедине с сыном.

Уже спустя три часа я возвращалась домой с обновками. В местном магазине нижнего белья выбор был настолько невелик, что когда я всё-таки подобрала себе что-то более-менее приличное, я словила себя на мысли о том, что успела вспотеть. По приходу домой я в очередной раз приняла душ, накрутила локоны, перебрала гардероб и решила, что надену белоснежную блузку с потертыми джинсами, купленными мной в прошлом месяце. Оставшийся день прошел как на иголках. В животе у меня постоянно порхало нечто большее, чем стайка милых бабочек, а когда часы пробили семь, мои ноги и вовсе начали трястись. За весь день мы с Роландом ни разу не созвонились и даже не списывались, что для нас было весьма необычно. Когда же его автомобиль остановился напротив моего дома, я подскочила с дивана, взяла с собой свою самую большую сумочку, в которой было «всё самое необходимое для экстренного случая», и, поправив макияж, вышла из дома, трижды проверив, закрыла ли я дверь.

— Привет, — улыбнулся Роланд и хотел меня поцеловать, но вовремя вспомнил о конспирации при соседях и отстранился, пожав мою ладонь. — Ты не только бледная, но и ледяная. Только не говори, что ты переживаешь.

— Нет, — нервно улыбнулась я и сразу же осознала, что я законченная тупица.

— Я всё продумал — сегодня я тебя не трону, — разворачивая машину, спокойно улыбнулся Роланд. — Даже не буду целовать, чтобы не искушать. Так что можешь расслабиться. Сегодня мы поужинаем, посмотрим фильм, поедим попкорн и ничего больше. Завтра погуляем по Лондону, займемся шопингом и вечером кое-чем еще. Пойдет?

— Замечательно, — с облегчением выдохнула я, на сей раз правдиво улыбнувшись. — Да, так будет лучше. Я сегодня вся на иголках, а так ничего не выйдет. Поэтому, да — завтра будет лучше.

— Это не так страшно, как кажется, — еще шире заулыбался Роланд. — Проснувшись в понедельник, вообще не будешь этого бояться.

•
○ *

Через час мы уже были в Лондоне. Роланд заехал в ресторан, чтобы забрать заказ, который он сделал заранее, после чего мы отправились в его квартиру. Я узнала этот дом сразу — два года назад Роланд, я, Мартин и Доротея заезжали сюда, чтобы припарковать машину и пересесть на такси, которое доставило нас до аэропорта Хитроу.

Мы поднялись на последний, двадцатый этаж, и оказались на просторной лестничной площадке с блестящим полом из плитки цвета слоновой кости и тремя дверями в три разные квартиры. Дверь Роланда оказалась справа от лифта и уже через несколько секунд я зашла в просторную прихожую, соединенную с гостиной. После заявления Роланда о том, что на сегодня «экстрим» отменяется, и меня даже не будут искушать поцелуями, я совершенно расслабилась, что позволило мне спокойно изучать квартиру, пока мой парень раскладывал еду по тарелкам. Квартира состояла из просторной гостиной (за панорамными окнами которой располагался длинный, широкий балкон), комнаты для гостей, отдельного санузла с джакузи, уютной кухни и спальни, с роскошной двухместной кроватью.

Выйдя из спальни, я направилась к уже накрытому столу, находящемуся в гостиной.

— И многих женщин ты приводил в свою берлогу? — не знаю почему, но меня этот вопрос сильно интересовал.

— Почему сразу берлогу? Я думал, что у меня вполне приличная квартира.

— Уходишь от ответа? — сев на свое место за столом, улыбнулась я.

— Ни одной и я не вру, — откупорив бутылку с вином, ответил Роланд.

— И почему же?

— Искал ту, которую можно будет привести в свой дом не для того, чтобы совратить, хотя и для этого тоже, а для того, чтобы накормить. Только с вином поаккуратнее — я знаю побочные действия его содержания в твоей крови, так что сегодня не больше ста грамм.

Во время ужина мы весело болтали о Лондоне и его бурной жизни, глядя в панорамное окно и наслаждаясь облаками, окрашенными последними лучами солнца. Закончив ужин в десять часов, я осталась довольна тем, что умудрилась не переест, и мы отправились на кухню. Вымыв посуду, следующие пятнадцать минут мы выбирали фильм, после чего остановились на волейбольном матче, в котором играли «Медведи» против «Синих котов». Естественно

мы поставили на две разные команды и естественно выигрывали именно «Синие коты», потому как на них поставил Роланд.

— Так нечестно! — заявила я, когда первый тайм был сыгран в 15:8. — Ведь «Медведи» вели, когда я делала на них ставку и сразу сдали позиции после того, как ты поставил на «Котов».

— Просто я умею видеть победителя.

— Просто ты хвастун, которому часто везет, — улыбнулась я, отобрав у Роланда пульт. Мы сидели на полу, облокотившись спинами о диван, и пытались предугадать дальнейшее развитие событий, но я постоянно лажала.

— Эй, ты что делаешь! — возмутился Роланд, когда я не выдержала и переключила канал.

— Будем смотреть «Шерлока».

— Это значит, что ты проиграла.

— Вот еще!

Мы посмотрели «Шерлока» и приступили к просмотру какой-то современной мелодрамы, когда часы пробили полночь.

— Всё-всё-всё, пора спать, — заявил Роланд, потянувшись.

— Эй, до концовки осталось не больше пятнадцати минут.

— Не обязательно это досматривать, чтобы узнать, чем всё закончится.

— Ты еще и прорицатель? И чем же закончится?

— Могу показать, — ответил он, после чего слегка наклонился и поцеловал меня в губы. Мы не целовались целые сутки, и только сейчас я поняла, что соскучилась по его горячим губам и его теплому дыханию. Я смогла остановиться лишь тогда, когда поцелуй стал настолько страстным, что я начала чувствовать вожделение. В этот момент вспомнив, что мы условились не целоваться, чтобы не провоцировать друг друга, я слегка отстранилась.

— Что ты делаешь? — тяжело дыша, спросила я.

— Искушаю тебя, — продолжил целовать мои губы Роланд. Почему-то я не могла заставить себя сопротивляться. Неожиданно он обнял меня за талию и, оттолкнувшись от дивана, резко встал, потянув меня за собой. Впервые за всё время он так сильно прижимал меня к себе, давая ощутить всю мощь своих крепких рук и понять, что здесь и сейчас главенство принадлежит именно ему. Мы постепенно передвигались в сторону спальни, Роланд всё страстнее впивался в мои губы, а я начала отвечать ему с неизвестной мне опаской. Когда мы оказались напротив кровати, рубашка на мне уже была расстегнута, а джинсы

приспущены, однако я не расстегнула ни пуговицы на Роланде, отчего он на мгновение отвлекся, чтобы самостоятельно расстегнуть свою рубашку, после чего перешел на ремень.

— Подожди, — тяжело дыша, сделала шаг назад я и, остановившись из-за кровати, в которую уткнулась ногами. — Ты ведь обещал сделать это завтра.

— Я и делаю это завтра, — наконец сняв с себя рубашку, ответил Роланд, и я замерла, впервые увидев его идеальный торс голым. В спальне было достаточно темно, но свет полнолуния позволял видеть некоторые подробности происходящего. — Завтра наступило пару минут назад — сразу после полуночи.

Легким движением руки, стянув с меня уже расстегнутую рубашку, он, притянув меня к себе, прижался ко мне своим горячим телом, чем заставил меня глубоко вздохнуть от раздавшегося фейерверка внизу моего живота. Я всё еще не могла до конца расслабиться, но, по-видимому, Роланд уже не о чем не думал. Слегка подтолкнув меня, он заставил меня упасть навзничь, после чего мгновенно навис надо мной. Движение его горячего тела над моим, скольжение его рук и поцелуи заставили меня забыть уже спустя несколько секунд. Это безумие продолжалось не дольше пары минут, после чего Роланд встал, чтобы стянуть с меня уже приспущенные джинсы и окончательно снять свои. На это ушло не больше десяти секунд, однако этого времени хватило, чтобы я снова начала сомневаться, но он снова навис надо мной, только на сей раз, чтобы переложить меня на подушки. Когда спустя несколько секунд он расстегнул мой лифчик, мне стало не по себе, но когда с меня были спущены трусы, я поняла, что совершенно не понимаю, что происходит. Спустя несколько минут Роланд включил прикроватный торшер, который загорелся теплым светом, и потянулся к упаковке презервативов. Я воспользовалась его отвлеченностью и, просунув руку под одеяло, чтобы приподнять его край, нырнула под него, скрыв своё голое тело. В следующую секунду я поняла, что Роланд уже тоже находится под одеялом и стоит на предплечье справа от меня.

— Зачем тебе одеяло?

— Пффф... Может быть, выключим свет?

— Может быть, предложишь отложить наш секс еще на неделю?

— Было бы неплохо, — ответила я, вдруг поняв, что действительно этого хочу.

— Не собираюсь тебя сегодня слушать, — гулко выдохнул Роланд, резко подмяв меня под себя. Он так неожиданно снова оказался на мне, что я даже не успела до конца осознать этого.

— Роланд, подожди...

— Тихо, — попросил он, поцеловав меня в губы, — расслабься.

— Пффф...

— Просто для начала раздвинь ноги.

— Роланд, давай...

— Раздвинь ноги, Глория, — настойчивее повторил он, после чего, просунув правую руку мне под поясницу и потянув за бедро, резко спустил меня с подушки, заставив меня охнуть.

Глава 78. Впечатления

Более дикой ночи в моей жизни не было. Кажется, мы занимались этим час, после чего я отключилась сразу после того, как коснулась щекой мягкой подушки.

Я проснулась от телефонного звонка в пять утра. Роланд привстал, чтобы покопаться в карманах своих джинс, лежащих на полу возле кровати, после чего, наконец, отключил мобильный. Когда он снова лег на подушку, мы встретились взглядами, но лучше бы я притворилась спящей. Он нежно поцеловал меня, а уже спустя пятнадцать минут снова нависал надо мной всем своим телом. На сей раз всё происходило не так, словно мы взрываемся от страсти, а так, словно нас душит нежность. Этой ночью Роланд был со мной как никогда страстен и одновременно как никогда нежен. Уже спустя час я чувствовала себя дважды выжатым лимоном и снова отключилась едва Олдридж с меня слез, поцеловав в щеку.

•
○ *

Впервые спросонья я не могла понять, где именно нахожусь и почему так странно себя чувствую. Наконец поняв, что лежу под одеялом абсолютно голой, я накрылась по подбородок и осмотрелась вокруг. Роланда рядом не было, как и нашей разбросанной одежды. Еще секунда и я бы начала паниковать, думая о том, что меня кинули, но Роланд зашел в комнату прежде, чем я впала в истерику. В одной руке он держал небольшой поднос, а во второй телефон, в который смотрел хмуря брови. Он заметил, что я проснулась лишь тогда, когда подошел к кровати впритык. Заулыбавшись, Роланд поставил поднос рядом с кроватью, после чего потянулся ко мне, чтобы поцеловать.

— Как спалось? — хитро улыбнулся он.

— Как никогда, — сонно вздохнула я.

— А я тебе завтрак принес. Правда я не до конца его продумал, поэтому тебе придется довольствоваться круассанами с чаем, прости.

— Идеальный завтрак, — попыталась улыбнуться я, но поняла, что делаю это слишком вяло.

— Можно мне для начала одеться?

— Держи, — подняв с пола свою рубашку, вздохнул Роланд. — Твоя одежда в стирке.

— Она ведь чистая.

— И что? Это отличный повод поглазеть на тебя в своей рубашке.

— Отвернись, пожалуйста, — поджала губы я.

— Сомневаюсь в том, что в тебе осталось хоть что-то, чего я не видел, — широко заулыбался Роланд, но всё же отвернулся. — На сегодня объявили штормовое предупреждение, и за окном уже моросит, так что прогулка по Лондону отменяется.

— Отлично, — тяжело выдохнув, отозвалась я, всем своим телом чувствуя истощенность. — Сколько время?

— Десять часов.

— Пффф... — спустив ноги с кровати и сев рядом с Роландом, тяжело вздохнула я, после чего положила свою голову на его мощное плечо, облаченное в черную рубашку. — Предпочитаю вообще сегодня не шевелиться, но от завтрака и теплого душа точно не откажусь.

— Неужели я тебя так сильно измотал?

— Я тебе больше скажу — ты меня чуть не убил, но это было... Превосходно. Почему ты раньше не совратил меня?

•
○ *

После завтрака и теплого душа я, в рубашке Роланда, разлеглась на диване в гостиной, где мы успешно и провели весь оставшийся дождливый день, развлекая себя игрой в плейстейшен. Около пяти часов вечера мы заказали пиццу, после которой у меня резко поднялось настроение, и я снова начала чувствовать себя бодрой. Моя бодрость не прошла мимо Роланда незамеченной и уже в десять вечера из меня снова выжали все соки, но на сей раз, я отключилась не сразу.

— После этого будет грустно лежать на своей раскладушке, в своей пустой комнатке, — призналась я.

— Переезжай ко мне, — поцеловав меня в макушку, предложил Роланд, и я подняла голову, чтобы посмотреть ему в глаза, после чего весело улыбнулась.

— Ты предлагаешь нам съехаться?

— Я предлагаю нам не только съехаться... — начал мой парень, но я приложила указательный палец к его губам, тем самым заставив его замолчать.

— Нам стоит еще пожить отдельно друг от друга.

— Зачем? — удивленно поднял бровь Роланд.

— Неужели я так хороша в постели? — засмеялась я.

— Ты бесподобна.

— Ты тоже, — потянувшись, причмокнула я и, перевернувшись на правый бок, оставила Роланда за своей спиной.

— Как хорошо, что тебе не с чем сравнивать, — пощекотав своим дыханием моё левое ухо, он, притянув меня к себе впритык и, обняв, вдохнул запах моих волос.

— А это хорошо, что тебе есть с чем?

— Мне не с чем сравнивать, — продолжая дышать мне в шею, отозвался Роланд. — У меня есть только ты и ты должна понимать, что кроме меня у тебя никого не может больше быть.

После этих слов я уснула, улыбаясь самой себе.

•
○ *

В понедельник, мы вернулись в поместье вместе, приехав в семь утра, чтобы никто из персонала не смог нас заметить. Вставать в половину шестого, чтобы позавтракать сэндвичами, спуститься на холодную подземную стоянку и выехать обратно в провинциальный, серый город, было невыносимо сложно. Я заранее предупредила Мэрилин о том, что сегодня пробежка отменяется и мне необходимо прийти на работу пораньше в связи с устройством Софи в детский сад, так что сегодня мы с ней должны были встретиться уже в поместье. До девяти часов я провалялась на диване в кабинете Роланда, наслаждаясь его поглаживанием моих ног. Когда он увидел идущую по переднему палисаднику Мэрилин, я тяжело выдохнула, села к нему на руки, обняв его торс ногами, и, после страстного поцелуя длиной в минуту, отправилась в сторону домика Мартина, всё еще ощущая дрожь в коленях. Неужели мы и вправду навсегда будем вместе?

Глава 79. Брэндон

Я пришла к Мэрилин в семь часов утра ради очередной порции утренней пробежки и застала её с бигудями на голове. Зрелище было непривычным, так как обычно в это время она уже была готова покорить мир, ну или минимум пробежать пару километров без остановки.

— Что случилось? — с порога поинтересовалась я.

— Я вчера с Брэндоном поругалась. А ведь мы больше двадцати лет вместе и за всё это время ни разу так сильно не ссорились.

Оказалось, что причиной ссоры послужило длительное отсутствие Мэрилин в жизни её благоверного. Её муж категорически отказывался понимать, почему его возлюбленная уже четыре с половиной месяца находится на другом континенте и не может приехать хотя бы на выходные. Мэрилин была настолько огорчена, что мне буквально пришлось её переодевать и

стаскивать с нее бигуди. В итоге мне пришлось созвониться с Роландом, чтобы отпроситься на сегодня, и с Дэвидом, чтобы попросить о психологической поддержки.

Дэвид с Сэм были на пороге квартиры уже спустя полчаса, и мужчина явно был не в восторге от того, что его «жемчужине» пришлось перекачивать свой живот на третий этаж без лифта. Их недавнее УЗИ снова провалилось и все уже всерьез начинали думать, что о поле ребенка родители узнают только после родов. В поддержку блондинки пара принесла вкуснейший пирог из семги и следующий час мы втроем пытались успокоить рыдания Мэрилин, которая никак не могла остановить свои горькие слёзы. Впервые она сорвалась на жалость к себе, начав с рассказа о жутких жилищных условиях, на которые она променяла апартаменты в Нью-Йорке, и, закончив тем, что Роланд до сих пор не то что ни разу не назвал её мамой, но даже не старался говорить с ней с «душевной теплотой». Мы в ответ только и могли, что тяжело вздыхать и поглаживать зарёванную Мэрилин по спине. Даже Дэвид пару раз постарался её подбодрить, а ведь он не сильно жаловал блондинку. Он не понимал, как можно быть стопроцентной кокеткой и иметь такой высокий коэффициент женской глупости, но он ценил её рвение к спорту, поэтому изо всех сил старался быть с ней снисходительным, что у него не всегда получалось. Дэвид характеризовал Мэрилин следующими словами: «Душевная, глупая, ветреная, до приторности мило хихикающая кокетка с детскими понятиями о жизни».

Когда Мэрилин перешла ко второй упаковке носовых салфеток, в дверь раздался звонок.

— Наверное, это Конни со второго этажа, — всхлипнула Мэрилин. — Она вчера одолжила у меня пятьдесят фунтов.

Я встала со своего места и прошествовала из кухни к входной двери, а когда, открыв дверь, увидела перед собой гостя — у меня чуть челюсть не отвисла. Передо мной стоял мужчина лет тридцати пяти, со стрижкой «помпадур» и идеально уложенной, коротко подстриженной бородой-якорь. Он был настолько слащаво-вылизанным, что на фоне него я вдруг почувствовала себя запущенным чучелом.

— Эмм... Могу ли я увидеть Мэрилин Пасс? — с ужасным американским акцентом, который буквально резал мои уши, поинтересовался мистер «Глянцевое лицо».

— Эм... Гхм... Да, — ответила я и, наконец, пропустила мужчину в гостиную. Он был в сером костюме от Бриони, на правом предплечье у него висело пальто, а в руке он держал коробку, предположительно с кондитерскими изделиями.

— Дорогой, — всхлипнула появившаяся в гостиной Мэрилин, после чего я поняла, что передо мной стоит «тот самый» Брэндон.

— Любимая, прости меня, я был не прав, — выдохнул он, после чего парочка заключила друг друга в объятия. — Я винил тебя в том, что ты уехала, хотя сам мог к тебе приехать на уик-энд. Теперь я вижу, в каких ужасных условиях ты живешь. Ты жертвуешь всем, ради своей цели и я восхищаюсь этим. Я привез тебе твои любимые лимонные пирожные...

За происходящим я наблюдала у входа на кухню, стоя рядом с Дэвидом и Сэм.

— И всё-таки у него ужасный акцент, — прошептала я, задумавшись над тем, что маленькая, старенькая квартирка и вправду не лучший вариант для такой экзотики, как эта парочка.

— Нам нужно еще одно место на свадьбу, — таким же шепотом отозвалась Сэм, обратившись к Дэvidу.

— У него что, ногти покрашены? — фыркнул Дэвид. — Вот что бывает, когда связываешься с таким типом женщин. Дорогая, пожалуй, тебе стоит держаться от нее подальше, вдруг это заразно?

Посмотрев снизу вверх на Дэвида, я поняла, что он словно перевернутое отражение нашего гостя — стопроцентный брутал.

— Позвольте представить вам моего красавчика, — наконец повернувшись к нам, всхлипнула покрасневшим носом Мэрилин.

Следующий час мы пили чай с пирогом из трески и лимонными пирожными, и слушали новости из Нью-Йорка, пока Сэм не начала активно зевать. В последнее время она страдала сонливостью, отчего дремала в любой удобный и не очень удобный момент. Дэвид решил воспользоваться предложением дневного сна и ретировался, по-дружески прихватив с собой и меня. Когда мы спустились на первый этаж, Сэм нахмурилась, почувствовав сильные толчки в животе. До родов оставалось всего два месяца, поэтому Дэвид был как на иголках, опасаясь преждевременных схваток. Сэм же воспринимала всё куда более просто, хотя никак не могла смириться с тем, что так сильно округлилась. В особо гормональные дни она даже плакала, называя себя бегемотихой. Глядя на эту пару я была уверена в том, что у них всё получится, чего я не могла сказать о нас с Роландом. Достаточно ли лишь любви, чтобы преодолеть разрыв между нашими социальными статусами?

- - *

Родители вернулись из Австралии вчера вечером и были в полном восторге от жизни, которой жила их младшая дочь. Единственное, от чего они не были в восторге — это от того, что пара пока не собирается заводить детей. Дед же напротив утверждал, что им еще рано обзаводиться потомством: «Даже я на Пэт не так быстро женился. Ведь дни знакомства Рика с нашей Тэмми можно на пальцах сосчитать», — говорил он. И я была с ним полностью солидарна — они были еще слишком молоды для того, чтобы заводить детей, и обладали достаточным количеством времени, чтобы пожить для себя. И вообще, в последнее время я старалась во всем поддерживать деда. Сегодня я даже словила себя на мысли, что мне стыдно перед ним за то, что я постепенно начинаю принимать уход Мартина, в то время как он носит бабушкин слуховой аппарат, чтобы ощущать потерянную с ней связь.

Весь август Роланд настаивал на обнародовании наших отношений, но всякий раз мне удавалось убедить его в том, что пока в этом нет необходимости, потому как это только

усложнит нам жизнь. Однако, после возвращения родителей из Австралии, Роланд словно начал взрываться от желания закричать во весь голос о том, что мы спим друг с другом и, причем, делаем это с завидной регулярностью. Мне приходилось буквально умолять его молчать, но я понимала, что с каждым днем мне будет всё сложнее его сдерживать.

Глава 80. Свадьба. Дэвид-младший. Сохранение

Третье сентября порадовало нас погодой. На четвертое число объявили штормовое предупреждение, поэтому в течение всего дня мы опасались его преждевременных признаков, однако, солнечные лучи были на нашей стороне и свадьбе Дэвида с Самантой в итоге ничего не помешало. Торжество в стиле бохо в загородном особняке, расположенном посреди леса, оказалось даже более удачной идеей, чем я предполагала. Подвесные качели на каштановых ветвях, оплетенные нежно-розовыми цветами, огромные ловцы снов, кружевные пледы и разнообразные декоративные фонарики, светящиеся от бледно-голубого до ярко-розового цветов — всё это придавало свадьбе некую мистическую, сказочную загадочность, особенно с наступлением сумерек. Гостей оказалось немногим больше, нежели изначально предполагалось, так как многие друзья Дэвида приняли приглашение немногим позже положенного. Джейк с Эмилией, дедушка и двойняшки сидели за столиком напротив нашего, за которым кроме меня расположились приехавшие накануне Рик с Тэмми, родители и Роланд. Мэрилин с Брэндоном сидели за противоположным столом, в компании мамы Джейка и крестных Дэвида, и, судя по громкому смеху, за их столиком процветало безудержное веселье — естественно, ведь в эпицентре событий находилась сама Мэрилин!

Саманта уже месяц как походила на перекатывающегося колобка, отчего танец жениха и невесты сейчас зашкаливал по милоте. Я даже прослезилась, наблюдая за тем, как Дэвид тянется через огромный живот своей невесты, чтобы поцеловать её в лоб.

С наступлением первых сумерек, сразу после танца новобрачных, последовала самая интересная часть торжества — разыгрывание букета. Папа официально попросил Роланда спрятаться под стол, чтобы он снова не отхватил заветный приз, и попросил Сэм кидать с меньшей силой, чтобы Роланд в итоге не заработал сотрясение мозга. После всеобщего смеха, толпа из двенадцати девиц, включая меня, скучковалась за спиной Саманты, которая весело мне подмигнула, заставив остальных участниц напрячься. И всё же, как бы сильно меня не оттесняла высокая красноволосая девушка в коротком платье-футляре, букет из пионовых роз чудесным образом влетел прямо мне в руки.

— Ну, наконец-то!!! — буквально прокричал отец, закатив глаза и подняв руки к небу. — Роланд, твой черед настал!

Из-за отца мне пришлось быть пунцовой все следующие полчаса, пока фаер-шоу и смешки рядом сидящей Тэмми не остались позади. Когда настало время танцев, все быстро разбились на пары и только несколько человек, включая меня с Роландом, остались на своих местах. Сидящей напротив меня Роланд слегка нагнулся вперед, подперев подбородок ладонью, и начал перекиривать музыку.

— И почему мы не можем потанцевать?

— Потому что это вызовет слишком много разговоров. Как твой подарок.

— Они ведь сами просили не дарить ничего из того, что не смогли бы перевезти в своем доме на колесах. Всего-то один слиточек золота...

— Это не слиточек — это слитище. Если его перепродать — можно на лет десять забыть о работе.

— С этой целью я его и подарил. Надеюсь, они скоро его обналичат, — ответил Роланд, неожиданно встав и подойдя ко мне.

— Что ты делаешь?

— Вставай, — потянув меня за руку, произнес Олдридж. — Мы идем танцевать.

Если бы я начала сопротивляться, тогда определенно привлекла бы к нам еще больше внимания и точно выдала бы нас за считанные секунды. Мне пришлось согласиться, но я была не в восторге от инициативы своего партнера. Единственная мысль, которая меня подбадривала, была о том, что танец не продлится дольше двух минут.

— Мне иногда кажется, что ты стесняешься меня представлять своим родственникам в качестве своего...

— Тшш... Молчи, — прошипела я. — Нас могут услышать.

— Так и знал. Ты стесняешься меня. Я изначально подозревал, что ты воспользуешься мной и бросишь сразу после того, как добьешься своего. Все вы девушки одинаковые и на уме у вас только одно — как затащить парня в постель.

— Скорее я стесняюсь себя, — засмеялась я, после столь трогательной речи своего парня.

— Не вижу логики.

— Достаточно ли лишь любви, чтобы преодолеть разрыв между нашими социальными статусами?

— Только нашей любви, — улыбнулся Роланд, после чего подхватил меня за талию, резко закружив и, на последней секунде мелодии, неожиданно впился в меня губами, в итоге отстранившись от меня лишь спустя десять секунд.

— Да-а-а! — взревел папа где-то у меня за спиной, после чего послышался его пронзительный свист. Только сейчас я поняла, что все присутствующие уже давно смотрят на нас. — Наконец ты нормально станцевал с моей дочерью!

— Я Вашу дочь уже давно танцую, — прыснул смехом Роланд, прижимая меня к своему

правому боку, тем самым заставляя меня краснеть еще сильнее.

— Воу-воу-воу! — только и смогла выдавить восторженная Сэм.

— Как давно?! — округлила глаза Мэрилин. — Почему я не знала?! Глория, мы ведь лучшие подруги!!!

Роланд весело посмотрел на меня, и я решила воспользоваться его хорошим настроением, подавив свой приступ смущения:

— Ты последний из Олдриджей, но Мартин не был единственным твоим родственником. У тебя есть Мэрилин.

Обычно Роланд в штыки воспринимал любую информацию, которую я пыталась ему влить в уши по поводу его матери, поэтому я удивилась тому, что в ответ на мои слова он вдруг улыбнулся.

— Мэрилин, — весело начал Роланд, — у меня сегодня настолько хорошее настроение, что я... Признаю тебя своей матерью.

Услышав эти слова, Мэрилин запищала и со всего размаха бросилась на Роланда, повиснув у него на шее, чем изрядно его сконфузила.

— Я буду самой лучшей мамой и самой лучшей бабушкой!

— За это звание мы с тобой еще поборемся, подруга, — скрестив руки, вполне серьезно заметила моя мама.

Праздник официально удался: половина гостей плакала от счастья, а вторая половина успокаивала первую.

●
○ *

На следующий день Роланд был приглашен на чаепитие в дом Джейка и Эмили, но на сей раз в качестве почетного гостя. Именно здесь Брэндон был представлен Роланду, так как прежде Мэрилин боялась, что Роланд воспримет в штыки своего отчима. Однако Роланд отнесся к нему весьма лояльно, хотя и радушия не проявил.

— Я всем парням своих дочерей говорю о том, что у них хороший вкус, но не скрываю того факта, что парнишки вляпались по самые уши, — весело говорил отец, сидя на диване напротив Роланда. — Ты, главное, когда влетишь по поводу разбросанных носков или лишней выпивки — смотри ей в глаза. Говорят, что когда жертва смотрит в глаза хищнику, у того притупляется внимание.

— Папа, — прошептала я.

— И вправду, Дерек, — поддержала меня мама, как вдруг уничтожила меня своим последующим вопросом, заданным нам прямо в лоб. — А вы уже переспали?

— Нет, — резко ответила я в один голос с Роландом, который произнес предательское «да».

— Так нет или да? — засмеялся Джейк, пока остальные давились смешками.

— Да, — утвердительно кивнул головой Роланд.

— Нет, — одновременно замахала руками я.

— Минимум пятнадцать раз за прошедший месяц, — не сдавался Роланд, спокойно отпивая чай из своей чашки.

— Наконец тебя лишили девственности, — сдвинула брови мама.

— Она была девственницей? — округлил глаза Джейк.

— Чистейшей, — всё тем же, совершенно спокойным тоном отозвался Роланд, и я поняла, что от меня уже можно прикуривать — настолько я успела вскипеть за прошедшую минуту.

— Нужно было раньше принимать приглашение Рика и Тэмми, чтобы оставить этих двоих наедине, — вздохнул папа, после чего снова перевел взгляд на Роланда. — И всё же, крепись. Знай, что самое сложное тебя еще ждет впереди и поджидает оно тебя в виде моей дочери со сковородой в правой руке. Ты бы знал, какой хук справа у её матери! У-у-у... Боль! Более чем уверен, что Глории передался этот редкостный дар.

— Дерек, что ты такое говоришь, — возмутилась мама, пока остальные пытались сдерживать слезы, выступающие от надрывного смеха.

— Та-да-да-а-ам! — неожиданно ворвалась из улицы в гостиную Саманта, с улыбающимся мужем рядом. — А мы кое-что узнали!

Все замерли, во все глаза смотря на сияющую пару, только что вернувшуюся из Лондона.

— У нас будет Дэвид-младший, — широко улыбнулся Дэвид.

— Мальчик?! — воскликнула мама. — Это будет мальчик! Вы назовете его Дэвидом-младшим?

Женщины начали водить хороводы вокруг счастливой Саманты, пока я пыталась уговорить папу перестать отпускать шутки в мой адрес.

Вечер был замечательным и уже подходил к концу, когда Эми неожиданно поморщилась, схватившись за свой округлившийся живот. Я была первой, кто это заметил и уже спустя минуту все дружно грузили в джип Роланда Эмилию, пребывающую в полубморочном состоянии. Всей толпой мы ворвались в больницу, и следующие полчаса толпились в

коридоре, медленно расхаживая в разные стороны. Казалось, что больше всех напрягся именно Дэвид, который изо всех сил пытался отвлечь Саманту от произошедшего, что у него почти не получалось.

Наконец к нам вышел доктор и, подойдя к бледному Джейку, сообщил будущему отцу, что на сей раз опасность миновала, но это не значит, что всё и дальше будет хорошо. Эмилия была на четвертом месяце беременности и, судя по всему, беременность у нее намечалась не из легких. Отчасти это было связано с маленьким разрывом между предыдущими родами и наступившей новой беременностью, отчасти из-за стрессов, которые она пережила в последнее время. Во всяком случае, всё сводилось к тому, что Эмилия должна оставшиеся пять месяцев беременности соблюдать постельный режим. Для безопасности будущей матери и безопасности плода было бы лучше, если бы Эми пролежала оставшийся срок на сохранении в больнице.

Новость была не обнадеживающей, однако узнав, что с ребенком и его развитием всё в полном порядке, все с облегчением выдохнули. Уже спустя полчаса Роланд организовал перевод Эмилии в лучшую поликлинику Лондона с vip-палатой и персональным обслуживанием.

Этот вечер поселил в моем подсознании неуловимое переживание, природу которого я не могла себе пояснить, как и не могла его унять. Я смотрела на Роланда, и моё сердце билось учащеннее, словно боясь чего-то, о чем я пока еще ничего не знала.

Глава 81. Гласность

На следующий день я наткнулась в интернете на разгромную статью с заголовком: «Миллионер и горничная — серьезное БДСМ или мимолетное увлечение?». И всё это дело было украшено фотографией со свадьбы Сэм, на которой Роланд целует меня в губы. Прочтя статью, я вымыла руки, подсознательно желая смыть всю ту грязь, которую на меня вылили из десятилитрового чана презрения. Неожиданно для самой себя я оказалась охотницей за деньгами и марионеткой в руках своего работодателя. Роланд незамедлительно разобрался с этим мелким издательством, буквально стерев его существование в порошок, однако интерес к нашему роману с каждым днем все больше набирал обороты в интернет-пространстве, а под дверью моего дома всё чаще начали появляться бестактные журналисты в компании с бесцеремонными фотографами.

Впервые в жизни я радовалась той непогоде, которой наградил Британию сентябрь. Град, ливень и ветер стали моими спасителями, так как именно подобные дары природы сметали с порога моего дома назойливых мух. Роланд стал по утрам присылать за мной машину с Джонатаном, чтобы хоть как-то уменьшить на меня нападки со стороны прессы, но всё же плохая погода больше способствовала моему спокойствию, нежели бронированный джип. Из-за подобного поворота моих отношений с Роландом страдала вся моя семья: дедушка не мог спокойно выйти из дома, чтобы сходить на кладбище к бабушке, отчего начал чахнуть, мама отказалась от утренних прогулок, папа стал ездить на работу на велосипеде, чтобы не убегать от репортеров на своих двоих, двойняшки прекратили посещение дополнительных занятий, после которых их караулили журналисты, а Дэвид и Сэм переехали в Лондон,

ссылаясь на желание рожать в столице. Только Джейк и Эми не страдали из-за моего романа, так как репортеры, по таинственным причинам, не просекли их связь с моей семьей. Нам даже днем приходилось завешивать шторы на окнах, так как зачастую объективы камер нагло торчали через оставленные щели. Жизнь превратилась в беспорядок.

Сегодня с утра мне снова пришлось отбиваться от наглого бородатого мужика, жаждущего узнать, как именно Роланд впервые проявил свои чувства ко мне — купил кольцо или оформил на меня квартиру?

На фоне развернувшейся вокруг меня шумихи моё настроение, на протяжении всего сентября, было не самым лучшим, из-за чего Роланд стал более напряженным. Как раз в этот непростой период на горизонте появился не самый приятный человек из прошлого — Кэрол. Я увидела её с Роландом из окна гостиной главного дома — они стояли на тротуаре и о чем-то разговаривали. В этот момент в мою грудь впервые вкрутился шуруп «странной» боли. Если это ревность — я больше никогда не хотела её чувствовать.

— Блондинки — стервы, — сощурила глаза подошедшая ко мне Мэрилин, бросив через окно испепеляющий взгляд на Кэрол. — Кроме меня, конечно. Но вот эта вот особа, точно стерва. Ты посмотри — у нее ведь неудачная подтяжка лица! У моего Брэндона и-то лучше... И вообще, мой красавчик выглядит куда более ухоженным, нежели эта фифа на лабутенах.

Я отошла от окна и, взяв Софи на руки, отправилась в домик Мартина, пытаюсь не думать о том, что эта «фифа» куда больше подходит по социальному статусу такому мужчине, как Роланд, нежели какая-то серая нянька.

Тот факт, что Роланд умолчал о своей встрече с Кэрол, меня немного напряг. Мэрилин мыла панорамные окна в доме за моей спиной, а я, сидя за столом на террасе, напряженно смотрела на Роланда, что-то усердно печатающего в своем ноутбуке.

— Что с тобой? — тяжело выдохнул Роланд, посмотрев на меня исподлобья.

— Ничего, — нервно улыбнулась я, тем самым напугав саму себя.

— Пффф... — захлопнув ноутбук, выдавил Роланд. — Вся эта история с журналистами изрядно напрягает тебя, да?

— А тебя нет? Хотя... Это ведь не ты пытаешься наложить лапу на моё богатство...

— Глория, — серьезным тоном оборвал меня Роланд. — Прекрати. Давай на несколько дней уедем в Лондон, отдохнем от излишнего внимания...

— Замечательная идея! — восхитилась подошедшая ко мне со спины Мэрилин, по локоть заляпанная пеной. — Я посижу с Софи, а Вы пока отдохните.

Было решено — завтра вечером мы отправляемся в Лондон. Не могу сказать, что мне сильно от этого полегчало, однако дышать стало немногим легче.

Софи подхватила простуду в детском саду и всю предыдущую неделю болела, поэтому сейчас была на домашнем больничном. Вечером она обнаружила пропажу своего медведя и так сильно ревела, что мне пришлось буквально откачивать её, чтобы она не закатилась. В итоге медведь был найден под диваном, а Софи приобрела хрипотцу в своих голосовых связках. Всё это досталось мне одной, так как Мэрилин ушла сегодня пораньше, чтобы созвониться по скайпу с Брэнданом, а Роланд был занят онлайн-конференцией в своем кабинете.

— Вот видишь, а ты зачем-то плакала, — сев на кровать рядом с засыпающей, но всё еще хлюпающей Софи, погладила её по белоснежной головке я.

— Потому сто он мой лутсый длуг. Ты когда-нибудь теляла лутсего длуга?

Я замерла. Рана, о которой я не вспоминала последние несколько месяцев, внезапно снова начала кровоточить.

— Да, я потеряла лучшего друга. Вот только... Под диваном или кроватью его уже не найти.

На душе было паршиво. Весь тот негатив, который копился на протяжении прошедшего месяца, огромным клубком сорвался с вершины моего сознания и накатил на мою душу.

●
○ *

Мы остановились напротив моего дома, но Роланд не приглушил двигатель. На улице недавно прошел сильный ливень, так что вероятность того, что где-то в кустах притаился папарацци, была минимальна.

— Глория, всё будет хорошо, — выдохнул Роланд, дотронувшись до моего подбородка. Я знала, что он не обратил бы внимание на назойливых мух с фотовспышками, если бы на них не обращала внимания я. Он просто был чувствительной антенной, улавливающей вибрацию моего волнующегося биополя.

— Всё будет хорошо, — ответила я, поцеловав его, после чего вышла из машины.

«Всё ли?» — пронеслось в моей голове, когда я переступила порог родительского дома, ощущая на своей спине тяжелый взгляд Роланда.

●
○ *

С утра я вышла из дома с дорожной сумкой в руках, с полной готовностью отправиться этим вечером в Лондон, и ослепла от фотовспышки прежде, чем успела захлопнуть за собой дверь. Я была уверена в том, что в палисаднике никого не было, так как несколько раз перед выходом перепроверила горизонт, поэтому не была готова к такому развитию событий.

— Глория Пейдж, это правда, что вы являетесь любовницей Роланда Олдриджа? —

буквально прокричала мне в лицо разукрашенная блондинка, и я поняла, что нахожусь в окружении сразу из пяти репортеров. Я съежилась от подобного напора и внезапно мне захотелось плакать, но вдруг увидела, что сегодня за мной приехал не Джонатан. Роланд вышел из машины и буквально оттеснил меня от толпы, усадив на заднее сиденье своего джипа. Сев за руль, он надавил на газ и уже спустя несколько секунд ловко развернулся у соседской калитки. Я же в это время изо всех сил старалась не заплакать от происходящего. Чтобы справиться с подступившими к глазам слезами, я обняла себя руками, стараясь не смотреть на мамин вытоптаный палисадник, откуда на нас таращились назойливые, непрошенные гости. Чтобы успокоиться, я откинулась на спинку сиденья и закрыла глаза, всё еще пытаясь не дать волю слезам, предательски накатывающим на глаза. Когда спустя пять минут я открыла их, я поняла, что мы выехали за пределы города.

— Куда мы едем? — слегка хрипящим голосом спросила я, после чего прокашлялась.

— Планы изменились. Мы отправляемся в Лондон сейчас же, — ответил Роланд, посмотрев на меня через зеркало заднего вида, и я отвела от него взгляд, решив пересесть с середины сиденья на правый бок. Пристегнув себя ремнем, я уткнулась лбом в окно и начала наблюдать за первыми каплями, ударяющимися в стекло нашего автомобиля.

Мы припарковали машину на подземной стоянке в начале одиннадцатого, как раз успев скрыться под землей прежде, чем град вошел в свою силу. Уже поднимаясь в лифте, на четвертом этаже к нам присоединилась семейная пара, доехавшая до восемнадцатого уровня. Словив на себе любопытствующий взгляд женщины, в ушах которых красовались рубины, а на шее висело кольцо из чистого золота, я словно сжалась в размерах. Заметив это, Роланд неожиданно подтянул меня к себе за плечо и, приобняв, поцеловал в макушку. Женщина нервно замигала, встретившись своим глупым взглядом с серьезным взглядом Роланда, после чего сконфузилась и отвернулась. Мне стало легче, но всего на один процент из ста.

После осенней прохлады было приятно принять теплый душ и переодеться в рубашку любимого человека. Роланд уже заварил мне какао с молоком и медом, и ждал меня в спальне.

— Это я виноват, — сдвинув брови, произнес он, когда я села сбоку от него.

— Рано или поздно все всё равно бы всё узнали, — выдохнула я.

•

○ *

Роланд оградил меня от всякой связи с внешним миром, конфисковав мой телефон и возможность управлять пультом от телевизора. Весь день мы смотрели кино-новинки, играли в приставку и ели суши, которые заказали в любимом суши-баре.

Этой ночью мы впервые занимались любовью с невероятно аккуратной нежностью, словно боялись сломать друг в друге что-то невероятно важное.

На следующий день тучи над Лондоном развеялись, забрав с собой и тучи над моей головой, но счастье было недолгим. Я взяла в руки свой телефон, чтобы посмотреть на часы, и увидела обновление в новостях с заголовком: «Вся правда о новом увлечении Р. Олдриджа». Мгновенно нажав на ссылку, я оказалась на странице с фотографией Кэрол, отчего моё сердце забилось чаще. Спустя секунду я поняла, что блондинка дала интервью желтому издательству.

— Значит, это Вы привели Глорию Пейдж в дом мистера Олдриджа?

— Оу, привела — это громко сказано (улыбка). Я её собеседовала. Из сотни кандидаток Роланд остановил свой выбор именно на ней.

— Подождите, Вы ведь только что сказали, что собеседовали Вы, а не мистер Олдридж.

— Так и было, пока он не зашел в мой кабинет вместе с этой девушкой и не сказал, что утвердил её на должность няни в своем поместье. Откровенно говоря, я сразу поняла, что это значит.

— Вы хотите сказать, что роман между ними был еще до того, как мисс Пейдж заняла место в поместье мистера Олдриджа?

— Роман — это громко сказано. На самом деле — это едва ли можно было назвать интрижкой, поэтому я была удивлена, что птица такого полета, как Роланд, ненадолго обратил своё внимание на, извиняюсь, серого воробушка. Однако эта девушка оказалась тонким психологом. Она воспользовалась смертью младшего брата Роланда, чтобы завоевать доверие разбитого горем мужчины.

На этом месте я остановилась. Моё сердце норовило выпрыгнуть из груди, медными набатами откликаясь в моих ушах. Встав с кровати, я незаметно пробралась в туалет, из коридора увидев на кухне Роланда, который заканчивал готовить завтрак. Дрожащими руками, я застегнула на себе рубашку, натянула джинсы и попыталась подвести глаза черным карандашом, но мои руки так тряслись, что я просто сдалась. Встретившись взглядом со своим отражением в зеркале, я, стиснув зубы, замерла. «...Воспользовалась смертью Мартина, чтобы завоевать доверие разбитого горем мужчины...» — эти слова отбивали барабанную дробь в моем подсознании. Встав на колени возле раковины и согнувшись, я прислонила ладони ко рту, чтобы не издать ни единого звука. Слезы катились по щекам ручьем, буквально заливая мои ладони. Я думала о том, насколько правдивы могут оказаться слова этой пустышки. Неужели я и вправду воспользовалась горем Роланда, неужели наплевала на память о Мартине, неужели совершенно обезумела от силы собственной боли?!

До боли жмуря глаза, я простояла на коленях с минуту, пока слезы сами не прекратили течь. Поднявшись с колен, я умыла лицо и поняла, что без макияжа теперь мне точно не обойтись — глаза предательски выдавали моё состояние. Замаскировав основные признаки плохого

настроения и сделав дыхательные упражнения, я, наконец, вышла в гостиную, где Роланд уже накрыл на стол.

После завтрака мне пришло сообщение от Дэвида:

Сегодня, 03.10 в 09.05 на свет появился Дэвид-младший, весом ровно в восемь фунтов! Роды прошли поразительно быстро, все врачи в шоке) Если хотите посетить нас — мы не против. Сделать это можно будет сегодня с 18.00 до 19.00. Адрес поликлиники вы знаете.

Следующую половину дня мы провели в ожидании посещения младенца, наслаждаясь танцами под классическую музыку, игрой в шахматы и нарды, и чтением отрывков из книг, стоящих в библиотеке Роланда.

В шесть часов вечера мы уже стояли у койки Саманты и слушали завораживающую историю отца новорожденного младенца. Дэвид буквально в последнюю минуту решился присутствовать на родах, когда услышал крики своей драгоценной супруги. По итогам у него появилась первая седина и был испепелен пучок нервных клеток, но он ни на секунду не пожалел о том, что решился присутствовать при чуде-рождения собственного крепыша-сына. Дэвид-младший изъявил желание появиться на свет сразу после того, как его мама получила от его папы букет в сорок одну розу, в честь дня своего рождения. Мальчик должен был родиться в конце октября — начале ноября, однако из-за своего быстрого роста решил сделать это немногим раньше и как раз в день рождения Саманты, чем здорово всех удивил.

Сэм выглядела невероятно измученной, залегшие тени под её глазами говорили о сильном стрессе, а полопавшиеся сосуды белков глаз делали её взгляд потерянным, но по ней было видно, что она невероятно счастлива. Проведя с новоиспеченными родителями около часа и подарив им изумительной красоты картину-барельеф, стоимость которой Роланд оставил в тайне даже для меня, мы отправились в соседнее крыло здания, чтобы навестить Эмилию, которая здесь же лежала на сохранении. Она была на пятом месяце беременности и, в отличие от Саманты, её беременность протекала слишком тяжело. Моя старшая сестра даже ходить не могла — ей приходилось передвигаться на инвалидном кресле. И всё же, не смотря на своё состояние, она изо всех сил старалась выглядеть бодрой, что давалось ей с огромным трудом. За полтора часа она несколько раз повторила, что выносит этого ребенка, во что бы то ни стало, на что мы с Роландом дружно поднимали кулаки вверх, заставляя её улыбаться.

Мы ушли сразу после того, как в палате появился Джейк, с букетом полевых цветов в руках. Всё это время за Джесс присматривали его и наша мамы, а на выходных ответственность за малышку он целиком взваливал на свои плечи. Четырежды в неделю Джейк приезжал к Эмилии, стараясь выглядеть уверенным и собранным, но за пределами больницы все знали о том, что бледность Джейка и его новообретенная манера сутулиться связаны далеко не с тренировками в его тренажерном зале.

Если после посещения Сэм у меня было приподнятое настроение, то после того, как я увидела исхудавшее и посеревшее лицо Эмилии, мне снова стало беспокойно. В конце всё испортила блондинка с розовыми концами волос, с которой мы столкнулись на выходе из

больницы. Неожиданно она достала диктофон, а появившийся из ниоткуда рядом с ней мужчина ослепил нас вспышкой.

— Мистер Олдридж, скажите, пожалуйста, это правда, что мисс Пейдж является для Вас одновременно и горничной, и любовницей? — вдруг выпалила журналистка. Роланд не отвечал и мы ускорили шаг, чтобы прорваться к машине, пока блондинка продолжала осыпать нас своими дурацкими вопросами. — Скажите, это правда, что вас сблизила смерть Мартина? Мисс Пейдж, Вы можете подтвердить информацию о том, что на самом деле влюблены в своего работодателя? И как Вы относитесь к тому, что ваш роман стал поводом для общественных обсуждений? Вы действительно с мистером Олдриджем не из-за денег? Ваш рабочий график переплетается с личным временем, которое Вы проводите с Вашим избранником? Стали ли Вы больше зарабатывать?

Дверь машины захлопнулась, и я вжала голову в плечи, ожидая, пока Роланд сядет слева от меня и нажмет на газ. До дома мы доехали в полном молчании и лишь поднявшись в квартиру, когда Роланд включил тусклое освещение над стеной с телевизором, и я опустилась на диван, я спросила:

— Ты читал статью с Кэрл? Ту, в которой она сказала, что... Я воспользовалась...

— Мой адвокат уже разбирается и с этой идиоткой, и с издательством.

— Это никогда не закончится.

— Ты слишком серьезно воспринимаешь всё происходящее.

— А как ты предлагаешь мне реагировать?

— Я предлагаю тебе не реагировать вовсе.

— Это невозможно.

— Нет, возможно! Возможно, Глория. Просто нужно своё счастье поставить на ступеньку выше общественного мнения. Но если тебя это так волнует — мы можем переехать на другой конец света — не проблема.

— Всё это проблема.

— Что «всё»? Наши отношения?

— Да.

— Только давай обойдемся без пресловутых женских доводов, от которых голова идет кругом, — продолжал срывать Роланд. — Я не собираюсь обращать внимание на всякий бред лишь потому, что он тебя не устраивает. На прошлой неделе я сорвал сделку лишь потому, что ты расстроилась из-за очередной нашей совместной фотографии в затертом журнале. Если ты собираешься быть моей девушкой, ты не должна входить в диссонанс от

того, что о тебе захочет узнать весь мир...

— Я не собираюсь, — тихо произнесла я, отчего Роланд резко замолчал. Я поднялась с дивана и, уткнувшись взглядом в широкую грудь Олдриджа, повторила. — Я не собираюсь больше быть... Твоей девушкой.

— Пффф... — гулко выдохнул Роланд. — Давай не будем гнуть палку. У меня еще никогда не было серьезных отношений, но я уже понял залог их успеха — прости, я был не прав.

— Нет, ты абсолютно прав. Я не могу и дальше срывать твои сделки и заставлять тебя нервничать из-за моих капризов...

— Глория, я готов нервничать с тобой всю жизнь, — сделал шаг вперед он, но я отстранилась.

— Нет. Я не готова. Я не хочу. Мне это не нужно.

— Почему?

— Потому что сложно каждый день чувствовать себя недостойной. Сложно чувствовать себя серой мышкой на фоне льва. А еще я начинаю чувствовать себя обузой...

— Глория...

— Это сложно!

— Глория, прекрати, — хотел прикоснуться ко мне Роланд, но я отклонила в сторону своё правое предплечье.

— Из-за силы твоей яркой личности у меня начал развиваться комплекс неполноценности. Я не смогу так всю жизнь, — из последних сил старалась не сорваться на слезы я. — Не смогу каждый день убеждать себя и тебя в том, что я с тобой не из-за денег, не смогу каждый день прятаться от вездесущих репортеров, не смогу каждый день чувствовать себя не тем человеком, который должен быть рядом с тобой. Я сломаюсь.

— Я тебя вовсе не стесняюсь! Ты единственная, кто должна быть рядом со мной...

— Зато я себя стесняюсь! И ничего я Вам не должна, мистер Олдридж.

После этих слов я схватила свою сумку и выпорхнула из квартиры своего работодателя, буквально сорвавшись на бег, чтобы поскорее покинуть пределы этого элитного дома — пределы мира, в котором мне было не место.

Глава 83. Подполье

Я вернулась в город под утро, оставшись незамеченной для всех. Естественно домой путь для меня был закрыт, так как это было именно то самое место, где меня будут поджидать

репортеры, где родители будут уговаривать меня помириться с Роландом и где сам Роланд с легкостью сможет меня найти, если, конечно, захочет. У меня были запасные ключи от дома Дэвида и Сэм, которыми я решила воспользоваться без спроса, будучи уверенной в том, что меня не побьют за подобное самовольство. Пока Дэвид круглосуточно находился рядом со своей женой в палате семейного типа, я могла не переживать о том, что моё убежище рассекретят.

Естественно я отключила телефон, чтобы не иметь искушения слушать бархатный голос Роланда, который в любую секунду мог ворваться в мой мир. До обеда я пролежала на диване, совершенно забывшись в своем омуте. Подобного типа боли я не испытывала еще никогда — казалось, словно из меня выковыряли сердцевину, совершенно забыв закрыть дыру внутри моей опустошенной души. Было настолько больно, что я, сидя на диване в гостиной, боялась пошевелиться, чтобы не взвыть от рваных эмоций, разрывающих моё kloкочущее сердце.

После обеда я, наконец, сообразила, что о своем отсутствии следует сообщить родителям, которые могут скоро начать волноваться. Подумав о том, что звонок со стационарного телефона — не лучший вариант, так как номер секундно сдаст моё местонахождение, я открыла свою электронную почту и замерла, увидев письмо от Роланда Олдриджа. В отличие от Джейка, ежедневно проверяющего свою почту (привычка, связанная с работой), Роланд никогда не писал мне на E-mail и до сих пор я вообще сомневалась в том, что он его знает.

Не буду говорить, что я идиот, так как это слишком очевидно.

Я обзвонил всех твоих родственников, даже успел их объехать, но никто ничего не знает о твоём местоположении. Пожалуйста, включи телефон — не своди меня с ума.

Трижды перечитав это сообщение со слезами на глазах, я, наконец, решила написать ответ:

Ты не идиот, это я... Тупица. Эта концовка была очевидной, но я всё равно потянулась за запретным плодом, в чем сейчас искренне раскаиваюсь. Для того чтобы избежать пафоса, я не буду говорить, что в случае продолжения наших отношений буду усложнять тебе жизнь, я скажу, что мы будем усложнять её друг другу. Можешь не искать меня у родственников — я осталась в Лондоне.

Твои слова о том, что с хорошими парнями не дружат — чистая правда. Поэтому я не буду предлагать тебе остаться друзьями. Пожалуйста, давай на этом остановимся.

Это конец.

Прощай.

Отправив письмо-ответ и порыдав в подушку с пятнадцать минут, я, наконец, ответила на сообщение Джейка, который просил ему сообщить, что со мной всё в порядке. Повторно открыв почту лишь вечером, я поняла, что все просекли, что со мной можно общаться по E-

mail. Я получила сообщение от Дэвида с указаниями от родителей (в основном просьбы сообщить своё местонахождение и не пренебрегать нормальным питанием), от Мэрилин, которая жаждала помочь нам с Роландом «всеми силами», от Джейка, который «передал родителям моё послание» и ещё одно от Роланда, над которым я замерла. Я обратила внимание на время получения письма — его ответ пришел мне спустя пять минут после того, как я ответила на его первое послание. Задержав дыхание, я открыла письмо:

Когда я найду тебя (а я тебя найду!), тебе придется весьма тяжело, наглая, самоуверенная девчонка!

Снова и снова перечитывая сообщение длиной в одну строчку, я пыталась понять, с какой именно интонацией эти слова были написаны и какую смысловую нагрузку они несли. Не знаю почему, но внутри меня что-то содрогнулось, однако что именно и из-за чего — я никак не могла понять. Едва ли это можно было назвать страхом... Или, всё же, можно?

В самом начале наших отношений я задавала себе три вопроса:

- 1) Как долго я смогу продержаться в друзьях Роланда Бернарда Олдриджа, прежде чем попаду в его персональный черный список?
- 2) Во что выльется вся эта история?
- 3) Я потеряю работу прежде, чем успею ему надоест, или всё-таки после?

Пожалуй, сейчас я уже могла сама себе ответить на все эти вопросы.

- - *

Следующие четыре дня прошли как в тумане. Я периодически писала письма родным, доказывая им, что я абсолютно здорова и питание у меня отличное, хотя, на самом деле, душевное здоровье у меня было на пределе и питалась я тем, что могли мне позволить небольшие запасы продовольствия в закромах семейства Прайс.

За эти четыре дня мне пришло пять писем от Роланда, которые я решила проигнорировать:

05.10. — 05:07 Прости.

06.10. — 10:05 Не вышлешь адрес своего подполья?

07.10. — 19:00 Нанял лучших детективов. Давай будем честны — рано или поздно мы встретимся. И поверь мне, можешь начинать бояться этого дня.

07.10. — 21:00 Либо можешь сдать добровольно и заработать помилование.

08.10–00:00 Если узнаю, что ты скрываешься у какого-нибудь «друга», а не у подруги — всю оставшуюся жизнь тебе придется расплачиваться со мной.

За эти четыре дня я выплакала все слёзы, по глупости, с головой зарывшись в интернет-ресурсы, чтобы изучить мельчайшую гадкую ложь в отношении моего происхождения и сексуальных пристрастий Роланда. Казалось, словно на мелкосортных форумах все с ума посходили, критикуя наши отношения. В основном, естественно, критиковали меня, цитируя мои же мысли о том, что рядом с таким мужчиной, как Роланд Олдридж, должна быть настоящая королева, а не её жалкое подобие.

Наконец, когда слёзы в моем организме и последняя еда в холодильнике закончились, я решила сделать вылазку. Впервые за прошедшие несколько дней я посмотрелась в зеркало — опухшее от слез лицо, розовые глаза, бледная кожа... Я выглядела более чем просто ужасно — я выглядела неприлично запущено. Приняв душ, я решила слегка накраситься, на случай, если меня узнают вездесущие папарацци, после чего надела на голову капюшон ветровки и отправилась в ближайший магазин. Когда я уже выходила из него, будучи уверенной в том, что моя вылазка удалась, я натолкнулась на Мэрилин, которая жила на соседней улице. Увидев меня, блондинка округлила глаза и, неожиданно, обняла меня с невероятной, мужской силой.

— Дорогая, как я переживала! Как ты могла пропасть и ничего не сказать мне? Я ведь твоя лучшая подруга — как ты можешь не доверять мне своё местоположение?!

Уже спустя полчаса мы сидели на кухне дедушкиной квартиры и пили чай из мяты с пустырником, рецепт которого она раздобыла в поместье. Мэрилин заставила меня поверить в то, что она ни за какие коврижки не расскажет Роланду о том, что я осталась у нее ночевать, и я со спокойной душой легла с ней спать.

— Ты даже во сне пахнешь духами, — улыбнулась я.

— Почему вы с Роландом разругались?

— Мы не ругались, — прикусила губу я. — Просто... Это я решила порвать наши отношения.

— Из-за чего?

— Я чувствую себя... Убогой и даже... Недостойной.

— Что за бред?! — повернулась в темноте ко мне лицом блондинка.

— Это не бред. Мы из совершенно разных миров...

— Не из таких уж и разных. Тебе ли не знать, что Роланд до совершеннолетия рос в относительной бедности...

— Это всё не то. Даже если он понимает, каково быть в том же социальном статусе, в котором пребываю я, то я даже не представляю, каково это пребывать в статусе, в котором пребывает он. Ему нужна спутница, а не предмет для насмешек со стороны.

— Ты не права, но сейчас бесполезно тебе это доказывать. Давай подождем до завтра и на

свежую голову всё обсудим.

Я провалилась в глубокий сон, разукрашенный иллюзиями о Роланде, которые поутру никак не могла вспомнить, морща лоб в тщетных попытках.

Глава 84. Забытый долг

На следующее утро Мэрилин всячески пыталась доказать мне, что я не права, говоря мне о том, что только Роланд вправе решать, кого хочет видеть рядом с собой. Она оставила Софи на Джонатана, поэтому была в полной боеготовности, чтобы выносить мне мозг на протяжении всего дня.

Вечером, когда я вышла из душа и не застала её в квартире, я запаниковала, подумав, что она не выдержала и выдала меня Роланду. Я уже даже начала панически одеваться, когда Мэрилин объявилась с пятидесятидолларовой купюрой в руках, объяснив своё отсутствие походом к соседке по этажу, которая отдала ей долг, и я снова успокоилась. Мэрилин включила телевизор и принесла из кухни свежий попкорн с карамелью, как раз успев к началу её любимой передачи «Звездные гости».

— Совсем как «Звездные воины», — усмехнулась я, потеряв и без того красные глаза.

— Не смотришь такое?

— Нет, подобным страдает только моя мама.

— Я тоже страдаю, — закинув попкорн в рот, пробубнила Мэрилин и я поняла, что мы не переключим этот канал. Решив отлучиться на кухню за диетической колой, я уже возвращалась обратно, когда Мэрилин истерически прокричала: «Глория, иди сюда!!! Это он! Смотри!». Когда я вбежала в гостиную, я еще несколько секунд пыталась понять, почему Мэрилин кричит словно резаная. Вначале я всерьез подумала, будто в нашу квартиру пытаются ворваться грабители, как вдруг перевела взгляд на телевизор, над которым блондинка буквально нависла. В студии телешоу находился весело улыбающийся Роланд Олдридж, отпускающий шутки по поводу своего пристрастия к шахматам, связывая его с желанием контролировать весь мир.

— То есть ты хочешь сказать, что шахматы — это чистая тренировка?

— Именно.

— погоди, выходит я стану частью будущего мира, который будет принадлежать тебе? Гхм... И кем же я в нем буду?

— Если рассматривать тебя, как шахматную фигуру, тогда ты был бы конем (смех зала).

— Оу, досадно. Я думал, что способен на большее, чем просто ржать (смех зала).

— Кого ты пытаешься обмануть? Ржать у тебя получается лучше, чем у кого бы то ни было,

именно поэтому ты и ведешь это шоу (смех зала). И потом, быть конем куда более выгодно, нежели слонем.

— Должен с тобой согласиться. Пить собственные сопля посредством заглатывания воды хоботом отвратительно (смех зала). Но мы не о соплях слона сейчас говорим. Я хотел узнать у тебя подробности состоявшегося соглашения твоей компании с крупнейшей корпорацией США, что весьма неплохо скажется на экономике Британии, однако для начала я не могу тебя не спросить по поводу того, что наболело у всех наших телезрителей.

— Ты имеешь в виду Глорию?

— Да (поджал губы ведущий).

— Мы с Глорией действительно являемся парой. Она моя официальная девушка и я с уверенностью могу заявить, что она бесподобна и я её недостоин.

— Воу, почему же?

— Потому что я, в отличие от нее, далеко не ангел (смех в зале). Но давай перейдем к обсуждению договоренности...

Больше я не слушала. Аккуратно опустившись на диван, я застыла под пристальным взглядом опустившейся рядом Мэрилин.

— Ну что? — наконец прошептала блондинка.

— Зачем он это сказал? Мы ведь расстались, а он в прямом эфире официально подтверждает наши отношения... Теперь все будут доставать его с расспросами о нашем разрыве.

— Может быть, вы помиритесь?

— Нет.

— Глория!

— Нет, Мэрилин! — подскочила с дивана я, выключив передачу с любимой улыбкой.

— Ты должна хотя бы выслушать его...

— Нет! Только не заставляй меня, слышишь? Если я начну его слушать, я не смогу остановиться... Я не хочу прыгать на этих граблях. Не хочу, быть для него обузой. Я буду мешаться, буду всегда не в тему, буду его позором... Мэрилин, — я сорвалась на слезы. — Помоги мне убежать отсюда... Помоги мне убежать от него.

— Тихо-тихо, — обняла меня блондинка.

— Не хочу, стесняться самой себя. Я не хочу так... — вытирала слезы я.

— Мы что-нибудь придумаем... Мы что-нибудь обязательно придумаем.

- - *

Я спала беспокойным сном, пока не проснулась в начале девятого от того, что Мэрилин вернулась с пробежки.

— Я придумала! — сияла радостью блондинка и уже через пять минут я была посвящена в её гениальный план, суть которого заключалась в том, что я сменю место своего подполья, переехав в её Лондонскую квартиру. Я удивилась тому, что у нее есть квартира в Лондоне, однако Мэрилин с серьезным лицом пятилетней девочки заявила, что я многого не знаю о её жизни, после чего вручила мне ключ с позолоченным брелком. Было логично, что в этом маленьком городке я быстро засвечусь и выдам себя, поэтому я согласилась с тем, что идея Мэрилин весьма удачна.

Для безопасного переезда было продумано всё: завтра, в девять часов вечера, я выезжаю на автобусе до Лондона, где заказываю такси и доезжаю до пункта назначения. Мэрилин так сильно вошла в кураж, что настояла на том, что мне необходимо максимально замаскироваться: накрутить локоны, воздержаться от слез, чтобы моё лицо не привлекало внимание потеками, и накраситься. Я решила с ней согласиться — в конце концов, она ведь искренне пыталась мне помочь.

К следующему вечеру я была как огурчик: волосы накручены крупными локонами, свежее лицо накрашено повседневным макияжем, одежда идеально подобрана и по моему внешнему виду совершенно невозможно было определить, что я пребываю в глубокой депрессии. Также отлично маскироваться помогал капюшон ветровки, которую одолжила мне Мэрилин, за что я была ей безмерно благодарна.

Перепроверив ключи от квартиры, я села в автобус и в девять часов выехала из города. Направляясь в Лондон, я вспоминала слова Кэрол, сказанные мне накануне смерти Мартина: «Повтори эти слова Олдриджу в глаза сразу после того, как он разрушит твою жизнь! Просто подойди к нему впритык и скажи, глядя в его нахальные очи: „Мне не так уж и плохо жилось, пока ты не полез ко мне!“». Кто к кому полез — это отдельная история, вот только от того, что эта идиотка оказалась права, на душе становилось еще более паршиво. В итоге, пока я добралась до пункта назначения моего нового убежища, глаза у меня снова были на мокром месте.

Зайдя в квартиру, я закрыла за собой дверь, после чего облокотилась об нее, тяжело выдохнув. Нащупав выключатель, я включила смутный свет в другом конце комнаты и содрогнулась, едва не отключившись на месте от мгновенного ужаса, накатившего на меня огромной ударной волной. Подпрыгнув на месте, я едва машинально не схватилась за сердце — слева от меня, буквально в паре шагов, облокотившись о стену и скрестив руки на груди, стоял Олдридж. Он смотрел на меня непроницаемым взглядом, отчего мне вдруг стало еще страшнее. Я резко дернула дверь, но он еще резче её захлопнул, со всего размаху стукнув по ней кулаком правой руки, чем заставил меня повторно содрогнуться всем телом. Роланд

медленно сделал шаг вперед, заставив меня отступить, и еще более медленно защелкнул дверь на замок, после чего пронзил меня своими серым взглядом.

— Что. Ты. Делаешь, — отчеканил парень, заставив меня глупо икнуть.

— Я тебе уже всё сказала.

— Это значит, что теперь моя очередь говорить. Может быть, объяснишь свои слова, по поводу того, что даже если я понимаю, каково быть в том же социальном статусе, в котором пребываешь ты, тогда ты даже не представляешь, каково это пребывать в моем социальном статусе.

— Мэрилин, — тяжело выдохнула я, поняв, откуда именно ветер дует.

— Тебя не устраивает разница наших социальных статусов? Замечательно, завтра же это изменим.

— В смысле?

— Официально оформим наши отношения, посредством печатей в паспортах. Но для начала ты исполнишь одно моё желание.

— Не носи бред. Почему я должна...

— Потому, что ты именно должна, — прервал меня Роланд. — Ты должна мне ровно одно желание с тех пор, как я помог вернуть двойняшек в вашу семью. Твоей платой мне было одно желание. Прошу расплатиться.

Тот момент... Я о нем совершенно забыла — о моем забытом долге перед Роландом.

— Хорошо. Что ты хочешь? — сдвинула брови я.

Роланд несколько секунд смотрел на меня, после чего сделал шаг в мою сторону. Я хотела отстраниться, но он взял меня за левое предплечье и притянул к себе. Около пяти секунд он смотрел мне в глаза, после чего повел меня за собой вглубь темных комнат квартиры.

— Мэрилин дала тебе ключи от квартиры? — боясь споткнуться в темноте, нервно задала мучающий меня вопрос я.

— Я дал ей ключи.

— Что?.. Не понимаю...

— Мне пришлось спеться с Мэрилин, чтобы выкурить тебя из твоего убежища, — резко остановившись, ответил Роланд, включив тусклый торшер. — Поздравляю — благодаря тебе я официально помирился со своей матерью. Она дала тебе ключи от моей квартиры, о существовании которой ты до сих пор не знала.

Осознав собственную глупость, я тяжело выдохнула. Мэрилин привела меня к нему прямо в руки — как я могла ей поверить, зная о силе её желания доказать Роланду свою преданность?!

— Отпусти мою руку, — попросила я, начиная выворачивать своё запястье из его железной хватки.

— Сначала ты исполнишь моё желание, — заявил Роланд, после чего я с подозрением посмотрела на кровать, стоящую за его спиной.

— Мы договаривались, что желание не будет безрассудным, — всё еще делая попытки освободиться, произнесла я.

— Оно вполне рассудительное, — притянув меня к себе за сжатое предплечье, ответил Роланд, прижав меня к себе другой рукой. — Ничего из того, что мы уже не делали друг с другом.

От близости его дыхания, которое я ощущала на своих губах, бархатного голоса, разливающимся мурлыканьем по фибрам моей души, силы его рук, прижимающих меня к его теплому телу, я замерла, как замирает лань, перед неминуемой гибелью. Роланд аккуратно и в то же время уверенно поцеловал меня в губы. Секунда, вторая, третья и я ответила ему взаимностью. В течение следующих пятнадцати секунд рубашка на мне была разорвана вдоль пуговиц. Когда Роланд оказался на мне, я на мгновение встретилась с ним взглядом. Он впился в мои губы, и следующий час выпал из моей жизни, превратившись в яркий всплеск фейерверков.

Эпилог

Я лежала на животе, примяв подушку правой щекой, отвернувшись от лежащего рядом на спине Роланда. Пытаясь восстановить тяжелое дыхание, я вдруг ощутила, как по моей щеке начали скатываться слезы. Я на сто процентов осознавала, что не хочу плакать, но слёзы всё равно катились из моих глаз. Также я прекрасно понимала, что это не те слёзы, которые обычно бывают от негативных эмоций, а слёзы эйфории или, выражаясь иными словами, слёзы, которые бывают при истерике.

Почувствовав горячую руку на своей шее, я послушно повернула голову и встретилась с серыми глазами пышущего жаром мужчины. Он стер одну мою слезу, после чего подтянул меня к себе, уложив меня на свою вздымающуюся, горячую грудь.

— Лучше давай больше не ссориться, — наконец произнес он. — У меня больше козырей в рукавах не осталось, если только ты снова не задолжаешь мне желание. — Я молчала. — Глория...

— М?

— Я уже говорил, но ты, как всегда, невнимательно меня слушала, — посмотрев мне в глаза,

произнес Роланд. — На сей раз услышь меня, пожалуйста. У меня есть только ты и ты должна понимать, что кроме меня у тебя никого не может больше быть.

•
○ *

На следующий день мы отправились на Кинсел-Грин, чтобы посетить могилу Мартина. На сей раз, я была готова увидеть место, где был спрятан мой лучший друг. На сей раз я не жалела, что однажды появилась на пороге поместья Олдриджей и была уверена в том, что никогда об этом не пожалею.

— Ты знал, что Мартин был в курсе того, что ты избавился от трупики Гектора Первого, смыв его в унитаз? — поинтересовалась я, глядя на инициалы Мартина, выбитые на гранитной плите.

— Нет, — улыбнулся Роланд, взяв меня за руку.

— Он сказал это вечером, перед своим уходом, когда мы хоронили Гектора Второго в коробке из-под его дорогой обуви.

— Мы с Мартином частенько обсуждали тебя, — спустя несколько минут, гулко выдохнув, произнес Роланд. — Он постоянно жаловался на тебя, обзывая тупицей, а я постоянно заступался за тебя, прося его быть терпеливее к твоей персоне... Он догадывался о том, что я уже тогда был влюблен в тебя, — криво улыбнулся Роланд, заставив меня ответить ему грустной улыбкой. — Однажды он сказал мне, что если тебя кто-то и сможет вытерпеть, то это буду только я, и наоборот — если меня кто-то и сможет...

— Только я, — улыбнулась я.

— Помнишь тот инцидент с доберманом? Когда тебя сбила машина, Мартин предложил обвести твоё тело мелом, вместо того, чтобы отвести тебя в больницу. Я тогда сильно злился на него из-за этих слов, но позже смеялся до слёз. Мартин определенно получил бы от меня оскар, если бы снял фильм с тобой в главной роли.

— С одноименным названием «Тупица», — прикусив нижнюю губу, тихо улыбнулась я.

•
○ *

Не смотря на тяжелую беременность и еще более тяжелые роды, девятнадцатого января Эми смогла родить здорового и крепкого мальчика. Роды были настолько тяжелыми, что после них доктора заключили, что Эмилия больше никогда не сможет родить. Впоследствии первый год после родов у нее был сложным — она резко сбросила в весе, перешагнув недопустимую весовую категорию, и обзавелась букетом болезней, однако Джейк сумел выходить свою жену, в итоге став безумно счастливым отцом семейства, официально оформив отношения с моей старшей сестрой ровно через год после рождения Тома (Эмилия

развенчалась с Эмметтом и обвенчалась с Джейком). В отличие от Эмметта, Джейк был мужчиной крепкой кости, словно слепленным из другого теста. Изначально он не желал детей, как того жаждал Эмметт, однако он сумел стать любимым папочкой для Джесс и примером для своего сына.

Эми так и не смогла больше родить, однако ей вполне хватало Джессики и Тома. Правда у Джесс был достаточно тяжелый переходный возраст — она связалась с плохой компанией, но вовремя смогла вернуться в колею, поступить в университет и, впоследствии, сделать успешную карьеру терапевта. Том же со временем стал профессором астрономии в Оксфордском университете.

Эмметт пропал в Колумбии, и лишь спустя десять лет нам пришла весть о том, что он погиб в автокатастрофе, в которой пострадала и его гражданская жена, от которой он не имел детей. Так печально закончилась мужская линия рода Бланкар, если туманную историю о её знаменитом родственнике вообще можно считать правдивой.

У Рика и Тэмми в Австралии родились три сына, с трехлетней разницей в возрасте. Рик стал официальным компаньоном Роланда на другом континенте, став главой его дочерней компании в Австралии. Тэмми заняла должность примерной домохозяйкой, не забывая своё хобби написания картин. Их средний сын в шестнадцатилетнем возрасте увлекся рок-музыкой, а уже в двадцать один год стал узнаваемым во всем мире солистом собственной рок-группы.

Дэвид и Сэм, как только Дэвиду-младшему исполнилось два года, отправились в путешествие по Европе. С его поступлением в школу им всё же пришлось снова осесть в нашем городке, выезжая из него только на каникулах. Дэвид-младший со временем сделал успешную футбольную карьеру, став лучшим бомбардиром в Британии (и самым дорого оплачиваемым), но в тридцатилетнем возрасте получил серьезную травму левой ноги и ушел из спорта, после чего начал путешествовать вместе с родителями. Через два года после своего ухода из футбола он женился на русской девушке, которая даже не подозревала о всемирной известности своего избранника, от которого впоследствии родила двух сыновей и дочь.

После того как отношения Мэрилин с Роландом наладились, блондинка решила вернуться в Нью-Йорк, но перед этим всех нас сильно удивила. Она вызвала Брэндона из США и вместе с ним просила у Роланда передать ей опеку над Софи. Мэрилин утверждала, что всегда хотела дочку и за прошедшее время так сильно привязалась к Софи, что уже не представляла своей жизни без этого ребенка. Убедившись в том, что эта пара делает осознанный шаг, Роланд в итоге подписал документы о передаче опеки, попросив Мэрилин не делать из нашей Софи — Софи Лорен. Так у блондинки появился шанс стать идеальной мамой, который она впоследствии успешно использовала.

Брэндон приобрел в Индийском океане небольшой благоустроенный островок, на котором новоиспеченная семья проводила всё своё время, когда не проживала в Нью-Йорке или не гостила в Британии. И всё-таки Мэрилин приложила руку к раскрутке удочеренной Софи. В свои семнадцать девочка стала популярным фото-блогером, а еще через шесть лет вышла

замуж за голливудского актера португальского происхождения. Спустя пять месяцев после свадьбы Софи родила дочь, а еще через два года сына.

Софи Роша (в девичестве Пасс) общалась со своими братьями и сестрами (по линии общих родителей у нее был старший брат и младшие тройняшки (два брата и сестра), а по линии отца еще имелась старшая сестра), однако особо-близких связей с ними не поддерживала. Со своей же биологической матерью Софи и вовсе не контактировала. Мэрилин стала для нее лучшей мамой на свете, а для меня лучшей свекровью, обожающей встречать нас с Роландом коктейлями на своем личном пляже.

Мой дедушка ненадолго пережил бабушку, в конце своей жизни окончательно зачахнув от потери второй половинки. Он был похоронен рядом со своей любимой, о чем мечтал последние месяцы своей жизни.

Вырастив двойняшек, родители согласились немного попутешествовать за наш счет и, впоследствии, стали соседями Рика и Тэмми, купив небольшой домик сбоку от них. Двойняшки разошлись в разные стороны — Дин переехал в Канаду и со временем стал одним из лучших кардиохирургов в северной Америке, а Элис, изначально желающая построить карьеру балерины, стала профессиональным фотографом, после чего переехала в Ирландию. Дин женился в тридцать лет, на девушке, которая была младше него на шесть лет. Пара долгое время откладывала прибавление в семье, но в тридцать пять лет мой племянник, наконец, стал счастливым обладателем тройняшек — все мальчики. Элис же вышла замуж на два года раньше брата, за популярного в Ирландии пианиста. Через три года она родила сына, впоследствии решив ограничиться одним ребенком.

От Роланда я узнала, что Доротея с мужем вернулась обратно в наш город, а Лео каким-то образом смог найти своего отца (который даже не подозревал о существовании сына), с которым он в итоге наладил дружеские отношения. Также парень поддерживал связь с единоутробной сестрой, однако он так и не смог найти общий язык с матерью.

Первое время Лео жил и работал в Лондоне, и я даже пару раз виделась с ним, пересекаясь в благотворительном фонде Роланда, где он трудился. При каждой нашей случайной встрече я, с завидной регулярностью, не узнавала в этом красивом парне маленького мальчика с ампутированной рукой. После женитьбы Леонард переехал в пригород Лондона, купил просторный коттедж и обзавелся двумя сыновьями, двумя дочками и четырьмя кроликами.

Роланд сказал, что у нас всё всегда будет хорошо, и всё действительно так и произошло. Через полгода после того, как мы помирились, он сделал мне предложение, и мы организовали тайное венчание. Сразу после венчания мы переехали из Британии, а еще через год и семь месяцев у нас родился сын. Всю беременность Роланд не отходил от меня ни на шаг, буквально контролируя потоки ветра, обдувающего мой живот. Еще через пять лет мы решились на второго ребенка, и у нас родилась дочь, с глазами папы и носом мамы. У нас получилось создать счастливую, дружную, крепкую семью, которой было наплевать на мнение окружающих, потому что своё счастье мы всегда ставили на ступеньку выше мнения общества.

Однажды осенью, еще перед рождением сына, мы с Роландом гуляли по саду, мимо которого я когда-то бегала на работу в поместье своего будущего мужа. Случайно наткнувшись на вещь из далекого прошлого, в моем воспоминании вспыхнули огненные мотыльки, возродившие образ Мартина из пепла. Это была лопатка Якоба, всё также лежавшая под деревом, под которым покоился Гектор Второй вместе с воспоминаниями о тех днях, когда Мартин учил меня жить по-настоящему. Это были замечательные дни, но они прошли. На смену им шли новые дни, наполненные новыми, яркими впечатлениями и знакомствами, в которых не было голубоглазого мальчика из прошлого. То, что сделал Мартин для меня — неоценимо, и я уже никогда не смогу отблагодарить мальчика за щедрость его дара, отчего мне до сих пор зачастую становится печально и где-то в области моего сердца щемит притупившаяся боль.

●
○ *

Как ловко я Вас провела? Теперь Ваша судьба в моих руках, — наигранно злорадно ухмыльнулась я. — Чувствую себя властительницей. Пожалуй, первые три пункта я пожелаю Вам с выгодой для себя... Гхм... Итак, мистер Роланд Олдридж, я желаю Вам: здоровья — чем дольше Вы проживете, тем больше я заработаю; понимания, чтобы Вы понимали окружающих и окружающие понимали Вас — зная себя, уверена, что этот дар Вам сильно пригодится; и еще желаю Вам терпения — на всякий случай, если я вдруг начну косячить, — с этими словами я ловко завязала три миниатюрных узелка на его запястье. — Теперь перейдем конкретно к Вам и Вашим желаниям. Желаю Вам любви — чтобы вы познакомили Мартина с его невесткой до его совершеннолетия; преданности — чтобы не ходили с разбитым сердцем и не разбивали сердца другим; успеха — чтобы не исчерпали своё богатство; и... Чего Вам еще пожелать?

— Пожелайте мне взаимности, — невозмутимо ответил Олдридж.

— Хорошо, последний узел будет узлом взаимности, — произнесла я и, завязав последний узел на его запястье, отстранилась. — Теперь у Вас либо всё будет хорошо, либо на Вас будет обыкновенная, красная нитка с моим именем, всякий раз глядя на которую Вы будете вспоминать о глупой няне, чьи заклинания не работают.

— Итак, семь узлов для тебя от меня: первый — здоровье, чтобы я мог подольше пользоваться твоими услугами няни; второй — понимание, чтобы ты могла понимать меня с первого слова; третий — преданности, себе и своим близким; четвертый — любви, чтобы ты, наконец, нашла «того самого»; пятый — взаимности, тут всё понятно; шестой — чтобы три буквы из имени твоего возлюбленного совпадали с тремя буквами из твоего; седьмой — проницательности, чтобы ты, наконец, научилась видеть дальше своего носа и мне не пришлось тебе объяснять, почему именно три буквы.

Наши узлы переплелись в один неразрывный, крепкий узел, магия которого сработала на все сто процентов лишь после того, как мы приложили к ней свои усилия.

Пока ты думаешь о том, что «может быть» и чего «может не быть», ты упускаешь то, что

«есть сейчас». Вероятность — это вообще опасная штука. Она всегда есть. Больше нуля, но меньше единицы. Так зачем думать о какой-то там туманной вероятности, когда здесь и сейчас ты можешь наслаждаться лучшим, что тебе дано в этой жизни...

Чем?

- - *

notes

Примечания

1

Всемирно известная сеть фастфуд кафе-пекарен, где основным блюдом являются булочки с корицей, сливочным сыром и кексы.

2

Миниатюрный пароход.

3

Река, приток Рейна.

4

Профитроли — небольшие кулинарные изделия французской кухни из заварного теста с различными начинками.

5

Одна из крупнейших гостевых сетей, существующая в виде онлайн-сервиса

6

Города в Нидерландах.

7

Плавучий дом.

8

Мундштук — часть курительной трубки или папиросы, которую берут в рот при курении, а также небольшая трубочка, в которую вставляют папиросу.

9

Девиз войск специального назначения Великобритании.

10

Трдельник или трдло — традиционное лакомство, встречающееся в ряде стран центральной Европы.

11

Крупнейший парк в Варшаве, занимающий 76 гектаров в центре города.

12

Зоопарк.

13

Крупнейший международный аэропорт города Лондона.

14

Самые престижные скачки для трехлеток в городе Эпсоме, в 30 км от Лондона.

15

Британский сериал от создателей «Госфорд-парка», поставленный по оригинальному сценарию Джулиана Феллоуза компанией «Carnival Films».

16

Ресторан высочайшей кухни, по праву награжден тремя звездами Мишлен.

17

Певчая птица семейства дроздовых.

18

Антипсихотик, производное бутирофенона.

19

Тремор — дрожание всего туловища или отдельных его частей.

20

Военный маневр, имеющий целью отвлечь силы противника от места нанесения главного удара.

21

Бохо — это смешение нескольких стилистических направлений, таких как хиппи, фольклор, сафари, милитари, этнические мотивы и даже винтаж.

22

Фестиваль музыки и искусств в долине Коачелла, также известный как Коачелла-фест или просто Коачелла — трёхдневный музыкальный фестиваль, проводимый компанией Goldenvoice в городе Индио, штат Калифорния.

23

Небольшая английская фирма по производству лимитированных спортивных автомобилей класса люкс.